Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

На правах рукописи

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна

РОМЕН РОЛЛАН И МАКСИМ ГОРЬКИЙ:

ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО)

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература Европы)
Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. РОЛЛАН И ГОРЬКИЙ В 1916-1921 гг.: НАЧАЛО ДИАЛОГА 26
1.1. Ромен Роллан и Россия 26
1.2. Французская литература в творчестве и издательской деятельности Максима Горького 29
1.3. Роллан и Горький об итогах Октябрьской революции: «рухнула великая иллюзия» 57
1.4. «Вторая половина долга»: Роллан, Барбюс и Горький о революционном насилии 91
1.5. Статья Роллана о Махатме Ганди как аргумент в полемике с большевиками 102

ГЛАВА 2. РОЛЛАН И ГОРЬКИЙ В 1920-НАЧАЛЕ 1930 ГГ.: ИСТОРИОСОФИЯ И ПОЛИТИКА 109
2.1. Россия и Европа: Роллан и Горький о судьбе России и русском национальном характере (по материалам переписки М. Горького и Р. Роллана) 109
2.2. Горький о советской цензуре и изъятии книг из библиотек: «у меня возникло желание отказаться от русского подданства» 132
2.3. Роллан и писатели русской эмиграции в год десятилетия Октября: окончательное размежевание (по материалам Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции) 146
2.4. Приветствие Р. Роллана Съезду сибирских писателей (1928) 156
2.5. Приезд Горького в СССР в 1928 году (по материалам советских газет и прессы русского зарубежья) 167
2.6. Максим Горький и Нобелевская премия 175
2.7. Горький, Луначарский, Стефан Цвейг, Роллан: четыре предисловия к первому собранию сочинений Роллана в СССР. Проблема гуманизма 196

2.8. Горький и Сталин глазами сталинского эмиссара Ивана Гронского: «Сталина Горький так и не смог раскусить» 215
2.9. Горький и Роллан на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры (1935 год) – красноречивое отсутствие 235

ГЛАВА 3. ПУТЕШЕСТВИЕ РОЛЛАНА В СССР И СМЕРТЬ ГОРЬКОГО (1935-1936) 254
3.1. Путешествие Роллана в СССР и его «Московский дневник» 254
3.2. Образ М. Горького в «Московском дневнике» Роллана: «старый медведь с кольцом в губе» 262
3.3. Роллан и его беседа со Сталиным в «Московском дневнике»: к проблеме интерпретации 269
3.4. В беседе с Ролланом Сталин раскрывает механизм политических репрессий 289
3.5. «Заагентуренный» секретарь Горького П.П. Крючков глазами Роллана 293
3.6. Муза Роллана М.П. Кудашева-Роллан и ее письма в Архиве А.М. Горького 296

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 322

ПРИЛОЖЕНИЕ 330
П.1. Переписка Р. Роллана с П.П. Крючковым 330
П.2. Переписка М.П. Кудашевой с П.П. Крючковым 360

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 424
Источники 424
Научно-критическая и справочная литература, интернет-ресурсы 438

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена исследованию историко-функциональных и политических аспектов взаимоотношений двух крупнейших писателей XX века, сыгравших ключевую роль в мировом литературном процессе и политической истории Европы XX века – Нобелевского лауреата 1915 года Ромена Роллана (1866-1944) и Максима Горького (1868-1936). Целью диссертации является изучение и введение в научный оборот неизвестных документов Архива А.М. Горького, связанных с двадцатилетним творческим и политическим диалогом писателей, а также новое прочтение уже опубликованных материалов в свете вновь открывшихся фактов научной биографии писателей. Хронологические рамки диссертации (первая треть XX века) – время глобальных исторических катаклизмов, связанных с Первой мировой войной, тремя революциями в России, революционными событиями в Европе. Первая русская революция 1905 года сделала имя Горького в Европе политическим лозунгом, как и Первая мировая война – имя Роллана. Оба они, имея славу выдающихся писателей своего времени, выдвинулись на политическую арену как борцы за права человека, пытаясь влиять на ход истории и снискав среди европейских интеллектуалов авторитет «совести мира». Длившаяся двадцать лет переписка писателей (1916-1936) имела в основном неподцензурный характер, так как Горький большую часть этого времени провел за границей, уехав из России в 1921 году и вернувшись на родину за три года до смерти. Она не была полностью дружеской (как, например, переписка Роллана со Стефаном Цвейгом) – напротив, каждый из писателей использовал ее как трибуну для выражения своих литературных, политических, философских и историософских воззрений, а также для непосредственной реакции на происходившие события, сыгравшие поворотную роль в судьбах мира. Эта переписка опубликована во Франции (1991) и в России (1996), став важной вехой франко-русского культурного диалога, однако нельзя сказать, что она стала предметом специального исследования со стороны литературоведов и историков литературы. Помимо писем, состоялось и личное

знакомство писателей – летом 1935 года Роллан совершил путешествие в СССР, в ходе которого Роллан не только познакомился с известными представителями советской культурной и политической элиты, но и имел беседу с руководителем советского государства, что и было главным мотивом его поездки. Хотя формально поездку Роллана в СССР готовил А.Я. Аросев, занимавший в тот момент пост председателя ВОКСа (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей), Роллан приехал в СССР под личные гарантии Горького и жил в его доме. Дневник, который Роллан вел во время поездки, не был опубликован: Роллан не спешил поделиться своими впечатлениями о том, как в действительности живут советские люди. «Московский дневник» Роллана, увидевший свет по воле автора лишь через полвека, как и переписка двух писателей, является глубоким размышлением писателя над увиденным и услышанным в СССР. Противник европейского союза, Роллан не был и сторонником интеграции СССР и Европы: Советский союз рассматривался им как альтернативная сила, способная противостоять наступлению европейского фашизма. В целом «советский проект» представлялся Роллану достойным реализации, несмотря на явное неблагополучие проводимой государством внешней и внутренней политики. Об этом говорит публицистика писателя тех лет. И только в письмах Горькому Роллан откровенно высказывает свои сомнения в методах осуществления декларируемых достижений по строительству «нового общества» и воспитанию «нового человека», надеясь, что таким путем можно будет влиять на советскую политику, в основе которой лежит вековое заблуждение о том, что «цель оправдывает средства». Тема репрессий в СССР становится в 1930-е годы основной в его письмах Горькому и главной – в беседе со Сталиным. Нет ничего удивительного в том, что Сталин отказался от публикации этой беседы в каком бы то ни было виде, отвечая молчанием на все призывы Роллана предать огласке аргументацию вождя по поводу репрессивной политики по отношению к гражданам СССР.

Собрание сочинений Роллана, выходившее в СССР в конце 1930-е годы, было снабжено, помимо предисловия Цвейга, предисловиями Горького и Луначарского. Именно в этих предисловиях подвергается критике позиция Роллана

как «половинчатого» друга СССР и гуманизм его объявляется устаревшим, не соответствующим требованиям времени. Подарок в виде собрания сочинений, сделанный Роллану, содержит изрядную ложку дегтя: Роллану предлагается «кое-чему у нас поучиться», а также смириться с необходимостью «пройти через красное море» (Луначарский). На гонорары за это собрание сочинений Роллан распорядился учредить фонд стипендий нуждающимся советским студентам.

Интерес советской правящей элиты к французскому писателю имел мало общего с увлечением творчеством Роллана русской интеллигенции. Достоинства его творчества в глазах Луначарского и других руководителей превращались в недостатки, всемирно известному писателю предлагалось сделать «работу над ошибками». Особое неприятие советского руководства вызывали пацифистские воззрения Роллана. Предисловие и статьи Луначарского возмутили Роллана, однако это не помешало ему продолжать проявлять пристальное внимание к происходящему в СССР. В это время в его жизнь вошла советская корреспондентка, которая вскоре стала его женой – Мария Кудашева, сотрудница литературоведа П.С. Когана, главного редактора собрания сочинений Роллана. Письма М.П. Кудашевой, а затем и личное общение с ней стали для Роллана нитью, связавшей его с всегда вызывавшей его интерес Россией, а также необходимым источником сведений о литературной и культурной жизни в СССР, о повседневном укладе и жизни советских людей. В диссертации исследуется восприятие Ролланом старой и новой России, литературной, культурной и общественной жизни в СССР сквозь призму переписки с Горьким, а также в результате поездки в СССР в 1935 году. Особое внимание уделено роли Роллана в полемике Горького с большевиками в 1920-е годы, а затем его роли как правозащитника в переписке с Горьким в 1930-е годы. Наибольший интерес в этой связи вызывают эго-документы Роллана, его дневники, заметки, блокноты и письма, переданные в 1970-е годы его вдовой М.П. Кудашевой-Роллан в Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Помимо личных документов Роллана, М.П. Кудашева передала свою переписку с деятелями советских организаций, с Горьким и членами его семьи. В диссертации выявляется роль Кудашевой-Роллан в формировании образа СССР, однако эта роль отличается

от той, что, как правило, предназначена ей западными исследователями творчества Роллана, в частности, французским специалистом по творчеству Роллана Бернаром Дюшателе, не располагавшим письмами М.П. Кудашевой-Роллан Горькому и его окружению. Эти документы позволяют оценить политические взгляды Роллана, его позицию по отношению к значимым для СССР социальным и культурным вопросам.

В диссертации исследуются неизданные письма М.П. Кудашевой-Роллан секретарю Горького П.П. Крючкову, хранящиеся в Архиве А. М. Горького, в которых она берет на себя роль посредника в «деле Виктора Сержа» и других дел по защите прав человека в СССР, неутомимо присылая в качестве приложений к своим письмам статьи о деле Виктора Сержа и политических репрессиях в СССР из французских, бельгийских, швейцарских газет и журналов (в частности, из «Les Humbles») и их переводы с собственными комментариями.[1] Особенно интенсивной переписка М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым становится в 1935–1936 гг., после посещения СССР. В это время «дело Виктора Сержа» приобрело международный резонанс и оказалось в центре внимания европейской прессы, а также на Парижском Конгрессе писателей в защиту культуры. Этот вопрос поднимает Роллан в своей беседе со Сталиным, состоявшейся в дни работы Парижского конгресса. Однако, несмотря на обещание Сталина, данное Роллану, о высылке Сержа из СССР, его освобождение затянулось еще почти на год. Письма Кудашевой-Роллан свидетельствуют о том, что полной уверенности в том, что Сталин выполнит свое обещание, не было, и, пользуясь возможностью писать Горькому и его окружению, М.П. Кудашева, отчасти выполняя просьбу Роллана, отчасти по собственной инициативе, в своих письмах находит все новые важные аргументы в защиту В. Сержа, пытаясь добиться разрешения на его отъезд из СССР. Ее письма представляют интерес как одно из важных свидетельств защиты инакомыслящих в СССР, наряду с правозащитной деятельностью Роллана. Несмотря на сложности, возникавшие у «профессионального гуманиста» (Н.Я. Мандельштам) и его жены в попытках повлиять на политику сталинского режима,

[1] См.: Приложение. П.2. Переписка М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым.

необходимо признать, что благодаря собственному авторитету и авторитету Горького, неизменно выполнявшего просьбы Роллана, им удалось добиться благополучного разрешения многих ситуаций, связанных со спасением людей по обе стороны железного занавеса. Виктор Серж был освобожден и выслан из СССР, несмотря на заверения председателя ЦК Международной организации помощи борцам революции (МОПР) (1927–1937) Е.Д. Стасовой о том, что «Серж не выйдет никогда!»[2]

В диссертации предложена периодизация истории взаимоотношений Роллана и Горького, в которой учитываются изменения общественно-политической ситуации в Европе и в СССР, а также вехи творческой биографии писателей.

В основе исследования – опубликованные и неизвестные материалы Архива А.М. Горького, художественные и публицистические произведения Роллана и Горького, переписка писателей, материалы европейской, эмигрантской и советской прессы 1920-1930-х гг., мемуарные свидетельства, а также относящиеся к теме исследования работы ведущих специалистов о творчестве Роллана и Горького.

Степень изученности вопроса. Несмотря на мировое значение творчества Р. Роллана и М. Горького и их существенную роль в формировании культурного и общественного климата эпохи, за последние двадцать лет не появилось серьезных исследований на тему изучения их литературного и политического взаимодействия. Советское литературоведение (работы Т. Мотылевой, И. Лилеевой, Ф. Наркирьера и др.) не могло касаться этой проблематики в силу идеологических табу. Ведь в письмах писателей 1920-х годов подвергались резкой критике итоги Октябрьской революции, действия большевиков по разгрому «старой» науки, литературы, уничтожению интеллигенции – «мозга нации», по определению Горького. В 1930-е годы в переписке писателей обсуждаются репрессии, вопросы внутренней и внешней политики сталинского руководства. Более поздние публикации также практически не касались этой проблематики

[2] Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М. : Праксис ; Оренбург : Оренбург. книга, 2001. С. 387

(Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы: Природа и ее стилевые функции у Р. Роллана. М.: Наука, 2006; Трыков В.П. Биографическая проза Ромена Роллана: Монография. М.: МПГУ, 2016; Погорельская Е.И. Ромен Роллан и Анатолий Луначарский: из истории переписки (по материалам Государственного литературного музея) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке: Сборник. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 127–152 (пер. с французского, предисловие, публикация, примечания) и др.).

До публикации первоисточников в 1990-е годы ни во Франции, ни в России не появлялось серьезных исследований на эту тему. Точкой отсчета в изучении данной темы можно считать публикацию в 1990-е годы корпуса переписки Роллана и Горького во Франции и России (Correspodance entre Romain Rolland et Maxime Gorki. Préface et notes de Jean Pérus / Paris: Albin Michel, 1991; М. Горький и Р.Роллан. Переписка (1916-1936). Серия «Архив Горького». Т. XV. М.: Наследие, 1996), а также «Московского дневника» Р. Роллана (русское издание: Роллан Р. Наше путешествие с женой в СССР // Вопросы литературы. 1989. №№ 3-5 (перевод с франц. М.А. Ариас); французское издание: Voyage à Moscou (Juin-juillet 1935), suivi de Notes complémentaires (octobre-décembre 1938). Introduction, notes et appendice de Bernard Duchatelet. Paris: Albin Michel, 1992). Письма Роллана Сталину были опубликованы в кн.: Диалог писателей. Из истории русско-французских связей XX века (1920-1970) / Сост. Т.В. Балашова. М.: Наследие, 2002 (перевод с франц. М.А. Ариас-Вихиль). Однако необходимо отметить, что публикация «Московского дневника» Роллана осуществлена в русском переводе лишь в журнальном варианте, при этом не издан до сих пор на русском языке текст «Дополнений <к «Московскому дневнику»> (октябрь-декабрь 1938 г.)», написанный Ролланом во время московских процессов. На этом фоне важным вкладом в разработку проблемы «французские литераторы и СССР» являются работы ученых ИМЛИ РАН Т.В. Балашовой и Е.Д. Гальцовой.

За последние годы диссертантом была опубликована монография «Буревестник vs Альбатрос: французский контекст творчества Максима Горького», в которой большое внимание уделяется теме диалога Роллана и Горького, а также

ряд статей по теме диссертации: М.А. Ариас-Вихиль. Эволюция образа М.Горького в «Московском дневнике» Р. Роллана // М. Горький – художник и революция. Горьковские чтения-1990. Вып. 2. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992. С. 157-164; М.А. Ариас-Вихиль. «Смеющиеся львы» европейской истории (по материалам переписки М. Горького и Р. Роллана) // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). М., ИМЛИ РАН, 2009. С. 252–270; М.А. Ариас-Вихиль. Выбор источника текста при публикации «Московского дневника» Р. Роллана // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408–421; М.А. Ариас-Вихиль. Горький, Роллан, Барбюс: дискуссия вокруг антироллановских выступлений журнала «Кларте»// Новейшие российские гуманитарные исследования. 2012. №7. URL: nrgumis.ru›articles/343/; М.А. Ариас-Вихиль. «Такова уж логика власти»: вопрос о репрессиях в СССР в беседе Роллана со Сталиным// Новейшие российские гуманитарные исследования. 2013. №7. URL: nrgumis.ru›articles/article_full.php; Marina Arias-Vikhil. Autour du voyage de Romain Rolland en URSS (1935): le “Journal de Moscou” et l’entretien avec Staline// L’étranger dans la littérature et les arts soviètiques. Septentrion, 2014 (Lille, Presses universitaires, France) P. 273-282; М.А. Ариас-Вихиль. Глава «Роллан и Горький: вокруг путешествия Роллана в СССР (1935)». Письма Р. Роллана советским корреспондентам (1928-1936). Публикация текстов, преамбула и примечания М.А. Ариас-Вихиль // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории / Отв. ред. Е.Д. Гальцова). М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 59-151; М.А. Ариас-Вихиль. «С золотыми глазами козы…»: Муза Р. Роллана М.П. Кудашева и ее письма в Архиве А.М. Горького // Литература и идеология. Век двадцатый. Научная серия «Литература. Век двадцатый». М.: Макс-пресс, 2016. С. 93-110; Горький и французские писатели // Русская словесность. 2018. №5; М.А. Ариас-Вихиль Ромен Роллан о русском национальном характере// Обретенное время: Сборник трудов памяти А.Д. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 334-353 и др.

В то же время французским литературоведением уже начата разработка данной проблематики. Важной вехой ее освоения являются работы французского слависта Жана Перюса, издавшего корпус переписки Роллана и Горького с собственным содержательным предисловием, которое стало первой попыткой постановки вопроса о необходимости рассмотрения взаимоотношений писателей в контексте истории, анализа историко-функциональных аспектов их литературного диалога. Следующим этапом разработки темы можно считать работы французского специалиста по творчеству Роллана Бернара Дюшателе, автора предисловия к французскому изданию «Московского дневника» Роллана. Однако интерес Б. Дюшателе сосредоточен на фигуре Роллана и его отношениях с СССР, Горький и его диалог с Ролланом не входят в сферу его научных приоритетов. Определенные трудности для западных исследователей представляет отсутствие ряда документов по изучаемой теме в Фонде Роллана в Национальной библиотеке Франции. В частности, отсутствуют письма М.П. Кудашевой-Роллан Горькому и его окружению, они до сих пор недоступны западным исследователям, что создает немалые трудности при оценке роли М.П. Кудашевой в формировании взглядов писателя на различные аспекты социально-политической и культурной жизни в СССР. Диалог писателей не становился предметом специального исследования, как и «Московский дневник» Роллана, рассматриваемый западными историками литературы как еще одно «путешествие в СССР» в ряду многих других. Пожалуй, только работа М. Дэвида-Фокса фокусирует внимание на взаимоотношениях Роллана с советским руководством. Представляет интерес, в частности, его интерпретация беседы Роллана со Сталиным и определение статуса писателя как «друга СССР» (The «Heroic Life» of a Friend of Stalinism: Romain Rolland and Soviet Culture // Slavonica. 2005. Vol. 11. № 1. P. 3–29).

Взаимодействию иностранных литераторов и СССР посвящен целый ряд историко-литературных исследований западных и российских ученых. В этом ряду необходимо отметить монографии французских исследователей Фреда Купфермана (Le voyage français en Union Soviétique, 1917-1939. Paris: Gallimard, 1979), Софи Кере (La grande lueur a I'Est: Les français et I'Union sovietique (1917-

1939). Paris: Editions du Seuil, 1999), Рашель Мазуи (Croire plutot que voir? Voyages en Russie sovietique (1919–1939). Paris: Odile Jacob, 2002), Жана-Франсуа Файе (VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique dans l'entredeuxguerres. – Genève: Georg Editeur, 2014), а также работы Пола Холландера «Политические пилигримы: западные пилигримы в поисках достойного общества» (1997), Сильвии Маргулис «Паломничество в Россию: Советский Союз и обработка иностранцев, 1924-1937» (1968), Тима Цулиадиса «Брошенные: американская трагедия в сталинской России» (2008), Катерины Кларк «Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и развитие советской культуры, 1931-1941» (2011), Майкла Дэвид-Фокса «Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941» (2012), А.В. Голубева «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии» (2004), Г.Б. Куликовой «Иностранцы о Советском Союзе 1920-1930-х гг.» (2004), «Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов» (2013), Л.В. Максименкова «Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие)» (2004). Эти исследования раскрывают принципы взаимодействия советской власти с иностранными литераторами, формы «культурной дипломатии» СССР в сталинскую эпоху. В опубликованной на русском языке книге ««Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941» (2012) Дэвид-Фокс, обращаясь к проблеме «паломничеств в Россию» в период между двумя мировыми войнами, констатирует, что «в течение 1920-х и 1930-х годов Советский Союз посетили около 100 тыс. иностранцев, включая десятки тысяч европейских и американских писателей, специалистов разного рода, ученых, деятелей искусства и интеллектуалов, позднее изложивших свои впечатления от лицезрения советского эксперимента». При этом ученый отмечает, что «эти визиты, ознаменовавшие эпоху интенсивных культурных и интеллектуальных связей между Западом и СССР и ставшие важнейшим фактором подъема советской культурной дипломатии в самое успешное для нее время» – «одно из самых печально известных событий политической и интеллектуальной

истории XX века». Такой вывод страдает известным анахронизмом, так как не позволяет оценить значение происходивших событий в их историческом контексте.

Упреки в «слепоте» и «двойной игре» писателей, посещавших СССР, характерны для большинства работ по этой теме и стали уже общим местом, однако эти упреки не отменяют научной задачи изучения «путешествий в СССР» в их историко-функциональном и литературно-художественном аспектах. Не менее важным представляется исследование проблем, связанных с восприятием советских репрессий на Западе, прежде всего, западными интеллектуалами и левой интеллигенцией. Начало массовых репрессий в СССР историки связывают с убийством С.М. Кирова в декабре 1934 года, а уже через полгода Роллан поднимает этот вопрос в своей беседе со Сталиным, что свидетельствует об осведомленности западного общественного мнения и стремлении оказывать влияние на политические решения сталинского руководства.

Безусловно, Дэвид-Фокс в своих работах преувеличивает значение «Запада» как «постоянного фактора развития советской системы», «будь то в виде перенимаемых либо отвергаемых моделей, представлений о внешнем мире, которые требовалось развить либо изменить, или в важнейшем процессе выявления друзей и врагов, или, наконец, что не менее значимо, в глубоком влиянии системы приема иностранных знаменитостей». Задача сталинского руководства была вполне прагматической и состояла в признании СССР де факто, что и осуществлялось в ходе контактов с западной интеллигенцией, которая должна была подтвердить для всего мира легитимность сталинского режима. Этой же задаче легитимации режима служил Международный конгресс писателей в защиту культуры, состоявшийся в тот же период (в июне 1935 года), что и визит Роллана, один из последних в ряду «паломничеств». Задача «вестернизации» не стояла, как во времена Петра Великого, так как идеологический дискурс строился на априорном признании СССР «самой передовой страной» в мире, что отнюдь не предполагало обращение к «Западу» как «центральному компоненту культуры, идеологии и политики в раннесоветский и сталинский периоды», как об этом пишет Дэвид-Фокс. Поэтому, развернув репрессии, Сталин отказался от

широкомасштабных международных мероприятий, подобных Парижскому конгрессу писателей в защиту культуры, и от приема многочисленных «визитеров» с Запада, о чем свидетельствует окончательное падение «железного занавеса» после 1936 года. В этой связи подлежит пересмотру и утверждение Дэвида-Фокса о том, что «пик надежд европейских и американских интеллектуалов на успех советского эксперимента совпал по времени с кровавыми сталинскими репрессиями». Игнорирование до определенной степени западного общественного мнения советским руководством является еще мало изученной проблемой, как и развитие международных и транснациональных связей в разные периоды существования советского государства. Эпистолярный диалог Роллана и Горького в середине 1930-х годов выявляет существенные закономерности отношений западной интеллигенции с советской системой и может служить своего рода коммуникативной моделью для легитимации внешней и внутренней политики сталинского руководства. При этом оба они не отказываются от идеи «гуманизации» советского режима, что позволяет им осуществлять своего рода правозащитную деятельность: когда речь идет о спасении жизни конкретных людей или «смягчении» их участи, то Роллан, используя свой статус «друга СССР» и друга Горького, добивается от последнего решения острых политических ситуаций в пользу тех, за кого он заступается, в том числе, и «княжеской» семьи М.П. Кудашевой, для которой Роллан и Горький становятся гарантом выживания в условиях советского режима. Так, помимо нашумевшего случая Виктора Сержа, Роллану удается вызволить из ссылки ленинградского ученого-микробиолога Оскара Гартоха, изменить условия ссылки своего издателя Георгия Блока, выхлопотать визы в Швейцарию и во Францию для членов семей русских эмигрантов и иностранцев, живущих в СССР. Активным посредником в этих правозащитных коллизиях выступает М.П. Кудашева, разворачивая в своих письмах окружению Горького необходимую аргументацию. Этот факт до сих пор не был известен западным исследователям, в том числе и занимавшимся созданием научной биографии Роллана, таким, как Бернар Дюшателе.

Выводы данного диссертационного исследования, основанные на до сих пор неизвестных архивных источниках, станут важным и необходимым недостающим звеном в давно идущих спорах о французских интеллектуалах и СССР, восходящие к таким книгам, как «Предательство интеллектуалов» («La Trahison des Clercs», 1927) Жюльена Бенда, книг Бориса Суварина, Виктора Сержа, Панаита Истрати, Анри Гильбо и др.[3]

В неопубликованном в течение полувека «Московском дневнике» Роллана содержится больше негативных и критических откликов на увиденное, сомнений и осуждений, чем в книге «Возвращении из СССР» А. Жида, которая считается классическим примером нонконформизма в сталинскую эпоху. Разница лишь в том, что Роллан, зафиксировав свои сомнения в сталинских методах руководства, не вынес их на суд общественности, как это сделал А. Жид, который во время своего визита, в отличие от Роллана, не только не удостоился беседы с советским вождем, но не получил даже рукопожатия во время траурной церемонии похорон М Горького, находясь на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным. Смерть Горького стала рубежом, отделившим время «паломничеств» от эпохи московских процессов. Этот рубеж отмечают многие исследователи, в частности, В.В. Иванов («Почему Сталин убил Горького?»)[4]. Отмечает этот рубеж и Роллан, который со смертью Горького утратил все возможные рычаги воздействия на советскую политику. Все его письма Сталину оставались без ответа, после смерти Горького он перестал существовать для советского вождя. О том, как разворачивались события после смерти Горького, пишет Луи Арагон в своих поздних воспоминаниях, став свидетелем арестов летом 1936 года Н. Бухарина, В.

[3] Об этом см.: Краева Т.В. Путешествия в «воображаемую страну»: французские левые интеллектуалы о СССР (20-е-середина 30-х гг. XX в.) // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 127-140; Тайманова,Т.С., Легенькова Е. А. Документальные свидетельства Бориса Суварина о трагедии советских писателей // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Вып. 64(1). 2019. С. 277-292; Слуцкая Л.В. Анри Гильбо: «культурная пропаганда» французского интеллектуала (1919–1924 гг.) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 262-275 и др.

[4] Иванов В.В. Почему Сталин убил Горького? // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 91-134.

Примакова, Б. Куна, впервые переведенные и опубликованные на русском языке автором диссертации в монографии «Буревестник vs Альбатрос: французский контекст творчества М. Горького» (М.: ООО Темп, 2018).

Важнейшим источником исследования стали документы Архива А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, а также архивные материалы фондов РГБ, РГАСПИ, ГАРФ, РГАЛИ, фонды ВОКСа (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей), Иностранной комиссии Союза советских писателей, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки и Фонда Ромена Роллана Национальной библиотеки Франции. Эти документы в той или иной степени были использованы в диссертации для прояснения отдельных вопросов научной биографии писателей, а также проблем, связанных с их взаимодействием.

Научная новизна работы определяется отсутствием исследований, специально посвященных теме диалога Роллана и Горького, а также необходимостью освоения обширного документального историко-литературного материала, представляющего значимость, как для отечественной, так и зарубежной науки. В диссертации впервые вводится в научный оборот внушительный комплекс документов и материалов Архива А.М. Горького, а также материалов, связанных с рассмотрением вопроса о диалоге двух культур в сложный исторический период. Творчество Роллана и Горького проанализировано на основе не только уже опубликованных материалов, но и новых архивных разысканий в контексте литературной и общественно-политической проблематики исследуемой эпохи, что позволит уточнить и ввести в научный оборот ранее неизвестные факты научной биографии писателей, значительно расширить наше представление о характере деятельности и творчества писателей в это время, об особенностях развития литературного процесса с учетом ранее неизвестных факторов.

Актуальность работы обусловлена, прежде всего, необходимостью заполнить лакуну, вызванную отсутствием специальных историко-литературных работ по теме «Роллан и Горький» как в России, так и во Франции. Обращение к теме диалога культур и писательских контактов в сложную и переломную

историческую эпоху на основе анализа литературных текстов, эпистолярия и личных документов, в том числе новых архивных разысканий, актуально в связи с глубоким интересом к изучению наследия советской эпохи, в первую очередь периода сталинизма. Это направление перспективно и активно развивается, но исследования ведутся в основном историками и касаются литературных взаимосвязей и писательских контактов в рамках комплекса проблем, связанных с восприятием СССР на Западе в период наступления фашизма в Европе и Великой Депрессии в США. Проблематика взаимоотношений западных интеллектуалов и СССР еще долгое время будет оставаться актуальной, так как далеко не исчерпан научный и общественно значимый потенциал этого феномена. Назрела потребность в более углубленном специализированном историко-литературном исследовании, которое позволит осмыслить историко-функциональные и политические аспекты литературного диалога писателей, их вклад в развитие межнациональных литературных связей в историческом и культурном контексте эпохи. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления особенностей литературного процесса XX века, тесно связанного с политикой и социальными практиками писателей, стремившихся играть активную роль в общественно-политической жизни XX века на всех этапах, включая катастрофический опыт революций, Первой мировой и гражданской войн. Анализ различных аспектов истории взаимоотношений Роллана и Горького станет серьезным вкладом в изучение российско-французских писательских контактов и литературных связей.

Цель исследования – комплексное изучение и введение в научный оборот документов Архива А.М. Горького, связанных с двадцатилетним творческим диалогом (1916-1936) двух крупнейших писателей, сыгравших ключевую роль в политической и литературной истории Европы XX века – Нобелевского лауреата 1915 года Ромена Роллана и Максима Горького. Большая часть этих документов не была опубликована и осталась вне поля зрения литературоведов и историков литературы в России и во Франции. Данная цель определила **задачи исследования**:
1) Рассмотреть историю взаимоотношений Роллана и Горького в свете

исторических и общественно-политических изменений, происходивших в мире, проанализировать с этой точки зрения комплекс документов Роллана, посвященных Советскому Союзу и переданных его вдовой в Архив А.М. Горького. На основе этих документов выявить эволюцию отношения писателей к русской и советской литературе, культуре, русскому национальному характеру, исторической судьбе России и Европы в разные годы их жизни. 2) Ввести в научный оборот документы Архива А.М. Горького и Фонда Роллана в Национальной библиотеке Франции, содержащие важнейшие свидетельства взаимоотношений Роллана с СССР, а также отношений двух великих писателей XX века, их сложного литературного, философского, политического эпистолярного диалога на протяжении двадцати лет (1916-1936). Этот диалог был осмыслением крупнейших событий литературной и общественно-политической истории и имел огромное влияние на общественное сознание современников. 3) Рассмотреть восприятие творчества и личности Роллана в СССР на основе материалов советской критики, прессы, документов, а также заполнить лакуны, связанные с отсутствием в научном обороте многих архивных документов, относящихся к данной проблематике. 4) Дополнить наше представление о литературном и историческом процессе XX века неизвестными страницами истории литературы, к которым относятся письма М.П. Кудашевой-Роллан, написанные Горькому, его секретарю П.П. Крючкову, членам семьи Горького Е.П. Пешковой и Н.А. Пешковой. Они являются тем самым недостающим звеном, без которого невозможно должное осмысление правозащитной деятельности Роллана, осуществляемой им через Максима Горького, в период репрессий в СССР в эпоху тоталитаризма. Переписка М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым стала предметом специального исследования в диссертации, так как до сих пор она оставалась вне поля зрения литературоведов и историков творческого диалога перед окончательным падением «железного занавеса». 5) Ответить на вопрос, стал ли Роллан некритичным апологетом сталинизма, как его представляют многие западные исследователи. Роллан был одним из последних западноевропейских писателей, попытавшихся встретиться со Сталиным и получить ответы на

волновавшие современников вопросы о внешней и внутренней политике СССР, в частности, о начале массовых репрессий после убийства Кирова в декабре 1934 года. После отъезда из СССР «неудобный» собеседник Роллан не получил ответа ни на одно из пяти своих писем Сталину, однако поездка в СССР и встреча с советским вождем нашли отражение в его «Московском дневнике», разрешение на публикацию которого Роллан давал только через пятьдесят лет. В чем оказался прав и в чем ошибался французский писатель, выстраивая свою стратегию «защиты СССР» в глазах мировой общественности, ожидающей от писателя, воплощавшего на протяжении полувека «совесть мира», ответы на самые острые социальные и политические вопросы? 6) Ответить на вопрос о том, какова была роль Горького в борьбе западноевропейских интеллектуалов за гуманистические идеалы европейской культуры в период между двумя мировыми войнами, изменившими не только карту мира, но и само представление о человеке. 7) Ввести в научный оборот неопубликованную переписку Роллана с советскими издательствами и организациями (директором Госиздата А.Б. Халатовым и др.), а также переписку Роллана с русскими писателями-эмигрантами в Париже (К. Бальмонтом, И. Буниным, И. Шмелевым и др.). Обращение к этим документам позволит воссоздать подлинную историю литературы XX века. Без знания этих уникальных свидетельств литературной и общественно-политической жизни, до сих пор не введенных в научный оборот, невозможно осмысление литературного процесса XX века, роли отдельных писателей в его развитии во Франции и в СССР.

Предмет исследования – историко-функциональные и политические аспекты творческого диалога крупнейших писателей XX века Р. Роллана и М. Горького. **Объект исследования** – совокупность литературных текстов и личных документов Роллана и Горького (художественного, публицистического, эпистолярного дискурса писателей) в их взаимосвязи, а также комплекс документальной, литературно-критической, публицистической и мемуарной литературы, относящейся к восприятию творчества Роллана в СССР в период его взаимодействия с Горьким (1916-1936).

Методология. Методология настоящего исследования основана на комплексном сравнительном литературно-историческом и структурно-типологическом анализе материалов творчества Роллана и Горького. Комплексный подход к исследованию архивных материалов, художественных текстов, писем, предполагает применение методов и подходов вспомогательных исторических, философско-эстетических, социологических, экономических дисциплин. Обращение к источникам, сквозной просмотр архивных материалов фондов институций культуры и личных фондов деятелей культуры 1920-1930-х гг. является частью системного подхода, означающего изучение художественного творчества в его социально-политическом контексте, разнообразии связей изучаемых объектов, множественности описания литературно-художественных явлений. Историко-функциональный подход позволяет проанализировать межнациональные литературные связи в широком культурном, социальном и политическом контексте. Автор диссертации применил методы научной эдиции и текстологии в представлении документальных материалов и создании комментария к публикуемым текстам, провел комплексный анализ материалов по заявленной теме Архива А.М. Горького, Отдела Рукописей ИМЛИ РАН, РГАЛИ, ГАРФ, РГАСПИ, архивных фондов РГБ, Национальной библиотеки Франции и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интерес Роллана к России, а затем к СССР сохранялся на протяжении всей жизни писателя, начиная с увлечения русской литературой и творчеством Л. Толстого и пристальным вниманием к революционным событиям в России на всех трех этапах русской революции (1905, 1917), как об этом свидетельствует его переписка с А.В. Луначарским, а затем с А.М. Горьким. Русская революция воспринимается им по аналогии с Великой французской революцией. Его постоянным собеседником в течение двадцати лет становится Горький, который, по его мнению, лучше всех знал русский народ и ситуацию в России (1916-1936). Закономерным результатом их переписки стало желание Роллана посетить СССР (1935).

2. Отношение Горького к французской литературе было особым: он считал французских писателей непревзойденными мастерами стиля и всегда предлагал начинающим писателям учиться у французов. По своим убеждениям Горький был западником и мечтал о европеизации России. Роллан стал для Горького воплощением европейской культуры и европейских ценностей, Горький обсуждал с ним возможности построения в России «гражданского общества». Роллан стал для Горького необходимым собеседником по целому комплексу историософских проблем, связанных с противостоянием Запада и Востока, России и Европы.
3. Оба писателя были разочарованы в результатах Октябрьской революции («крах Великой Иллюзии», Р.Роллан), которые привели к красному террору и торжеству лозунга «цель оправдывает средства». Горький уехал из России в 1921 году и сразу же возобновил переписку с Ролланом, полную инвектив в адрес большевиков. В этот момент их переписка становится наиболее интенсивной, оба они оказываются «над схваткой» и пытаются дать оценку создавшейся в Советской России ситуации. Роллан выдвигает фигуру Ганди как успешного политика, добившегося значительных улучшений в экономической и политической сфере без применения силы и без кровопролития.
4. На протяжении ряда лет писатели наблюдают за развитием ситуации в России. Год десятилетия Октября становится переломным для обоих: Роллан направляет приветствие советскому народу в связи с празднованием 10-летней годовщины революции и разрывает отношения с писателями русской эмиграции в результате обсуждения с Горьким положения писателей в СССР. Горький едет в СССР в мае 1928 года и начинает говорить о достижениях советского народа в строительстве «нового общества» и создании «нового человека». Однако окончательно вернуться в СССР Горький еще не решается и сделает это только через пять лет.
5. В СССР отношение к Роллану советского руководства характеризуется сомнениями в его революционности и неприятием его пацифистских

воззрений, как об этом свидетельствуют статьи А.В. Луначарского, постоянного официального критика Роллана. Однако в 1930-х годах затевается издание полного собрания сочинений Роллана, который в своей публицистике и письмах Горькому называет себя «другом СССР» и готов взять на себя «защиту СССР» перед западным общественным мнением, как он уже сделал это в «открытых письмах» русским писателям-эмигрантам (1927), которых он выдвигал незадолго до этого на Нобелевскую премию. Горький пишет предисловие к собранию сочинений Роллана, в котором полностью смещает акценты, превращаясь из друга и собрата по перу в ментора, поучающего «устаревшего» писателя.

6. В конце 1920-х-начале 1930-х годов Роллан обращается к Горькому с различными просьбами, связанными с его стремлением познакомиться лично, а затем и связать свою судьбу с М.П. Кудашевой (получение паспорта и выездной визы, оформление документов и т.д.). Через Горького Роллан решает проблемы, возникающие у «княжеской» семьи Кудашевой, которой грозит высылка по классовому признаку (по поручению Горького оформляются паспорта, карточки, принимается в МГУ сын Кудашевой Сергей и т.д.). Просьбы о защите и восстановлении прав обращающихся к Роллану знакомых становятся постоянным мотивом переписки писателей. Наиболее острыми и раздражающими обе стороны моментами переписки становятся «дело Гецци» и «дело Виктора Сержа». Фактически с началом 1930-х годов одной из главных целей переписки Роллана с Горьким становится защита прав человека в СССР. К решению этой проблеме активно подключается М.П. Кудашева-Роллан.
7. После длительной подготовки в 1935 году по приглашению Горького состоялась поездка Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан в СССР. Главным условием поездки была встреча со Сталиным. «Московский дневник» Роллана отразил колебания и сомнения писателя в его отношении к происходящему в СССР, его критическое мнение о представителях советской правящей элиты. Особенно трагичным показалось Роллану положение

Горького, «увитого лаврами» «старого медведя с кольцом в губе», который не был хозяином в своем доме, окруженный охраной под бдительным оком секретаря П.П. Крючкова.

8. Свой «Московский дневник» Роллан закрывает на пятьдесят лет, не веря в возможность положительных перемен во внутренней и внешней политике сталинского руководства и не желая подвергать опасности встречавшихся с ним людей (члены семьи Кудашевой, врачи, знакомые, друзья из окружения Горького). В то же время он стремится опубликовать свою беседу со Сталиным, в которой были затронуты важные для общественного мнения на Западе вопросы внешней и внутренней политики сталинского руководства. Камнем преткновения для публикации беседы становится вопрос о массовых репрессиях в СССР, на который довольно подробно отвечает кремлевский вождь. Сталин, развернувший в беседе с Ролланом механизм готовящихся политических репрессий, не отвечает на его письма. Беседа Роллана со Сталиным будет опубликована в России и во Франции лишь в начале 1990-х годов.
9. После смерти Горького 18 июня 1936 года в Москве набирают оборот политические репрессии. Наблюдая за московскими процессами, Роллан пишет Сталину, пытаясь защитить знакомых ему лично Н. Бухарина, А. Аросева, О. Гартоха и др. Письма остаются без ответа. Свои размышления об уничтожаемом в ходе третьего московского процесса окружении Горького Роллан излагает в «Дополнениях (октябрь-декабрь 1938 года)» к «Московскому дневнику». Он не верит официальной версии об участии в убийстве Горького людей из его окружения (врачей Плетнева и Левина, секретаря Крючкова).
10. Несмотря на статус «друга СССР» Роллан не стал «некритичным апологетом сталинизма» (М. Дэвид-Фокс). Благодаря Горькому и М.П. Кудашевой, а также своему путешествию в СССР, он был достаточно хорошо осведомлен о положении дел в СССР, что не мешало ему верить в то, что возможности построения альтернативного общества не исчерпаны и провозглашаемые

достижения имеют под собой реальную основу. Его «защита СССР» строилась как умозрительная возможность противостояния наступлению фашизма в Европе. Будучи кумиром российской интеллигенции до революции 1917 года, в советское время Роллан неоднократно подвергается критике как «дряблый гуманист» (А.В. Луначарский), его творчество объявляется «устаревшим» и не соответствующим требованиям времени «социалистического строительства». Несмотря на это, в начале 1930-х годов в СССР было выпущено первое собрание сочинений Роллана, а в январе 1936 года состоялось торжественное празднование 70-летия писателя.

Теоретическая значимость диссертации состоит в исследовании различных этапов развития отношений Роллана и Горького, в исследовании историко-функциональных, общественно-политических и литературно-художественных аспектов их диалога, вскрытии причин и закономерностей восприятия творчества и личности Роллана в СССР, исследовании принципов культурной политики СССР в отношении западных авторов; диссертационное исследование вносит важный вклад в разработку ряда общих вопросов, существенных для изучения литературного процесса XX в. (проблем взаимодействия литературы и идеологии, литературы и политики, историософских представлений западной и российской интеллигенции, развитие тем противостояния России и Европы, Востока и Запада и т.д.).

Практическая значимость работы: исследование может быть полезно специалистам по истории зарубежной и русской литературы, исследователям жизни и творчества Р. Роллана и М. Горького, рецепции французской литературы в СССР, советско-французских литературных и культурных связей XX века, специалистам по истории СССР, советской критики, литературы, пропаганды, работы советских общественных и писательских организаций, редакции журналов и др., использоваться при разработке учебных курсов по истории зарубежной литературы XX в., истории французской литературы XX в., истории советской литературы. Достигнутые в ходе работы результаты могут быть использованы при

создании курсов лекций в высших учебных заведениях по истории литературы XX века России и Франции, а также по компаративистике.

Представленные в диссертации принципы анализа и описания архивных источников по русско-французским литературным и культурным связям первой трети XX века, а также анализ материалов с точки зрения диалога культур в межвоенное двадцатилетие позволили избежать привычных стереотипов при анализе литературного процесса в СССР и Франции этого периода.

Результаты работы могут применяться в практике преподавания курса истории французской литературы для филологических специальностей, а также при написании учебника «История зарубежной литературы XX века». В дальнейшем они могут быть использованы для создания курсов по выбору, учебников и учебных пособий по литературе 1920–1930-х гг., а также мультимедийных обучающих ресурсов.

Работа носит междисциплинарный характер, её результаты могут быть использованы для создания курса социокультурной истории европейской литературы первой трети XX века, а также применимы для включения в курсы по истории европейской общественно-политической мысли того времени.

ГЛАВА 1. РОЛЛАН И ГОРЬКИЙ В 1916-1921 гг.: НАЧАЛО ДИАЛОГА

1.1. Ромен Роллан и Россия

Известно, какой интерес вызывала Россия у Ромена Роллана. Это было связано, прежде всего, с его увлечением русской литературой. В 1886 году, когда Роллану исполнилось 20 лет, вышла в свет книга Мельхиора де Вогюэ «Русский роман», которая имела огромный успех и дала возможность французскому читателю открыть для себя мир русской литературы. В Париже зачитывались «русским романом». 1880-е гг. во Франции – это разгар «руссомании» в среде образованных читателей, отразившейся на многих областях культурной и интеллектуальной жизни страны. Выходят в свет переводы произведений Гоголя, Толстого, Пушкина. С середины 1880-х годов и до 1910-х были опубликованы основные переводы романов, рассказов и повестей Достоевского. Выходят первые серии «Классиков русской литературы», начинает свою историю французская славистика (помимо книг де Вогюэ, одной из точек отсчета можно считать книгу Луи Леже о русской литературе (1892).

Де Вогюэ стал одним из первых пропагандистов творчества Льва Толстого. В начале 80-х годов за рубежом Толстого почти не знали: как правило, звучали снисходительные отзывы о его незаурядном таланте, совершенно «неразработанном в художественном отношении» (см., например, заметку Борнмюллера в «Биографическом словаре современных писателей», 1882). Де Вогюэ отважился назвать Толстого величайшим писателем современности и, предчувствуя недоверие со стороны западного читателя, сослался на авторитет Флобера, который, прочитав Толстого, топал ногами от восторга. Опасение за успех Толстого оказалось напрасным: его творчество признали гениальным, как только появились первые переводы его произведений. Для многих писателей увлечение Толстым было путем к Горькому. Именно такой путь – от увлечения Толстым к увлечению Горьким – прошли Ромен Роллан и его друг австрийский писатель Стефан Цвейг.

Упомянем в этой связи книгу Цвейга «Три певца своей жизни», которая открывается посвящением: «Максиму Горькому с благодарностью и уважением». Один из «певцов своей жизни» – Толстой. Цвейг ощущает революционность творчества Толстого и даже называет его предшественником большевизма, сравнивая его историческую роль с ролью Ж.-Ж. Руссо в подготовке буржуазной революции во Франции: «Толстой больше, чем кто-либо из русских писателей, вскопал и подготовил почву для буржуазного взрыва; этого русского революционера мы, на Западе, введенные в заблуждение его патриархальной бородой и некоторой мягкостью учения, склонны принимать исключительно за апостола кротости»[5]. По мысли Цвейга, творчество Толстого подрывает авторитет царя, церкви и собственности. Увлечение Толстым проходит также через всю жизнь Роллана и подготавливает его интерес к Горькому, творчество которого продолжает великие традиции Толстого и Достоевского.

Перекликаясь с Цвейгом, Роллан сравнивает Толстого и Руссо, видя в нем предвестника революции: «Он мне представляется, подобно Жан-Жаку Руссо, сидящим на развалинах старого мира, разрушению которого он содействовал, на пороге нового мира, наступление которого он, сам того не желая, подготовил и которому предстоит идти дальше, оставив его позади»[6].

Начало знакомства Роллана с Толстым – эпоха общего увлечения новой для французского читателя русской литературой – вторая половина 80-х годов. Некоторые французские писатели того времени выступили против «русской моды» (М. Баррес, Ш. Моррас, П. Бурже), но не Роллан. Незадолго до конкурса в Высшей Нормальной школы, который Роллан с блеском выдержал, он прочитал «Войну и мир» Толстого и был потрясен. Он увидел в этом романе высочайший образец искусства, гениальное воплощение того, о чем он сам смутно мечтал. В порыве энтузиазма студент Высшей Нормальной школы написал Толстому и получил от него ответ. Ромен Роллан опубликовал письмо Толстого (38 страниц) в «Кайе де ла Кензен» (*Les Cahiers de la Quinzaine*) 25 февраля 1902.

---

[5] Цвейг С. Три певца своей жизни. Л.: Время, 1929. С. 17.
[6] Роллан Р. Спутники. М.: ГИХЛ, 1938. С. 251.

Свое преклонение перед Толстым Роллан выразил, в частности, в своей книге из серии «героических жизней» «Толстой» (1911). Героизм жизни Толстого Роллан увидел в его разрыве с тем обществом, из которого он вышел, в обращении к народу: «он понял, что только жизнь трудящегося народа есть настоящая жизнь и что смысл этой жизни есть истина»[7].

Позднее в «Путешествии в глубину души» (*Le Voyage intérieur*, 1944*)* Роллан попытался разобраться, какое влияние оказал на него Лев Толстой. Он отверг толстовство, т.е. философское и религиозное учение писателя и его правила жизни, но был восхищен его нравственной личностью и его несравненной творческой мощью. Роман «Война и мир» стал для Роллана образцом новой эпопеи. И хотя Роллан никогда не подражал стилю и методу Толстого, именно его творчество послужило источником его эпопеи «Жан-Кристоф» и всех последующих романных циклов. В творчестве Толстого Роллан с полным основанием оценил подлинно гомеровский размах толстовской эпопеи, истинные герои которой – народы. В глубокой человечности Толстого Роллан нашел опору для собственного творчества. От Толстого – эпический размах «Жана-Кристофа», замысел охвата целой эпохи европейской культуры, разных слоев общества. От Толстого – эпический пафос, героика, вовлечение народного фона. От Толстого – образ исполненных глубокими человеческими чувствами людей из самой гущи народа. Такова, например, служанка Сидония – знакомство с ней помогает Жану-Кристофу узнать, какова настоящая Франция. Та же близость к народу и в личности самого Жана-Кристофа. От Толстого Роллан усвоил идею непротивления злу, но от Толстого он воспринял и дух критики современной ему культуры[8].

---

[7] Роллан Р. Героические жизни. Собр. соч. Т. XIV. Л.: Время, 1933. С. 249.

[8] Подробнее об отношении Роллана к взглядам Толстого см., в частности, очерк «Встреча и переписка с Роменом Ролланом» в сборнике воспоминаний В.Ф. Булгакова, последнего секретаря Л. Толстого (Булгаков Вал. Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы, Тула, 1964), а также книгу Т. Мотылевой «О мировом значении Л. Н. Толстого» (М., 1957, с. 389 – 484) и в других работах этого автора, посвященных Ромену Роллану. По существу, весь писательский путь Роллана был идейно связан с гуманистическим наследием Толстого, хотя он, как об этом пишет в письме к Булгакову, неизменно стремился «сохранять и утвердить свою независимость» по отношению к Толстому. В письмах к Булгакову (1923-24 гг.) отражен тот этап идейно-творческой эволюции Роллана, когда он, пережив трагедию первой мировой войны и опыт русской революции 1917 года, пришел к мысли, что толстовская проповедь непротивления в условиях современного

Чтение Толстого открыло путь другим великим русским писателям. В предисловии к своему собранию сочинений в 1929 году, предназначенном для русских читателей, Роллан написал, что открытие русской литературы произвело в нем настоящую революцию, «как молнией, озарив небо Европы»: «Ни трагедии Эсхила, ни драмы Шекспира не могли бы больше поразить его современников во Франции, чем это сделали русские романы “Идиот”, “Братья Карамазовы”, “Анна Каренина” и особенно грандиозная эпопея, новая “Илиада”, “Война и мир”»[9]. Самым поразительным, по его мнению, было страстное искание правды, заложенное в основание этих книг.

1.2. Французская литература в творчестве и издательской деятельности Максима Горького

С Роменом Ролланом Горький поделился своей сокровенную мысль о том, что «всем лучшим в себе он обязан книгам и любит их едва ли не больше, чем людей»[10]. Его увлечение чтением в юности постепенно переросло в глубокий интерес к литературе. Ему, автодидакту, действительно, пришлось всему учиться из книг. Его прекрасно образованные современники, прошедшие через горнило самой утонченной культуры, с удивлением отмечали незаурядную эрудицию писателя, его уникальную память и великолепное знание литературы, как художественной, так и исторической.

Французская литература, наследница идеалов эпохи Просвещения, как никакая другая, занимала особое место в сознании писателя по многим причинам. Франция – страна Просвещения, страна Великой французской революции, в которой, по словам классиков марксизма, все социальные движения обретали наиболее законченную форму[11]. В статье «О Бальзаке» (1911) Горький так

мира – «не добро, а зло более унизительное, чем героическое и бескорыстное насилие, которое соединено с жертвованием собой (и жертвой другими) во имя высшего идеала».

[9] Роллан Р. Собр. соч. Т. XIII. Л.: Время, 1932. С. 74.

[10] Архив А.М. Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1936). М., Наследие, 1996. С. 87. Далее обозначается как АГ-15 с указанием страницы.

[11] «Франция – та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая

характеризует свое особое отношение к Франции: «<Франция> всегда шла и поныне идет впереди человечества, всегда вырабатывая в той или иной области новые формы творчества, новые формы жизни»[12]. Французская литература олицетворяла рациональное начало культуры для писателя, самой заветной мечтой которого было желание «европеизировать» Россию, сделать ее «цивилизованной» страной, страной гражданского общества и свободы. С позиций рационализма Горький подвергал критике лучшие произведения русской литературы, отличительной чертой которой всегда был интуитивизм. Одновременно с созданием на Западе мифа о русской душе и русском народе, подверженном крайностям, способном и на самое лучшее, и на самое худшее, в России создается миф о французском уме («острый галльский смысл») и французском гражданском обществе («свобода, равенство и братство»). О «загадке русской души» писал французский историк, публицист Жюль Мишле (1798-1874). Французский писатель и дипломат Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848-1910), автор знаменитой книги «Русский роман» («Le roman russe», 1886), с которой началась мода на русский роман во Франции, говорит о «тайне загадочного существа, коим является Россия». Это расплывчатое и удобное понятие таинственной русской души было чревато многими последствиями. В сознании даже самых неосведомленных французов понятие «русскости» связывается со стремлением к глобальности и мистицизму, с характерными чертами незрелости, неуравновешенности и даже варварства. Преодолеть русскую «азиатчину», обломовщину, привнести идеалы Просвещения в «темную народную массу», озарить светом разума «тьму» русской истории, русского мирочувствования – вот задачи, которые решал писатель, обращаясь к сокровищам французской словесности. Создавая энциклопедии для рабочих по примеру своих французских предшественников, готовивших Великую

борьба и в которых находили свое выражение ее результаты» (Ф. Энгельс. Предисловие к третьему немецкому изданию 1885 г. работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», 1852).
URL: http://www.1917.com/Marxism/PrePress/misc/18_Брюмера_Луи_Бонапарта.pdf (дата обращения 15 мая 2016 г.).

[12] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1-30. М., Гос. изд. художественной литературы, 1949-55. Т. 24. С.139. Далее Г-30 с указанием тома и страницы.

французскую революцию, читая лекции в Каприйской школе для рабочих агитаторов-пропагандистов, курируя огромное количество издательских проектов, газет, журналов, книжных серий, Горький всегда был движим просветительскими идеями. Как вернее донести свои идеи до читателя? «Кто ясно мыслит – ясно излагает», – этот шопенгауэровский афоризм вполне выражал мнение Горького о главной характерной особенности творчества французских писателей, которое должно было оказать благотворное воздействие на русскую культуру. Высокие художественные достоинства французской литературы Горький связывал с ясностью и остротой мышления французов, свидетельством которых и был их изящный и выразительный слог. Горьковское отношение к Франции отражало объективную реакцию образованного русского общества с характерным для него, начиная с конца XVIII века, увлечением французской культурой: Франция стала олицетворением идей прогресса, справедливости и свободы. Эта ситуация сохранялась и в XX веке. «По всеобщему признанию, французская литература сейчас в Европе самая зрелая и блестящая. <…> Мы имеем дело с Европой самой подлинной, хочется сказать, первоклассной. <…> В общем, в среднем французы пишут лучше нас, острее, яснее, тоньше, гибче. Писательская техника их несравненно богаче, опыт разнообразнее», – писал в 1928 году писатель и критик русской эмиграции Георгий Адамович о достоинствах французской литературы[13].

Об увлеченности Горького творчеством французских писателей свидетельствует множество фактов: прежде всего, высказывания о французской литературе в письмах к разным корреспондентам, к начинающим писателям, которым предлагалось учиться у французов XIX-XX веков стилю и владению слогом. Достижения российской словесности Горький постоянно соотносил с французскими образцами (в частности, это касалось творчества поэтов-символистов), советы своим литературным собратьям Горький давал, исходя из своего увлечения французской литературой. Своей невесте Е.П. Волжиной в 1896

[13] Адамович Г. О французской «inquiétude» и о русской тревоге // Адамович Г. Литературные заметки. Книга первая («Последние новости»: 1928-1931). СПб., Алетейя, 2002. URL: http://bookree.org/reader?file=61073 (дата обращения 15 сентября 2015 г.).

году Горький пишет: «Что я больше люблю – блузы или русские рубашки? Мне приятно иметь у себя твою вещь, но мне жалко времени, которое ты потратишь на неё. Лучше – читай. Ты прочитай-ка Мопассана «Наше сердце», или Флобера «Бювар и Пекюше», или «Бедных родственников» Бальзака»[14].

Издательские проекты, в которые Горький всю жизнь был погружен с головой, всегда отличались «французоманией». В шутливой форме это отмечает поэт, писатель и переводчик Михаил Кузмин, сотрудничавший во многих издательских проектах Горького, в частности, таких как «Всемирная литература» и «Academia», в сериях «Библиотека романа», «История молодого человека XIX столетия», «История женщины» и др.:

Пускай слегка французомания
Уступит место, и его
Хоть отчасти займет Германия,
Отрада сердца моего.[15]

Планы Госиздата (1926-1936), в составлении которых неизменно участвовал Горький, даже находясь за границей, всегда пестрели дополнениями ввести новые книги французских авторов, не говоря уже о произведениях классической французской литературы.

Горький приводит высказывания Л.Н. Толстого о французской литературе в письме к писателю А.К. Виноградову[16]: «Насколько могу вспомнить, это было так:

---

[14] Горький М. Полное собр. соч. Письма: В 24 т. Т.1-19. М., Наука, 1998-2017. Т. 1. С. 166. Далее: Письма с указанием тома и страницы.

[15] Эти стихи на юбилей издательства «Academia» приводятся, в частности, в публикации: Крайнева Н. И. Шуточные стихи М.А. Кузмина с комментарием современницы // Новое литературное обозрение. 1999. №2. Цит. по электронному источнику: https://magazines.gorky.media/nlo/1999/2/shutochnye-stihi-m-a-kuzmina-s-kommentariem-sovremenniczy.html (дата обращения 3 октября 2017 г.)

[16] Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888-1946) – писатель, выпускник историко-филологического факультета Московского университета. В 1921-25 директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Совместно с Горьким работал над изданием классиков иностранной литературы, редактировал серию "История молодого человека XIX столетия". Известность писателю принесли художественно-биографические книги – "Три цвета времени" (1931), "Потерянная перчатка" (1931) – о жизни и творчестве Стендаля; "Повесть о братьях Тургеневых" (1931) – о судьбе декабристов Николая и Александра Тургеневых; "Черный консул" (1932) – о Туссене Лувертюре; "Осуждение Паганини" (1936); "Байрон" (1936), "Стендаль и его

Л[ев] Николаевич] беседовал на террасе в Гаспре с А.П. Чеховым; я и Сулержицкий пришли в тот момент, когда Л.Н. высмеивал «Грациэллу» Ламартина, затем стал читать на фр[анцузском] языке стихи Каз[имира] Делавинь. Когда мы вышли из гостиной на террасу, он, поздоровавшись, снова обратился к Чехову со словами о французах как исключительных мастерах формы; буквально этих его слов не помню, а приблизительно они были таковы: щеголевато, цветисто, но всегда «свободно и легко пишут, а вот Тютчев писал французские стихи, – но плохо; он и в стихах был дипломат». После этого он и сказал, что, если б не читал описание Ватерлоо в «Шартрезе» Стендаля, ему, наверное, не так бы удались военные сцены «Войны и мира». И – подумав: «Да, у него я многому научился, прекрасный сочинитель он». Далее он заговорил: «Нодье…», но я был позван доктором Никитиным и конца о Нодье не слышал. В другой раз на даче «Нюра», где я жил, он, увидав книгу Стендаля «О любви» – в подлиннике, – сказал своей знакомой Васильевой: «Это – пустая книга, Вы читайте его романы, он – романист, не философ. Жаль, что Бальзак, должно быть, плохо знал его, Бальзак – сочинитель хаотический, болтливый» (Сорренто, 8 мая 1928 года)[17].

В этом воспоминании о Толстом и его отношении к французской литературе важны две основные мысли, воспринятые Горьким в его собственном творчестве: французские писатели – «исключительные мастера формы» и у них есть чему поучиться: сам Толстой признавал, что без Стендаля не было бы «Войны и мира». Взыскательность Толстого к художникам слова известна, тем ценнее признательность Стендалю из его уст. Взгляд Толстого на французскую литературу близок Горькому. В статье «О том, как я учился писать» Горький вспоминал об огромном впечатлении, которое произвели на него в юности произведения Флобера, в частности, рассказ «Простое сердце»[18]. «Стендаль, Бальзак и Флобер, – писал он 24 апреля 1928 года А.К. Виноградову, – очень много дали мне, и я давно собираюсь рассказать о них современной молодежи, да все не могу выбрать

время" (1938). Кроме того, перу писателя принадлежат работы о П. Мериме, роман "Хроника Малевинских" (1941).

[17] Письма. Т. 17. С. 328-329.

[18]. Г-30. Т. 24. С. 486.

времени»[19]. В рабочем кабинете А.М. Горького на Малой Никитской, 6 против стола висел на стене портрет Стендаля.

В своей работе с начинающими писателями Горький, веривший в возможность «научить литературе» (с этой целью им даже был основан в 1932 году Литературный институт, носящий сейчас его имя), постоянно ссылался на классиков французской литературы, достигших огромного мастерства и совершенства стиля. «Тогда вообще распространилось убеждение, что все «делается», и стоит только пройти курс литературного ремесла, как немедленно станешь писателем», – писал Г. Адамович в «Современных записках» об этом периоде литературы[20]. Г. Адамович приводит пример такого «литературного воспитания»: «Большинство Серапионовых братьев – Лунц, Каверин, Никитин, Слонимский, Зощенко и др. – были учениками Замятина, притом в самом дословном смысле: они занимались у него в «студии». Замятин пользовался тогда славой исключительного, блестящего мастера, и даже вечно-насмешливый Шкловский не без почтения слушал замятинские объяснения, как «делается» новелла или какой «концовкой» надлежит заключать рассказ» Отчасти убеждение в том, что литература «делается», вызвало к жизни работы опоязовцев. В эйфории революционного преобразования общества на время было забыто, что «Божия милость ни в каких студиях не приобретается»[21].

Самоучка, черпавший свою эрудицию из книг, Горький лишь отчасти признавал, что совершенство стиля западных мастеров – следствие сохранения обществом классических традиций греко-римской культуры и прежде всего, классического образования, которым всегда славилась Франция. Основой его мировоззрения было убеждение в том, что человек всего может достичь и до всего дойти собственным умом, и книги здесь играют первостепенную роль.

---

[19] Письма. Т. 17. С. 324.

[20] Адамович Г. О простоте и вывертах// Адамович Г. Литературные заметки. Книга первая («Последние новости» : 1928-1931) СПб., Алетейя, 2002.
URL: http://bookree.org/reader?file=61073 (дата обращения 15 сентября 2015 г.)

[21] Там же.

Высокие требования, предъявляемые к литературному стилю французскими писателями, он считал вполне достижимыми. Л. Андрееву он писал, например: «Мне жаль, что «Царя» ты хочешь перестроить в пьесу – твой стиль для этих тем – рассказ, и никто не напишет лучше тебя такую вещь, даже Флобер, мой культ»[22].

Помимо восхищения литературным прошлым Франции, Горький пристально следил за современной ему французской словесностью: Франция являлась законодательницей художественного вкуса, по крайней мере, в глазах Горького. Такое отношение к французской литературе проходит через его художественные произведения, через переписку и публицистику писателя. Не ставя своей задачей проследить отношение Горького к тем или иным явлениям художественной жизни Франции, мы отметим важное значение живого диалога писателя с его современниками-французами, обмена мыслями и восприятия французской литературы в контексте политики и истории, к которой был причастен писатель на протяжении всей своей жизни. В то же время мы увидим, что, решая задачи «европеизации» России, Горький не упускал из виду своих «революционных» целей, и тогда восхищение современной ему французской литературой оборачивалось критикой, разочарованием и менторскими замечаниями: общественный темперамент писателя требовал от литературы эпохи социальных катаклизмов не только художественных достоинств. В этой связи художественные достоинства произведений писателей-современников мало что решали в литературных оценках Горького, ориентированных не столько на художественные, сколько на «революционные» цели. Нелишне вспомнить, что его разрушительной критике подверглись не только современники-французы, но и вся классическая русская литература, включая Достоевского, Толстого и Чехова. Парадокс революционного сознания состоял в том, что Запад олицетворял собой одновременно и цивилизованное гражданское общество и «капиталистический упадок и загнивание».

Переоценку великих и не только великих литературных имен Горький начал очень рано, с первых своих шагов в литературе. Наиболее ярко эта переоценка запечатлена в его лекциях по истории русской литературы, прочитанных в 1909 году для рабочих Каприйской партийной школы. Каприйские лекции, впервые опубликованные в первом

[22] Письма. Т. 5. С. 225.

томе серии «Архив А.М. Горького» в 1939 году, еще не стали предметом специального исследования, хотя трудно найти более характерный документ, свидетельствующий об особом подходе Горького к литературным явлениям: «применительно к революции».

Имя Буревестника, которое, видимо, навсегда останется за Горьким, несет в себе эту доминанту мировоззрения писателя, хотя его творчество и не утратило своего значения вне политического и исторического контекста эпохи. В отношении к французской литературе этот подход также сыграл свою роль. Политические и философские взгляды М. Горького, его творчество были тесно связаны с контекстом западноевропейской литературы эпохи «рубежа веков» и XX века, представленной именами крупнейших французских поэтов и писателей, оказавшихся по ряду причин в поле внимания М. Горького. Изучение этих аспектов творчества Горького представляет большой интерес для исследователей, так как затрагивает важный и недостаточно разработанный пласт литературной биографии писателя, находившегося в постоянном творческом и политическом диалоге с писателями Запада и деятелями западной культуры.

Связь Горького с зарубежной литературой и, в частности, с французской, проявлялась в самых разнообразных формах: его творчество было предметом живого обсуждения в критике, оно воздействовало на писателей, наконец, Горький был общественным деятелем, и его имя звучало в контексте мировых событий, как социально-политических, так и литературных.

Полемика Горького с русскими символистами и театром символизма сопровождалась увлечением французским символизмом и осмыслением его роли в истории культуры и общества. В начале своего творческого пути, будучи корреспондентом «Самарской газеты», Горький описывает в серии очерков «Беглые заметки»[23] Нижегородскую ярмарку 1896 года, вызвавшую большой резонанс в связи с посещением ее царем Николаем II и членами русского правительства. Что же привлекло особое внимание Горького? Конечно же, образцы нового искусства, представляя которое Горький впервые использует слово «символизм». В связи с презентацией панно М. Врубеля специальный корреспондент «Самарской газеты» с большим энтузиазмом рассказал своим

[23] В названии есть перекличка с Гл. Успенским, его «Беглыми набросками».

читателям о Э. Ростане и его пьесах, в частности, о пьесе «Принцесса Греза» (в переводе Т. Щепкиной-Куперник), которую он возвел в порыве увлечения в ранг непреходящего шедевра. Но увлечение Ростаном в те годы было свойственно, как мы знаем, не одному Горькому. Его творчество привлекло и М. Врубеля, и М. Цветаеву.

Взаимоотношения Горького с русскими символистами старшего, и младшего поколений много раз становились предметом специальных исследований[24] и давно уже оказались в центре внимания горьковедов (И. Сергиевского, В. Щербины, А. Мясникова, А. Волкова, Б. Михайловского, Я. Эльсберга, Б. Бялика, К. Муратовой, Л. Тимофеева, А. Овчаренко и др.). Этой теме посвящена книга З. Удоновой «Горький в борьбе с декадентами» (1968), монография болгарского литературоведа И. Цонева «Максим Горький и модернизм» (1970), сборник статей «Русская литература конца XIX-начала XX века. Девяностые годы» (1968). Сложные отношения притяжения-отталкивания, связывавшие Горького с русским символизмом, интересно и плодотворно рассмотреть в том числе и сквозь призму его знакомства с французским символизмом, что не было сделано до сих пор. Необходимо внимательно отнестись к попытке освоения Горьким «чужого пространства» – пространства поэзии французского символизма, попытки проникновения во внутренний мир французских поэтов. Французская поэзия в ее лучших образцах – Бодлера и Верлена – рано оказалась в поле зрения молодого Горького, но понимание ее потребовало от него немалых усилий. Работавший вместе с Горьким в «Самарской газете» в 1895-1896 годах поэт, журналист и литературный критик А.А. Смирнов (Треплев) вспоминал о самарском периоде журналиста А. Пешкова: «… Из руки «босяка» некоторые дипломированные молодые люди впервые получили романы Стендаля <…> Мериме, Теофиля Готье, Бальзака <…> Бодлера (в переводе П.Я. Якубовича (П.Ф. Якубовича – М.А. А.-В.),

[24] См., например, Крутикова Н.Е. В начале века. Горький и символисты. Киев, 1978; Десницкий В.А. М. Горький и Л. Андреев в их переписке: к истории дружбы // Десницкий В.А. М. Горький: очерки жизни и творчества. М., 1959; Михайлова Е.В. Переписка М. Горького с символистами// М. Горький. Материалы и исследования. Л., 1934; Пиксанов Н. О классиках. М., 1933; Корецкая И.В. Горький и Андрей Белый // Горьковские чтения. М., 1968 и др.

только в первый раз услыхали об Эдгаре По, о Верлене, о появившейся у нас школе декадентов и символистов. Друзья Горького брали у него первые сборники Бальмонта и Брюсова, Фофанова и Мережковского».[25]

Часто упрекая русских символистов во вторичности по отношению к французским (горьковская оценка творчества В. Брюсова и А. Блока, а затем и В. Ходасевича), Горький обращает внимание на особенности художественного метода, сформировавшегося под влиянием французов, однако главный его упрек русским символистам – отсутствие направленности их творчества на то, чтобы «хорошо заступиться за угнетаемого человека»[26]. И то, что Горький прощает французским символистам, для которых, как он считает, их индивидуализм – единственное средство защиты от буржуазного общества, способ противостояния социуму, по взрывной силе воздействия на современников не уступающий «бомбам Равашоля»[27], он не прощает русским символистам, сознательно «уклоняющимся», по его мнению, от участия в общественной жизни под предлогом служения «чистому искусству».

Нельзя забывать о влиянии марксизма на формирование мировоззрения М. Горького. Знаковая работа Ленина «Партийная организация и партийная литература» увидела свет на страницах газеты «Новая жизнь», сотрудником которой был Горький (в том же номере газеты № 12 от 13 (26) ноября 1905 года опубликованы его «Заметки о мещанстве»). В редакции этой газеты состоялось первое личное знакомство Горького и Ленина. Путь, пройденный Горьким от кружков самообразования до участия в первой русской революции 1905 года, привел писателя к вступлению в большевистскую фракцию РСДРП. Революционные настроения сочетались с желанием освоить идеи и образы символистов в числе многих других жизненных впечатлений писателя. Так В.

---

[25] Максим Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. М., Художественная литература, 1981. Т. 1. С. 61.

[26] Письмо М. Горького В. Брюсову от 5 февраля 1901 года // Письма. Т.2. С.109.

[27] «О бомбах Равашоля и его сподвижников» Горький упоминает в статье «Поль Верлен и декаденты» (1896). 11 и 23 марта 1892 г. в Париже взорвались бомбы, подложенные анархистом Равашолем в квартиры двух судебных чиновников, участвовавших в процессах над анархистами. После ареста Равашоля анархисты совершили ряд террористических актов, вызвавших усиление репрессий против рабочих.

Брюсову он пишет в августе 1908 года с Капри: «Завтра иду на юг Италии, пешком, возьму с собою вторую книгу ваших «Путей» и «Нечаянную радость» Блока. Люблю читать стихи в дороге»[28].

Просветительский пафос общественной и литературной деятельности Горького находил свое выражение в создании и развертывании крупных издательских проектов, в стремлении издавать как можно больше произведений классической мировой литературы. Играя важную роль в определении издательской стратегии сборников «Знания», Горький уделял много внимания появлению в них наиболее значимых, на его взгляд, произведений французской писателей. Так, например, представляя М. Хилквиту очередной сборник издательства, он писал (21 мая (3 июня) 1907 года с Капри): «Посылаю Вам XVI-й сборник с очень хорошим переводом Флобера и рассказом Андреева, а также один из отзывов о Вашей книге»[29]. (Речь шла о повести Г. Флобера «Искушение Святого Антония» в переводе Б. Зайцева).

В издательских планах «Знания» постоянно фигурируют французские авторы, а также авторы новейшей французской литературы. Например, в 1909 году планировалось издать М. Метерлинка (Двенадцать песен. В пер. Чулкова с рисунками Дудлэ), Стендаля, «Песню о Роланде», Ростана, Золя, Дюма, наряду с Библией, Данте, Шекспиром, Э. По, Ибсеном. В письме К.П. Пятницкому в 1903 году М.М. Филиппов предлагал переиздать его «Литературные этюды», в следующем весьма характерном составе: «Французские символисты.-Ибсен.-Гауптман.-Зудерман.-Метерлинк. – Нитцше. – Лев Толстой. – Чехов. – Горький».

Октябрьская революция вызвала в Горьком противоречивые чувства и стала предметом изображения и осмысления в цикле статей «Несвоевременные мысли» (1917-1918). Его «Обращение к народу и трудовой интеллигенции» 1919 года обошло всю демократическую прессу Франции. А в августе 1921 года через газету французских коммунистов «Юманите» (в декабре 1920 года на Турском Конгрессе была создана Коммунистическая партия Франции) Горький дважды обращался к

[28] Письма. Т. 6. С. 112.
[29] Письма. Т. 5. С. 127.

французскому народу с просьбой о помощи голодающему русскому народу. Отъезд из Советской России осенью 1921 года, который можно было бы назвать второй эмиграцией Горького, если бы не советский паспорт, по которому писатель жил за границей, ненадолго вывели Горького в позицию «над схваткой». Свои сомнения в связи с развитием революционных событий в России Горький высказал в «Письмах о революции» (Париж, Сток, 1922), куда вошли статьи и речи предреволюционных и первых революционных лет, в частности, такие, как «Две души», «Речь на публичном заседании Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук», «Революция и культура», «Несвоевременные мысли», «К демократии», «Вниманию рабочих», «Плоды демагогии», «Вчера и сегодня», «Обращение к народу и трудовой интеллигенции», «Интернационал интеллигенции», «Путь к счастью», «Беседы о труде», «Письмо г. Уэллсу» и др. Эти статьи, составившие отдельный том, прежде были напечатаны на страницах французских периодических изданий 1919-1922 годов.

Огромный резонанс в кругах левой интеллигенции Франции вызвала публикация статьи «О русском крестьянстве», в августе-октябре 1922 года трижды перепечатанная на страницах журналов и газет (в журнале «Les Ecrits Nouveaux» под заголовком «Русская жестокость», в журнале «La Revue bleue» под названием «Русский крестьянин», в газете «Les Nouvelles Litteraires» под заголовком «О России») и вышедшая отдельным изданием в 1925 году в парижском издательстве «Кра», предваряемая очерком «Владимир Ленин» (1924), на долю которого выпала наибольшая популярность. Многие горьковские публикации 1920-х годов во Франции сопровождались пометкой редакции: «из неизданного», «печатается по рукописи автора», «первая публикация».

Неизменным успехом во Франции пользовались воспоминания Горького – и автобиографические, и очерки о его встречах с писателями Л. Толстым, В. Короленко, А. Чеховым, Л. Андреевым, А. Блоком. Большой интерес вызывали его художественные произведения, которые с завидной регулярностью издавались во Франции в 1920-30-е годы (в то время авторские права на перевод произведений

Горького были отданы М. Дюмениль де Грамону, и подавляющее большинство публикаций произведений писателя осуществлялось в его переводе[30]).

Отдельные выступления Горького стали настоящим потрясением для французов, не говоря уже о русской эмиграции, как, например, письмо Я.С. Ганецкому по поводу смерти основателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, опубликованное на страницах «Юманите» 19 августа 1926 года под заголовком: «Он произвел на меня незабываемое впечатление своей моральной чистотой и твердостью…» Вот что думает о Дзержинском писатель Максим Горький». Подобным же образом впоследствии огромный резонанс вызвало письмо Горького Г. Бакалову (в январе 1928 года) с отказом просить амнистии для болгарских политзаключенных в условиях прихода к власти фашистской диктатуры, а также открытое письмо «Механическим гражданам СССР», написанное Горьким в результате его первой поездки в СССР после семилетнего отсутствия (опубликовано в «La Revue Mondiale» 15 декабря 1928 года).

Пользовались успехом очерки Горького о французских собратьях по перу («Об Анатоле Франсе», 1924; «О Ромэн Роллане», 1926). В 1930-е годы с предисловиями Горького во Франции выходят книги русских и советских писателей (роман «Преображение» С. Сергеева-Ценского, «Барсуки» Л. Леонова и др.)

После смерти Ленина и Дзержинского и выступлений в этой связи Горького стало очевидно, что свое место первого «пролетарского» писателя Горький оставил не навсегда и готов уже к возвращению на родину. Критерием оценки писателя была для Горького его позиция в классовой борьбе, которая теперь выражалась в том или ином отношении к СССР (статьи «О Ромэне Роллане», «О белоэмигрантской литературе», «С кем вы, «мастера культуры»?» и др.).

---

[30] М. Дюмениль де Грамон переводил Горького, Мережковского, Бунина, А. Толстого. Его имя упоминается в книге Н.Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (1986): «Выражается благодарность французским братьям: Великому Мастеру Мишелю Дюмениль де Грамону (известный переводчик русских авторов, в частности, Мережковского), а также Великому Секретарю Морису Арману и Андре Аделюсу». URL: http://www.rus-sky.com/history/library/berberova.htm (дата обращения 7 февраля 2015 г.).

В сфере международного «культурного строительства» им разрабатывались такие понятия как «пролетарская культура», «пролетарский гуманизм», «социалистический реализм» («Делегатам Антивоенного конгресса», «О культурах», «Гуманистам», «Ответ интеллигенту», «Пролетарский гуманизм» и др.). Сакраментальный вопрос «С кем вы, «мастера культуры»?», заданный зарубежным писателям, звучал не так трагически, как для писателей-соотечественников, на собственном опыте познавших действие горьковской формулы «если враг не сдается – его уничтожают».[31]

Горький считал своим долгом пропаганду социалистических идей за рубежом, организацию и воспитание кадров «пролетарской литературы» на Западе (беседа с А. Барбюсом в 1929 году, статьи «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», «По поводу одной полемики», доклад и выступления на Первом съезде советских писателей, обращение к Парижскому конгрессу писателей в защиту культуры (1935), статья «О культурах» и др.). Антифашистская борьба («борьба за мир») и в защиту культуры в 1930-е годы привлекла интерес к Горькому молодых французских писателей в лице Л. Арагона, А. Мальро, Ж.-Р. Блока, а также писателей старшего поколения А. Барбюса, А. Жида, Ж. Ромена, Ж. Дюамеля и др.

Благодаря усилиям французских славистов во Франции существует библиография переводов произведений Горького на французский язык, учтены его многочисленные публикации в журналах и газетах, а также отзывы французской критики и рецензии. Составлением горьковской библиографии руководил профессор-горьковед Жан Перюс, опубликовавший результаты своих исследований в 1968 году[32]. Собранная им библиография относится к периоду с 1899 по 1939 год. Эту работу следовало бы продолжить применительно к

[31] Об истоках этой формулы Горького см.: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МиК, 1994. Впервые статья Горького напечатана в газете "Правда" 15 ноября 1930. В тот же день под заглавием "Если враг не сдаётся, – его истребляют" опубликована в газете "Известия ЦИК СССР и ВЦИК".

[32] Gorki en France. Bibliographie des oeuvres de Gorki traduites en français, des études et articles sur Gorki publiés en France, en français (1899-1939), établie sous la direction de Jean Pérus. P., Presses Universitaires de France, 1968.

следующему этапу (с 1940 по настоящее время). «Красный маркиз», как называли Перюса его коллеги, издал и собрание сочинений Горького, включая его последний неоконченный роман-эпопею «Жизнь Клима Самгина». Много лет Перюс работал над тем, чтобы произведения Горького были опубликованы самым авторитетным французским издательством «Галлимар» в серии «Библиотека Плеяды». Этот проект был осуществлен уже после смерти Ж. Перюса его коллегами и учениками: избранные произведения Горького вышли в составе этой самой престижной литературной серии Франции, задуманной для издания мировой классики. Для этого издания были сделаны новые переводы произведений Горького и создан новый комментарий. Много сделано для издания Горького во Франции и осмысления его творчества на новом этапе в современных условиях такими талантливыми учеными-славистами, горьковедами, как Ги Вере, Мишель Нике, Серж Роле, Франсуа Эйшар. Назовем лишь некоторые, недавние по времени публикации: повести «Исповедь» (с предисловием М. Нике), романа «Мать» (с предисловием Фр. Эйшара) и «О любви» (с предисловием Фр. Эйшара), а также регулярные публикации статей этих исследователей во французской периодике, в сборниках материалов «Горьковских чтений» в Нижнем Новгороде и Казани, что свидетельствует о внимании к творчеству и личности Горького в конце XX-начале XXI века. Назовем в этой связи недавно вышедшую книгу Сержа Роле «Феномен Горького: Ранний Горький и его первые читатели» (Rolet S. Le phénomène Gorki. Le jeune Gorki et ses premiers lecteurs. Villeneuve d’Ascq, Presses Universitaires du Septentrion, 2007).

В первые годы Советской власти Горький много времени и сил уделял различным издательским проектам: наряду с составлением воззваний и писем, работой в ЦЕКУБУ это был основной вид его деятельности до отъезда за границу в октябре 1921 года (издательство «Всемирной литературы»). Оказавшись в эмиграции, Горький пытается и там наладить издательскую деятельность: сотрудничает с З.Г. Гржебиным в издании книг на русском языке, привлекает В.Ф. Ходасевича к работе над изданием журнала «Беседа», предназначенном для распространения в Советской России. С 1927 года Горький, несмотря на

пребывание за границей, стал председателем редакционного совета издательства «Academia» и систематически работал над составлением проектов и планов этого издательства. В частности, им был разработан план издания «Сокровищ мировой литературы». В своих замечаниях к издательскому плану 1930 года Горький указал на необходимость издания «записок Агриппы д'Обинье, замечательных записок Шатобриана, Жюль Валлеса»[33]. О редакционном плане издательства «Academia» на 1931 год и своих замечаниях к нему Горький писал главному редактору издательства А.Н. Тихонову: «...план действительно сумбурный, кое-какие заметки я сделал, прилагаю, но выправить весь план сообразно потребностям эпохи и вкусам ее – не берусь, для такой большой работы у меня нет времени»[34].

К плану изданий на 1932 год Горький сделал такие замечания: «Почему нет Флобера. Следует дать «Мадам Бовари», «Саламбо», «Бювар и Пекюше» с хорошим предисловием о «мучительных поисках» мещанской мысли, «Искушение» с хорошим очерком о ересях и кровавых распрях христианской церкви… Не вижу оснований исключать Шодерло де Лакло «Опасные связи», Стендаля «Шартреза», Мериме «Варфоломеевскую ночь». Совершенно не вижу оснований издавать «Фоблаза», эта книга в списке как похабный анекдот среди серьезнейшей беседы. Западные мастера стиля. Почему исключен Клодель? Вилье де Лиль, – его проза? Хотя «стилисты» в наших переводах перестают быть стилистами»[35]. Эти замечания свидетельствуют о незаурядной эрудиции Горького в области французской литературы, стремлении дать широкую историческую панораму французской словесности.

В 1932 году на даче Горького в Горках состоялось заседание, посвященное реорганизации издательства «Academia», которая протекала под непосредственным руководством Горького. В январе 1935 года Горький в

[33] Цит. по: Серия «Архив А.М. Горького». Т. 10. Кн. 1: М. Горький и советская печать. М.: Худ. лит., 1964. С. 84. Далее в тексте АГ-10 с указанием тома и страницы.
[34] Письмо Горького А. Н. Тихонову от 26 февраля 1931 г. цит. по кн.: Горьковские чтения (1953–1957). М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 59-60.
[35] Там же. С. 85.

последний раз просмотрел план издательства «Academia» и внес в него свои добавления.

Кроме того, с 1927 года Горький много работал над издательскими планами ГИЗа, состоял в активной переписке с директором ГИЗа А.Б. Халатовым[36], учитывавшим замечания Горького, хотя порой они носили утопический характер. Например, в письме Халатову (Сорренто, 12 декабря 1927 года) Горький выступает с предложением последовать парижскому опыту: «Вот сейчас Париж выпускает целую серию романов – биографии Дантона, Робеспьера, Бальзака, Монтеня, Шелли, Вийона и т. д. Если б Госиздат взял на себя переводы и издание этой серии, то, снабдив каждую книгу соответствующим предисловием, он дал бы новому читателю литературу»[37]. К чести Горького надо заметить, что его литературный вкус соответствовал в определенной степени представлениям художника Серебряного века и не умещался в прокрустово ложе «партийной» литературы. Шестилетнее отсутствие в стране победившего пролетариата способствовало иллюзорному представлению о политике партии в данной области, едва ли заинтересованной в широком знакомстве советского читателя с философскими опытами Мишеля Монтеня.

Как один из примеров участия Горького в издательской политике ГИЗа упомянем направленную в сентябре 1928 года Горькому записку Н.К. Крупской по поводу пятилетнего перспективного плана ГИЗа по изданию классиков. Горький обратил внимание издательства на следующие упущения: «Гюго – «Эрнани» нет перевода. Издать нужно «93-й год». Верхарн – было четыре издания переводов В. Брюсова. Флобера – надо бы издать всего. Франс и Золя – выходят «полными

---

[36] Артемий Багратович Халатов (1896-1938) –видный партийный функционер, член КПСС с августа 1917 г. После Октябрьской революции Халатов – член коллегии Народного комиссариата по продовольствию, а с ноября 1919 г. – начальник Главного управления по снабжению продовольствием Красной армии и флота. Осенью 1921 г. стал председателем Комиссии по улучшению быта ученых – ЦЕКУБУ. В начале июля 1927 г. по решению Совета народных комиссаров Халатов был назначен председателем правления Госиздата, где работал до 1932 г.

[37] По-видимому, Горький имеет в виду следующие книги: Lecomte G. La vie amoureuse de Danton (Coll. Leurs amours), 1927; Béraud H. Mon ami Robespierre (Coll. Le Roman des Grandes Existences), 1927; Cornilleau R. Honoré de Balzac (Coll. Les Hommes et les Oeuvres), 1927; Lamande A. La vie gaillarde et sage de Montaigne (Coll. Le Roman des Grandes Existences), 1927. Книга Анри Беро «Мой друг Робеспьер» была издана ГИЗом в том же году.

собраниями», зачем же еще «избранные»?»[38] Как видно из этих замечаний, Горький ориентировался в том, что было издано в стране за годы советской власти, несмотря на свое отсутствие.

Стремление советского руководства привлечь Горького к работе по определению политики крупнейших издательств позволило ему высказать важные суждения о литературном процессе и огромном культурном потенциале мировой литературы. В частности, в 1929 году Горький предложил план организации «Дешевой библиотеки» ГИЗа, сформулировав свое понимание целей и задач литературы: «Госиздат – учреждение, которое не только механически снабжает читателей книгой, но как один из наиболее мощных проводников культуры в массу, руководит выбором книги, облегчает поиски ее читателем. «Дешевая библиотека» ГИЗа наиболее приближает его к делу службы культурному воспитанию масс, и здесь руководство Государственного издательства и может, и должно иметь наиболее серьезное значение. Поэтому я считал бы, что серия книг «Дешевой библиотеки» должна быть построена по тематическим разделам и в порядке времени». Интересен выбор произведений французских писателей в разделах, намеченных Горьким: «Война.

1. Эркман-Шатриан – «История новобранца».

2. « » – «Конец Наполеона».

3. Ложье – «Дневник офицера Великой армии»,

5. Мопассан – «Пышка», «Мадемуазель Фифи».

6. Золя – «Разгром».

7. Октав Мирбо – «Война».

10. Жеко – Очерки войны и карательных экспедиций 904-5

11. Клод Фаррер – «Цусима»[39].

16. Барбюс – «В огне».

Французская революция

[38] Серия «Архив А.М. Горького». Т. 10. Кн. 1: М. Горький и советская печать. М.: Худ. лит., 1964. С. 87.

[39] Видимо, Горький имел в виду роман Клода Фаррера о русско-японской войне «Битва».

Ретиф де ля Бретон – «Картины французской жизни XVIII в.».

В. Гюго – «93 год».

Анатоль Франс – «Боги жаждут» (Изменить титул).

Феликс Гра – «Революция».«Террор»

Пьер Милль – «Рассказы Барново».

Пьер Милль – «Барново в Париже».

Лоти – «Исландский рыбак».

Крестьянство на Западе

Бальзак – «Крестьяне».

Золя – «Земля».

Рене Базен – «Гибель земли» (?).

Буржуазия

Лемонье – «Последний барон».

Мак-Орлан – «Большевистская Венера» 10 – на эту тему существуют сотни книг.

Следует издать книги о первобытном человеке.

Рони – «Вамирех», «Борьба за огонь».

Ан. Франс – «Таис».

Вольтера – рассказы на эту тему.

Флобера – «Саламбо» – полный перевод»[40].

Осведомленность Горького проявилась на этот раз не только в области шедевров французской литературы, но и в знании произведений писателей второго и третьего ряда, создающих широкий контекст понимания социальных и художественных тенденций жизни общества. Интересен и факт привлечения имен писателей различной общественно-политической ориентации, что свидетельствует о том, что, несмотря на стремление к классовому подходу в литературе, личность Горького формировалась в условиях, предполагающих творческий диалог. Трудно представить себе выполнение подобной программы в 1929 году в СССР, где

[40] Серия «Архив А.М. Горького». Т. 10. Кн. 1: М. Горький и советская печать. М.: Худ. лит., - 1964. С.84.

действовали инструкции по изъятию книг «контрреволюционного содержания» из библиотек и публичного доступа и по это определение подпадали книги мировых классиков философии и литературы, уже была введена карточная система распределения продуктов и начато осуществление «сплошной коллективизации». Тем не менее, благодаря своему авторитету, многие издательские планы Горький все-таки осуществил.

Горький вошел в мировое литературное движение не только тем, что стал известным писателем и предметом оживленных критических споров. Его диалог со многими писателями его эпохи не мог не оказать определенного воздействия на их творчество и мировоззрение. Основываясь на письмах и публицистике Горького, мы попытаемся осмыслить творческий диалог, происходивший между писателями Франции и Горьким.

Среди французских писателей, близко соприкоснувшимся с Горьким, одним из первых оказался Анатоль Франс. С Анатолем Франсом (псевд.; наст. имя Анатоль Франсуа Тибо, 1844-1924) Горький был знаком лично, высоко ценил его творчество и собирался печатать его роман «Остров пингвинов» в издательстве «Знание». И.П. Ладыжникову он писал в этой связи (1(14) апреля 1907 года, Капри): «Просим приобрести для «Знания» новый роман Анатоля Франса, начать переговоры с Франсом, Мирбо, Гамсуном, Гауптманом»[41]. А. Франс интересовался Россией, был поклонником русской литературы, имевшей на рубеже веков шумный успех во Франции. В период подготовки к празднованию 80-летия Л.Н. Толстого (в 1908 году) Франс возглавил Комитет по празднованию юбилея Толстого во Франции.

Когда в 1901 году по России прокатилась волна демонстраций против самодержавия, Франс выступил с письмом, оглашенным на митинге в честь русских революционеров. Сочувствуя протестам рабочих и учащихся Петербурга и Харькова, Франс выразил уверенность в будущем России: «С тех пор, как Россия возродилась для умственной жизни, ничто не может помешать ее интеллектуальному и общественному развитию. Час, когда в царской стране

[41] Письма. Т. 6. М.: Наука, 2000. С. 42.

наступит свобода, близок»[42]. Франс откликнулся на русскую революцию 1905 года целым рядом статей. Столкновение русских рабочих с царизмом он воспринял как событие мирового значения. Под впечатлением известий о пролитой в России крови Франс в декабре 1905 года писал: «Пусть не напрасно была пролита благородная кровь интеллигентов и восставших рабочих, кровь, которая на мостовых улиц дымится во имя справедливости и свободы! Но каков бы ни был исход этого большого и жуткого выступления, то, что совершил русский пролетариат, имеет отныне решающее значение; не только для судьбы России, но и всего мира. Русская революция – всемирная революция!» («Значение революции 1905 года для международного пролетариата»[43]).

Арест Горького как участника революционных событий вызвал возмущение широких общественных кругов за границей. Среди первых подписей под протестом, опубликованным в «Юманите», стояло имя Франса. «Такой человек как Горький, – писал Франс по поводу ареста, – принадлежит всему миру... Дело – Горького – дело наше общее. Такой талант как Горький принадлежит всему миру. Весь мир заинтересован в его освобождении»[44].

С развитием революционных событий в России во Франции было создано «Общество друзей русского народа»[45] с целью распространения информации о происходящем в России. Председателем общества стал Анатоль Франс. В статьях Франса этой эпохи имя Горького встречается неоднократно. Арест и заключение в тюрьме Горького Франс рассматривал как одно из звеньев цепи событий, вызвавших резонанс как преступления царизма: «Однажды за обедом царь угостил

---

[42] Франс А. К лучшим временам. М.: Современные проблемы, 1925. С. 105.
[43] Там же. С. 163.
[44] Горький М. Ранняя революционная публицистика. М.: ОГИЗ, 1938. С. 134.
[45] Общество друзей русского и присоединенных народов (Societe les amis du peuple russe et des peuples annexes) – организация французской интеллигенции, созданная 3 февраля 1905 г. в поддержку русской революции 1905-1907 гг. Выпустило большое количество книг и брошюр, разъяснявших смысл происходивших в России событий. В центральный комитет Общества входили писатели А. Франс, О. Мирбо, художник Т. Стейнлейн, историк Ш. Сеньобос, политик Ж. Клемансо. Подробнее см.: Гуткина И.Г. Общество друзей русского народа и присоединенных народов во Франции в годы первой русской революции // Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. ст. в память акад. Е.В. Тарле. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 615-632.

Делькассе[46] сигарой. И дым от этой сигары, которую Делькассе не выпускает более изо рта, заволакивает от его взора все безумие, все подлости и преступления царизма, войну и революцию, отступление Куропаткина через всю обширную Манчжурию, истребление русского флота, взятие Порт-Артура, петербургские расстрелы, аресты в России всех сознательных, лучших, приказ о предании военному суду Горького и многих других и гнев целого народа, направленный против последнего отпрыска дома Романовых» («Царизм и Франция»[47]).

Полную солидарность с Горьким Франс проявил в протесте против займов русскому правительству. В марте 1905 года, протестуя против ожидающихся займов, Франс ссылался на аналогичный протест представителей передовой общественности в России и среди подписей русских политических деятелей назвал имя Горького.

Горький следил за выступлениями Франса. В ответ на организацию «Общества друзей русского народа» он обратился к Франсу с письмом, в котором просил его как «собрата по оружию» усилить борьбу против поддержки самодержавия. «Через вас, дорогой Анатоль Франс, – писал Горький, – я обращаюсь ко всем друзьям русского народа с горячей просьбой усилить энергию своей деятельности в пользу освобождения этого народа от варварской власти Романовых и их темной компании»[48]. «Максим Горький, – ответил Анатоль Франс, – за вас в нашей стране самые гордые сердца, самые высокие души. В качестве председателя Общества Друзей Русского Народа я шлю вам мои лучшие пожелания успеха в освободительной революции и свидетельствую вам, что с горьким негодованием помышляю о том, что французские капиталисты могли доставить деньги правительству палачей, мучающему ваш великодушный народ»[49].

---

[46] Теофиль Делькассе (фр. Théophile Delcassé, 1852-1923)– французский дипломат, государственный деятель, министр иностранных дел Франции (1898–1905 и 1914–1915), один из создателей Антанты. Из-за своей чрезмерно пророссийской позиции был вынужден уйти в отставку в октябре 1915 г. В 1919 г. оставил политику, потрясенный гибелью своего сына на германском фронте в ходе Первой мировой войны.

[47] Франс А. К лучшим временам. М.: Современные проблемы, 1925. С. 152.

[48] Горький М. Ранняя революционная публицистика. М.: Гос. изд. полит. лит, 1938. С. 40.

[49] Там же.

Несомненно, под впечатлением событий в России Франс в своих лучших романах девятисотых годов – «Остров пингвинов» (1908), «Боги жаждут» (1912), «Восстание ангелов» (1914) выдвигает революцию как главную философскую и социальную проблему. Между прочим, любопытна такая деталь: в романе «Восстание ангелов» среди ангелов, восставших против бога, видную роль играет один из них, слывущий за русскую нигилистку. Знаменитый скептицизм Франса не помешал ему присоединиться к отдельным голосам приветствовавших Октябрьскую революцию интеллектуалов Запада. Когда в 1921 году в Советской России разразился голод, по просьбе Горького Франс принял активное участие в организации помощи голодающим, а также отдал полученную им в том же году Нобелевскую премию по литературе в фонд помощи голодающим в России.

Драматично протекал диалог Горького с другим известным писателем из «сочувствующих» СССР Анри Барбюсом[50] (к двум русским изданиям его романа «Огонь» Горький написал предисловия), одним из организаторов «борьбы за мир» в 1930-е годы. Р. Роллан в своих дневниках (27 февраля-1 марта 1916 года), а также в статье (19 марта 1916 года) восхищается смелостью А. Барбюса, разоблачительной силой его романа «Огонь», подлинного документа о французском солдате, о «пролетариате армии».

Оценивая книгу А. Барбюса, А.В. Луначарский на страницах «Правды» отметил ее своеобразие по сравнению с предшествующей литературой о войне: «Вдруг неожиданно для всех, выстрелом огня ракеты в европейское небо, взвился, вонзился своеобразный роман, или, вернее, обвинительный акт, глубоко художественный и скорбный памфлет Барбюса, так и называвшийся «Огонь»... Это

[50] Барбюс Анри (1873–1935)– писатель и общественный деятель Франции, член Компарии Франции с 1923 г. В 1919 г. Горький написал статью о романе А. Барбюса «Огонь», которая была напечатана в журнале «Коммунистический Интернационал» (1919, № 3, 1 июля) под заглавием – «Замечательная книга («В огне» Анри Барбюса)», а затем как предисловие к отдельному изданию романа в 1919 г. и в других изданиях. В сентябре 1935 г. А. М. Горький дополнил статью новым разделом, в котором отмечал заслуги А. Барбюса как антифашистского деятеля (Г-30. Т. 24. С. 196-201). Яркую характеристику Барбюсу М. Горький дал в статье «Замечательный человек эпохи», написанной в связи со смертью А. Барбюса (Г-30. Т. 27. С. 469-470). Творчеству Горького Барбюс посвятил ряд статей: «О борьбе против военной опасности и о юбилее А. М. Горького», «Да здравствует Горький!», «Величайший из живущих писателей», «Учитель и брат» (см.: Барбюс А. Избранные произведения. М.: Гос. изд. Художественная литература, 1952. С. 472-481).

был также первый огонь какого-то маяка, по которому многие начали держать курс, это был раздавшийся с неожиданной стороны выстрел в империалистическом тылу»[51]. Книга А. Барбюса неоднократно переиздавалась в Советской России и СССР.

Тема «борьбы за мир» впервые прозвучала в литературно-критической деятельности Горького в статье «Замечательная книга ("В огне" Анри Барбюса)» (1919). Эта статья была опубликована в журнале "Коммунистический Интернационал" (1919, № 3 от 1 июля). Этот же текст печатался как предисловие к книге Барбюса в издании Петроградского Совета 1919 года и в других изданиях этой книги, а также как предисловие к первому тому собрания сочинений А. Барбюса (М.-Л., Госиздат, 1929). В 1935 году Горький написал дополнительный раздел к своему предисловию, вписывающий книгу Барбюса уже в контекст 1930-х годов (Барбюс А. В огне. М.: Academia, 1935). В предисловии Горький назвал писателя разоблачителем «патриотических иллюзий», характерных для творчества таких писателей, как Ш. Пеги, А. де Монтерлан, М. Баррес и др. «Удивительно простая и беспощадно правдивая», «страшная и радостная книга» Барбюса воспринимается Горьким прежде всего как свидетельство пробуждения революционного сознания «пролетариев битв», «окопных страдальцев». Он оценил в ней не только правдивый показ ужасов войны, но более всего – умение увидеть «огоньки нового сознания». Достоинством книги, по Горькому было то, что «эта первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, спокойно и с необходимою силою правды», что «Барбюс глубже, чем кто-либо до него, заглянул в сущность войны»[52].

В рецензии на книгу отмечалось, что «гуманность» «Огня» отнюдь не тенденциозна», что «А. Барбюс не обличитель, а печальник, не публицист, а герой»[53].

---

[51] «Правда». 1927. 10 сентября. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-5/k-priezdu-anri-barbusa (дата обращения 23 марта 2016 г.).
[52] Горький М. Предисловие к книге А Барбюса «В огне» // Барбюс А. В огне. М.: Academia, 1935. URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-34.htm (дата обращения 12 января 2017 г.).
[53] Правда. 1934. 5 июля.

Впрочем, во Франции книга Барбюса вызвала другую реакцию. Вопреки стремлению Горького революционизировать Барбюса, критик Анри Эрц[54], например, утверждал, что книга Барбюса пессимистична, бесперспективна, не открывает читателю – что же будет после «катаклизма», «потопа» – после войны.

Барбюс, в свою очередь, посвятил творчеству Горького статью «Величайший из живущих писателей» (1932), в которой он пишет об огромном влиянии Горького во Франции как художника, посвятившего свое творчество изображению социальной борьбы и социальных противоречий. Барбюс вписывает творчество Горького в линию социальной литературы, чрезвычайно значимую на родине Э. Золя, братьев Гонкуров, Ж. Валлеса. Однако, по мнению Барбюса, в отличие от французских писателей, у Горького имеется большая глубина в обрисовке картины столкновения этих противоречий и борьбы рабочего класса, какой не достигли ни Золя, ни Валлес. По мнению Барбюса, знакомство с творчеством Горького приводит молодых писателей, художников, артистов к осознанию необходимости новой социальной культуры, иного отношения к творчеству, которое не может быть только искусством для искусства. Сопоставление Горького с Золя и Валлесом оправданно: революционный пафос коммунара Валлеса, социально ориентированное творчество Золя близки Горькому.

Убедительный пример влияния Горького – сам Барбюс. В последней книге Барбюса «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир» (1935) видны следы внимательного изучения воспоминаний Горького о Ленине.

Горький пристально следил за развитием современной ему литературы во Франции, внимательнейшим образом читал произведения А. Жида (в его личной библиотеке сохранились первые издания переводов А. Жида в СССР, в том числе его дневник и знаменитый роман «Фальшивомонетчики», открывший новую эпоху французской литературы XX века). Книга «Фальшивомонетчики» из личной библиотеки Горького содержит множество помет Горького. Приезд Андре Жида в СССР совпал со смертью Горького, и французский писатель выступил на его похоронах с трибуны Мавзолея с прощальным словом.

[54] Hertz H. Henri Barbusse. Son oeuvre. Etude critique. P.: Édition du Carnet-critique, 1919.

Не меньший интерес Горького вызвала и фигура Андре Мальро, тогда еще молодого французского писателя-активиста, главные романы которого были уже написаны, а некоторые из них в русских переводах хранились в личной библиотеке Горького с его пометами. Андре Мальро посещал Горького в Тессели. Горький предложил ему издавать Энциклопедию для рабочих. Обсуждались и другие далеко идущие просветительские проекты. Неслучайно, став в послевоенном правительстве генерала Де Голля министром культуры, Мальро инициировал большую просветительскую деятельность, повсеместное открытие Домов культуры, библиотек.

Фигура Горького и события, происходящие в России, интересовали других участников диалога – французских писателей – не в меньшей степени. Луи Арагон, до 1936 года много времени проводивший в СССР, рассматривает политические и культурные события, происходившие в СССР, сквозь призму своего знакомства с Горьким и советской литературой. На страницах своих произведений Арагон воссоздает эпоху становления СССР и советской литературы, и Горький в этом контексте играет определяющую роль. Арагон, как и многие советские писатели в русле литературной политики советской эпохи, побывал на Днепрострое и Магнитке, стал делегатом Первого съезда советских писателей, работал в журнале «Интернациональная литература», участвовал в подготовке Парижского конгресса писателей в защиту культуры (1935), был активным участником французской Ассоциации революционных писателей и художников. В июне 1936 года Арагон становится свидетелем кончины Горького, провожает писателя в последний путь. Горькому, осмыслению масштаба его личности, его творчеству, его роли в общественно-политическом движении эпохи посвящены многие страницы романа «Гибель всерьез» (1965), название которого цитирует знаменитое стихотворение Б. Пастернака. Судьбу «великого пролетарского писателя» Арагон проецирует на собственную судьбу ангажированного писателя, исследуя типологию политической ангажированности. Впрочем, для Арагона Горький олицетворяет собой уходящую эпоху русского реализма Толстого и Чехова.

Интересно проследить эволюцию восприятия французскими писателями творчества и общественной деятельности Горького, а также попыток обсуждения во Франции характерных художественных концепций эпохи («революционного искусства», «пролетарской литературы», «социалистического реализма» и др.). Важнейшей вехой на пути осмысления значимости и плодотворности русско-французских литературных связей XX века стала публикация эпистолярных документов – переписки французских и российских писателей из московских и парижских архивов с 1920-го до начала 1970-х гг. – в книге «Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920-1970» (Отв. ред. Т.В. Балашова) (М., Наследие, 2002).

Исследование творчества Горького в сопоставлении с художественными и общественными исканиями французских писателей этого же периода является необходимым звеном в изучении различных аспектов многогранной творческой личности Горького, а также важнейшим условием создания литературной и научной биографии писателя. Необходимость исследования творчества Горького в контексте западноевропейской литературы вызвана стремлением расширить поле изучения литературы этого периода и сопоставить различные художественные тенденции, определившие лицо эпохи в России и во Франции.

Мы сосредоточимся на сложной и многообразной духовной встрече Горького с Ролланом. Их творческий диалог касался важнейших проблем общественно-политической и литературной сфер. Все годы после Октябрьской революции Горький оставался в центре внимания Роллана, Роллан следил за его творчеством, писал предисловия к его публицистическим произведениям, четырежды выдвигал его на Нобелевскую премию. Доверительные и даже дружеские отношения сложились у Горького с Роменом Ролланом во многом благодаря регулярной переписке, начавшейся в 1916 году и продолжавшейся вплоть до смерти Горького[55]. Под влиянием Горького и общего тяготения к СССР левой французской

[55] Переписка М. Горького и Р. Роллана выборочно публиковалась в кн.: Архив А.М. Горького. Т. VIII. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. М.: Изд. АН СССР, 1960. Полностью переписка писателей опубликована в кн.: Архив Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1996.

интеллигенции, особенно в период прихода к власти фашизма в Европе Роллан пишет знаменитое «Прощание с прошлым» (1931), в котором готов признать неуместность своего былого лозунга «над схваткой». Работа автора диссертации над переводом «Московского дневника» (1935) Р. Роллана («Вопросы литературы», 1989, №№ 3-5), а также над 15-м томом серии «Архив А.М. Горького» (1996), посвящённом переписке Горького с Р. Ролланом (1916-1936), над переводом писем Роллана Сталину[56] показала необходимость глубокого осмысления диалога двух писателей, важность затронутых в переписке тем и проблем, их развёртывание в общекультурном контексте эпохи. Кроме того, в ходе работы были обнаружены новые, не исследованные ранее документы, связанные со встречей и беседой Р. Роллана со Сталиным, подготовительные записи Роллана к беседе, его корректура для подготовки текста беседы к печати, а также запись беседы в Кремле А.Я. Аросевым с правкой Роллана. Вопросы, затронутые Ролланом в беседе со Сталиным, обсуждались им и с Горьким и оказались в центре внимания в «Московском дневнике» Роллана. Введение в научный оборот ранее неизвестных фактов и документов, связанных с диалогом двух писателей, создает новый дополнительный импульс к научному изучению литературного и общественно-политического контекста эпохи 1890-1930-х гг.

В рамках одной диссертации невозможно дать исчерпывающий ответ на все вопросы, возникшие в связи с работой над этой темой. Поэтому автор ограничился анализом наиболее характерных аспектов взаимоотношений писателей в их сложности и многообразии.

В обширном и подробном обзоре библиографии, посвященной творчеству Горького, в главе «Горьковедение на рубеже XXI века» в книге «М. Горький: новый взгляд» (2004) ведущий специалист-горьковед Л.А. Спиридонова подводит итог двадцатилетней работы ученых в области исследований творчества и создания научной биографии писателя. Из этого обзора видно, что тема диалога культур в связи с Горьким затрагивалась очень мало (были лишь публикации на тему «Горький и Ницше»), остались вне внимания исследователей его связи с

[56] Письма Р. Роллана И.В. Сталину //Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века (1920-1970) / сост. Т.В. Балашова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С.277-289.

французскими литераторами. Творчество Горького изучается, как правило, вне европейского литературно-художественного контекста, что значительно обедняет наше представление о духовном профиле эпохи конца XIX-начала XX века. Даже те документы, которые стали доступны для исследователей, как например, корпус переписки Горького с Ролланом и публикация «Московского дневника» Роллана не привлекли в достаточной степени внимание ученых. Диссертация восполнит существующий дефицит внимания к этой теме, заслуживающей более пристального исследования, чем это было сделано до сих пор. В первой главе своей монографии Л.А. Спиридонова замечает: «В последние годы на основе вновь опубликованных документов горьковеды заново осваивают и осмысляют творчество писателя. <…> Отдавая должное предшественникам, заметим все же, что нынешний уровень науки требует более глубокого, а порой качественно нового подхода к их решению»[57]. Именно такой качественно новый подход, о необходимости которого говорит ученый, автор диссертации видит в возможности исследовать творчество Горького в контексте французской литературы конца XIX-XX веков. Двадцатилетняя переписка с Р. Ролланом, одной из ключевых фигур литературной и политической жизни Франции этой эпохи, доказывает необходимость для Горького интеллектуального общения с западной мыслью, представляющей собой квинтэссенцию тысячелетней богатейшей культуры. На страницах произведений французской литературы, в частности, в романе Р. Роллана «Очарованная душа» возникает образ России, определяющее влияние на который оказало общение Р. Роллана с Горьким и его видение России и русского народа.

1.3. Роллан и Горький об итогах Октябрьской революции: «рухнула великая иллюзия»

Горький входит в круг интересов Романа Роллана с начала девятисотых годов. В это время Роллан был поглощен идеей создания «народного театра». Первые пьесы Горького, переведенные на иностранные языки, были уже известны

[57] Спиридонова Л.А. М. Горький: новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 8.

во Франции. В книге «Народный театр» (1903) Роллан затрагивал творчество Горького в связи с проблемой формирования нового репертуара для народного театра: «В более близкое к нам время несколько авторов пробовали писать непосредственно для народа: в Австрии– Раймунд, Анцегрубер; в России Толстой и Горький; Гауптман – в Германии. Но их пьесы, как, например, «Ткачи» или «Власть тьмы», представляют собой сплошные крики горя или мрачные истории, устрашающее отчаяние которых скорее способно пробудить совесть богачей, чем поддержать или развлечь бедняков, и без того угнетенных жизнью. В лучшем случае они обращаются к небольшой горсточке их, к мыслящим революционерам, к вождям будущего восстания: было бы почти нелепо предполагать, что эти гнетущие мрачные пьесы могут сохраниться в репертуаре народа, вышедшего из рабства. Это – кошмары, которые он с отвращением стряхнет с себя, и чем скорей, тем лучше»[58]. Как видно из этих слов, Роллан сомневался в пригодности пьес Горького для «народного театра». Однако тогда же, в революционном 1905 году, преследуемому царским правительством собрату по перу Роллан отправил первую книгу своего романа «Жан-Кристоф»[59], за который в 1915 году получил Нобелевскую премию, с дарственной надписью: «Максиму Горькому. Друг из Франции. Ромен Роллан. 1905» (книга находится в Музее А.М. Горького ИМЛИ РАН). Роллан восхищается Горьким как художником и человеком. В 1917 году Роллан вспоминал: «Пятнадцать лет назад, в Париже, в помещении маленькой лавчонки, в нижнем этаже одного из домов на улице Сорбонны, где мы собирались, – Шарль Пеги, я и еще несколько человек, основавших журнал «Кайе де ла Кензен»[60], – одна только фотография украшала наш редакционный кабинет, бедный, чистый, аккуратно прибранный, уставленный книжными полками. Эта фотография изображала Толстого и Горького, стоящих рядом в саду Ясной Поляны. Каким образом раздобыл ее Пеги? Не знаю, но он дал переснять ее в

[58] Роллан Р. Народный театр. Собр. соч. Т. XII. Л.: Время, 1932. С. 33.
[59] Rolland R. Jean-Cristophe. L'Aube-Paris. Societe d'ed. litteraires et artistiques. Librairie P. Ollendorf, 1905.
[60] В журнале «Кайе де ла Кензен» публиковались пьесы Роллана о французской революции (*Morituri, Danton, Le 14 Juillet).*

нескольких экземплярах, и у каждого из нас на рабочем столе находилось изображение двух далеких товарищей. Часть «Жана-Кристофа» написана под их дружеским взглядом. Теперь один из этих людей – великий старец-апостол – ушел, ушел накануне европейской катастрофы, которую он предсказал и в которой нам так страшно не хватает его голоса. Но другой – Максим Горький – твердо стоит на своем посту, и его свободные слова утешают нас в нашей утрате»[61].

«Толстой и Горький были нашими покровителями в деле независимости и правды» (АГ-14[62], 420) – такое, почти религиозное отношение вызывала у Роллана русская литература в лице ее ключевых фигур XIX и XX веков. Горький наталкивал Роллана на размышления о важнейших общественно-политических проблемах. Оба они подвергают критике современную им культуру (ср., например, слова Ежова («Фома Гордеев») о гнилости интеллигенции с размышлениями на ту же тему в «Ярмарке на площади» («Жан-Кристоф»)). Горьковское творчество в определенной мере наложило отпечаток на образы «Жана-Кристофа». Другая сторона воздействия Горького – героика. В поисках героики и жизнеутверждающего начала личности Роллан обращается к прошлому – эпохе Возрождения (творчеству Рабле, Микеланджело), веку Просвещения (к творчеству Гете, Бетховена). Героическая романтика творчества Горького в 1900-е годы оказалась созвучна миропониманию Роллана, создающего эпопею о новом герое своего века Жане-Кристофе. Жан-Кристоф спорит с социализмом с позиций индивидуализма, отстаивая право творческой личности на одиночество и свободу, но вместе с тем он создает революционную песню, участвует в первомайской демонстрации и стихийно вовлекается в борьбу на баррикадах («Неопалимая купина»).

Роллан так рассказывает о своем увлечении творчеством Горького: «Имя Горького для меня с юности – имя друга. Младший по возрасту, он уже тогда

[61] Роллан Р. Собр. соч. Т. XVIII. Л.: Время; Госиздат, 1935. С. 127-128.
[62] Серия «Архив А.М. Горького». М. Горький. Неизданная переписка. М.: Наука, 1976. Т. XIV. Далее в тексте АГ-14.

казался мне старшим, потому что слава его уже сияла на Западе, когда я только начал писать».[63]

Интересно, однако, вспомнить о том, что и у Горького в кабинете висел портрет французского писателя Стендаля: ведь именно французская литература из всех европейских вызывала его неизменное восхищение и пристальное внимание.

Начало диалога определяют три главных события того времени, напрямую связанных между собой: Первая мировая война и Февральская, а затем и Октябрьская революция 1917 года в России. В своих письмах оба писателя проясняют друг для друга и для себя свои позиции по самым актуальным вопросам времени, размышляют на общефилософские и литературные темы, вырабатывают собственную линию поведения в различных обстоятельствах не без взаимного влияния. Можно ли назвать это дружбой? Известный французский горьковед Жан Перюс[64], издавший во Франции их переписку, считает, что такое определение может показаться преувеличением: они были знакомы друг с другом в основном заочно, по письмам и художественным произведениям и встретились лишь однажды – в 1935 году, когда Роллан с женой приехали по приглашению Горького в СССР. Объединяло ли их чувство душевной привязанности, почти любви – ведь именно такой смысл мы вкладываем в слово «дружба»? Скорее можно говорить об идеологическом и политическом товариществе, солидарности участников коллективной борьбы.

Однако высказывание личных суждений, мыслей – исповедальных и полемических – рождавшихся из создаваемых в то время произведений, разделенные интеллектуальные пристрастия, писательское воображение, дорисовывающее образ далекого собеседника – все это создало постепенно настоящую привязанность. Писатель, политик, мыслитель стали лишь разными сторонами личности человека в его живой сложности. С этого времени их дружба стала тем особым видом аффективной связи, которая рождается во времена

---

[63] Груздев И. Современный Запад о Горьком. Материалы к вопросу об оценке Горького в иностранных литературах. Л.: Прибой, 1930. С. 182-183.

[64] Pérus J. Correspondance Romain Rolland – Maxime Gorki / Préface et notes de J. Pérus. P.: Ed. Albin Michel, 1991.

социальных потрясений, основанная на смутном личном притяжении, на общих идеалах, общей вере и совместном действии. История имеет много примеров такой дружбы (можно назвать хотя бы союз самого Горького с М.Ф. Андреевой, в котором общественное имело не меньшее значение, чем личное), которая стала важным социальным явлением в те годы. Его изображает – хотя и в несколько упрощенном виде – пролетарская литература и литература социалистического реализма накануне Второй мировой войны. Не обошла его вниманием и французская литература: Ромен Роллан изобразил его в «Очарованной душе»: любовь и дружба становятся неотъемлемой частью великого движения почти космического обновления, воплощением которого стала для Роллана русская революция.

Препятствием для эпистолярного диалога было отсутствие общего языка. Ромен Роллан писал по-французски, и это было залогом непосредственного выражения мысли, обретающей форму на родном языке писателя. Исключения редки: Тургенев писал одинаково легко по-французски, по-русски и по-немецки. Письма Цвейга к Роллану написаны большей частью на французском – иногда недостаточном в деталях, но передающим мысль в целом: Цвейг писал именно то, о чем хотел сказать. Роллан владел немецким и итальянским языками и мог вести переписку на этих языках. Он читал на английском, но предпочитал прибегать к помощи своей сестры Мадлен, когда надо было писать по-английски. Русского языка Роллан не знал совсем. Горький знал только русский язык. Он много раз начинал изучение французского, чаще всего в месте принудительного досуга – в тюрьме, но в тюрьме Горький никогда не сидел долго. Он писал Мадлен Роллан, что у него никогда не было времени, чтобы заниматься собой. Горький изучал французский язык в течение всего 1922 года, как об этом сообщал М.А. Пешков Е.П. Пешковой в письме от 14 октября 1922 года (АГ-15, 339). Должно быть, он немного понимал по-французски, по-немецки и по-итальянски: за его столом, по-русски гостеприимным, часто звучала иностранная речь, современники вспоминают, что его реакции и смех свидетельствовали о том, что он понимает, по крайней мере, намерения говорящих. Но этого было недостаточно, чтобы вести

переписку. Между ним и Ролланом всегда стояло третье лицо[65]. Письма Роллана он знал только в переводах, о которых мы ничего не знаем, не знаем даже, были они письменными или устными. Его собственные письма Роллану писались по-русски – он не диктовал – и его корреспондент мог судить о них только по переводу, иногда неточному. В иронических воспоминаниях Н.Н. Берберовой («Курсив мой») одно верно: невозможность для Горького прочитать и перечитать полученное письмо, подумать над ним с пером в руке, выявить в нем фразу или формулировку, совпадавшую с его собственными взглядами или противоречащую им. То же касается и Роллана: он никогда хорошо не знал писем Горького. Когда рядом с ним оказалась Мария Павловна Кудашева, в ее лице – полуфранцуженки – он обрел переводчицу высшей квалификации. Но именно в этот момент их переписка перестала носить личный характер и в основном стала отражением их общественных позиций.

Горький не просто любил писать письма: в его архиве хранится более десяти тысяч писем. Много внимания он уделял ответам на корреспонденцию. В.Ф. Ходасевич в сборнике воспоминаний «Некрополь» пишет: «На все письма, кроме самых нелепых, он отвечал немедленно. Все присылаемые рукописи и книги, порой многотомные, он прочитывал с поразительным вниманием и свои мнения излагал в подробнейших письмах к авторам».[66]

Письма Горький писал блестяще, умея придавать письму разговорную интонацию, с резкими переходами и паузами, без усилия пользуясь исключительной гибкостью русского языка. Он умел в каждой фразе, каждом слове не только присутствовать сам, но и вызывать воображаемое присутствие собеседника. В его письмах есть то же наслаждение словом и пылкость, которые отличали его первые рассказы и составили его репутацию: они несли в себе непосредственность жизни. Это касается его писем к родным, его переписки с Леонидом Андреевым, с которым его объединяла мучительная дружба, его переписки с Федором Шаляпиным. Но в равной мере это относится и к его деловым

[65] Р.П. Аврамов – видный болгарский общественный деятель, бывал у Горького на Капри.
[66] Ходасевич В.Ф. Некрополь. М.: Вагриус, 2001. С. 145.

письмам, например, к К. Пятницкому, заведовавшему издательством «Знание», к его переписке с молодыми писателями. Если собрать все письма к ним, получится блестящий учебник по литературе.

Письма к Роллану составляют исключение. В письмах, датированных тем же временем, нет такого обилия отточенных формулировок, заявлений, самооправданий, изложения взглядов и фактов. В письмах к Роллану Горький выступает чаще всего, особенно к концу жизни, как публицист. Но то же можно сказать и о письмах Роллана.

В предисловии к французскому изданию переписки Горького и Роллана французский исследователь Жан Перюс сравнил их переписку с перепиской Роллана и Стефана Цвейга. Он делает по этому поводу интересные замечания. Письма Роллана к Цвейгу кажутся ему намного живее, богаче, разнообразнее. В них находят отражение многочисленные интересы корреспондентов: по ним можно проследить их размышления о политической ситуации, о столкновении точек зрения и позиций, так как обмен мыслями для них основан на единой культуре, и речь идет о некоторых нюансах мыслей и чувств собеседника. Они хорошо знают друг друга, знают, в чем они согласны, и понимают друг друга с полуслова. Между ними развертывается настоящий диалог: новые события вызывают в них предсказумые реакции, но каждый отдает дань настроению и обстоятельствам, придающим новые оттенки их переживаниям. Оба они купаются в европейской культуре: чувствуют ее латинские, германские и славянские корни. Для австрийца это естественно. Француз испытывает необходимость в универсальности. Для обоих искусство – высшее проявление этой культуры, их политические взгляды определяются эстетическими и этическими воззрениями. Переписка в данном случае выводит на свет глубинные побуждения души.

Между Ролланом и Горьким нет ничего подобного.

Их переписка показывает, что они движутся как бы наощупь, постоянно возникают недоразумения и неловкости, и от письма к письму становится очевидно, что они никогда не придут к полному согласию. Именно по этой причине многие письма носят характер декларации. Особенно это относится к письмам

Роллана: часто возникает ощущение, что он пишет открытые письма, обращаясь через голову своего корреспондента к народу в целом. Иногда целые параграфы переходят из письма в письмо к разным корреспондентам, более того, их можно найти в текстах публичных обращений или в текстах романов. Его письма порой из диалога превращаются в монолог. Горький тоже часто называет свои письма «отчетами». Даже ирония в их письмах зачастую кажется безличной.

Письма Роллана представляются написанными как бы с целью публикации. Переписка писателей, уклоняясь от личного содержания, носит скорее общественный характер. Именно поэтому она представляет собой исторический интерес. Она запечатлевает сложную историческую эпоху во всех ее трагических противоречиях, она – искреннее свидетельство пережитого, мыслей и чувств писателей различного происхождения и жизненного опыта, каждый из которых шел собственным путем, и вот их пути пересеклись: они оказались в самой гуще схватки.

Война в Европе вызвала волну социального протеста, носившего социалистическую окраску. Швейцария, куда переехал Роллан в ответ на травлю, развязанную французской прессой в связи с его пацифистскими выступлениями, сохраняла нейтралитет. Здесь, как грибы после дождя, возникали пацифистские организации, полуофициальные благотворительные комитеты, служившие связующим звеном между воюющими странами, христианские и светские издания, пытавшиеся таким образом избежать запретов и давления военной цензуры. Ромен Роллан сотрудничал в газете «Демэн»[67] (*Demain),* издававшейся Анри Гильбо[68], и в «Журналь де Женев» (*Journal de Genève).* И, наконец, выделяется третья, самая

---

[67] «Demain» – пацифистский политический журнал французского социалиста-интернационалиста Анри Гильбо, выходивший в Женеве в 1916 – 1918 гг. Выступал с осуждением войны и милитаризма. В журнале с первых номеров сотрудничал Роллан. В 1917 – 1918 гг. в нем были перепечатаны некоторые статьи Ленина, а также статья Луначарского об Э. Верхарне (1916. № 11–12).

[68] Гильбо Анри (Henri Guilbeaux, 1883–1938) – французский поэт, публицист, общественный деятель, соратник Роллана в период Первой мировой войны. Исторический протокол собрания группы членов РСДРП (б) от 26 марта (8 апреля) 1917 г. заканчивался словами: “Все дело нами ведется совершенно открыто, и мы вполне убеждены, что рабочие-интернационалисты в России вполне солидаризируются с нашим шагом”.

немногочисленная группа интеллектуалов Европы – те, кто сохранили иммунитет от национализма, для которых гуманистические, общечеловеческие ценности носили характер сверхценностей, кто, как писал о себе С. Цвейг, «слишком долго жил космополитично, чтобы вдруг, за одну ночь, возненавидеть целый мир, который был таким же моим, как и моя родина»[69], кто был «вакцинирован недоверием против инфекции патриотического воодушевления», кто « в глубине души… чувствовал себя гражданином мира».

Начало войны было воспринято европейской интелигенцией как глубокая личная драма. Об этом свидетельствуют заметки в дневниках и мемуарах, относящиеся к первым дням войны. «Я хотел бы умереть. Ужасно жить среди обезумевшего человечества и беспомощно взирать на крушение цивилизации»[70], – писал Роллан. «У меня остановилось сердце», – так о своих ощущениях в самом начале войны вспоминал С. Цвейг. «Иногда казалось, что перед тобой беснующаяся толпа, хотя это были те же самые люди, чьим разумом, чьей творческой энергией, чьими поступками мы восхищались еще неделю, месяц назад», – отмечал С. Цвейг.[71] А. Эйнштейн констатировал в письме другу, что всемирная катастрофа его «как решительного интернационалиста страшно угнетает».[72] Драматизм мироощущения усугублялся в начальные дни войны тем, что почти каждый из этих «граждан мира» чувствовал себя со своей позицией неприятия войны и национализма почти абсолютно одиноким в своей стране. Исключением в этом смысле была часть британских интеллектуалов, структурированная в группу «Блумсбери» (Д.М. Кейнс, В. и Л. Вульф, Л. Стрейчи, Э.М. Форстер и др.). Этих людей, связанных личной дружбой, объединяло критическое отношение к действительности, философский рационализм и политический радикализм. С началом войны они заняли открыто пацифистскую позицию.

---

[69] Цвейг С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга, 1987. С. 308.
[70] Цвейг С. Ромен Роллан. Жизнь и творчество // Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Правда, 1963. С. 164.
[71] Цвейг С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга,1987. С. 304.
[72] Гернек Ф. Альберт Эйнштейн. М.: Прогресс, 1966. С. 127.

Занимавшие подобные позиции интеллигенты на континенте в начале войны были гораздо более разобщены в рамках одной страны. Тем не менее, многие из них решились выразить свое личное отношение к разразившейся войне и националистической лихорадке. Роллан, которого август 1914 года застал в Швейцарии, пишет сборник статей «Над схваткой», С. Цвейг – открытое письмо «Зарубежным друзьям», Г. Гессе озаглавил свою статью шиллеровской строкой «О друзья, оставим этот тон». Ученые физиолог Николаи, физик Ферстер составили проект контрманифеста «Призыв к европейцам». Исследователь М.А. Оболонкова замечает: «В каждой из этих публикаций авторы дистанцировались от националистической ненависти, призывали деятелей культуры поддерживать рушившиеся «духовные мосты» между народами, хранить верность своим друзьям за границей, вместе с ними возрождать европейскую культуру».[73] Решение открыто высказать свое убеждения, глубоко противоречащие настроениям, господствующим в стране, да и во всем воюющем мире, давалось нелегко. В «Дневнике военных лет» Роллан пишет: «24 сентября 2014 года. «Журналь де Женев» публикует 22–23 сентября в виде приложения мою длинную статью «Над схваткой», которая одновременно является… обвинительным актом против преступных зачинщиков этой войны и призывом к союзу европейских умов. <…> 24 октября 1914 года. Профессор Олар, мой коллега по работе в Сорбонне, изобличает меня в статье, опубликованной 23 октября в «Ле Матен» под заголовком: «Перемещённая германофилия»; моя статья, опубликованная в «Журналь де Женев», кажется ему еретической; он говорит о необходимости как лично ему самому, так и Сорбонне отмежеваться от моих взглядов. <…> 9 ноября 1914 года. Бирюков, друг Толстого, который живёт в Онексе близ Женевы, прислал мне письмо (4 ноября), так как я «единственный, поднявший свой голос против этого кошмара, который душит нас на протяжении трёх месяцев».[74] Роллан вспоминал: «Нельзя сказать, чтобы я с легким сердцем перешагнул через

[73] Оболонкова М.А. Дискурс войны и человек мира // История РФ. Федеральный портал. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/853133607/ (дата обращения 11 февраля 2017 г.)

[74] Цит. по: Панков Ю. Ромен Роллан против Первой мировой и Великой Октябрьской. Долгая дорога из архивов. Дневник военных лет // Совершенно секретно. 2016. №3/380. 4 марта.

заколдованный круг Родины, тесный и обособленный, – чтобы вступить в круг более обширной родины – Европы, а затем Евразии»[75].

Последовательность в сохранении гуманистических убеждений потребовала незаурядной стойкости. Антивоенные публикации подвергались разрушительной критике со стороны ура-патриотов, авторов заклеймили формулировкой кайзера Вильгельма – «странствующие подмастерья без отечества».[76] Исследователи отмечают, что именно благодаря этим первым разрозненным публикациям их авторам удалось преодолеть невероятно угнетавшую их отчужденность, внутреннее отчаяние и почувствовать, что они не одиноки. Очень важную роль в кристаллизации идей гуманизма, интернационального взгляда на мир, антивоенной позиции сыграла швейцарская эмиграция, интереснейшее явление духовной жизни Европы в годы Первой мировой войны. Вокруг Р. Роллана сгруппировалась левая интеллигенция: французы Р. Аркос, П. Жув, А. Гильбо, бельгийский художник Мазереель, немецкий писатель Г. Гессе и ученый Николаи, в Швейцарию приезжали А. Эйнштейн, С. Цвейг, К. Шпиттелер, Г. Сенкевич. Убежденные противники войны и национализма высказывали свои гуманистические взгляды на страницах швейцарской прессы и в переписке, корреспондентами которой были Б. Рассел, Ж.Р. Блок, Р. Штраус, А. Эйнштейн, С. Цвейг, Э. Дузе, О. Роден, Б. Шоу, Г. Уэллс и др.

В Швейцарии образовался некий центр притяжения интеллектуалов, не утративших свободу мысли и чувствовавших необходимость «сохранить зону спокойствия духа посреди национальных и социальных конвульсий и бурь»[77]. Почти каждый из этих людей мог бы сказать словами Роллана, которыми он ответил на вопросы анкеты американского еженедельника «Fair Play» в 1915 году: «Война ничего не разрушила из того, во что я верил. Она лишь укрепила мою веру»[78]. Это была та часть европейской интеллектуальной элиты, которая, ощущая

---

[75] Роллан Р. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1966. С. 194.
[76] Оболонкова М.А. Дискурс войны и человек мира // История РФ. Федеральный портал. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/853133607/ (дата обращения 11 февраля 2017 г.)
[77] Роллан Р. Статьи, письма. М.: Радуга, 1985. С. 288.
[78] Цит. по: Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914-1924 годы. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. С. 25.

себя «гражданами мира», начала осознавать важнейшую тенденцию XX века, о которой позднее очень точно скажет Даниил Андреев. «Внутренний пафос новейшей истории, – писал Д.Л. Андреев, – в стихийном стремлении ко всемирному… На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?» [79]

В своих воспоминаниях Цвейг («Вчерашний мир. Воспоминания европейца») дал характеристику этому периоду и одному из лидеров швейцарского круга интеллигенции: «Неотъемлемой заслугой Гильбо останется то, что он руководил основанным им же, единственным во время первой мировой войны имевшим влияние антивоенным журналом "Демэн" – тем документом, который, хотя бы постфактум, должен прочесть каждый, кто хочет по-настоящему понять духовные течения той эпохи. Он, отвечая нашим нуждам, явился центром интернациональной, наднациональной дискуссии в разгар войны. То, что за ним стоял Роллан, определило значение журнала, ибо благодаря моральному авторитету и связям писателя журнал мог привлечь к сотрудничеству в нем виднейших представителей Европы, Америки и Индии. С другой стороны, находившиеся еще в ту пору в эмиграции революционеры из России – Ленин, Троцкий и Луначарский – прониклись доверием к радикализму Гильбо и регулярно писали для "Демэн". Но для Парижа это сочли достаточным поводом, чтобы объявить Гильбо купленным Германией агитатором и привлечь его к ответственности. Он был приговорен к смерти – более чем несправедливо, что, собственно, и подтверждает тот факт, что спустя десять лет этот приговор был отменен на кассационном процессе. Но вскоре, помимо этого, он из-за своей резкости и нетерпимости, постепенно становившихся опасными и для Роллана, и для нас всех, вступил в конфликт со швейцарскими властями, был арестован и заключен в тюрьму. Спас его только Ленин, который испытывал к нему личную

[79] Андреев Д. Роза мира. Собр.соч.: в 3 т. Т.2. М.: Московский рабочий; Присцельс, 1995. С. 9.

склонность, а также в благодарность за оказанную в тяжелейшее время помощь, одним росчерком пера превратив его в гражданина России и позволив ему во втором запломбированном поезде прибыть в Москву. Теперь, пожалуй, он мог бы развернуться во всю свою мощь. Ибо в Москве ему, имевшему за плечами все заслуги настоящего революционера, тюрьму и смертный приговор in contumaciam, во второй раз были предоставлены все возможности действовать. Но на самом деле оказалось, что Гильбо был отнюдь не прирожденным вождем, а лишь, как многие поэты периода войны и политики революции, рыцарем на час; такие раздвоенные натуры после неожиданных взлетов в конце концов уходят в самих себя. В России, как в свое время в Париже, неизлечимый спорщик, он растратил свои способности на мелкие перебранки и склоки и постепенно испортил отношения даже с теми, кто уважал его смелость, – сначала с Лениным, а затем с Барбюсом и Ролланом и в конце концов со всеми нами. Как в Женеве благодаря поддержке Роллана, в России благодаря доверию Ленина он мог бы сделать много положительного в строительстве новой жизни; с другой стороны, в силу проявленного им во время войны мужества едва ли кто-нибудь другой после войны был предназначен играть во Франции решающую роль в парламенте и обществе, так как все радикальные группы видели в нем настоящего, активного, мужественного человека, прирожденного вождя. Он кончил, когда все улеглось, как и начал: не заслуживающими внимания брошюрами и никчемными пререканиями; совсем безвестный, он вскоре после его помилования умер в каком-то уголке Парижа. Отважнейший и храбрейший в войне против войны, оказавшийся на высоте в свой час, имевший задатки к тому, чтобы стать одной из крупнейших фигур нашей эпохи, сегодня он полностью забыт – и я, быть может, один из последних, кто вспоминает о нем с благодарностью за выступления его "Демэн" во время войны».[80]

Антивоенные статьи Роллана «Ara pacis», «Распинаемым народам», «Над схваткой» и др., печатавшиеся в швейцарских изданиях 1914-1916 гг., содержали резкий протест против бессмысленного истребления людей и культурных ценностей. Эти статьи вошли в сборники «Над схваткой» (*Au-dessus de la mêlée,*

[80] Цвейг С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга,1987. С. 304.

1915) и «Предтечи» (*Les précurseurs*, 1919). В России статьи Роллана были опубликованы в журнале «Северные записки» (1914, № 8-9; 1915, № 1,2) и газете «Русские ведомости» (1914, 19 сентября), а также отдельной книгой в 1924 г. в Ленинграде под названием «Предтечи» (АГ-15, 333). В сборнике статей «Над схваткой», в статье «Какое из двух зол меньшее: пангерманизм или панславизм?» (1914) Роллан упоминает имя Горького рядом с именами Толстого и Достоевского: «Кто, как не русские писатели, были нашими руководителями? Кого можете вы, немцы, противопоставить этим колоссам поэтического гения и нравственного величия – Толстому, Достоевскому? Это они создали мою душу; защищая расу, которой они принадлежат, я плачу свой долг по отношению к ним, по отношению к ней. <…> Слава богу, в России преступлений царизма никогда не защищало перо великого художника, мыслителя, ученого! Кто заявил о них миру, как не Кропоткин, Толстой, Достоевский, Горький, – все, что пользуется известностью в литературе!»[81] Роллан разделял позицию Горького по отношению к царизму (вспоминая при этом вольтеровское выражение по отношению к католической церкви: «écrasez l'infâme»[82]).

В Женеве Роллан познакомился с русскими эмигрантами П.И. Бирюковым, Н.А. Рубакиным, А.В. Луначарским. П.И. Бирюков[83], бывший морской офицер, принявший толстовство, был близко знаком с Толстым и пострадал за свою помощь духоборам (христианской секте, отрицавшей всякую власть и отказавшейся от военной службы). Павел Иванович Бирюков написал подробную биографию Толстого, два тома этой биографии вышли в свет в 1906 и 1908 гг. В 1914 году Бирюков с большими трудностями получил текст антивоенного воззвания "Опомнитесь, люди-братья!", составленного и напечатанного В.Ф. Булгаковым в Ясной Поляне на стареньком толстовском «ремингтоне», и опубликовал его в

[81] Роллан Р. Собр. соч. Т. 18. Л.: Время, 1935. С. 31-32.
[82] «Раздавите гадину!» (франц.)
[83] Павел Иванович Бирюков (1860-1931) – русский публицист и общественный деятель, биограф, друг и последователь Л. Н. Толстого. В 1920-х годах руководил рукописным отделом московского Музея Толстого, став первым его хранителем. В 1923 г. в соответствии с давним замыслом уехал в Канаду к духоборам. Здесь он тяжело заболел и был перевезен женой в Швейцарию, где в 1931 г. скончался. Автор четырехтомной биографии Л. Толстого, книги «Духоборы» (1901) и др. Роллан переписывался с ним с 1915 по 1931 г.

пацифистском журнале А. Гильбо "Demain". Предполагалось опубликование воззвания толстовцев в нейтральной прессе на языках основных воюющих государств – немецком, русском, французском, итальянском[84].

Н.А. Рубакин[85] собрал огромную библиотеку русских книг и опубликовал несколько брошюр-путеводителей по различным областям знания, сопроводив их советами по чтению, а также большую работу под названием «Среди книг» (*Parmi les livres)* – эссе о том, какие богатства таят русские книги.

А.В. Луначарский, один из лидеров большевиков-«интернационалистов», который с 1906 года находился в эмиграции, взялся наладить постоянный контакт с известным писателем. В своем дневнике Роллан пишет о предложении Луначарского сотрудничать в российской прессе: «26 января 1915 года. Из Женевы пришло письмо некоего русского писателя-социалиста Анатолия Луначарского: «Дорогой мэтр, я ваш неизвестный друг, ваш почитатель, даже коллега. В меру моих скромных сил я выполняю задачу, близкую по своей направленности вашей.

---

[84] Подписи собирались В.Ф. Булгаковым в ходе личных контактов и через переписку. Не все из тех, к кому он обращался, соглашались подписать документ. Действительно, большинство подписавших воззвание, подверглись аресту и суду, в том числе и В.Ф. Булгаков. В начале войны толстовцы составили несколько воззваний: «Наше открытое слово» (г. Полтава, август – сентябрь 1914 г.) Митрофана Семеновича Дудченко (1867-1946); «К новобранцам» (г. Крапивна Тульской губернии, 23 октября 1914 г.) Юрия Юлиановича Мута; в декабре 1914 г. в Тобольске было расклеено воззвание двух подростков – Вениамина Тверитина и Залмана Лобкова. М.С. Дудченко с А.Н. Чехольским просил дополнить общий текст булгаковского воззвания собственной вставкой: «Присоединяя свою подпись, считаю необходимым выразить свое глубокое убеждение, что главным виновником всех наших несчастий (также войны) является не правительство или духовенство, не те или иные люди, толкающие нас к греху, а настоящими виновниками являемся мы же сами... Думаю, что только это искреннее сознание даст нам возможность освободить[ся] от того рабского положения, находясь в котором мы не можем не совершать преступлений» (цит. по электронному источнику: https://dom-knig.com/read_343543-4).

[85] Николай Александрович Рубакин (1862–1946) – русский книговед, библиограф, популяризатор науки и писатель, друг Луначарского и Роллана, был до революции секретарем Комитета грамотности, руководителем издательских фирм О.Н. Поповой и И.Д. Сытина, много сделал для просвещения народа, доступности серьезного чтения. Участник русской революции 1905 г., с 1907 г. жил в Швейцарии, где собрал уникальную русскую библиотеку, постоянно пополнявшуюся книгами, выходившими в России. В 1930 г. Совнарком дал Рубакину персональную пенсию. Во время войны Рубакин помогал советским военнопленным в Швейцарии. Согласно завещанию, его библиотека была передана в Российскую государственную библиотеку в Москве. Его литературное и научное наследие огромно: 280 книг и брошюр, свыше 350 журнальных статей. Скончался в 1946 г. в Лозанне и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Я пытаюсь многочисленными статьями содействовать распространению вашего имени в России. Слава того или иного писателя мне сама по себе безразлична. Но я признаю в вас одного из «властителей дум», как говорят в России… Я рад, что вы, на которого я всегда возлагал большие надежды, сохранили свою мудрость среди националистической оргии. Первой моей мыслью было перевести три ваших статьи, которые появились в «Журналь де Женев» и опубликовать их в России… Я сообщил о моих размышлениях редактору «Киевской мысли» – нашей «Депеш де Тулуз» (Киев это наша Тулуза, насчитывающая, примерно, 700 тысяч жителей). И он мне ответил: «Отправляйтесь немедленно в Женеву. Попытайтесь побеседовать с Роменом Ролланом, помогите ему понять границы, которые нам навязывает цензура и придать его идеям во всей человеческой широте приемлемый тон с учетом нашей легальности…» Я явился ради этого. Я никоим образом не являюсь типичным журналистом. Я автор произведений в двух томах – «Социализм и религия», нескольких томов философских и критических исследований, нескольких драм и рассказов. При всей скромности, но чтобы вас просто проинформировать, я могу сказать, что во всяком случае я известен в России как достаточно известный социалистический писатель. Я возлагаю большие надежды на этот разговор, и я надеюсь, что вы мне не откажете. Анатолий Луначарский».[86]

Личная встреча Роллана с Луначарским состоялась 29 января 1915 года. Роллан методично записал в дневник свои впечатления от знакомства с будущим наркомом Просвещения: «29 января 1915 года. Луначарский производит на меня впечатление человека искреннего, интеллигентного, без иллюзий».[87]

Луначарский пригласил Роллана к сотрудничеству в горьковском журнале «Летопись», заверив его, что их мнения по вопросам войны, будущего мира, европейского союза совпадают. Вот что он писал по этому поводу Роллану[88]:

---

[86] Цит. по: Панков Ю. Ромен Роллан против Первой мировой и Великой Октябрьской. Долгая дорога из архивов. Дневник военных лет // Совершенно секретно. 2016. №3/380. 4 марта.

[87] Там же.

[88] Переписка Роллана с Луначарским и комментарии к ней (выборочно) цит. по кн.: А.В. Луначарский: Неизданные материалы / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Ред. Н.А. Трифонов. Раздел «Письма к Ромену Роллану», предисл. В. Балахонова; пер. с фр. М.И. Беляевой; публ. И.А. Луначарской при участии Л.К. Кувановой. Литературное наследство. Т. 82. М.: Наука, 1970. С. 459-492.

«Дорогой Мэтр,

к сожалению, у вас все еще неопределенный адрес. Вот почему я пытаюсь переслать вам это письмо через «Demain».

Редакция крупного русского журнала «Летопись», недавно основанного Максимом Горьким, которого вы, без сомнения, знаете, пишет мне, что давно уже послала вам приглашение сотрудничать, но ответа от вас не получила.[89]

Должен сказать вам, что «Летопись» – единственный у нас журнал, осмеливающийся открыто защищать идею европеизма и решительно выступать против националистического разгула, который свел у нас с ума даже людей, до сих пор, казалось бы, самых здравомыслящих. Горький придерживается тех же взглядов на войну, на будущий мир, на борьбу за объединение европейцев, людей, не считающихся с границами, – что и вы.

Ваше сотрудничество в высшей степени желательно как в ваших собственных интересах, так и в наших. Вы подвергаетесь в России резким нападкам и притом не только со стороны правых националистов, но и таких людей, как некий Чулков, выдающий себя за анархиста–мистика, чья достаточно гнусная статья была, к сожалению, напечатана в самой радикальной петроградской газете «День». Правда, он получил от Лирова в «Киевской мысли» заслуженную отповедь.[90] Я

---

[89] «Летопись» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал (1915 – 1917), основанный Горьким, который сгруппировал вокруг него литературные силы, выступавшие против империалистической войны, национализма, шовинизма. Горький придерживался политической линии «впередовцев» (А.В. Луначарский) и меньшевиков. Луначарский поместил в «Летописи» ряд рецензий и статью «Расслоение социал–демократии» (1917. № 5–6).

[90] Речь идет о статье Г. Чулкова «Нейтральный писатель» («День». № 3. 4 января 1916), в которой осуждалась общественно–политическая деятельность Роллана как «писателя бессильного и ограниченного», попавшего в «трагикомическое положение со своим тупеньким нейтралитетом в дни всемирной бури и яростной борьбы не на живот, а на смерть». Газета «Киевская мысль» поместила в ответ полемическую статью М. Лирова (М. И. Литвакова) «Литературная пляска» (18 января 1916): «Я хотел бы здесь только отметить недостойную кампанию, которую повели против Ромена Роллана в связи с занятой им позицией в настоящей войне некоторые наши литературные ничтожества из мистико–анархического лагеря <…> Эти анархо–мистические посредственности обрушились на Ромена Роллана. Г–н Минский посвятил ему злобную статью в «Утре России», а г. Чулков – злобно лицемерную статью в «Дне» <…> На фоне его мужественной деятельности уже слишком выступает их идейная и душевная нагота… Как бы то ни было, грустно становится при виде этой пляски вокруг имени одного из столь немногих праведников современной культуры».

послал в «День» статью о вашей книге («Над схваткой»), но не уверен, что она преодолеет двойную преграду редакционной и правительственной цензуры.[91]

Выступите сами, дорогой Мэтр, перед лучшей частью русской читающей публики! У нас прекрасная аудитория: декабрьский номер 1915 г. (первый), вышедший тиражом в 10 000 экземпляров, уже невозможно найти в книжных магазинах. Чертков печатает у нас «Дневник Л. Толстого».[92]

Я знаю, что гонорарный вопрос вас мало интересует, но хочу вам все же сказать, что журнал достаточно богат и заплатит.

А для начала не разрешите ли вы мне перевести вашу прекрасную статью о Шекспире, появившуюся в «Demain»?[93]

Вообще советую вам присылать мне те французские статьи, которые вы захотите публиковать в «Летописи»: я стану с любовью переводить их. Вам трудно будет найти более преданного переводчика, кроме того я – опытный переводчик[94] и литератор. Жду вашего ответа, дорогой г. Роллан.

Ваш искренний друг и почитатель

Ан. Луначарский

Сен–Лежье бл. Веве. Дача Боломе

1916 25/IV».

Из дальнейшей переписки А.В. Луначарского с Р. Ролланом видно, что лидер группы «Вперед» пытался привлечь Роллана и к сотрудничеству в большевистской газете «Правда», которая стала выходить в Петрограде с марта 1917 г. 28 марта 2017 года он писал Роллану: «В Петрограде теперь выходит наша социалистическая газета «Правда». Прошу вас написать для этой газеты статью о позиции либеральной буржуазии по отношению к нашей подлинной и народной революции, которая нарастает за спиной пока еще стоящих у власти империалистов,

---

[91] Статья Луначарского о книге Роллана «Над схваткой» в газете «День» не появилась.
[92] В «Летописи» (1915, № 12 и 1916, № 1,9 и 12) печатались отрывки из дневника Л. Н. Толстого.
[93] Луначарский перевел статью Роллана «Правда в шекспировском театре» из журнала «Демэн» («Demain». 1916. № 4). Его перевод был напечатан в № 6 «Летописи» за 1916 г.
[94] Луначарский перевел статью Роллана «Правда в шекспировском театре» из журнала «Демэн» («Demain». 1916. № 4). Его перевод был напечатан в № 6 «Летописи» за 1916 г.

сторонников «войны до победного конца»; или хотя бы разрешить мне напечатать там те два благородных письма, которые вы прислали мне по поводу революции».[95]

Роллан написал обращение «к русским братьям» под названием «Привет свободной и несущей свободу России» (*Salut à la Russie libre et libératrice)*: «Русские братья, недавно разбившие цепи и одним броском догнавшие Францию эпохи революции, – превзойдите ее, завершите свое и наше дело, дайте Западу пример великого свободного и единого народа, который отбрасывает прочь и побеждает империализм всех видов – и внешний, и внутренний. Не поддавайтесь усыплению. Избегайте каких–либо излишеств, которыми воспользовалась бы реакция. Вы должны добиться порядка и дисциплины для того, чтобы победить. Будьте справедливы, спокойны, тверды, терпеливы. Не торопитесь строить, пока не уверитесь в прочности фундамента. Воздвигайте камень за камнем нерушимые стены. Двигайтесь вперед шаг за шагом и никогда не отступайте. Вы работаете во имя свободы всего мира. И да последует разбуженный вами мир вашему примеру», где, в частности, говорилось: «Вы служите делу мировой свободы. Пусть мир, разбуженный вами, последует за вами!»[96]

При том, что Роллан не отказался сотрудничать с Луначарским по вопросам войны и мира, а затем написал по его просьбе полное энтузиазма обращение, приветствовавшее Февральскую революции, записи в его дневнике того времени полны скептицизма и сомнений – Роллан не верит, что Февральская революция в России послужит к окончанию войны: «16 марта 1917 года. К нам приходят новости о революции в России. Отречение царя. Победоносная Дума, опирающаяся на армию. Я сразу же написал Бирюкову, Рубакину, Луначарскому, чтобы поздравить их. Но сколь бы значительным ни было такое событие для будущего России, я не ожидаю от него никакого улучшения нынешних бед. Партия-триумфатор, а именно партия Милюкова более воинственна и более националистична, чем свергнутый с

---

[95] Литературное наследство. Т. 82. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/pisma-k-romenu-rollanu/9/

[96] Это обращение Роллана в «Правде» не появилось. Оно было опубликовано в журнале «Демэн» 1 мая 1917 г. Цит. по кн.: Роллан Р. Собр. соч. Л.: Время, 1933. Т.18. С. 123-124. В 1918 г. в «Петроградской правде» (№ 231, 22 октября) было напечатано другое обращение Роллана под названием «Свободной России».

трона царизм… Я утратил всякие иллюзии о превосходстве демократии над автократией, когда речь идёт о войне».[97]

Сотрудничество с большевиками через посредничество Луначарского закончилось для Роллана решительным осуждением их образа действий, как показала история с «пломбированным вагоном». Русские социал-демократы, находившиеся в то время в эмиграции, «горели желанием» вернуться на родину. Луначарский обратился к Роллану с просьбой помочь им в этом (в письме от 28 марта 1917 года): «Все мы горим желанием вернуться в Россию. Вы знаете, что мы встречаем почти непреодолимые препятствия. Англия, получив от нашего посла–шпиона (К.Д. Набокова – *М.А.*) наши характеристики, не пропускает – даже на те редкие пароходы, которые еще курсируют между Ньюкастлем и Копенгагеном – никого из нас, в ком подозревает противников войны до полного истощения жизненных сил Европы. Это возмутительно! Мы наметили другой план: добиваться, чтобы наше правительство возвратило Германии несчастных гражданских пленных, которых русская армия подло увела за собой при отступлении из Восточной Пруссии. А в обмен (хотя эта мера предписывается простым чувством гуманности) Германия пропустила бы нас в Данию в особых герметически закрытых вагонах. Я не вижу в таком плане ничего нелепого, ничего безнравственного, ничего невозможного. Нужно было бы только заинтересовать им выдающихся деятелей международного гуманистического лагеря, в первую очередь г. Адора. Не могли ли бы вы дать мне рекомендательное письмо к этому уважаемому и влиятельному человеку?»

В своем письме Луначарский упоминает имя швейцарского политика Густава Адора, председателя Международного общества Красного Креста. Роллан послал Луначарскому рекомендательное письмо к другому члену Международного комитета Красного Креста доктору Фредерику Ферьеру. Так Роллан оказался причастным к знаменитому «пломбированному вагону», увозившему большевиков

---

[97] Цит. по: Панков Ю. Ромен Роллан против Первой мировой и Великой Октябрьской. Долгая дорога из архивов. Дневник военных лет // Совершенно секретно. 2016. №3/380. 4 марта. Далее «Дневник военных лет Роллана» цит. по этой публикации и обозначен в тексте диссертации как ДВЛ.

в Россию. Более того, Роллан и Гильбо получили от Луначарского (по просьбе Ленина) предложение сопровождать русских социал-демократов в их пути на родину. Имя Роллана, незадолго до этих событий получившего Нобелевскую премию, должно было стать охранной грамотой большевиков. Однако тут Роллан отказал: зная о настроениях своих друзей социал-демократов, он не захотел принять прямого участия в русской революции, предпочитая и здесь оставаться «над схваткой», более того, он предупреждал А. Гильбо, согласившегося сопровождать большевиков, что из-за соглашения с Германией большевиков будут считать предателями. Роллан записывает в своем дневнике: «6 апреля 1917 года, Святая пятница. Гильбо совершенно конфиденциально поставил меня в известность о плане его друзей, русских революционеров, который я нахожу очень опасным. После того как они исчерпали все обычные и необычные средства, чтобы вернуться в свою страну, после того, как им отказали в проезде через Францию и Англию, после того, как они напрасно пытались использовать поддержку Международного Красного Креста, у них возникла смелая идея – добиться своей цели через посредничество их швейцарских товарищей (Гримм и Платтен) с генеральным консульством Германии (в Швейцарии. – Ред.). Они подписали (или подпишут) соглашение, по которому в ответ на обязательство – по возвращении в Россию сделать всё для освобождения немецких гражданских пленных – Германия разрешит им ехать в Россию в опломбированных вагонах от границы к границе.

Поэтому Гильбо отправляется в Берн, чтобы в качестве свидетеля – с Гриммом, Платтеном и ещё несколькими швейцарскими социалистами – составить и подписать в качестве свидетелей соответствующий акт. Как только русские прибудут в Россию, этот документ опубликуют международные социалистические газеты.

Я выступаю резко против этого мероприятия. Я совершенно не сомневаюсь в доброй воле русских революционеров. (Она вне всяких сомнений). И я очень хорошо понимаю (в особенности зная их решительность) крайнее нетерпение, которое владеет ими при мыслях о будущих битвах в Петрограде. Но я не могу допустить, чтобы они прибегли к немецкому правительству. Не только потому, что

оно вражеское (а они не признают его таковым), но потому что они прибегают к худшей поддержке милитаристского империализма. И что очевидно – он окажет им эту помощь, только потому что рассчитывает воспользоваться ими. И что бы ни произошло потом, как бы лояльны ни были их намерения, впоследствии – в глазах Европы, в глазах своего собственного народа они будут выглядеть как сговорившиеся с врагом. Подозрение в предательстве будет преследовать их всю жизнь и разрушит их дело. <…> Если им удастся доехать до Петрограда и возглавить там рабочее революционное движение против либеральной и милитаристской буржуазии, начнётся гражданская война – в тот момент, когда немецкие войска только и ждут случая, чтобы начать крупное наступление. Следовательно, они рискуют превратиться, не желая того, в орудие врага…» (ДВЛ). Как мы видим, Роллан был хорошо осведомлен о планах большевиков, однако не поддержал их. Более того, он предвидел возможность гражданской войны и не мог не протестовать против этого. Помимо аргументов, изложенных им в дневнике, существовала еще одна причина, по которой он скептически относился к возможности победы той или иной партии. Он неутомимо разъяснял свою позицию: любая партия (от лат. pars, partis – часть) выражает интересы лишь части общества, не принимая во внимание интересы других его членов. Разумеется, повлиять на решение большевиков Роллан не смог: «Мои аргументы и моя позиция немного поколебали Гильбо. Но не более, чем я, он ничего не может сделать, чтобы изменить решение своих товарищей, которых увидит этим вечером в Берне.

Мы понимаем очень хорошо их поспешность. Их пожирает желание броситься в пекло. Однако они знают, что с первых же их шагов в России они смогут быть арестованы, заключены в тюрьму и расстреляны. Их вождь – Ленин, который является мозгом всего революционного движения» (ДВЛ). Незадолго до отъезда большевиков состоялся разговор Роллана с Луначарским в доме у Н.А. Рубакина, подробности которого Роллан изложил в своем дневнике: «12 апреля 1917 года. Луначарский рассказал: Дискуссия, предшествовавшая отъезду (Ленина и его спутников. – Ред.), была очень бурной. Социал-патриоты с негодованием выступили против плана Ленина. Другие социалисты, которые в глубине души

порицали неосторожность Ленина, всё же защищали от «патриотов» лояльность и обоснованность его намерений. Что касается Ленина, то с ним спорить бесполезно. Если он что-нибудь задумал, то ничто не заставит его отступить. Луначарский описывает мне его как человека необычайной энергии, оказывающего колоссальное влияние на массы. Он единственный среди социалистических вождей, который пользуется таким влиянием, благодаря ясности целей и заразительной силе его воли. Его старший брат, гениальный химик, был повешен тридцать лет назад за изготовление бомбы в целях покушения. Социалистические депутаты Думы, сосланные в Сибирь и только что вернувшиеся в Петроград, не могут жить без Ленина; это люди, готовые на любые страдания ради своего дела; выходцы из народа и недостаточно образованные, они черпают у Ленина вдохновение во всех делах. Он решил пойти на любой риск лишь бы вернуться в Петроград, несмотря на Временное правительство» (ДВЛ). Заслуживает внимания характеристика вождя большевиков, данная Луначарским. Роллан фиксирует важную черту личности большевистского лидера, который не остановится не перед чем, будучи уверен в том, что «знает правду»: «Разговор о Ленине… За ним не знают никаких слабостей; его жизнь целиком посвящена его делу; его даже нельзя обвинить в гордыне или амбициозности, как это, казалось бы, можно было бы сделать, исходя из чисто внешних примет. У него нет никаких амбициозных стремлений; он первым уступил бы человеку, которого он счёл бы более полезным для общего дела. Но он убеждён в том, что знает правду. И ради этой правды готов пожертвовать всем» (ДВЛ).

Роллан получает от Луначарского прощальное письмо и на этом для него заканчивается история с «пломбированным вагоном»: «7 мая 1917 года. Луначарский пишет мне (7 мая), чтобы попрощаться со мной. Он отъезжает в Россию… Луначарский будет составлять вторую часть русских революционеров, которые, как и Ленин, возьмут путь через Германию, чтобы вернуться в Россию. Но на этот раз они будут более многочисленны. Более сотни… Русские, которые находятся в Швейцарии, убеждены, что не было другого способа вернуться на их родину. Даже те, кто недавно осуждали за это Ленина. Даже те, кто крайние

патриоты и сторонники войны до победного конца, признали невозможность воспользоваться другим путём» (ДВЛ).

Луначарский уехал в Россию через Германию и Швецию вторым пломбированным поездом с партией эмигрантов–интернационалистов, в числе которых был и друг Роллана Анри Гильбо.

Общение с Луначарским составило особую страницу в жизни Роллана. Россию Толстого он знал по беседам со своими друзьями, жившими тогда в Швейцарии Н.А. Рубакиным и биографом Толстого П.И. Бирюковым, которые были высланы из России за десять лет до этого. Луначарский же представлял собой новую, революционную Россию, которой Роллан не знал и открыл для себя, благодаря Луначарскому и его стремлению к сотрудничеству.

В течение 1916 года Луначарский и Роллан регулярно обменивались письмами. Сотрудничество Роллана в большевистской печати не пошло далее публикации статьи «Правда в шекспировском театре» на страницах горьковской «Летописи», но предложения от Луначарского не прекращались.

Незадолго до этого Луначарский, один из лидеров большевистской оппозиционной группы «Вперед», выступал против ленинской партийной политики. Вместе с Горьким он был одним из организаторов русской социал-демократической рабочей школы на Капри. Когда Луначарский предложил Роллану сотрудничество в горьковском журнале «Летопись», он не мог и предположить, что между Горьким и Ролланом завяжется переписка, которая будет продолжаться двадцать лет. Встреча с Луначарским предопределила отношение Роллана к грядущим событиям в России, о ее значении Роллан писал в 1931 году: «Можно сказать, он стал для меня посланцем из будущего, вестником грядущей русской революции, которую он спокойно предсказывал... Легко понять, что я почувствовал почву под ногами, почувствовал, что рождается новая Европа, новое человечество, моя поступь стала увереннее, тверже» («Прощание с прошлым»).[98] Получив известие о его кончине в 1933 году, Роллан подтвердил в письме к

[98] Цит. по URL: http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/motyleva-romen-rollan/glava-iii-shvatka-stranica-2.htm

Горькому свое первоначальное мнение о Луначарском, которое, впрочем, не раз менялось в ходе дальнейшей полемики с большевиками: «Я скорблю о смерти Луначарского. Он был для меня, в Швейцарии, во время войны, первым посланцем, возвестившем о русской Революции. И в критическое для Революции время он сыграл благородную и благотворную роль в деле защиты Духа и Искусства» (АГ-15, 276).

Русские эмигранты рассказывали Роллану о событиях в России. Об этом свидетельствует его «Дневник военных лет», в котором он отмечает, что «грозная дрожь свободы сотрясает Россию». События февральской революции 1917 года представляются Роллану закономерными. Так он пишет в своем «Дневнике»: «Готовятся великие социальные сдвиги, которые все равно произойдут, даже если Россия победит» (ДВЛ). Задолго до этого, еще в своей книге о Толстом (1911), Роллан высказал мысль о том, что Россия призвана совершить «великую Революцию», потому что «ни у какого другого народа так не развито чувство возмущения крайним неравенством распределения благ и никакой другой народ так не проникнут подлинным христианским чувством».[99]

Отношения между русскими революционерами и Ролланом налаживались очень медленно. Роллан отказывался от совместных действий под эгидой русского революционного движения. Были ли действительно взгляды Роллана и русских революционеров схожи? Слишком разными путями шли они, да и цель виделась ими по-разному. Роллан предпочитал быть «над схваткой». Мысль Роллана зрела в одиночестве: он хотел быть свободным. Подзаголовок к повести «Клерамбо» прямо говорит об этом: «История свободной совести во время войны» (*Clérambault: Histoire d'une conscience libre pendant la guerre).* Платой за свободу был отказ от завоевания власти в любых ее проявлениях, от всякой «партийности».

В отличие от Роллана, Горький – «ангажированный писатель», с 1905 года он член социал-демократической партии (большевиков). Независимо от степени близости к партии большевиков в разные периоды его жизни, в конечном счете, он считал себя связанным обязательством «партийности», как, например, он пишет об

[99] Роллан Р. Собр. соч. Т. XIV. Л.: Время, 1933. С. 297.

этом Анри Барбюсу в 1932 году («Гражданин Барбюс – идеи, которые пропагандирует журнал «Монд», редактируемый Вами, резко противоречат моим взглядам большевика и коммуниста. Поэтому, хотя я и не сотрудничаю в журнале Вашем, все же имени моему на его обложке – не место. Прошу Вас исключить меня из числа сотрудников. Я уже просил Вас об этом в ноябре 31 года»).[100] И даже в период наибольшего отдаления от большевиков в годы «красного террора» в цикле статей «Несвоевременные мысли» писал о том, что право критиковать их принадлежит тем, кто борется в их рядах.

М. Горький никогда не был проповедником индивидуализма, в отличие от Роллана, противопоставлявшего индивида коллективу, одного – всем. М. Горького всегда интересовало многообразие связей одного со всеми. Вернувшись из эмиграции в 1913 году, Горький, в согласии с большевистским руководством, берет на себя задачу бороться с существующим режимом средствами литературы, прикладывает все усилия для создания издательства «Парус» и журнала «Летопись». Роллан же, участвуя во многих журналах, почти никогда не берет на себя ответственность руководства ими. М. Горький видит свою цель в защите «интернациональной культуры» в борьбе против национализма, империализма и «всеобщего одичания». Он предпринимает кампанию против антисемитизма, печатает сборники произведений писателей, принадлежавших к различным национальным литературам: армянской, финской, литовской. В разгромных статьях он критикует «достоевщину» и публикует первый сборник произведений «пролетарских писателей».

Уже в первых письмах, которыми обменялись Горький с Ролланом, наметились основные линии их интересов и особенности мировоззрения. В разгар первой мировой войны из Петрограда в конце декабря 1916 (начале января 1917) года Горький написал Роллану письмо с просьбой принять участие в его издательском проекте выпуска книг для юношества: «Я обращаюсь к Вам с просьбой написать для детей биографию Бетховена. Вместе с этим я прошу

[100] Серия «Архив А.М. Горького». Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. Т. VIII. М.: Изд. Академии наук СССР, 1960. С. 378.

Герберта Уэллса написать биографию Эдиссона, Фритьоф Нансен напишет жизнь Христофора Колумба, я – жизнь Гарибальди, еврейский поэт Бялик – жизнь Моисея и т.д. И еще я прошу Вас указать мне литератора француза, который мог бы написать для детей историю Жанны д'Арк» (АГ-15, 15).

По мнению Горького, книга должна была объективно и занимательно рассказывать о жизни гения, «о росте его души, о всех, наиболее значительных событиях, пережитых им, о страданиях, которые он преодолел, славе, венчавшей его». В следующем письме Горький уточнял: «Наша цель – возбудить в сердцах юношества социальный романтизм, настроение любви и доверия к жизни, к людям; мы хотели бы воспитывать героическое, мужественное отношение к действительности, хотели бы внушить человеку, что это он – творец и хозяин мира, и на нем лежит ответственность за все грехи земли, точно так же, как ему слава за все прекрасное в жизни» (АГ-15, 18).

Из этих двух писем видно, что близкий горьковскому мироощущению героический пафос, иначе названный Горьким «социальным романтизмом», писатель считал определяющим в формировании мировоззрения человека, «героическое» отношение к жизни – главным качеством, которое необходимо воспитывать.

Второй чертой горьковского мироощущения было сознание возможности для человека власти над миром («творец и хозяин мира»). Человек как хозяин мира строит действительность, привносит в жизнь и хорошее и плохое, в его воле выбрать линию своего поведения. Пафос восприятия человека как «творца» жизни восходит к философии жизни Ф. Ницше, «самого русского из немецких философов», в противоположность господствующей в начале XX века философии позитивизма и детерминизма. Призыв к привнесению в жизнь героического начала свидетельствует об убеждении Горького в возможности экзистенциального выбора для человека. Однако, каковы же критерии такого экзистенциального выбора? Именно в обсуждении этих критериев Горьким и Ролланом выявляются особенности подхода к миру двух писателей.

Для Роллана героическое начало в человеке не может быть определяющим, так как связано лишь с одной стороной его деятельности – активной, преобразующей действительность. Но человек – не только венец творения, но и часть целого, которое он должен уметь обозреть. Поэтому Роллан пишет Горькому: «А теперь не позволите ли Вы сделать одно маленькое дружеское замечание? Ведь речь идет о душах детей. Если человечество будет неспособно оставить позади их идеалы и открыть перед грядущими поколениями более широкие горизонты, боюсь, что оно не выполнит своего высокого предназначения» (АГ-15, 16).

Хаос общественной жизнь преодолевается, по мнению Роллана, не столько активным вмешательством человека в действительность, сколько мудрым постижением закономерностей общественного развития, следованием законам мироздания, которые формулируют не героические личности (Гарибальди, Жанна д'Арк), не первопроходцы земных путей (Колумб или Эдиссон) и не воинствующие религиозные деятели (Моисей), а те, кто разрабатывает человеческую мысль (Сократ), умеет находить гармонию внутри себя (Франциск Ассизский). Роллан «корректирует» позицию активизма Горького в сторону «расширения» сознания, умозрительности и созерцания: «Не думали ли Вы о жизни Сократа для Вашей серии? Может быть, эта тема привлечет меня, но позже. – И не забудьте некоторые имена древней Азии – Индии и Дальнего Востока. – Что касается Италии, то не думали ли Вы о Франциске Ассизском, или опасаетесь его мистического влияния на души русских детей?» (АГ-15, 17). Таким образом, герою, активному деятелю Роллан противопоставляет мыслителя, философа, следуя в этом общеевропейской христианской традиции, восходящей к учению отцов церкви, призывавших человека преодолевать не внешние обстоятельства, а самого себя, а также к античной философии, в различных модусах рассматривавших человека в его отношении к природе и заложившей основания этики как соразмерности, исключающей преобладание какой-либо из частей бытия. Именно формирование «внутреннего человека» является, по мнению Роллана, определяющим в воспитании юношества (вспомним в связи с этим его эпопею «Жан-Кристоф», в которой прослеживаются все этапы формирования личности, ее мировоззрения). В

этом Роллан следует также и русской традиции, восходящей к восхищавшей Роллана нравственной личности Льва Толстого, проповедовавшего нравственное совершенствование личности как единственно возможный путь преобразования мира. Как мы видим, извечный сакраментальный русский вопрос «бунт или религия?» Роллан решает в пользу «религии», в смысле связанности с общими закономерностями бытия и следования им, а не движение вспять, олицетворяемого революцией, которую можно представить символически в виде девятого вала или «большой волны», изображенной на цветной гравюре японского художника Хокусая накрывающей с головой всех ее участников и свидетелей.

Горький не остается глух к доводам Роллана, он принимает его «замечание»: «Ваше предложение написать жизнь Сократа – прекрасно, и я прошу Вас сделать это. Вы, конечно, возьмете Сократа на фоне античной жизни, в быте Афин? Ваши тонкие замечания о Моисее вполне гармонируют с моими взглядами на роль религиозного фанатизма как силы разъединяющей людей». Подхватывая мысль Роллана, в марте 1917 года Горький пишет: «Надо помогать человеку освобождаться от угнетающих его разум цепей личного, классового, национального, необходима горячая проповедь духовного родства всех со всеми, проповедь культурного объединения, всемирности, универсализма» (АГ-15, 18).

Зимой 1917 года Роллан публикует в «Летописи» уже упоминавшуюся статью о Шекспире, из которой видно, что избыток энергии в народных массах представляется ему чреватым агрессивностью, а сами народные массы в его восприятии изменчивы, жестоки и воинственны. Он предпочитает держаться в отдалении и размышлять над философией истории, законами гармонии и вечными истинами, которые доступны немногим избранникам Духа. Все прочее – «нетерпимость» и «фанатизм». Поэтому он предлагает Горькому стать выше драмы повседневности и увидеть «более широкие горизонты», которые открываются ему в «единстве мысли Европы и Азии».

Книга Роллана «Жизнь Бетховена» для горьковской серии (основана Павленковым, продолжена Горьким) не была написана. Проект серии, о которой

мечтал Горький в 1916 году, осуществился лишь в 1933 году (и продолжается до сих пор).

Вступление России в Первую мировую войну, сопровождавшееся яростной идеологической полемикой в обществе, заставило Горького искать дополнительные возможности влиять на решение актуальных политических и социальных проблем, тем более, что среди властителей дум того времени ему принадлежало главенствующее место, после Льва Толстого он оказался самым почитаемым писателем. Первой его реакцией был протест против немецкой агрессии[101], но очень скоро он перешел на пацифистские позиции (во многом совпадавшие с позицией Р. Роллана и заключавшиеся в осуждении насилия в целом), а позднее стал придерживаться интернационалистских взглядов.

Одним из важных издательских проектов Горького стало основанное в 1915 году книжное издательство «Парус» (совместно с А.Н. Тихоновым и И.П. Ладыжниковым). В своей издательской деятельности Горький стремился, прежде всего, к просвещению соотечественников, предполагая издание в первую очередь литературы научного, философского и социально-политического характера. Такого рода издательская направленность продолжала идею задуманной на Капри вместе с философом-марксистом А.А. Богдановым (Малиновским) энциклопедии для рабочих, предполагавшей одновременно издание популярных книг и статей, в том числе и переводных, по проблемам науки (строения атома, электричества, энергии, материи, воздушных полетов); философии (идеи эволюции, диалектики, бесконечного, бессмертия); обществоведения (четвертого сословия, социализма, труда как источника ценностей) и т.д. Деятельность Горького определялась во многом кругом понятий, восходящих к идеям Каприйской рабочей школы А.М. Горького, А.А. Богданова и А.В. Луначарского, в частности, такой была идея создания рабочей энциклопедии по примеру французских предшественников, философов-просветителей XVIII века, а также идея Пролеткульта Богданова, готовящим революцию в сознании рабочих. Особенность пролеткультовских идей

[101] Так Горький подписал антинемецкий протест для печати «От писателей, художников и артистов», написанный И. Буниным.

Богданова заключалась в возможности бескровной передачи власти рабочим (концепция так называемого «другого марксизма»).

В «Парусе», однако, к сотрудничеству Горький привлек не Богданова, с которым к тому времени уже разошелся во взглядах, а большевиков-эмигрантов (В.И. Ленина, М.Н. Покровского, Г.Е. Зиновьева и др.). Это сотрудничество не повлияло на писателя, о чем вспоминали его современники: «Политиком он не был и не хотел быть. Он хотел быть идеологом-просветителем»[102]. Большевики не имели иллюзий на его счет. В.И. Ленин, например, так характеризовал Горького в октябре 1916 г. в письме к А.Г. Шляпникову: «Горький всегда в политике архибесхарактерен и отдается чувству и настроению»[103].

В том же году Горький на собственные средства (25000 рублей) начинает издавать антивоенный литературный, научный и политический журнал «Летопись»[104]. Этот журнал тоже был задуман в первую очередь как просветительский. Поэтому Горький придавал большое значение участию в «Летописи» крупных представителей российской науки. Приглашая к сотрудничеству К.А.Тимирязева, писатель так формулировал задачи своего издания: «Цель журнала – может быть, несколько утопическая – попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма. Кровавые события наших дней возбудили и возбуждают слишком много темных чувств, и мне кажется, что уже пора попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности»[105].

---

[102]Валентинов Н. В. Встречи с Максимом Горьким // Общественные науки в СССР. Серия 7. Литературоведение. 1991. № 2. С. 41.

[103] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 299–300.

[104] «Летопись», ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издавался Горьким в Петрограде в 1915-17. В журнале публиковались острые статьи против войны, национализма, шовинизма. В числе авторов «Летописи» были М. Горький, И. А. Бунин, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, В. Я. Шишков, А. П. Чапыгин, Я. Райнис, А. Исаакян и др., из зарубежных авторов – Г. Уэллс, А. Франс, Р. Роллан, Э. Верхарн, Дж. Лондон и др. В научном отношении определяющим было участие К. А. Тимирязева. В журнале сотрудничали также большевики (И.И. Скворцов-Степанов, В.П. Ногин, Н.К. Крупская и др.). Однако политические позиции журнала определялись «вперёдовцами» и меньшевиками. Сотрудники «Летописи» объединялись также вокруг горьковской газеты «Новая жизнь» (1917-18). (Дубинская Т. Так начиналась горьковская "Летопись"// Вопросы литературы. 1973. № 6; Нинов А. М. Горький и «Летопись» // Нева. 196. №1).

[105] Г-30. Т. 29. С.341–342.

Интересно, что идеологическое направление журнала предполагало «борьбу за интернациональность» и «борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни»[106]. В журнале сотрудничали лучшие российские литераторы. Горький обращается также с призывами к сотрудничеству в журнале к Ромену Роллану, Бернарду Шоу, голландской писательнице Г. Роланд-Гольст.

Двигателем его просветительских проектов было стремление сделать Россию западноевропейской страной. В первом же номере журнала «Летопись» Горький поднимает вопрос о национальной самокритике («Две души»), за что многие, в том числе и его близкий друг Леонид Андреев, обвиняют Горького в откровенном западничестве и ненависти к России. Андреев назвал статью Горького «торжественной и пышной панихидой» по русскому народу. В статье Горький противопоставляет русской культуре культуру Запада: «Европеец – вождь и хозяин своей мысли, человек Востока – раб и слуга своей фантазии». В русской культуре Горький увидел черты азиатчины: «Русский человек еще не выработал должной стойкости в борьбе за обновление жизни. Русское «богоискательство» проистекает из недостатка убежденности в силе разума, – из потребности слабого человека найти руководящую волю вне себя, – из желаний иметь хозяина, на которого можно было бы возложить ответственность за бестолковую, неприглядную жизнь»[107].

Статья Горького вызвала бурю возмущения в стане патриотов. «Беспросветный пессимизм, с каким относится Горький к русскому народу»[108] (Л.Андреев) носил особенно вызывающий характер в связи с событиями войны.

Горький считал, что спасение России – в ее приобщении к достижениям западноевропейской цивилизации. Отвергая «самобытный» путь, он объяснял В. Я. Шишкову: «Все у нас плохо. Страшно отстали от Запада. Пожалуй, не нагнать. Живя в России, со всем этим сживаешься, миришься, все еще думаешь, что есть что-то такое в России, сила какая-то непроявившаяся, что-то самобытное. А вот пожил я семь лет за границей, на Капри, – нет, гляжу, плоха наша Русь-матушка.

---

[106] См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус» // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1966. Сб. 12. С.185; Ее же. Горький-издатель. М.: Книга, 1968.
[107] Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1 (декабрь). С.123–134.
[108] Андреев Л. О «Двух душах» М. Горького // Современный мир. 1916. № 1. Отд. 2. С.109–110.

Все как-то гниет и валится»[109]. События войны 1914 года Горький воспринял как еще одно препятствие для России сблизиться с Западом: «Как вспомнишь, что три года тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идеи международной солидарности лучших представителей человечества. И – вот! Люди науки свирепствуют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники»[110].

Патриотическую пропаганду официальных изданий в соединении со славянофильством он полностью отвергал: «Идут разговоры о духовном слиянии «Великой России» со «Святой Русью», о мистических началах национализма, о мессианизме третьего Рима, о том, что Русь – носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации…»[111] Это же неприятие всего, что отделяет духовную жизнь Россию от западноевропейской цивилизации, отразилось в его третьем крупном издательском проекте военных лет. Речь идет о возобновлении Горьким серии «Жизнь замечательных людей», основанной книгоиздателем Ф.Ф. Павленковым (1839-1900) в 1896 г. Написанные в новом для того времени жанре историко-культурного биографического исследования, книги этой серии предназначались для широкого круга читателей, в том числе и для детей (в серии Ф.Ф. Павленкова вышли историко-биографические очерки об Иване Грозном, Петре Великом, Меньшикове, Потемкине, Демидовых и т.д.).

Как видно из перечня Павленкова, книги серии повествовали о деятелях российской истории. Совсем другим был проект Горького. О целях и задачах, которые ставил перед собой писатель, мы можем судить по его переписке с Ролланом.

Цель своего издания Горький видит в том, чтобы донести до современников «горячую проповедь» «духовного родства всех со всеми, проповедь культурного

---

[109] Шишков В. Я. Пейпус-озеро. М.: Современник, 1985. С. 503–504.

[110] Серия «Архив А.М. Горького». Т.IX. Письма к Е.П. Пешковой. 1906-1932 / предисл. Б. А. Бялика; подгот. к печати и коммент. Е.П. Пешковой. М.: Худ. лит., 1966. С. 161.

[111] Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. М.: Наука, 1988. С. 926.

объединения, всемирности, универсализма», чтобы помочь «человеку освобождаться от угнетающих его разум цепей личного, классового, национального» (АГ-15, 18).

В то же время, принимая предложение Роллана написать жизнь Сократа, он настойчиво стремится обосновать свою позицию выбора деятельного героя – «творца и хозяина мира». Ведь именно эти качества отсутствуют, по мнению М. Горького, у русского человека. Здесь кроется, как считает писатель, главное отличие России от Запада. Эта проблема постоянно занимала М. Горького, как мы помним, он пытался ее разрешить в статье «Две души» (1915)[112].

В письме Роллану Горький берет на себя труд подробно разъяснить своему корреспонденту, какие именно черты русского мировосприятия делают, по его мнению, Россию восточной, а не западной страной: «… Жанна д'Арк? Боюсь, что эта тема заставит нас говорить о «мистической душе народа» и прочем, чего я не понимаю и что для русских страшно вредно. Другое дело – жизнь Франциска Ассизского, – если можно, говоря о нем, избежать дифирамба церкви. Но если б автор книги о Франциске поставил целью себе указать на глубокое различие между Франциском из Ассизи и святыми Востока, России, – это было бы очень хорошо и полезно. Восток – пессимистичен, пассивен; русские святые не любят жизни, они отрицают и проклинают ее. Франциск – эпикуреец религии, он – эллин, он любит Бога как свое создание, как творчество своей души. В нем – только любовь к жизни и нет унизительного страха пред Богом. Русский – это человек, который скверно живет и хорошо умирает. Нигде не говорят так много о любви, как в России, и нигде не умеют так мало любить. Боюсь, что Россия – больше Восток, чем Китай. Мы так же богаты мистицизмом, как бедны энергией. Да не покажутся Вам эти рассуждения странными и неуместными, – я хорошо знаю свою страну. И вообще, всех людей необходимо воспитывать в любви к деянию, необходимо будить в них уважение к разуму, к человеку, миру» (АГ-15, 18-19).

---

[112] Подробнее об этом см.: Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М.: Наследие, 1994. С. 46-49.

1.4. «Вторая половина долга»: Роллан, Барбюс и Горький о революционном насилии

Когда после двухлетнего перерыва, связанного с гражданской войной в России, переписка Роллана с Горьким возобновилась по инициативе Роллана, между Ролланом и Барбюсом возникла полемика, по поводу которой оба они писали Горькому[113].

Во Франции после поражения забастовок 1919-1920 гг., и, вместе с ними, революционного движения, большинство политически организованных масс присоединились к III Интернационалу, в то время как большая часть левых интеллигентов, не склонных к ужесточению позиций, составила несогласное меньшинство. Барбюс, во главе группы «Кларте»[114], последовал за первыми, Роллан же, со своей «Декларацией независимости Духа»[115] (*Déclaration d'indépendance de l'Esprit),* оказался на стороне вторых. В «Декларации…» Роллан писал: «Дух не может быть ничьим слугой. Это мы – слуги Духа. Мы чтим одну лишь Истину, свободную, не знающую границ и пределов, не знающую расовых или кастовых предрассудков».

Оба движения приветствовали русскую революцию и верили, как писал Роллан, в «необходимость, для эволюции человечества, радикальной трансформации социальной и политической системы в пользу мира труда». Однако Барбюс рассматривал свое действие внутри социалистического движения, а Роллан действовал вне социалистического движения. В своей полемике оба обращаются к Горькому за поддержкой.

---

[113] См. об этом: Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М.: Наследие, 1994. С. 58-61.

[114] «Кларте» (*Clarté)* – международная группа писателей, организованная А. Барбюсом в 1919 г. Группа объединяла западноевропейских писателей различного политического направления, выступавших против империалистической войны, за мир между народами. Участниками группы были А. Франс, П. Вайян-Кутюрье, Р. Лефевр, Г. Уэллс, Т. Гарди и др. Группа имела свой печатный орган – газету «Кларте» (1919–1921), затем журнал с тем же названием (1921–1928). Редактором «Кларте» с 1919 по 1924 г. был А. Барбюс.

[115] Весной 1919 г. Р. Роллан обратился к интеллигенции всего мира с «Декларацией независимости духа», она была напечатана в газете «Юманите» 26 июня 1919 г.; Горький в числе других присоединился к этой декларации (см.: Роллан Р. Собр. соч. Т.XVIII. Л.: Гос.издат. Художественная литература, 1935. С. 257).

Свою цель как писателя-гуманиста Роллан видит в защите нравственных ценностей в период революции. В марте 1917 года он писал Горькому о том, что «для победы нет слишком дорогой цены»[116]. Однако по мере разрастания революции и «красного террора» Роллан ставит вопрос о пределах революционного насилия, о цене революции. Поводом для этого послужила статья Анри Барбюса под названием «Вторая половина долга. По поводу «ролландизма», опубликованная в журнале «Кларте» 3 декабря 1921 года (№2, с. 24-28). 20 декабря 1921 года Роллан пишет Горькому: «Зрелище Революции и ее развития было всегда, во все времена, тяжким испытанием для идеалистов. Революция – это судорога человечества <…> Но самое ужасное случается, когда под влиянием необходимости или в пылу боя руководители приносят в жертву политическим интересам величайшие моральные ценности: человечность, свободу и – высшее благо – *истину*. Я очень опасаюсь, не происходит ли это на данном этапе русской Революции. Если судить по доходящим до меня слухам, можно сказать с полной уверенностью, что для большинства умов, руководящих русской Революцией (как впрочем, и в остальных странах Европы) все должно быть подчинено «государственным интересам»… Так вот, дорогой. Горький, не надо допускать этого в полной мере. Пусть хоть несколько людей – мы с Вами – останутся неизменными хранителями моральных ценностей. Это необходимо в интересах человечества и самой Революции. Ибо Революция, которая пренебрегает ими, осуждена рано или поздно на нечто худшее, чем поражение, она осуждена на моральный крах. «Победить *любой ценой*» – гибельная политика для всякой Революции. Ибо принцип *любой ценой* заранее лишает Революцию наиболее ценного ее оружия – оружия мысли. И если она будет побеждена, она не только проиграет битву, она потеряет *все*. Давние слова Монтескье: – *«Республики основаны на добродетели»* – более глубоки, чем это может показаться. Совершенно ясно, что основой Республики может служить лишь истина и чувство

[116] «Что бы с нами ни случилось, Вы знаете, что я душой с Вами. И я надеюсь, что в грядущем будет существовать единая совесть всего мира. Эта совесть победит, какой ценой бы ни досталась ее победа (а для такой победы нет слишком дорогой цены)» (АГ-15, 20).

святого уважения к человеческой личности. Ибо если Республика опирается только на силу, на хитрость, ложь, всякий другой режим обладает в этом отношении неоспоримыми преимуществами. Все это я только что изложил Барбюсу в ответ на его статью в «Кларте», где он требует от меня и моих друзей мгновенного отказа от всякого «морализирования» ради безоговорочного присоединения *perinde ac cadaver*[117] к «святой» доктрине» (АГ-15, 23-24). Открытое письмо Роллана Барбюсу появилось в брюссельском журнале «Ар либр» в январе 1922 года. Роллан не соглашается с тем, что революционное насилие лучше любого другого. Его тезис: «Долой *всех тиранов*!»[118] Он приводит в письме к Горькому свой ответ Барбюсу, подчеркивая, что узкополитические интересы партии не должны стоять выше «абсолютных понятий» справедливости и добра. Что же касается лозунга «победа любой ценой», то он особенно губителен для революционного движения, так как лишает его всякого морального оправдания. Парадоксальным образом Роллан не замечает, что сами понятия «партия», «революция», которыми он оперирует, исключают возможность утверждения «абсолютных понятий» справедливости и добра. Партия как выразитель интересов «части» общества направляет свое действие против другой его «части». «Революция» насильственно поворачивает движение общества вспять. Надежда на бескровную революцию, как показывает история, эфемерна. Когда-то большевики-«отзовисты» в лице философа партии А.А. Богданова (Малиновского) пытались представить себе мирный переход к социализму путем добровольного отказа капиталистов от собственности на средства производства под справедливым давлением рабочих масс. Его утопия «Красная звезда» рисует неизбежность осознания необходимости иного, более справедливого общественного устройства. Однако «организационная наука» Богданова оказалась невостребованной русской революцией, и утопия уступила место кровавой действительности. Утопизм был свойственен и Роллану, который «любил Революцию» (всегда писал это слово с большой буквы), «дело

[117] Слепо и не рассуждая; дословно: подобно трупу (лат.)

[118] Девизом Роллана стало изречение Ф. Шиллера «In Tyrannos», послужившее эпиграфом к драме «Разбойники». Роллан использовал его в упомянутом письме к Анри Барбюсу: «Слова Шиллера – мой девиз на все времена» (АГ-15, 24).

Обновления», но не способ действия борющихся за власть революционеров, несовместимый с моралью.

«Губительные узы прошлого» Роллан не желал заменять «тяжкими новыми узами». Чем тираны завтрашнего дня лучше тиранов прошлого? Этот вопрос Роллан задает Барбюсу и писателям, группирующимся вокруг журнала «Кларте». Ему вторит Горький, замечая, что «в России … о любви к людям теперь не говорят и необходимость этой любви под сильным сомнением. Когда желаешь осчастливить сразу все человечество – человек несколько мешает этой задаче» (АГ-15, 47). Ответ Роллана Барбюсу Горький оценил как «превосходный» (АГ-15, 26). Он разделял все «любимые» мысли Роллана: «Освободить себя от морали? О, нет, я знаю, к чему это ведет, я вижу это, наблюдая жизнь России. И если б Барбюс с товарищами его видел, к чему ведет этот вид свободы – он закричал бы всем сердцем вместе с Вами «долой всех тиранов» – in tyrannos! Нет, никогда еще слова чести, гуманизма и добра не имели такого значения и веса – какое имеют сегодня – в этот страшный день, грозящий разрушением человека, чья душа выработана веками мучений сердца, страданий мысли» (АГ-15, 26). Разрушение человека – главный упрек Горького, с которым он уехал из Советской России. В этом же письме он пишет о гибели писателя В. Короленко, поэтов А. Блока, Н. Гумилева.

Анализируя дискуссию Роллана с Барбюсом, Горький повторяет основные положения, высказанные им ранее в цикле статей «Несвоевременные мысли», печатавшихся в газете «Новая жизнь» в 1917-1918 гг. Его идея – привнесение этики в социализм, воспитание этического сознания коммунистов, пролетариата. Поэтому он «не испуган [роллановской] критикой коммунизма» (АГ-15, 30) (в открытом письме Барбюсу). Он так же, как и Роллан, считает, что «средства, употребляемые ныне», «ведут в сторону, прямо противоположную цели» (АГ-15, 28). Он пишет Роллану: «Необходимость этики в борьбе я пропагандировал с первых дней революции в России. Мне говорили, что это наивно, неосуществимо, даже – вредно» (АГ-15, 28). Эти «еретические» мысли Горького, почти дословно совпадающие с «еретическими» мыслями Роллана, и составляют ту основу «ролландизма», против которой выступили Барбюс, а вслед за ним Троцкий и

Луначарский. «Я заключаю, – продолжает Горький, – истинных социалистов нет и не может быть до той поры, пока не врастет в сознание этика, сильная, как религия на заре возникновения» (АГ-15, 30).

Интересно, что такое единодушие Горького и Роллана некоторые исследователи, в частности, Жан Перюс, называют «недоразумением»[119]. Ведь одновременно Горький поддержал и Барбюса, ратовавшего за активное участие в социальном преобразовании мира и считавшего, что одной «независимости духа» для этого недостаточно. По мнению Перюса, Горькому гораздо ближе позиция Барбюса, чем Роллана, исповедовавшего лозунг «над схваткой». Думается, это «недоразумение» объяснимо. Ведь именно в это время Горький тоже ненадолго оказался «над схваткой» (1921-1924). Смерть В.И. Ленина стала поворотным моментом в отношении Горького к Советской России. В.Ф. Ходасевич вспоминает, что уже с 1925 года начались разговоры о возвращении Горького на родину.

Убеждения «ролландистов» как независимо мыслящих интеллигентов, стоящих «над схваткой» и выступающих против войны, сложились в годы первой мировой войны. Роллан охарактеризовал ее как «преступную свалку, дающую нам зрелище охваченной безумием Европы, добровольно идущей на костер и собственноручно, как Геркулес, разрывающей себя на части»[120].

Статья Роллана «Над схваткой», написанная в сентябре 1914 года, дала название одноименному сборнику. Охваченный тревогой за судьбы интеллигенции и культуры Европы, писатель призывал встать «над схваткой», чтобы спасти будущее мира. Он писал: «Дух есть светоч. Наш долг – поднять его выше бурь и рассеять облака, стремящиеся его затмить. Наш долг – обнести стеной, и более обширной, более высокой, которая подымалась бы над несправедливостью и ненавистью народов, этот город, где должны собраться свободные души всего мира, связанные единым братством»[121]. Вокруг Роллана в Женеве объединились

---

[119] Pérus J. Correspondance Romain Rolland – Maxime Gorki / Préface et notes de J. Pérus. P.: Ed. Albin Michel, 1991. P. 17.
[120] Роллан Р. В стороне от схватки. Пг.: Изд. Петрогр. Сов. раб. и крестьян. деп., 1919. С. 28.
[121] Там же. С. 29

молодые литераторы, которые «были его учениками и стали друзьями»[122]. Среди них – Пьер Жан Жув, Рене Аркос, Шарль Бодуэн. К ним присоединились Жорж Дюамель, Стефан Цвейг и другие. Взгляды «ролландистов» выражал издававшийся в Женеве журнал Анри Гильбо «Демэн», позднее с целью пропаганды идей «ролландизма» Полем Коленом[123] был основан журнал «Ар либр» (Брюссель).

В свою очередь, группа «интеллектуального действия» «Кларте» («Ясность») была основана А. Барбюсом в 1919 году. Вокруг нее сплотились писатели разных политических взглядов, выступающие за мир и солидарность народов: Георг Брандес, Бернард Шоу, Томас Гарди, Рабиндранат Тагор, Поль Колен, Анатоль Франс, Герберт Уэллс, Э.Синклер и др. Основные принципы «Кларте» изложены в книге Анри Барбюса «Свет из бездны. К чему стремится группа "Кларте"» (1920). Политической доктриной «Кларте» была, как говорилось в манифесте, идея III Интернационала о создании единого фронта борьбы против милитаризма и захватнических войн. В сущности, как правильно заметил позднее Роллан, «наши тезисы представляли собой две стороны одной и той же монеты. И на обеих этих сторонах, и лицевой, и оборотной, стояла печать революции»[124].

Барбюс настаивал на выполнении «ролландистами» «второй половины долга»: подвергнув беспощадной критике господствующую социальную систему, способствовать осуществлению положительной программы нового строя: «Нам приходится констатировать неожиданно для себя и с болью, что "ролландисты" систематически держатся в стороне от социальных теоретиков и организаторов и отворачиваются от того, что мы по старой терминологии называем позитивной стороной проблемы. Что это – принципиальная антипатия ко всему, что имеет отношение к "политике"? Или нежелание слишком легко выносить твердые суждения и осмелиться сказать о чем-либо конкретном: "Это – истина"? Или –

---

[122] Цвейг С. Ромен Роллан. Его жизнь и творчество. М. –Пг.: Госиздат, 1923. С. 369.

[123] Колен Поль (1890–1944) – франко-бельгийский критик и историк, убежденный ролландист, автор работы «Добродетель героизма и г-н Ромен Роллан» (Брюссель, б/г). В целях пропаганды ролландизма основал литературно-художественный журнал «Ар либр» (Art libre, «Свободное искусство») и от имени руководства журнала вел переписку с Горьким. В 1924 г. из-за разногласий с Ролланом был вынужден покинуть журнал.

[124] Роллан Р. Собр. соч. Т. XIII. Л.: Время, 1932. С. 30–31.

отвращение к некоторым понятиям, в частности, к понятию насилия? Или – надежда, что можно и другими путями излечить и изменить человечество?» (АГ-15, 341).

Именно слова Барбюса о насилии сфокусировали суть расхождений в среде левой интеллигенции и послужили поводом к полемике между Ролланом и Барбюсом. Роллан счел слишком легковесным заявление Барбюса и поспешил поправить его: «Неверно думать, будто цель оправдывает средства. Для истинного прогресса средства еще важнее, чем цель (так как цель всегда не полна и очень редко достигнутое изменяет только внешнее общение людей). Средства воспитывают человеческое сознание или в духе справедливости, или в духе насилия. И если в духе насилия, то никакой образ правления не помешает угнетению сильными слабых. Вот почему я считаю, что защищать моральные ценности необходимо, и в период революции – еще больше, чем в обыкновенное время».

Проблематика дискуссии конца 1921-1922 годов с Анри Барбюсом нашла отражение и в творчестве Роллана. Французский писатель уже самой постановкой ряда острых проблем в ранних драмах «Волки», «Дантон», «Торжество разума» эпического цикла «Театр революции» пытался, опираясь на героические, нередко трагические моменты истории своего народа, подчеркнуть гуманистические идеалы, интеллектуально-нравственные ценности Французской Революции, что дала миру «Декларацию прав человека и гражданина». Показательно, что сам драматург рекомендовал постановщику драмы «Волки» (1898) – О. Ф. Люнье-По[125] – выделять «идеальную часть» произведения, а именно: «революционную веру, патриотическую веру, веру в справедливость», что ассоциируется в его мировоззрении со светлыми идеалами социализма. При этом целесообразно

[125] Орельен Мари Люнье-По (Aurélien François Marie Lugné-Poe, 1869 – 1940) – французский театральный режиссёр, актёр, один из реформаторов французского театра конца XIX – начала XX вв. наряду – и в полемике – с Андре Антуаном. Взял вторую фамилию в знак преклонения перед личностью и творчеством Эдгара По. С 1888 г. в Свободном театре А. Антуана. Основатель (1893) и руководитель (до 1929) театра «Эвр» (Париж). Сторонник эстетики символизма. Ставил А. Стриндберга, Г. Гауптмана, М. Метерлинка, Р. Роллана, М. Горького.

указать: ни в «Волках», ни в «Дантоне» он не отбрасывает использование революционного насилия в интересах народа. Показательно, однако, что он называет это в «Дантоне» и в письмах «горькой необходимостью». Пресловутая идеологическая формула «цель оправдывает средства» в этой драме разделяется персонажем Вадье. Ее Роллан решительно осудил и в «Театре революции», и в романе-эссе «Клерамбо». Роллан, охватывая мыслью широкие исторические горизонты, не выпускал из поля зрения, какой ценой осуществляется общественный прогресс, какими жертвами он сопровождается.

Уже первыми своими драмами, романом-эссе «Клерамбо» Р. Роллан пытался поднять вопрос ценности человека, личности, творца новой жизни, предложить интеллектуально-нравственный ориентир, который способствовал бы решению современных и будущих общественно-политических проблем.

Отрывки из «Неизданного дневника за 1919-1921 годы» Р. Роллана, опубликованные 7 декабря 1974 года во французской газете «Фигаро литтерер», подтверждают: французский писатель зафиксировал в 1921 году негативную критику в четырех номерах журнала «Кларте» романа «Клерамбо». Роллан отметил в дневнике за 16 марта 1921 года слова Ноэля Гарнье, секретаря редакции «Юманите» («и главной рабочей пружины журнала «Кларте»), сказанные им Жаку Менилю[126]: «Как только мы совершим революцию, первое, что нам предстоит сделать – это упрятать Ромена Роллана».

В письме от 12 октября 1922 года Роллан не без доли иронии писал Горькому: «Нас с Вами строго отчитали наши друзья-коммунисты. Я удостоился этой чести в последнем № «Кларте», в статье, принадлежащей державному перу самого Троцкого, и даже вторично на страницах «Юманите», в то время как Вас раскритиковал какой-то француз под псевдонимом «Парижанин»[127], который

[126] Мениль Жак (1873–1941) – французский литературный критик, друг Роллана. Печатался в журнале «Эроп». Член ФКП в первой половине 20-х гг., приезжал в Москву на Конгресс Коминтерна (1921).

[127] Псевдоним французского журналиста Мориса Донзеля (1885–1937). С 1907 по 1920 гг. Донзель жил в России. По возвращении на родину сотрудничал в «Юманите» и «Кларте», переводил на французский язык русских авторов, в частности, произведения Л.Д. Троцкого. Роллан имеет здесь в виду рецензию Парижанина (Кларте. 1922. 1 октября. №22) на статьи Горького «О русском крестьянстве».

утверждает, с ученым видом, будто Вы не знаете русского народа! (Он же, разумеется, знает его! Это восхитительно!) – Люди, свободные духом, как мы с Вами, свободные и преданные истине, всегда одиноки среди людей. Но они не бывают и никогда не будут одиноки в глубине своей души, которая связана с жизнью всего человечества» (АГ-15, 45).

В октябре 1922 года Троцкий опубликовал в «Кларте» (1922. 1 октября. № 22) статью «Драма французского пролетариата» (перепечатана в «Известиях». 1922. 16 мая), которая подвела итоги дискуссии между Роланом и Барбюсом. Троцкому была ближе позиция Барбюса, он обвинял Роллана в антиисторизме, который, по его словам, проявлялся в отрицании революционного насилия, в индивидуализме и морализаторстве. В «Юманите» (1922.7 октября) была напечатана рецензия Троцкого на пьесу Мартине «Ночь» (*Une pièce qui a une date*), в которой Троцкий резко отрицательно оценил позицию Роллана в полемике с Барбюсом.

В 1922 году Горький опубликовал в издательстве «Всемирная литература» «Театр революции» Р. Роллана.

Однако Луначарский в книге «Театр и революция» (Москва, 1924), назвав драмы Р. Роллана благородными, литературными, изящными, «полными психологической правды», не рекомендовал их к постановке по той причине, что «они до такой степени заражены духом, совершенно противоположным суровому мужеству революции, что многое в них в настоящее время прямо шокировало бы тех, кто хотел бы смотреть на театр, как на источник коммунистической пропаганды». Луначарский опасался, как бы драмы Роллана не увеличили количество «гуманистического нытья по поводу жестокости революции», чего не простили бы ему «в момент определения театрами своего репертуара» закоренелый идейный антагонист Роллана член Политбюро ЦК КП (б), Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий и его сторонники. К тому же Троцкий именно в этот период в своей книге «Литература и Революция» резко выступил против представителей «буржуазного гуманизма» в литературе. Неслучайно Луначарский в 1926 году назвал автора «Театра революции» «половинчатым революционером».

В том же году А.В. Луначарский выступил в «Новом мире» с резкой критикой новой драмы Р. Роллана «Игра любви и смерти». Отметим, в частности, что критик не счел нужным осудить героя пьесы Карно, который заявил: «Я смотрю лишь на цель завязавшейся битвы. Прогресс человечества стоит нескольких пакостей, а если нужно, и преступлений». Кроме того, Луначарский осудил концепцию активной личности, которую провозглашал Роллан, назвав свое выступление в центральных газетах, направленное против французского писателя, «Современный Дон Кихот».

Основные выводы Луначарского следующие: драма «в точном смысле слова контрреволюционная», а ее автор – Дон-Кихот. Слова «контрреволюционная» и «Дон-Кихот» в употреблении критика становятся контекстуальными синонимами. Дело в том, что Луначарский, полностью разделяя мысль Карно о необходимости террора, считает: не только «отдельные ошибки», но «даже, как правильно говорит Карно, отдельные эксцессы и преступления не заставляют отшатнуться остальных от главного, от той формы войны, которая становится необходимой для революции на известном этапе ее развития». А Роллан стоит на стороне другого персонажа пьесы – революционера и ученого Курвуазье, непоколебимо защищающего в период революционных потрясений моральные и гуманистические ценности. Луначарский считает, что Роллан, как в свое время и Горький, несвоевременно выступил со своим нравственным максимализмом. По мнению критика, Роллан-Дон-Кихот – это человек, «который в силу несвоевременности своего некритического братолюбия становится на самом деле врагом своего идеала, ибо отрицает, портит, саботирует единственные пути, которые на самом деле ведут к победе...»

В сущности, Роллан не считал, что его позиция «над схваткой» означает уклонение от борьбы. Он боролся другими средствами и писал об этом: «Тот, кто меня знает или прочел хоть одну мою книгу, скажет – удалившийся ли человек писал ее или, наоборот, разрываемый страданиями мира и борющийся для того, чтобы их ослабить и примирить» (АГ-15, 341).

Отвечая Роллану во второй статье «По поводу "ролландизма"», А. Барбюс связал «ролландизм» с анархизмом: «Я адресовал направлению ума, которое назвал "ролландизмом", упрек в высшей степени простой и ясный. Я упрекал его за то, что "ролландизм" обращается к задачам негативным и не вносит ничего реального и реализуемого в область положительную. <...> То, что я называю "ролландизмом", это именно то, что другие называют анархическим направлением ума»[128] (Вспомним, что именно обвинение в анархизме, высказанное секретарем Шведской Академии Карлом Вирсеном, послужило причиной отказа Льву Толстому в Нобелевской премии в 1902 году: Толстой «отказал государству в праве на существование, предложив взамен абстрактный анархизм»[129]).

В ходе полемики некоторые из «клартистов» допускали явные «перегибы». В словах Барбюса: «применение насилия – это только деталь», – Роллан увидел апологию насилия[130]. В начале 1922 года «Юманите» дважды откликнулась на эту полемику – статьями Амеде Дюнуа (10 марта) и Марселя Мартине[131] (25 марта). Последняя особенно больно задела Роллана резкостью тона и непримиримостью взглядов. Выступление Мартине, озаглавленное «Интеллигенты и революция», вызвало третье открытое письмо Роллана – «Революция и интеллигенты. Письмо друзьям-коммунистам» («Ар либр». 1922. Апрель).

Марсель Мартине в статьях «Революция и свобода» («Интернасьональ». 1922. 8 марта) и «Интеллигенты и революция» («Юманите». 1922. 25 марта) с азартом восклицал: «К черту нашу щепетильность! Мы в знак солидарности с революционным блоком можем отбросить все, вплоть до щепетильности в вопросах чести». Отвечая Барбюсу и Мартине, Роллан отвечал одновременно всему общественному течению, во главе которого стоял Барбюс: «Мы слишком часто поступаемся, во имя государственной необходимости, во имя победы,

---

[128] Clarté. Paris. 1922. 1 avril. № 10.

[129] Илюкович А. М. Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. М.: Книжная палата, 1992. С. 105.

[130] Роллан Р. Собр. соч. Т. 13. С. 32.

[131] Мартине Марсель (1887–1943) – французский поэт и драматург. Получил известность после выхода антимилитаристского сборника стихов «Проклятые годы» (1917), в полемике Роллана с Барбюсом принял сторону последнего. В 20-е годы вел литературную страницу в «Юманите». Активно сотрудничал в журнале «Эроп».

величайшими моральными ценностями: человечностью, свободой и самым для нас драгоценным – истиной. Эти моральные ценности всегда должны оставаться неприкосновенными. В интересах человечества. В интересах самой революции»[132]. Критикуя ролландизм, А.Барбюс выступал не столько против Роллана, сколько против принципов «ролландизма».

Защищая революцию, Роллан впадал в противоречие, которое был неспособен разрешить. В 1934 году, вспоминая полемику с группой «Кларте», Роллан признался: «...мне так и не удалось разрешить кажущееся непримиримым противоречие между стремлением мыслить "над схваткой" и необходимостью действовать в схватке»[133].

Уязвимость своей позиции Роллан понимал не хуже своих оппонентов. В 1919 году он писал Бернарду Шоу: «Я не стою над схваткой – над всеми схватками. Я был, нахожусь и всегда буду находиться "над схваткой" наций и отечеств. Но я участвую в битве против наций, против отечеств, против каст, против всех барьеров, которые разделяют людей»[134].

1.5. Статья Роллана о Махатме Ганди как аргумент в полемике с большевиками

Совершенно очевидно, что полемика Роллана с Барбюсом и участие в ней Горького на самом деле являла собой завуалированную форму обсуждения ситуации в России. Предметом дискуссии была русская революция и ее вожди. В ходе полемики все трое осудили террор как образ действия вождей революции. Здесь каждый говорит о своем, умалчивая о *самом главном*: признании законности и закономерности диктатуры в Советской России. Подобным же образом тема Толстого и толстовства связана с обсуждением положения дел в России. Роллан прекрасно знал (будучи автором книги «Жизнь Толстого»), что Толстой не принял революцию 1905 года и социалистические идеи, и что Горький в связи с этим

---

[132] Там же. С. 32–33.
[133] Роллан Р. Собр. соч. Т. XIII. Л.: Время, 1932. С. 24.
[134] Цит. по кн.: Балахонов В. Е. Ромен Роллан в 1914-1924 гг. Л.: ЛГУ, 1958. С. 113.

яростно выступал против толстовского учения. Однако косвенным путем Роллан пытается объяснить, что способ действия Толстого и его собственный, унаследованный им от его великого учителя, ничуть не хуже, а гораздо предпочтительнее, чем тот, что используют большевики. Ибо непротивление злу и есть сопротивление в его самом высоком выражении. Для этого Роллан обращается к фигуре другого последователя Толстого, добившегося выдающихся успехов в своей деятельности – Махатме Ганди (Мохандас Кармчанд, 1869–1948). В период полемики с Барбюсом Роллан пишет этюд о Ганди, индийском философе и политическом деятеле. Этот очерк был напечатан в роллановском журнале «Эроп»[135] в 1923 году (№ 2 – 15 марта; № 3 – 15 апреля; № 4–15 мая). Одновременно Роллан предложил Горькому опубликовать его в горьковском журнале «Беседа»[136]. 8 февраля 1923 года Роллан пишет Горькому: «Я только что закончил большой этюд на тему, которую Вы, быть может, не одобрите, – так как, мне кажется, Вы не очень доверяете индийской мысли, – о Махатме Ганди. Напечатан он будет в журнале «Эроп»; а затем послужит предисловием к произведениям Ганди, которые я поручил перевести на французский и немецкий языки. – И все же, когда Вы прочтете его, то, я уверен, полюбите Ганди, как и я. Он самый чистый гений, самый искренний и самый простой из всех живущих на свете. В нем есть что-то общее со Св. Франциском. Большое сердце, горящее любовью, и какая энергия! Слыхали ли Вы что-нибудь о его двадцатилетней героической кампании в Южной Африке, еще до 1914 года, и о его конечной победе? Изумительный социальный опыт! Европейцы обычно извращают его, называя «непротивлением», тогда как это самое сверхчеловеческое сопротивление, это – сопротивление первых христианских мучеников, говоривших гонителям своим: «Не покорюсь, это ты подчинишься. Ты заблуждаешься и грешишь. Но я жалею тебя. Преследуй меня! Моими страданиями я обращу тебя в свою веру». Нет, это не имеет ничего общего с той пассивностью,

---

[135] Литературный и общественно-политический журнал «Эроп» (*Europe*) – основан в 1923 г. в Париже группой писателей во главе с Ролланом и Ж.-Р. Блоком. В 1924 г. журнал взял курс на сближение с СССР. В редакцию входили Поль Колен, Леон Базальжет, Дюмениль де Грамон.

[136] Основанный Горьким журнал литературы и науки «Беседа» издавался в Берлине при ближайшем участии профессора Б.А. Адлера, Андрея Белого, профессора Ф.А. Брауна, В.Ф. Ходасевича с 1923 по 1925 гг. (всего вышло 6 номеров).

за которую Вы справедливо упрекаете русский народ. Это самое могучее господство воли над телом, которое или ненавидит или боится» (АГ-15, 52-53). Действительно, на европейцев произвел впечатление факт двадцатилетнего противостояния Ганди правительству Южно-Африканского Союза, возглавившего в Претории борьбу 150 тысяч индусов-иммигрантов за свои права. Деятельность Ганди вынудила правительство Южной Африки принять ряд законов, уравнивавших индусов в правах с остальным населением.

В своей автобиографии Ганди рассказал, как в 1893 году впервые прочел произведение Толстого «Царство божие внутри нас»: «Я был потрясен. Перед независимостью мысли, нравственной глубиной и искренностью этой книги все прочие книги показались мне бедными и незначащими». Годом или двумя позже он прочел «Так что же нам делать?» и «Евангелие». Он страстно отдался изучению Толстого. «Я начал осуществлять, – говорит он, – все больше и больше бесконечные возможности общечеловеческой любви…»[137] В 1904 году он создаёт в Фениксе, близ Дурбана, земледельческую колонию по плану Толстого. Он собирает там индийцев под условием подчинения двум законам: непротивления и добровольной бедности. В своем очерке «Жизнь Махатмы Ганди» Роллан рассказал о его «крестовом походе, который длился около 20 лет». За год до того, как Ганди писал Толстому, он закончил свою знаменитую книгу «Hind Swaraj» (индусский гомруль), – это «евангелие героической любви», оригинальное издание которой в Гуджрате было запрещено правительством Индии, английское он послал Толстому 4 апреля 1910 года.

В конце 1909 года Ганди написал Толстому письмо. Толстой братски благословил его на «борьбу мягкости против жестокости, кротости и любви против гордости и насилия». За месяц до своего ухода, 7 сентября 1910 года, Толстой пишет письмо Ганди, которое стало духовным завещанием Толстого. Роллан публикует его в своем очерке о Толстом[138].

---

[137] Роллан Р. Собр. соч. Т. XIV. Л.: Время, 1933. С. 341.
[138] Там же. С. 343-346.

На предложение Роллана опубликовать в «Беседе» его очерк о Ганди Горький отвечает согласием. Он пишет: «Очень благодарю Вас за Ваше обещание писать для «Беседы»; журнал, кажется, будет интересным, особенно в его научной части... Не дадите ли Вы, кроме обещанных очерков, и Вашу статью о Ганди? Я бы очень просил Вас дать и ее. У нас знают о нем только по газетам, а русским не мешает познакомиться с первоисточником некоторых воззрений, принятых ими в плоть и кровь» (АГ-15, 54). По просьбе Горького М.И. Будберг писала Роллану 20 февраля 1923 года: «Месье!

Господин Горький просил меня передать Вам, что он был бы счастлив, если бы Вы сочли возможным послать ему как можно скорее Вашу статью о Махатме Ганди, не дожидаясь гранок журнала «Эроп». Он будет Вам за это очень признателен. Сейчас он немного болен – поэтому я пишу Вам вместо него» (АГ-15, 56). В «Беседе» очерк был опубликован в двух первых номерах журнала (1923). Первая часть очерка Роллана о Ганди была напечатана в Москве в журнале «Красная новь» (1923, № 4, перевод М. Козловой).

Сопровождая присылку очерка Горькому замечанием: «Не беспокойтесь об условиях! Никаких условий нет», – Роллан как бы подводит итог *дискуссии о цели и средствах*: «Я считаю своим счастливым и священным долгом распространять столь замечательный образ мыслей. В наши дни он не только самый благотворный, но и самый действенный. Он противостоит всевозможным формам насилия, а также вялому, бесхребетному пацифизму, пацифизму на словах. Не думайте, будто есть нечто общее между героически напряженным *действием* такого человека, как Ганди, действием, чуждым физического насилия, но основанным на огромном самообладании, – и *отказом* от действия, *непротивлением*, пассивностью русских крестьян, о которых Вы говорите» (АГ-15, 55).

Мы видим, таким образом, что возникшая полемика о цели и средствах ее достижения имела сложный внутренний сюжет и скрывала второй план, проступающий сквозь коллизии дискуссии. Роллан находил новые аргументы для своих оппонентов в лице Барбюса и Горького. Что же касается Советской России, то в среде вождей революции эти аргументы не действовали. К Роллану

продолжали относиться с недоверием и настороженностью, хотя он и не делал нелояльных заявлений. В то же время все его высказывания содержали второй план, осуждающий «эксцессы» и «издержки» революции, и это очень хорошо чувствовали его советские оппоненты. Например, Луначарский в 1926 году писал: «Пацифистская пропаганда Ромен Роллана, несмотря на все свое гуманное благородство, является попыткой оторвать от нас некоторые сочувствующие нам элементы, или элементы, которые могли бы нам сочувствовать. Его превосходные чувства являются для нас туманом, который прячет от людей жестокие очертания подлинной действительности. Пропаганда Ромена Роллана, старающаяся подменить острые формы борьбы словесными убеждениями, влиянием примера и т. д., в глубине вещей делает его союзником II Интернационала, главной задачей которого является распространение добродетели долготерпения в пролетарских массах»[139].

С неменьшим недоверием и настороженностью относились в Москве и к Анри Барбюсу, который, несмотря на пропаганду активных революционных действий и вступление в 1923 году во Французскую компартию, продолжал провозглашать независимость интеллигенции от «партий». Так его группа «Кларте» посвятила себя «распространению великих интеллектуальных и моральных истин, но вне прямой воинствующей борьбы и вне всяких партийных вопросов»[140]. Барбюс настойчиво повторял это из одного своего выступления в другое, постоянно вызывая недовольство и открытые выпады московского руководства. В сущности, его идеи перекликаются с роллановскими в том, что касается роли интеллигенции. Барбюс заявлял, например: «Это – программа распространения основных идей гуманизма, которые следует, прежде всего, внедрять в сознание для того, чтобы могли быть реализованы последующие завоевания. Мы должны готовить и как можно шире привлекать единомышленников. Мы стремимся к этому, не связывая себя с какой-либо

[139] Луначарский А.В. На Западе. М.: ГИЗ, 1927. С. 86.

[140] Здесь и далее высказывания А. Барбюса и письма Горького Барбюсу цит. по кн.: Серия «Архив А.М. Горького». Т. VIII. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. М.: Издат. Академии наук СССР, 1960. (АГ-8 с указанием страницы).

партией» (АГ-8, 370). Под таким заявлением мог подписаться и Роллан. Горький не стремился печататься в журнале Барбюса, но все-таки не отказывался полностью от сотрудничества с ним, давая свое имя для обложки журнала и различных мероприятий, организуемых Барбюсом.

В итоге Барбюс оказался таким же «половинчатым революционером» (по терминологии Луначарского), как и Роллан. Горький поддерживал начинания Барбюса, как о том свидетельствует его с ним переписка. Например, в ноябре 1921 года Горький писал о журнале «Кларте»: «Как только почувствую себя достаточно работоспособным, – немедля пришлю статью для Вашего журнала. Не сомневаюсь в его своевременности и полезности. Сердечно желаю Вам бодрости духа и доброго успеха в деле» (АГ-8, 371).

Подобным же образом Горький поддержал создание Барбюсом журнала «Монд» (в 1928 году), когда Барбюс ушел из «Кларте». Программа «Монда» была такой же «беспартийной» и, следовательно, подозрительной в глазах Москвы. Барбюс, спрашивая мнение Горького по поводу своих изданий, как правило, не вносил никаких корректив и продолжал настаивать на независимой от партийных взглядов линии нового журнала: «Хочу потолковать с Вами о следующем вопросе. Я предполагаю с весны выпускать в свет еженедельный журнал, содержащий обширную международную информацию в области литературы, искусства, науки и социальной жизни. Этот журнал, озаглавленный «Монд», будет выходить на французском языке. Он будет совершенно независим и не связан ни с одной политической партией; он вообще не будет заниматься воинствующей политикой. Журнал будет отстаивать идеологию и достижения левых и бороться с идеями и делами, источником которых являются реакция, суеверия, империализм, фашизм, колониальные злоупотребления и пр.

Все выдающиеся представители мировой интеллигенции дали свое согласие сотрудничать в «Монд» (разумеется, кроме вождей реакции, насилия и эксплуатации, к которым я, естественно, и не обращался). Прошу Вас поставить Ваше имя во главе этого списка; мне хотелось бы также получить Ваше согласие состоять членом редколлегии журнала «Монд». В редколлегию должны войти

следующие лица: Эйнштейн, Ланжевен, Матиас Морхард, Базальжет и я. Не сомневаюсь в том, что Вы дадите согласие усилить авторитет журнала Вашим великим именем.

Надо ли говорить о том, как я и мои сотрудники будем бесконечно счастливы и горды, если Вы согласитесь сотрудничать в нашем журнале. «Известия» обещали попросить Вашего разрешения переслать мне для напечатания в первом номере «Монд» Ваши неопубликованные письма. Очень хотелось бы, чтобы этот блестящий проект осуществился. Разрешите дружески и горячо пожать Вам руки» (АГ-8, 372). Однако времена менялись, а с ними усиливался и ригоризм Москвы. Поэтому постоянные напоминания Барбюса о внепартийности журнала («Мы держимся вне политической борьбы в собственном смысле слова и даже не ведем наступательной полемики (за исключением борьбы против очевидных проявлений реакции, как-то: фашизм, колониальная политика, клерикализм и проч.» (АГ-8, 372)) служили неиссякаемым источником раздражения против него во время его поездок в Москву.

Будучи организатором Международных антифашистских и антивоенных конгрессов в 30-е годы, Барбюс и тут отмежевался от коммунистов: «Берлинский конгресс будет держаться в стороне от влияния какой бы то ни было политической партии и совершенно независимо в социальном и политическом отношении».

Впрочем, когда в 1935 году Анри Барбюс умирает (30 октября в Москве), Роллан признает, что тот был верным борцом за идеалы интернационализма. В журнале «Взгляд» («Regards») он пишет: «Месяц назад, 23 июля, я видел Барбюса в Варшаве. Я возвращался из Москвы. Он туда направлялся. Был радостен. <…> Он имел счастье перед смертью присутствовать на первых заседаниях VII Конгресса Коминтерна [sic], которые стали блестящим и триумфальным свидетельством победы Коммунистического Интернационала, солдатом которого был Барбюс. Какое посвящение в боевую жизнь веры – пасть у подножия Кремлевской стены, рядом с учителем Лениным, среди славных мертвецов, стоящих в героическом карауле вокруг того, кто воплощает мировую пролетарскую Революцию!»

ГЛАВА 2. РОЛЛАН И ГОРЬКИЙ В 1920-НАЧАЛЕ 1930 ГГ.: ИСТОРИОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

2.1. Россия и Европа: Роллан и Горький о судьбе России и русском национальном характере (по материалам переписки М. Горького и Р. Роллана).

Когда в России произошла революция 1905 года, Роллан написал в частном письме: «Я слежу за русскими событиями внимательно и страстно. То, что происходит в Москве – величайшее событие Истории. Такая революционная мощь в народе старушки России, которую считали уснувшей навсегда!»[141]

Благодаря общению с русскими в Швейцарии Ролан лучше узнал Россию и русских. Некоторые черты характера русских настораживали его. В «Дневнике» он пишет: «Страшное непостоянство русской души пугает меня – особенно в этот исторический момент. Им нравится ставить себя в странные, сомнительные, запутанные положения… в которых можно воспользоваться своим умственным превосходством и обманывать людей, манипулировать ими, ничего не подозревающими, как марионетками. <…> Это, несомненно, накладывает крайне сомнительный отпечаток на грядущую революцию».[142]

В то же время Роллан направляет в связи с 1 мая послание «России свободной и освободительнице»: «Пусть ваша революция будет революцией великого народа, здорового, братского, человечного, избегнувшего крайностей, в которые впали мы! » В июне он пишет статью под названием «Толстой – свободный мыслитель», в которой он утверждает: «Свобода духа – это редчайшее из сокровищ».[143]

Наиболее интересными с точки зрения восприятия Ролланом русской революции и России представляются его письма к Горькому. Их переписка становится инстенсивной в начале 1920-х годов, когда Горький уезжает из Советской России и живет в Германии, в Чехословакии, в Италии. В этой переписке

---

[141] Цит. по кн.: Robel L. Histoire de la neige. P.: Hatier, 1995. P. 156.
[142] Там же. С. 158.
[143] Роллан Р. Собр. соч. Т. XVIII. Л.: Гос. изд. Художественная литература, 1935. С. 127.

оба писателя предстают отстаивающими интеллектуальную независимость и свободу, рассуждая о характере русской революции, они возмущены насилием, обеспокоены диктаторскими тенденциями власти в России.

Главным предметом полемики становится судьба России в связи с особенностями характера русского народа и в связи с ее местом в едином поле европейской культуры. На протяжении двадцати лет ответы Горького в большинстве своем лишь усиливали тревоги и недоумение Роллана. Уже в двух первых письмах авторы определили свои позиции: на первый взгляд, их спор – вечный спор России и Европы, а точнее, спор «молодой» России и «старушки» Европы, однако оба писателя вносят в него свою оригинальную ноту.[144]

Это видение России революционером М. Горьким совпадает со взглядом на Россию немецкого философа истории эволюциониста О. Шпенглера (1880–1936) в его нашумевшей книге «Закат Европы» (в двух томах, 1918–1922). В личной библиотеке М. Горького было одно из первых изданий перевода этой книги в России («Образ и действительность» / Пер. с нем. М.Д. Френке. М.-Пг., 1923. Т. 1), но автор ее не произвел на Горького впечатления основательности и самобытности. Лишь первые 47 страниц книги содержат пометы[145] М. Горького, в основном сводящиеся к тому, что Шпенглер варьирует темы Н.Я. Данилевского и Ф. Ницше, самого «русского» из немецких философов. В письме к Роллану от 18 сентября 1923 года, анализируя влияние русской мысли на Германию, Горький вновь возвращается к этой теме: «Шпенглер идет от Нитчше и очень много взял у Данилевского, из его книги «Европа и славянство», в свою очередь «Ф. Нитчше черпал свои вдохновения у Штирнера и Достоевского», а «Макс Штирнер думал очень по-русски, он, видимо, был хорошо знаком с идеями Михаила Бакунина, от

---

[144] Интересно, что в это же время проблему взаимоотношений «новой» России и «старой» Европы в свете теории О. Шпенглера пытались решить французские сюрреалисты. Об этом см.: Aragon L. Philosophie des paratonnerres. // La Révolution surréaliste, fac-similé de la revue. Paris, 1975. Octobre 1927 (№ 9-10). P. 45-54; а также: Ариас-Вихиль М.А. Петр Первый и французские сюрреалисты. Миф о «новой» России во французской литературе 1920-х гг. // Человек – Искусство – Общество. Закон целого. М.: 2006, 2006. С. 271-280.

[145] См. об этом: Евдокимов А.В. Теория «Заката Европы» О. Шпенглера в восприятии М. Горького // Творчество М. Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения, 2004. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2006. С. 238-245.

которых не сразу освободился и Вагнер» (АГ-15, 67). В Личной библиотеке Горького хранятся книги всех перечисленных авторов с пометами писателя, свидетельствующими о его глубоком интересе к философии. Горький был внимательным читателем работ немецкого философа М. Штирнера (Макс Штирнер. Единственный и его собственностъ. Ч. 1. СПб., 1907), пьесы К. Федина об анархисте М. Бакунине (Федин К. Бакунин в Дрездене. Театр в 2 актах. Пб.: Госиздат. 1922), исследования русского философа-персоналиста Л. Шестова «Достоевский и Ницше (Философии трагедии)» (Шестов Л. Собр. соч. Т.3. СПб.: Шиповник, б.г.), теории культурно-исторических типов цивилизации русского философа Н.Я. Данилевского, изложенной в его книге «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (СПб.: Общественная польза, 1871). Заметим, впрочем, что в критической литературе указаний на то, что Шпенглер знал труды Данилевского, нет, хотя Шпенглер был широко образованным человеком и на основе обобщения известных и малоизвестных исторических данных, касающихся различных цивилизаций, подвел итог определенному этапу развития европейской мысли в сфере истории эволюции общества, используя метод культурно-исторической аналогии. Сама же идея «заката Европы», интерпретированная Горьким в духе исторического материализма К. Маркса как «закат буржуазной Европы», подхвачена писателем, который писал в известном письме М.М. Пришвину от 1 февраля 1925 года, что Европа «закатывается не по Шпенглеру» (Г-30, 29, 426).

По тем же причинам, что и Горький, Шпенглер отказывается признать Россию европейской страной: «Слово Европа и возникший под его влиянием комплекс представлений были единственной причиной, заставлявшей наше историческое сознание объединять Россию и Европу в одно ничем не оправдываемое целое. В данном случае простая абстракция, возникшая в культурном кругу воспитанных на книгах читателей, привела к огромным реальным последствиям. Воплощенные в личности Петра Великого, они на целое столетие подменили историческую тенденцию примитивной народной массы, в противовес чему русский инстинкт, с враждебностью, олицетворенной в Толстом,

Аксакове и Достоевском, очень правильно отграничивает «матушку Россию» от «Европы».[146]

Будучи восточной страной, Россия не принадлежит к западной культуре: «Восток и Запад – понятия, полные настоящего исторического содержания. «Европа» – пустой звук. И если допустить, что Греция во время Перикла «находилась в Европе», то теперь она там больше не находится». Так и Россия находится не в Европе: «Что имеет общего Толстой, из самых недр своего человеческого сознания отвергающий, как нечто чуждое, весь западный мир идей, со Средними веками, с Данте или Лютером?»[147]

Исходя из одних и тех же посылок, М. Горький и О. Шпенглер по-разному решают вопрос о будущем России. Используя метод исторических аналогий, Шпенглер в своих таблицах проводит параллель между греко-римским стоицизмом и западным социализмом, который он определяет как «зиму западной культуры» и «закат Европы» по аналогии с закатом античности («Всегда существовало сознание, что количество форм исторических явлений ограниченно, что типы эпох, ситуаций и личностей повторяются. Говоря о роли Наполеона, почти всегда припоминали и Цезаря и Александра, причем сопоставление с первым было морфологически недопустимо, а со вторым соответствовало действительности. Самому Наполеону его положение представлялось похожим на положение Карла Великого. Конвент говорил о Карфагене, подразумевая при этом Англию, а якобинцы называли себя римлянами. Сравнивали, далеко не в равной мере основательно, Флоренцию с Афинами, Будду с Христом, раннее христианство с современным социализмом»).[148]

Социализм представляет собой, по мысли Шпенглера, одну из разновидностей западной морали, выступающей «с притязанием на всеобщее и вечное значение». Это составляет необходимое условие фаустовского бытия: «Кто иначе думает, чувствует, желает, тот дурен, отступник, тот враг. С ним надо

---

[146]Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 53.
[147] Там же.
[148] Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 37.

бороться без пощады. Долг человека. Долг государства. Долг общества».[149] Социалистическая революция, как и любая другая, согласно О. Шпенглеру, неизбежно влечёт за собой военную диктатуру и является «осенью» цивилизации, за которой следует «зима», то есть смерть западной цивилизации.

Социалистическая революция показала, что Россия идёт по западному пути. Но Шпенглер считает, что у России есть шанс избежать судьбы Запада. Европеизацию России (сначала Петром Первым, потом большевиками), которую Шпенглер определяет как «псевдометаморфозу», он считает ошибкой, которая, однако, не носит фатального характера. Русская душа ориентирована на Восток, к колыбели «магического» христианства, «звезде волхвов», она восстанет против фаустианства западной культуры, будь то Петр Первый или В.И. Ленин («Социализм – в высшем, а не банальном смысле – как все фаустовское, есть идеал, исключающий другие идеалы, и обязан своей популярностью только недоразумению, а именно будто он есть совокупность прав, а не обязанностей. Тривиальные внешние тенденции попечения, благополучия, «свободы», гуманности, счастья большинства содержат только негативную сторону идеи, в полной противоположности античному эпикуреизму, для которого состояние блаженства было фактическим ядром и суммой всей этики»[150]). Скоро большевики поймут на собственном опыте, что европейская доктрина может уничтожить Россию, но никогда не завоюет её. Взойдёт заря новой религии: Россия Толстого, Россия «негативной критики» умерла. Л. Толстой воплощает прошлое, агонию петровских преобразований, апостолом новой религии станет Ф. Достоевский.

Горький, в противоположность О. Шпенглеру, считает, что Россия должна окончательно встать на путь Запада и искоренить в себе черты «азиатчины». Поэтому результаты деятельности Петра Первого и В.И. Ленина он оценивает как необходимые вехи на пути преобразования Востока в Запад, а не как «псевдометаморфозы» (в терминологии О. Шпенглера). 3 января 1922 года он пишет Роллану из Германии: «Речь идет не обо мне, а о старой великой Европе и о

[149] Там же. С. 475.
[150] Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 490.

России, подростке среди ее народов. Да, Европа тяжко больна, и меня, русского, ее состояние тревожит не меньше, а больше, чем многих бесстрашно мыслящих европейцев. Ибо, – если Европа, – этот мощный творческий организм, который насыщает весь мир величайшими достижениями науки, искусства, техники, – если этот организм перестанет работать, как работал до XX-го столетия – его бессилие прежде всего и всего пагубнее отзовется на России. Мы, русские, от времен Петра Великого жили за счет европейской культуры, и без этой опоры нам грозит поглощение пассивным анархизмом» (АГ-15, 25).

Мысль о том, что «русские жили за счет европейской культуры» (петровская «псевдометаморфоза») восходит к начатому еще в эпоху Просвещения давнему спору о том, каковы последствия восприятия западной культуры Россией, приобщившейся к ней «слишком рано», не пройдя весь путь эволюции, который преодолел Запад. Включаясь в этот спор, Роллан пишет: «Мне кажется, Ваша Россия тоже страдает оттого, что она не вовремя приобщилась к европейской цивилизации. Как говорит Лафонтен: «Бежать не к чему, надо выйти вовремя». Ваш несчастный народ не виноват в этом. Он сделал все, что мог. Ему пришлось усвоить за одно столетие завоевания цивилизации, которые другие европейские народы создавали и накапливали постепенно, на протяжении десяти веков. Наделенный умом и запасом жизненных сил, он совершил настоящие чудеса в области искусства, литературы, науки… Но это сказалось на его духовном здоровье. Он страдает оттого, что слишком быстро созрел. И это вполне естественно! Болезнь роста! Переходный возраст. Такой возраст, однако, опаснее для народов, чем для отдельных людей» (АГ-15, 71).

Замечания Роллана о «молодости» России и «несвоевременности» ее приобщения к европейской цивилизации восходят к суждениям писателей и философов, присутствующим в европейском сознании со времен эпохи Просвещения. Вспомним, что для того, чтобы изменить представление просвещённой Европы о России – «стране сибирских волков и медведей»[151] (по выражению Фридриха II) – понадобилось, чтобы Петр Первый приехал во

[151] Цит. по кн.: Robel L. Histoire de la neige. P.: Hatier, 1995. P. 50.

Францию в 1716 году ко двору Регента, будущего Людовика XV. Блестящая плеяда деятелей французского Просвещения внимательно следила за пребыванием русского царя. Сила и обаяние личности Петра покорили сердца французов: «Царь Московии – самый великий и славный государь нашего времени… Его можно сравнить лишь с великими людьми античности, Европа вынуждена это признать»[152] (Сен-Симон). Сен-Симон, Фонтенель, Монтескье, Вольтер, каждый по-своему, отдали дань восхищения русскому царю.

Знаменитый летописец эпохи Просвещения Сен-Симон, находившийся при дворе Регента, изложил свои впечатления в «Мемуарах», задав тон всем последующим высказываниям о «царе Московии»: «Петр Первый справедливо создал себе громкое имя у себя на родине, в Европе и Азии. Я не могу назвать царя более могущественного, прославленного… Им восхищается его век, но будут восхищаться и последующие века». Позиция Сен-Симона становится важным свидетельством изменения отношения к России во Франции, которая из противника превратилась в поклонника Петра и, благодаря нему, России. Известно, что во Франции существовала сильная оппозиция российскому влиянию в Европе. Людовик XIV не желал встречаться с Петром и отклонял все его просьбы о визите. После смерти Людовика XIV Петр проявил настойчивость и приехал во Францию. Двор оценил приезд Петра как навязанный русским царём, памятуя о том, что король-солнце не видел смысла в союзе с Россией.

Несмотря на «былое варварство» России, Сен-Симон верит, что деятельность Петра Первого полностью изменит положение: «Его репутация во Франции непоколебима, Франция единодушно смотрит на него как на чудо и очарована им». Сен-Симон, как и большая часть французской аристократии, становится горячим сторонником франко-русского союза в пику англичанам.

Постоянный секретарь Французской Академии писатель Фонтенель, племянник знаменитого драматурга Пьера Корнеля, в «Похвале Лейбницу»

---

[152] Здесь и далее высказывания Сен-Симона цит. по кн.: Saint-Simon. Memoires. T.V. Paris, 1947-1961. См. также русск. изд.: Сен-Симон. Мемуары. Кн. 2. М.: Прогресс, 1991. С. 349-374. Все цитаты французских писателей приведены в переводе автора диссертации.

написал: «Царь задумал самое великое и благородное дело, которое когда-либо может осуществить правитель, а именно поднять свои народы из варварства и дать им науки и искусства. Он приехал к Лейбницу в Торгау и просил у него совета. Они много говорили о его намерениях, а, уезжая, царь назначил Лейбница личным советником юстиции и дал ему приличную пенсию. Редкая честь для современного мудреца стать законодателем варваров»[153]. Петру I было присвоено звание академика и иностранного корреспондента Французской Академии. В торжественной речи, произнесённой в Академии в связи со смертью Петра Великого в 1725 году, Фонтенель сказал: «Преимущество России в том, что она получила в готовом виде то, что создали самые ученые и образованные нации; скоро Россия встанет с ними вровень».

В свою очередь Вольтер писал о том, что Петр I поднял из варварства народы, «менее цивилизованные, чем мексиканцы, когда они были открыты Кортесом»[154]. Он сумел дать России хорошую армию, флот, законы, академию. Свою задачу Вольтер видел в том, чтобы написать историю Петра Великого: «Он был законодателем, основал города и, смею сказать, империю, в противоположность Карлу XII, который разрушил свое королевство». Ожидая соизволения и заказа царицы Елизаветы Петровны, Вольтер собрал сборник анекдотов из жизни царя, в котором, в частности, заметил: «Как мало надежды имел человеческий род, что в Москве родится такой человек, как царь Петр. Можно было бы поспорить: один к числу населения всей России, а оно равнялось тогда шестнадцати миллионам, т.е. один к шестнадцати миллионам, что это дар природы достанется кому угодно, но не царю, и, тем не менее, это произошло». Не очень лестное мнение Вольтера о русских изменилось благодаря усилиям Петра: «Менее чем за полвека русские овладели всеми искусствами». Когда в 1757 году посланник России во Франции Михаил Бестужев-Рюмин предложил Вольтеру от имени графа Ивана Шувалова, известного покровителя наук и искусств, приехать в Санкт-Петербург для работы

---

[153] Здесь и далее высказывания Фонтенеля цит. по кн.: Robel L. Histoire de la neige. La Russie dans la litterature francaise. P.: Hatier, 1994. P. 52-53. Цитируются в переводе автора диссертации.

[154] Здесь и далее высказывания Вольтера цит. по кн.: Voltaire. Oeuvres historiques. P., 1962. Цитируются в переводе автора диссертации.

над историей Петра, Вольтер ответил: «Вы мне предлагаете то, о чем я мечтаю уже тридцать лет». История Петра известна, но объяснить, чем стала Россия, благодаря Петру и его преобразованиям – эта задача достойна писателя, ибо, писал Вольтер, «подлинную мощь государства составляет его репутация». Когда вышел первый том «Истории Российской Империи Петра Великого», Фридрих II, состоявший в переписке с Вольтером, был в ярости: «Зачем Вам понадобилось писать историю сибирских волков и медведей? Я не буду читать историю этих варваров, я хочу забыть о том, что они живут в нашем полушарии».[155] Действительно, история Вольтера начиналась с фразы о том, что невозможно было представить себе, что в России появится одна из лучших и самых дисциплинированных армий в Европе, которая, разбив шведов и турков, одержит победу и над Германией.

В речи по случаю приема во Французскую Академию Вольтер сказал: «Ваши труды, господа, проникли в столицу самой отдаленной империи Европы и Азии и самой обширной, в город, который сорок лет назад был пустынной равниной, где жили дикие звери. Теперь в городе Петра Великого и его достойной дочери ставят французские драмы, звучит итальянская музыка и французское красноречие».

Неизвестно, был ли лично знаком с Петром I Монтескье, но в момент приезда Петра во Францию он находился в Париже. В «Персидских письмах» Монтескье проходит русская тема – речь идет о грандиозных пространствах Московии и об изменении нравов в ней: «Царь Московии употребляет все средства, чтобы вознести свою нацию во мнении Европы и Азии, которая была до сих пор забыта и интересна только самой себе»[156].

В «Духе законов» также немало ссылок на Россию, которая, благодаря происходящим в ней переменам, вдруг стала всем интересна. В четырнадцатой главе Книги V Монтескье, рассуждая о деспотии как способе правления, замечает: «Посмотрите, как московское правительство стремится уйти от деспотического правления. Для правителя деспотизм также тягостен, как и для народа. Сокращены

---

[155] Цит. по кн.: Robel L. Histoire de la neige. P.: Hatier, 1995. P. 50.

[156] Здесь и далее высказывания Монтескье цит. по кн.: Montesquieu. Lettres persanes. P., 1992 ; Montesquieu. De l'esprit des lois. Vol. I–II. Paris, 1973-1990, в переводе автора диссертации.

наказания за преступления, установлены суды, народы получают просвещение». В Книге XIII («О налогах») говорится: «Петр I ввел очень мудрые законы, которые продолжают действовать в России». В Книге XIX, озаглавленной «Каковы естественные средства изменения нравов и обычаев нации», Монтескье обращается исключительно к опыту Петра: «Легкость и быстрота, с которой цивилизовалась эта нация, показали, что царь слишком плохо о ней думал… Преобразование нации облегчалось тем, что обычаи России чужды ей самой, так как являются следствием смешения народов и завоеваний. Петр I, дав европейские нравы и обычаи европейской нации, воспользовался возможностями усвоения, которых он сам не ожидал».

Резким диссонансом в общем хоре похвал деятельности Петра прозвучало суждение Ж.-Ж. Руссо, отличающееся историческим пессимизмом. Многие русские писатели в разное время положительно оценивали «переимчивость» (А.С. Пушкин) и «отзывчивость» (Ф.М. Достоевский) русского народа, но Жак-Жак Руссо увидел в этой черте лишь подтверждение того факта, что русские не смогли найти самих себя. В « Общественном договоре » (1762) он заметил: «Русские никогда не станут по-настоящему цивилизованными, потому что они попытались сделаться таковыми слишком рано. Пётр был гением подражания, а не истинным гением. Сначала он хотел сделать русских немцами, затем англичанами, когда надо было начать с того, чтобы сделать их русскими…он помешал своим подданным стать тем, чем они могли бы быть, внушив им, что они то, чем они не были»[157].

Мнение Руссо о деятельности Петра привело его к мысли о нестабильности русской государственности: «Российская империя захочет подчинить Европу и окажется сама в подчинении – у татар, своих подданных или соседей».

Таким образом, Роллан оказывается наследником просветительских идей в отношении России, и, в частности, «русской идеи» Ж.-Ж. Руссо, высказавшего мысль о том, что Россия должна будет заплатить «по счету», «присвоив» завоевания европейской культуры. Роллан считает, что «страшная многовековая

[157] Здесь и далее высказывания Ж.-Ж. Руссо цит. по кн.: Rousseau J.-J. Du Contrat social. Paris, 1966, – в переводе автора диссертации. См. также кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.

история и этническая смесь самых разнородных элементов создали духовную путаницу, которую не скоро удастся распутать». Для этого требуется «длительная передышка», а «несчастная Россия не получила ее от судьбы» (АГ-15, 77).

Не менее важным представляется и суждение Монтескье о том, что «обычаи России чужды ей самой и являются следствием смешения народов и завоеваний». Эту мысль подхватывает М. Горький, говоря Роллану в письме от 9 октября 1923 года из Фрейбурга о «влиянии Азии на Россию», о том, что «великое множество монгольской, турецкой и финской крови примешано к русской» (АГ-15, 74) : «поэтому, если уже не мировоззрения калмыков, то все же их законы и обычаи оказывают влияние на сознание народа: анархизм, неупорядоченный образ правления у кочевых племен, их отвращение к работе» (АГ-15, 74).

В Европе, по мнению М. Горького, «влияние Азии» смягчено «опытностью» европейской культуры. Влияние Азии на Россию «более конкретно, более широко»: «Здесь я поспорю с Вами по вопросу о Востоке. Когда вы европейцы, люди активные, с грандиозной историей <…> смотрите на Восток, вы видите там только то величественное, что дала его мысль, его творческий дух. Вас интересует динамика. Русские – не европейцы, мы очень сложный конгломерат славянских и тюркско-финских племен. Мы смотрим на быт Востока, нашу массу увлекает его социальная статика, его любовь к покою <…> У нас мечтают о государстве без власти над человеком, – эта утопическая мечта в крови, в природе народа. Русский не любит работать и не хочет брать на себя никакой ответственности за ход жизни, за условия ее. Это очень странный человек, болеющий скептицизмом невежества, с душой, запутанной в противоречиях, полной фантастических неожиданностей. <…> Вот, дорогой друг мой, где скрыта великая мука моя, я боюсь за народ, – за огромное его ленивое тело, за его талантливую, но чуждую жизни душу. Народ этот еще не жил, не делал истории своими руками, своей волей, как это делали латинская и англосаксонская расы. И – ему не хочется делать историю. Он хочет только одного: безответственно и спокойно жить на своей плоской широкой земле, в сущности, – пустынной» (АГ-15, 36-37).

Вопрос об «азиатском» характере русского народа для Горького далеко не праздный. Он определяет характер власти в России и, в конечном счете, ее судьбу. Русская социалистическая революция, «что бы ни утверждали враги Советского правительства», отдала власть в руки народа, но парадокс заключается в том, что «этот народ не умеет пользоваться ею, не способен пока ни овладеть, ни расширить ее, отказывается работать в полную свою силу» (АГ-15, 74).

Проблема России, по мнению Горького, заключается в том, что в России работает одна интеллигенция, «ломовая лошадь истории и культуры» (АГ-15, 74). Он пишет Роллану (1922, Герингсдорф): «Вы сказали печальную истину, назвав меня «человеком другой расы». Да, это так. По какой-то злой иронии почти все русские интеллигенты – чужие люди в своей родной стране. Величайший, удивительный наш поэт Александр Пушкин выл, как волк: «Черт меня дернул родиться в России с умом и талантом!» Один из лучших писателей наших Николай Лесков кричал о народе: «Дрянь родная! Навоз славянский! Как жить с тобою!» И почти у каждого из крупных русских людей вы найдете этот вопль отчаяния одиноких, потерянных в массе народной, бессильных пред силою ее пассивного сопротивления тому, во что верит интеллигенция <…> истощается энтузиазм и вера, исчезает сила, способная организовать Россию как европейское государство» (АГ-15, 36). Однако, по мнению Горького, и интеллигенция несет на себе печать «азиатчины»: «Все они – аполитичны, индивидуалисты и романтики» (АГ-15, 37). В этом, считает Горький, «скрыт все тот же анархизм, все то же стремление от жизни, к безответственности, к покою» (АГ-15, 37).

Русская революция 1917 года показала, что под мистицизмом (проявлениями которого является анархизм и русское «авось») и пассивностью таилась огромная энергия, нашедшая выход в разрушительном взрыве. Эта энергия, на отсутствие которой в обыденной жизни жаловался М. Горький, была предметом веры писателя, именно ею, по его мнению, движется мир (вспомним, например, его повесть «Исповедь» (1908).

Необычайная талантливость русского народа свидетельствует, по мнению Горького, о наличии у него могучей творческой энергии. Талантливость русского

народа выделяет его среди других народов Европы и Азии, является его главной отличительной чертой. Об этом Горький пишет Роллану 18 сентября 1923 года: «Русский человек – человек фантастический. Иван Тургенев хорошо сказал об этом человеке, что у него «мозги набекрень». Этот особенный изгиб разума, его уклон в сторону от обыкновенного, нормального, может быть, создаст из русских оригинальнейший народ, который озарит весь мир огнем своей талантливости» (АГ-15, 66). Но эта же «кривизна разума» может и уничтожить Россию для мира, послужить причиной «безответственности» (Горький) и «легкомыслия» (Роллан), толкающего ее на имеющие трагические последствия эксперименты, «переходящие границу здравого смысла» (Роллан).

6 августа 1923 Горький писал Роллану: « Мучает меня эта загадка – человеческая, русская душа. За четыре года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же – сгорит и останется только пепел – или?» (АГ-15, 62).

Читая произведения М. Горького, Роллан убедился, что Горький «превосходно знает свой народ» (АГ-15, 31): «То, что Вы говорите о загадочности русской души, очень меня поразило. В настоящее время никто, вероятно, не знает лучше Вас русской души» (4 октября 1923; АГ-15, 69). Более того, Роллан считает, что Горький знает его лучше, чем Лев Толстой, который идеализировал народ: «Я почувствовал, насколько великий Толстой, который так мне дорог, идеализировал его помимо воли: благодаря своей гениальной интуиции он видел чужую душу как бы при вспышке молнии, но молния озаряла потемки лишь на мгновение, и по одному этому мгновению он судил о душе в целом. Он видел народ лишь мимоходом, он не делил с ним хлеб и жизнь» (АГ-15, 31). И только Горький «погружался в глубины этого страшного народа» и показал его таким, каким узнал: «темным, взбудораженным, лишенным нравственных устоев» (АГ-15, 31).

Роллан делает вывод о том, что русский народ «не знает сам себя»: «он ни плох, ни хорош по-настоящему» и, «как апостол Петр, по двадцать раз на дню отрекается от себя» (АГ-15, 31). Это связано с тем, что Россия приобщилась к европейским ценностям «слишком поздно» (вариант Руссо: «слишком рано») и не

успела в силу этого выработать соответствующий образ жизни, необходимые «нравственные устои»: «Таково ваше больное место. Зло в России является скорее следствием беспорядка, чем врожденных недостатков. Русской душой плохо руководили. <…> У вас недостаточно <…> связей. Ни общественных, ни нравственных, ни вокруг вас, ни внутри. Ничто не сдерживает вас, а так как вы наделены юной, неуемной, бьющей через край жизненной силой, вы спотыкаетесь на каждом шагу. Заключение: России необходима железная дисциплина – Петр Великий или Ленин. – Но для того, чтобы эта дисциплина вошла в привычку, а затем и в нравы, нужно время и еще раз время…» (30 октября 1924, АГ-15, 109). Тема Петра Великого заставляет еще раз вспомнить «Мемуары» Сен-Симона, которого поразила в русском характере «вольность, происходящая из чувства свободы» и отмеченная печатью «былого варварства». Так он пишет о стремительности и непредсказуемости поведения русских: «Ни царь, ни его люди ни в чем себя не сдерживали».

Роллан считает, что дикому и непокорному коню – русскому народу – нужна узда в виде европейских ценностей, иначе он «спотыкается на каждом шагу». Пишет Роллан и о том, что он считает европейскими ценностями: соответствие между словом и делом, так как характерное для русских «постоянное несоответствие между мыслью и действием» (АГ-15, 70) приводит к «нарушению жизненного равновесия»; «ясность разума», которую он «ценит превыше всего»; чувство меры. Однако за неимением времени внушить эти ценности народу, приходится довольствоваться «железной дисциплиной» («Петра Первого и Ленина»), которая не даст России ввергнуться в анархию и хаос. Эти соображения лягут в основу просоветских (просталинских) взглядов обоих писателей в конце 1920-начале 1930-х годов.

Оценивая русский народ по произведениям Горького и по революционным событиям, разыгравшимся в России, Роллан подводит итог (в письме от 30 октября 1923 г.): «Вы наделены дьявольской сопротивляемостью. Мало кто выжил бы, пройдя через подобные испытания. Зато я лучше понимаю теперь Ваши неотвязные мысли о душе русского народа. Поистине, это страшное чудовище. И я чувствую

пропасть, отделяющую его от французского народа» (АГ-15, 77). Страх перед «страшным чудовищем» под названием «русский народ», перед «кривизной» его разума заставляет писателей искать панацею не столько в европеизации, на которую по-прежнему «нет времени», сколько в насильственных ограничениях, имеющих целью «выпрямить» путь нации.

Революционные события, связанные с террором, гражданской войной и установлением «диктатуры пролетариата», по-новому осветившие темные стороны загадочной «славянской души», заставляют писателей отказаться от поэтизации стихийной силы и неуправляемости русского народа. Времена любования гоголевской птицей-тройкой или толстовским «славянским конем» («Конь несет меня стрелой, а куда, не знаю» (А.К. Толстой) если не канули безвозвратно, то, во всяком случае, отодвинулись в прошлое. Ср. в связи с этим высказывание А.А. Блока: «Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой… Что, если тройка, вокруг которой «гремит и становится ветром разорванный в куски воздух» – **летит прямо на нас**? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель». Это высказывание Блока подчеркнуто Горьким в книге из его личной библиотеки[158]. Пришло время вспомнить пушкинское определение русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Подобные опасения лежали в основе и других философских концепций, направленных на «обуздание» народа, например, литературного критика и публициста К.Н. Леонтьева (1831–1891), писавшего о необходимости «подморозить» Россию, опираясь на сильную власть и православие[159]. Горький писал по этому поводу: «Самый ужасный и ненавистный недостаток в политике – слабость; это преступление против Святого Духа политики», – я, в этих словах, слышу резкое эхо мысли русского политика и философа Константина Леонтьева» (АГ-15, 67). «Узду» для народа К. Леонтьев видел в «церковности», как заметил Горький: «…ясно, что вся премудрость

[158] Цинговатов А. Я. А.А. Блок. Жизнь и творчество. М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 44.
[159] Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. В 2 т. Т. 2. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°, 1886. С. 86.

консерваторов – К. Леонтьева, К. Победоносцева и других – пропитана той «народной мудростью», в которой наиболее крепко сжата церковность»[160].

По мнению Роллана, отношение Горького к русскому народу, который он «знает как никто другой», сочетает в себе «пессимизм и оптимизм (таков закон жизни: вдох, выдох)» (АГ-15, 31), однако самому Ролану не удается попасть в этот ритм. Он склонен, скорее, к историческому пессимизму. Поэтому, хотя разочарование в социалистической революции не было открытием в том смысле, что «всякая революция несет с собой насилие и разрушение», оно оказалось «более глубоким и горьким, чем все предыдущие», так как «рухнула великая иллюзия» (АГ-15, 44). Он пишет Горькому по этому поводу: «Почти всю Вашу жизнь Вы несли в себе страдания этого страшного русского народа, который Вы хотели и не могли спасти» (письмо от 12 октября 1922 года, АГ-15, 44).

При этом Роллан отнюдь не считает, в отличие от Шпенглера и Горького, Россию восточной страной. В отличие от Бисмарка, утверждавшего, что «единственным постоянно действующим фактором истории является география», Роллан не видит особой судьбы России в ее местоположении. Историософская концепция Роллана строится не по горизонтали, а по вертикали. Поэтому он неоднократно пишет Горькому о том, что не согласен с его оценкой Востока, так как сам оценивает Восток «по вертикали», то есть с точки зрения культурно-исторических типов цивилизаций Востока. Вот как излагает он свою концепцию в письме от 4 октября 1923 года: «Сколько мне еще надо сказать в ответ на Ваше письмо! В частности, по вопросу Азия – Европа. Вы, конечно, понимаете, что я не согласен с Вами! Вы очень неуважительно относитесь к юным “телятам” Азии, которые сосут старую корову Европу! Но, дорогой друг, если и признать существование телят, то встает вопрос, кто же из двух – Европа или Азия питались молоком другой. Мне очень хотелось бы знать, что, в сущности, создала Европа! Во всяком случае, не религиозное мировоззрение: все религии пришли из Азии. Великие философские системы тоже. Истоки европейского искусства находятся в Азии или Египте. Что же касается пресловутой науки – этой гордости европейцев,

[160] Г-30. Т. 24. С. 492.

наши историки с каждым днем подтверждают догадки, возникшие сто двадцать лет тому назад у французских ученых, принимавших участие в Египетской экспедиции, а именно, Египет и Халдея владели за тысячелетия до нашей эры познаниями по математике, оптике, астрономии, геодезии и т.д., которые мы только начинаем открывать заново. – Вера европейцев в прогресс – тоже одна из догм, мешающая им прямо смотреть в глаза действительности. Прогресс наблюдается (быть может) в развитии какой-нибудь отдельно взятой цивилизации. Но если рассматривать совокупность цивилизаций, можно ли говорить о прогрессе при переходе от одной к другой? Сомневаюсь. Во всяком случае, сегодня можно с уверенностью сказать, что не раз какая-нибудь цивилизация погибала целиком со всеми своими завоеваниями и открытиями. То были вершины человечества. А потом провалы. И снова вершины, другие вершины. Кто скажет, какие из них самые высокие? Я знаю цену европейской цивилизации. Но она не единственная. Существовали и будут существовать другие. Я радуюсь при мысли об этом, ибо я ясно вижу границу, которую наша цивилизация не переступит никогда.

Что касается Европы – «неутомимой великомученицы исканий истины, справедливости, красоты» – мой друг, я знаю также другую Европу – «неутомимого» палача других народов, Европу, уничтожившую цивилизацию Мексики и Перу, дважды уничтожившую чудеса искусства Китая, Европу, которая торгует христианством» (АГ-15, 72). Историософская концепция Р. Роллана ставит его в один ряд с Ф. Ницше и О. Шпенглером, как в вопросах критики европоцентризма и христианства, так и в отрицании понятия исторического прогресса, лежащего в основе марксизма.

Попытки разгадать тайну исторической формы при помощи каких-либо научных, социальных или экономических теорий О. Шпенглеру казались «безумными». Ссылаясь на высказывание И.-В. Гёте («В жизни дело идет о жизни, а не каком-либо результате ее»[161]), Шпенглер замечал: «Никто не будет ожидать от тысячелетнего дуба, что именно теперь должно начаться его подлинное развитие. Никто не ожидает от гусеницы, с каждым днем растущей на его глазах, что этот

[161] Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 58.

рост может продолжиться еще несколько лет. Каждый в этом случае с полной уверенностью чувствует определенную границу, и это чувство является не чем иным, как чувством органической формы. Но по отношению к высшему человечеству в смысле будущего царит безграничный тривиальный оптимизм. Здесь замолкает голос всякого психологического и физиологического опыта, и каждый отыскивает в случайном настоящем «возможности» особенно выдающегося линейнообразного «дальнейшего развития» только потому, что он их желает. Здесь находят место для безграничных возможностей – но никогда для естественного конца – и из условий каждого отдельного момента выводят в высшей степени наивно построенное продолжение. Но у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей».[162] В этом же духе высказывается Роллан: «Народы гибнут, как опадающие листья. Само древо человечества отомрет. Но вырастут другие деревья, и жизнь заструится в их ветвях» (АГ-15, 75).

Пристально анализируя высказывания писателя, мы приходим к выводу о том, что Роллан разделяет концепцию «исторических форм» Шпенглера, восходящую к философии природы И.-В. Гете. Поэтому вслед за Шпенглером, он мог бы воскликнуть: «Пессимизм ли?» (Под таким названием вышла статья Шпенглера, попытавшегося ответить на упреки в историческом пессимизме в связи с его концепцией «заката Европы»). Именно в этом свете неудача русской революции воспринимается им, помимо моральных оценок, как факт натуральной истории. Он с полным основанием написал Горькому: «Я всегда чувствовал по Вашим произведениям, что Вы «больны Россией», больны с детства; и я люблю Вас за эту благородную болезнь. – Что до меня, я не «болен Францией». (Она вполне здорова, да и к тому же я не оказываю предпочтения ни одной стране). Всю свою жизнь я был бы скорее склонен болеть человеческим родом, человечеством, если бы неистребимая любовь к Жизни постоянно не восстанавливала мое внутреннее равновесие. Народы гибнут, как опадающие листья. Само древо человечества отомрет. Но вырастут другие деревья, и жизнь заструится в их ветвях.

[162] Там же. С. 59.

Я люблю жизнь в каждом ее проявлении. И я счастлив своим слиянием с нею» (АГ-15, 75).

В сущности, речь идет о тех самых «широких горизонтах», о необходимости открытия которых он писал Горькому в своем первом письме. Революционный марксизм Горького, при всей его неортодоксальности, воспринимался Ролланом как попытка самоограничения и догматизма: «Я отнюдь не собираюсь обращать Вас в свою веру, будь я даже в силах это сделать. Я люблю жизнь полноводную и глубокую, искреннюю и совершенную, жизнь, в которой сочетаются оптимизм и пессимизм, ирония и страстность, и ценю превыше всего самообладание – ясность духа» (АГ-15, 105). Драматические коллизии переписки двух писателей показывают стремление одного быть политиком, а другого – философом.

Открывая «более широкие горизонты» «больному Россией» М. Горькому, Роллан возводит Россию и Европу к одному общему корню – «арийцам Вед, завоевателям Индии» (АГ-15, 105), пришедшим с Севера. Снимая противоречие между Востоком и Западом, определяющее воззрения М. Горького, Роллан прибегает к знаменитому ницшеанскому образу «великолепных “смеющихся львов”[163]» (АГ-15, 106), в котором он видит прообраз современной европейской цивилизации, включающей и Россию, и предлагает «оставить в покое Будду и Христа» (АГ-15, 106). Общее прошлое добуддийского и дохристианского человечества представляется ему залогом общего будущего.

В книге «Антихрист», хранящейся в личной библиотеке М. Горького с его пометами, Ницше характеризует арийцев как гиперборейцев и пишет: «Нужно превосходить человечество силой, *возвышенностью* души, – презрением… Нужно быть привычным жить на горах, – видеть *под собою* жалкую современную болтовню политики и себялюбия народов. <…> Мы, гипербореи, мы довольно хорошо знаем, насколько в стороне мы живем: «Ни сухим путем, ни водою не найдешь ты дороги к гипербореям», – писал Пиндар. По ту сторону севера, льда смерти – *наша* жизнь, *наше* счастье».[164] Европейское человечество, ведущее свою

[163] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Соч.: В 2-х т. Т.2. М.: Мысль, 1990. С. 18.
[164] Нитче Фр. Антихрист / Пер. Н.Н. Полилова. СПб.: Кн-во Прометей, 1907. С. 2-3.

родословную от этнического массива ариев, включает и славян. Причина близости индоевропейцев, живших некогда в ближайшем соседстве на землях Приполярья и вытесненных с севера последним оледенением и похолоданием, наступившем около VII-VI тысячелетий до н.э., связана с укреплением межплеменных контактов в процессе переселений и совместного освоения новых территорий. В начале XX века теория арктической родины европейцев была изложена индийским ученым Б.Г. Тилаком в книге «Арктическая родина в Ведах» (1903) и поддержана многими специалистами, по-новому оценившими историю сложения древнеарийских племен. Независимо от Тилака к подобным выводам пришли немецкие ученые (Г. Якоби, М. Блумфельд, М. Барт, Г. Бюлер и др.), что было зафиксировано в статьях по данной проблеме первого тома Британской энциклопедии (1895). Несколькими годами раньше вышла в свет книга ректора Бостонского Университета доктора Уоррена «Найденный рай, или Колыбель человеческой расы на Северном полюсе». В России одним из первых на нее откликнулся известный биолог начала XX века Евгений Елалич, опубликовав книгу «Крайний Север как родина человечества» (СПб., 1910), а также знаменитый профессор Э. Ухтомский. О былом единстве Запада и Востока он писал: «Глубокая древность вовсе не представляла из себя нескольких цивилизаций, замкнутых друг от друга и отчужденных. Напротив, отдаленные страны, ради торговли и религиозных интересов, поддерживали непрерывные сношения. Восток жил и дышал однородным и напряженным стремлением создавать все новые и новые идеалы, обожествлять свои лучшия грезы, уготовлять пришествие Спасителя на землю. Вавилоняне, финикияне, евреи, персы, египтяне, аравитяне морским путём гораздо реже сушей, соприкасаясь с Индией и Китаем, влияли на них, от них брали наиценнейшее. Разные космогонические и астрономические теории делались вслед затем достоянием целого мыслящего мира. Расцвет этой кипучей жизни – период с VIII по VI век до Рождества Христова. Как раз тогда арийцы простерли свои завоевания до индийских побережий и начинали ощущать потребность в более широком кругозоре, чем мировоззрение Вед. Являлась философия, зарождались религиозные движения, просыпался исторический буддизм. Я подчеркиваю слово

«исторический», потому что идея его издревле присуща была не только индийскому духу, но и вообще человечеству».[165]

Арийская теория происхождения европейского человечества, так же, как и норманнская, относящаяся к другому историческому периоду, объединяет Россию и Европу в единое целое. М. Горький оперирует понятиями, восходящими к норманнской теории.[166] Так, например, 12 мая 1899 года он пишет из Нижнего Новгорода А.П. Чехову: «Норманы всюду являлись творцами чего-то сильного, красивого, оригинального. Нитцше где-то сказал: «Все писатели всегда лакеи какой-нибудь морали». Стриндберг – не лакей. Я – лакей и служу у барыни, которой не верю, не уважаю её. Да и знаю ли я её? Пожалуй – нет. <…> Сила автора вызвала во мне зависть и удивление к нему, жалость к себе и много грустных дум о нашей литературе».[167]

Культура Серебряного века обживала это знание, послужившее основой для пересмотра геополитических и исторических концепций. Свидетельства этому мы находим у И. Бунина, О. Мандельштама. Примером такого пересмотра может служит стихотворение О. Мандельштама «Зверинец», написанной в период Первой мировой войны. В «Зверинце» дохристианская дикость была символизирована «зверьем», сошедшим с национальных гербов европейских стран:

Петух и лев, широкохмурый
Орел и ласковый медведь...[168]

Пафос стихотворения заключался в идее осознания культурной общности европейских народов, и, прежде всего, двух главных противников – России и Германии:

И в колыбели праарийской
Славянский и германский лен!

---

[165] Ухтомский Э.Э. Тибетский буддизм и наша окраина.
URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XIX/Uchtomskij_E/text1.htm
(дата обращения 13 мая 2014 г.).

[166] Подробнее об этом см.: Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М.: Наследие, 1994. С. 18-20.

[167] Цит. по URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-68.htm (дата обращения 13 мая 2014 г.).

[168]Цит. по: URL: https://rustih.ru/osip-mandelshtam-zverinec/(дата обращения 14 мая 2015 г.).

И станет полноводней Волга,

И рейнская струя светлей.

Об этом пишет исследователь В. Мусатов в книге «Лирика Осипа Мандельштама».[169] Некоторые исследователи (например, А. Морозов) видят в этих стихах влияние Марины Цветаевой, занимавшей в годы войны «германофильскую позицию». Но Мандельштам лишь продолжал развивать идею духовного родства двух воюющих между собою стран, Германии и Франции, намеченную стихотворением «Реймс и Кельн». «Зверинец» напоминал о том, что Европа шире римско-католического мира, ибо в нее входят католическая Италия, протестантская Германия и православный славянский мир. Это заставляет вспомнить пушкинские возражения на «Философическое письмо» Чаадаева: «Вы видите христианское единство в католичестве, то есть в папе. Не в идее ли оно Христа, которая есть и в протестантизме?»[170]

«Зверинец» О. Мандельштама был попыткой заклясть безумную историософскую тревогу, однако надвигались новые прозрения и новые потрясения. Подобным же «заклятием» можно считать и название статьи Роллана «Европа, расширься или умри!» (1931).

Роллан пишет на эту тему Горькому 8 января 1925 года: «Я упрекал Вас за то, что Вы видите лишь улыбку Франции. Я хочу, чтобы видели и ее зубы. Я хочу, чтобы одновременно с ее свободомыслием видели бы и ее нетерпимость, ее неистовые страсти рядом с ее скептицизмом, ее гений тиранической власти вместе с гением человеческого братства, мрачные сумерки и свет.

Ни одна из наших европейских наций не является красавицей с розовыми ноготками. И Франция – не более, чем другие. Они огромные дикие звери – одни более, другие менее вкрадчивые, красивые, хорошо сложенные – но все напитавшиеся, в прошлом, падалью. История это – Колизей, это арена мучеников. –

---

[169] Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000.

[170] Цит. по: URL: http://chulkov.lit-info.ru/chulkov/public/zhizn-pushkina/iii-12.htm (дата обращения 13 мая 2014 г.).

Ведь это отнюдь не мешает мне любоваться львами. Но я лишь не хвалю их за доброту сердца.

Что касается установления каких-то градаций при оценке этих владык с внушительными головами, то я на это не способен, по крайней мере, в отношении к четырем-пяти великим народам Запада. Они были столь тесно между собой переплетены в продолжение тысячелетней истории, что сущность у них приблизительно та же» (АГ-8, 344; АГ-15, 118).

Помимо идеи общего будущего Европы и России, Роллан предсказывает и общие проблемы, являющиеся оборотной стороной научно-технического прогресса, о которых, по его мнению, не задумывается европейская цивилизация, но которые представляют опасность и могут послужить причиной ее гибели. Роллан пишет: «В самом деле, научный и промышленный прогресс Европы и Америки, предоставленный сам себе, неминуемо и в самый короткий срок приведет человечество к гибели в результате горячки изобретательства, к которой неизменно присоединяется жажда господства и разрушения. (И стремление это только усиливается по мере роста возможностей, которые мысль изобретателя даст в руки людям). С разных сторон уже доносятся крики тревоги. Но для того чтобы остановить или замедлить этот страшный напор, следовало бы пустить в ход тормоза, на что цивилизованные страны Запада уже не способны» (АГ-15, 118). Роллан поставил проблему «пределов роста» (название доклада Римскому клубу ученых Д. Медоуза и Д. Медоуза, 1972) на полвека раньше ученых Римского клуба, вставших в 70-е годы на позиции «пересмотра международного порядка» (название третьего доклада Римскому клубу, выполненного под руководством голландского экономиста Нобелевского лауреата Я. Тинбергена), когда «негативное отношение к дальнейшему техническому прогрессу и экономическому росту может стать более уместным и действенным», как заявил в 1972 году видный теоретик «постиндустриального общества» американец Герман Кан. Обсуждая с Горьким его работу «О русском крестьянстве» (1922), – «маленькую книжку, насыщенную большим горем» (АГ-15, 43), по словам Горького, – Роллан возлагает надежды на

«консерватизм» русского крестьянства как «спасительную реакцию» (АГ-15, 44) на наступление «машинной» цивилизации.

Роллан не разделял опасений Горького, касающихся русского крестьянства («О русском крестьянстве», 1922, Берлин). Комментируя свою знаменитую повесть «Кола Брюньон» (1914, «Николка Персик» в пер. В. Сирина), высоко оцененную Горьким, в соответствии со своим взглядом на Россию как органическую часть Европы, Роллан утверждает: «Русские крестьяне – его двоюродные братья с Дона и Урала». Изображение Горьким русского крестьянства вызвало критику Роллана.

2.2. Горький о советской цензуре и изъятии книг из библиотек: «у меня возникло желание отказаться от русского подданства»

А.М. Горький, покинувший Советскую Россию 16 октября 1921 года с ленинским напутствием: «Не уедете – вышлем», оказался на положении эмигранта, хотя имел советский паспорт и сохранял «русское подданство». Причиной такого настойчивого выдворения писателя с родины была оппозиция писателя репрессивной политике большевиков, особенно в области культуры. Эта оппозиция зафиксирована в книге Горького «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре» (Пг., 1918), в которую вошли его статьи из газеты “Новая жизнь” конца 1917 года, сразу же обнаружившие резкое расхождение Горького с Лениным и большевизмом. Газета была закрыта, книга не получила распространения. Так Горький стал «запрещенным» писателем в Советской России. Факт запрета не был зафиксирован в официальных списках и архивных документах Главлита, созданного в 1922 году. Однако в 1978 году Леноблгорлит, в ответ на запрос ленинградского управления КГБ, так квалифицировал книгу: «Книга М. Горького «Несвоевременные мысли» представляет из себя цикл статей 1917-1918 гг. В статьях этого периода Горький высказывал ошибочную точку зрения по поводу диктатуры Советов. Данная книга в СССР не издавалась. Статьи М. Горького этого

периода находятся в спецхране»[171]. Возвращена в открытый доступ книга была лишь в 1990 году[172].

Одним из главных иностранных корреспондентов Горького в этот период стал Ромен Роллан, возобновивший переписку с Горьким, прерванную Октябрьской революцией, сразу после его приезда в Берлин (письмо от 1 ноября 1921 года). В своем ответе Роллану Горький написал: «За последние семь лет жизни в России (Горький вернулся из эмиграции в конце декабря 1913 года – *М.А.)* я видел и пережил много тяжелых драм, – тем более тяжелых, что они вызваны к жизни не могучей логикой чувства и воли, а тупым и холодным рассудком фанатиков и трусов» (АГ-15, 22, 336-337). В следующем письме к Роллану Горький поясняет, что для него является трагедией революции: «Интеллектуальная сила России быстро убывает – за эти четыре года погибли десятки ученых, литераторов, художников… недавно погиб наш крупнейший поэт А. Блок и другой – Гумилев» (АГ-15, 26). Преступлением большевиков против культуры Горький считал физическое уничтожение интеллигенции (репрессии, голод, отсутствие работы)– «ломовой лошади культуры», «мозга нации». Его попытки помочь ученым и литераторам выжить в первые годы советской власти (создание Цекубу, развертывание издательского проекта «Всемирная литература» и др.) не могли остановить глубоко закономерный процесс уничтожения «старой» культуры и формирования «нового» сознания, без которого власть большевиков не могла быть прочной. Принятые в эти годы законодательные постановления свидетельствуют о том, что советская власть первостепенное значение придавала воздействию на сознание масс, как и в период подготовки революции: после создания партии (первые попытки относятся к 1894 году), главным делом своей жизни Ленин считал создание газеты как агитатора и пропагандиста, как коллективного организатора (так уже в 1899-1900 году появилась ленинская «Искра»). Именно пропаганда, сила печатного слова позволили большевикам приобрести влияние в массах. Ленинский

[171] РГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 2. Д. 150. Л. 7.

[172] Цит. по списку запрещенных книг русских писателей и литературоведов (1917-1991), помещенному в электронном издании «Открытый текст» (http://www.opentextnn.ru).

план создания партии (в работах «С чего начать?» и «Что делать?») по сути сводился прежде всего к организации общероссийской политической марксистской газеты. Именно словом Ленин участвовал в революционном движении и пришел к власти, благодаря силе слова. Так «в декабре 1894 г., из-за задержки накануне праздников заработной платы стихийно начался “бунт” на Невском судостроительном и механическом заводе (Семянниковском). Рабочих разгромили проходную контору и заводскую лавку, побили стекла в фабричных корпусах. Для подавления волнений были вызваны казаки, полиция, жандармы. Заработная плата рабочим была в тот же вечер выплачена. Ленин (при помощи социал-демократа рабочего И.В. Бабушкина) написал текст листовки (листка), по поводу этих событий, который был переписан от руки в нескольких экземплярах и распространен в мастерских завода. Второй листок под названием “Чего добиваться портовым рабочим”, был выпущен выпущенный группой с.-д. в феврале 1895 г. в связи со стачкой в Новом порту, вызванной произвольным удлинением администрацией рабочего дня. В листках (листовках) формулировались претензии и требования рабочих, листки распространялись, требования рабочих одного завода становились известны другим, вызывали сочувствие, а также формировали положительное отношение к авторам и "издателям" листков»[173].

Закономерно, что одним из первых декретов советской власти было принятие закона о печати[174] («Декрет о печати», 27 октября 1917 года), за подписью Ленина, ликвидировавший свободу слова и свободу печати в России: «В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный Революционный комитет вынужден был принять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков». На основании этого декрета сразу

[173] Подробнее о технологии политической борьбы большевиков за власть см: Теория и практика политической борьбы на примере РСДРП-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС в стенограммах и решениях съездов, конференций и пленумов, а также документах, картах и фотографиях. URL: http://www.agitclub.ru.

[174] Декрет СНК "О печати" от 27 октября (9 ноября) 1917 года // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 24-25. Этот декрет никогда не был отменен и по сути действовал все годы советской власти. Отменивший его «Закон СССР о печати и других средствах массовой информации" был принят только в 1990 г.

же (в течение двух месяцев) были закрыты 120 периодических «контрреволюционных» изданий. 7 ноября 1917 года в газете «Новая жизнь» Горький написал: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия»[175]. Однако Ленин так не думал – с его точки зрения как идеолога монопартийной системы, т.н. «диктатуры пролетариата», ни свобода слова, ни свобода личности не имели права на существование, так как находились в противоречии со стремлением большевиков удержать власть любыми средствами: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и её вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый»[176].

26 ноября 1917 года в Петрограде состоялся общегородской митинг в защиту свободы печати. Выступавший на митинге Д.С. Мережковский справедливо заметил, что свободное слово для большевиков опаснее бомбы: «В приказе об удушении печати Ленин признается с убийственной наивностью, что свобода слова для него опаснее, чем террористические бомбы, яд и кинжал… перед свободным словом, безоружным и беззащитным, он сам, со своими миллионами штыков, безоружен и беззащитен. Пока оно живо, он мертв. Или он, или оно – им вместе быть нельзя. Так было до Николая Второго Романова; так и сейчас – для второго Николая Ленина; так для всех тиранов. Тираны знают, что свободное слово есть первое и последнее дыхание самой свободы; с ним она рождается и с ним умирает»[177]. Вспомним пушкинское «О цензуре»: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда»[178].

---

[175] Цит. по кн.: Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 50-х годов. М., 1999. С. 21.
[176] Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5. Т. 44. М.: Госполитиздат, 1970. С. 79.
[177] Цит. по: Свободное слово не может быть страшно для демократии// Дружба народов. 1991. № 10. С. 232-233, 236.
[178] Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1962. С. 402.

Одной из главных задач боровшейся с контрреволюцией ВЧК, созданной 20 декабря 1917 года, была борьба с печатным словом. Так уже в январе 1918 года был создан Революционный трибунал печати, который «мог закрыть издательство и конфисковать типографию, лишить издателей политических прав и даже арестовать их»[179]. Большевики, взяв власть, не повторили ошибку Временного правительства, позволившую им «распропагандировать» народ, когда после Февральской революции (27 апреля 1917 г.) Временным правительством было принято постановление «О печати», отменявшее цензуру и провозгласившее свободу печати: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается»[180].

Количество репрессивных мер по отношению к печатному слову последовательно увеличивалось с целью создания монополии на печать, формирующую общественное мнение и сознание народных масс. На фоне существования частных издательств, постепенно сходивших со сцены в условиях жесткого контроля и изъятия тиражей идеологически чуждых большевикам авторов, был создан Госиздат (май 1919 года) «в целях создания в РСФСР единого государственного аппарата печатного слова» с подразделением «Политотдел» (создан в 1920 году) с сотрудниками-«политредакторами».

Испытав на себе жесткость репрессивных мер по отношению к свободному слову, Горький в цитируемом выше письме к Роллану назвал большевиков «фанатиками и трусами», не веря до конца, что не воля единиц определяет закономерность цензуры при большевистской власти, но неумолимая историческая логика тоталитаризма. Уже после его отъезда специальным постановлением Совнаркома СССР от 6 июня 1922 года за подписью его председателя А.И. Рыкова был основан Главлит – Главное управление по делам литературы и издательства, иными словами, комитет государственной цензуры, существовавший до 1990 года: «В первом положении о Главлите 1922 г. на Главлит были возложены следующие

---

[179] Подробнее об этом см.: Лютова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов. СПб.: БАН, 1999.

[180] Цит. по: Свободное слово не может быть страшно для демократии // Дружба народов. 1991. № 10. С. 236.

обязанности: а) предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию произведений, нот, карт и т.д.; б) составление списка произведений печати, запрещенных к опубликованию; в) надзор за типографиями, борьба с подпольными изданиями и их распространением, борьба с ввозом из-за границы не разрешенной к обращению литературы»[181]. В условиях существования Главлита политической цензуре подвергались не только произведения писателей-современников, живущих в Советской России, но и произведения классической русской и зарубежной литературы, не говоря уже о литераторах-иностранцах, книги которых публиковались в СССР. Лояльность большевистскому режиму играла первостепенную роль, отодвигая на периферию художественные критерии оценки.

Современные исследователи справедливо замечают: «Факт организации Главлита в 1922 году можно рассматривать не как определенный поворот в отношении идеологии и культуры, а как логическое продолжение политики незаконной власти тоталитарного типа, более всего испытывающей страх перед свободой слова и свободой мысли».[182] Т.М Горяева приводит первое публичное заявление Главлита: «Товарищи! В настоящее время большое значение приобретает печатное слово, одновременно являющееся могучим средством воздействия на настроение разных групп населения Республики, как в наших руках, так и в руках наших противников. Своеобразные условия пролетарской диктатуры в России, наличие значительных групп эмиграции, усилившиеся благодаря новой экономполитике материальные ресурсы у наших противников внутри Республики создали благоприятную для них атмосферу в выступлении против нас в печати. Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии. Главлит (организованный по инициативе ЦК РКП) имеет своей основной задачей осуществить такую цензурную политику, которая в данных

---

[181] Блюм А.В. За кулисами "министерства правды". Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб.: Академический проект, 1994. С. 53, 55, 147.

[182] Горяева Т. Культура и цензура: мифы и реальность, или история борьбы против правды// История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 8-10.

условиях является наиболее уместной. Опыт цензурного воздействия выдвигает два основных пути цензурной политики: первый путь – административное и судебное преследование, которое выражается в закрытии издательств или отдельных изданий, сокращении тиража, наложении штрафа и предании суду ответственных лиц. Второй путь – путь умелого идеологического давления, воздействия на редакцию – путём переговоров, ввода подходящих лиц, изъятие наиболее неприемлемых и т.д. Органам Главлита необходимо иметь тщательное наблюдение не только за частными, но и за кооперативными, профсоюзными, ведомственными и прочими издательствами, имея подробные сведения о характере и программе, личном составе правления, связи издательств с общественными политическими группировками, как в России, так и за рубежом…»[183]. Функции вновьсозданной организации так определены в правительственном постановлении «Положение о Главлите»: «На органы ГПУ возлагается борьба с распространением произведений, не разрешенных Главлитом и его органами, а также надзор за типографиями, таможенными и пограничными пунктами, борьба с подпольными изданиями и их распространением, борьба с провозом из-за границы для распространения на территории РСФСР не разрешенной к обращению литературы, наблюдение за продажей русской и иностранной литературы и изъятие книг, не разрешенных Главлитом и его органами, согласно списков Главлита»[184].

Исследователь Б.В. Емельянов указывает на то, что «основной удар Госиздат и его Политотдел направили на частные издательства». Он приводит свидетельство П. Витязева (1921) о том, что «некоторые отделения, особенно московский Госиздат, с усердием, во многом превышающим цензуру николаевских времен, «запрещали» и «не допущали» целый ряд изданий». В книге Витязева приведены примеры этих запрещений философской литературы. Была запрещена книга П.Л. Лаврова «Из истории социальных учений» («все сочинение Лаврова есть старый хлам, который надо выбросить в сорную корзину, а не тратить на их печатную

---

[183] Там же. С. 48-49.

[184] Положение о Главлите: Постановление СНК от 6 июня 1922 г. (СУ. 1922, № 40. Ст. 461) // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР: 1917 – 1928 гг. Т. 1. М.: Госюриздат, 1959. С. 197-198.

бумагу»), сочинение Н.К. Михайловского («Государственное издательство находит несвоевременным издание полного собрания сочинений Н.К. Михайловского и рекомендует вам имеющуюся у вас бумагу употребить на печатание литературы агитационного характера»). Среди запрещенных были книги П.А. Сорокина, Вяч. Иванова, А. Белого, М. Бакунина, П. Кропоткина, Н. Огарева и других русских мыслителей[185].

Один из создателей Главлита, суть деятельности которого ясно выражена в приводимом документе, председатель Совнаркома А.И. Рыков 26-27 мая 1923 года посетил Горького в Саарове. Горький, всю жизнь занимавшийся издательскими проектами, обсуждал с ним вопрос о возможности издания журнала «Беседа» в Берлине и распространении его в СССР («У меня сидел товарищ Рыков, я так давно не видал его, и мне необходимо было о многом поговорить с ним»[186]). Этот журнал, издаваемый Горьким в Берлине, так и не был допущен в Советскую Россию, а затем в СССР. Горький предназначал его для «русской интеллигенции» с целью «ознакомить ее с работами, посвященными развитию науки и литературы в Европе» (АГ-15, 34). Особый упор при продвижении своего журнала на Восток Горький делает на политическую нейтральность сотрудников журнала (АГ-15, 34). Но может ли «аполитичность» быть положительной оценкой для продвижения журнала в «стране, живущей исключительно политикой» (АГ-15, 37)? Это был бы «фокус, почти волшебный» (АГ-15, 37). Из писем к Роллану мы видим, что Горький противоречит самому себе: с одной стороны, он понимает, что политическая независимость – невозможна в России, где политика и идеология играют определяющую роль, с другой – все-таки надеется, что для него сделают исключение и позволят ему «просвещать» советскую интеллигенцию. Горький пишет письмо в Главлит (от 20 мая 1923 года), встречается с председателем правительства Советской России (26-27 мая 1923 года), но неумолимая логика тоталитаризма не делает исключения для писателя-просветителя, пытающегося

---

[185] Емельянов Б.В. Цензура философской литературы в России: от века серебряного к веку железному// Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. №2. С. 342-348. См. также: Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг.: б.и., 1921. С. 20, 25.

[186] Письма. Т. 14. М.: Наука, 2009. С. 186.

преодолеть идеологическое давление государства в сфере культуры. «Государство без власти над человеком – эта утопическая мечта в крови, в природе народа», – пишет Горький Роллану (АГ-15, 37). Но и сам он – утопист, платящий дорогую цену за свои иллюзии. И дело совсем не в отдельных личностях фанатиков-большевиков. Вот и Ленин – «государственник», «упроститель», сходит со сцены («Здоровье Ленина – весьма плохо, общее убеждение: к работе он навсегда неспособен, так сообщают из Москвы немцы-медики»[187] (24 марта 1923 года), а репрессивная политика по отношению к печатному слову лишь усиливается.

При этом советская власть не отказывается вовсе от печати иностранных авторов, но не связывает себя никакими обязательствами перед ними. В 1930-е годы гонорары выплачивались лишь в особых случаях, когда власть желала поощрить писателя за его политическую лояльность советскому режиму или привлечь его на свою сторону. В 1920-е годы гонорары не выплачивались вовсе. Об этом свидетельствует случай с Гербертом Уэллсом. Так Уэллс предложил Горькому для его журнала «Беседа» свою книгу «Люди как боги», но Горький был вынужден отказать Уэллсу, так как узнал, что книга Уэллса без разрешения автора печатается в «дешевеньком» московском еженедельнике «Красная нива» (1923. №1. 7 января – 15 апреля, перевод А. Волынского). Горький пишет Уэллсу по этому поводу: «Признаюсь – меня возмущают эти переводы без разрешения автора, возмущают не только потому, что это наносит автору материальный ущерб, но, главным образом, потому, что цельная, хорошая книга будет дана читателю в раздробленном виде и, наверное, в плохом переводе».[188] Обиженный Уэллс больше не присылал своих произведений для горьковской «Беседы».

Создание Главлита не удивило Горького, сокрушительный удар его моральному чувству был нанесен начавшейся «очисткой» массовых библиотек от «контрреволюционной литературы» (1923, 1926 и 1929). Изъятие идеологически вредной литературы осуществлялось Главполитпросветом под руководством председателя Н.К. Крупской, Главлитом, которым заведовал П. Лебедев-

[187] Письма. Т. 14. М.: Наука, 2009. С. 167.
[188] Там же. С. 171.

Полянский и Центральной библиотечной комиссией Главполитпросвета под председательством М.А. Смушковой. Инструкций было несколько: «Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек» (Красный библиотекарь. 1921, № 1(4)); «О пересмотре книжного состава библиотек к изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы» (1923). Исследователи отмечают: «Инструкция 1923 г. предписывала оставлять в книжных фондах только издания, напечатанные по новой орфографии, в результате чего было изъято и уничтожено огромное количество дореволюционных изданий русской классики. Подверглись остракизму и другие книги, выпущенные уже в советское время и безупречные по части орфографии, – из-за помещения в них произведений «архискверного» (В.И. Ленин) Ф.М. Достоевского, религиозно-нравственных рассказов Л.Н. Толстого и даже романов И.А. Гончарова, «не имеющих ничего общего с нашей рабоче-крестьянской массой». В массовых библиотеках не нужны были, по мнению Главполитпросвета, Гомер, Данте, И.-В. Гёте; собрания сочинений классиков (достаточно представить их небольшими, «тщательно подобранными» и снабженными «марксистскими предисловиями» сборниками «избранного»); произведения классиков «буржуазной» философии и «религиозно-монархическая литература». По разделу «этика и философия», например, предписывалось изъять книги Платона, Р. Декарта, И. Канта, А. Шопенгауэра, В.С. Соловьева, П.П. Кропоткина, Л.Н. Толстого и др. В 1924 году вышел новый секретный «Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка» (воспроизведен в «Российском литературоведческом журнале» (1994. № 4)). Только по разделу «беллетристика» в нем содержалось 992 позиции».[189]

8 ноября 1923 года Горький пишет В.Ф. Ходасевичу известное письмо (из Гюнтерсталя): «Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что <…> в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рёскин, Нитчше, Л. Толстой,

[189] Блюм А. Статьи для энциклопедии «Цензура»// Новое литературное обозрение. 2011. №112. С. 340-352.

Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики. И сказано: «Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги». Все сие – будто бы отнюдь не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: «Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя».

Сверх строки мною приписано «будто бы», тому верить, ибо я еще не могу заставить себя поверить в этот духовный вампиризм и не поверю, пока не увижу «Указатель».

Первое же впечатление, мною испытанное, было таково, что я начал писать заявление в Москву о выходе моем из русского подданства. Что еще могу сделать я в том случае, если это зверство окажется правдой?

Знали бы Вы, дорогой В.Ф., как мне отчаянно трудно и тяжко!»[190] В письме Горький говорит о брошюре «Всем Губ. и Уполитпросветам, Облитам, Гублитам и Отделам Г.П.У. Инструкция о пересмотре книжного состава библиотек и изъятия контрреволюционной и антихудожественной литературы» (Главпросвет Республики. М.: Красная новь, 1923. 22 с. 5000 экз.), которая состояла из двух частей: Инструкции (за подписью председателя Главполитпросвета Н. Ульяновой (Н.К. Крупской) и зам. зав. Главлитом М. Сперанского) и Указателя (списка книг, подлежащих изъятию из библиотек). Горький точно назвал авторов из списка, и В.Ф. Ходасевич предположил, что Горький видел этот Указатель, привезенный ему, возможно, М.И. Будберг во Фрейберг 15 сентября 1923 года.[191] Этот Указатель можно было сравнить лишь с ватиканским индексом (от лат. *Index Librorum Prohibitorum).* Реакция Горького стала известна Крупской, и она ответила на нее письмом в «Правду», где признавала некоторые ошибки в работе Главполитпросвета, однако издание инструкций по чистке фондов продолжалось.[192]

---

[190] Письма. Т. 14. М.: Наука, 2009. С. 266 и прим. 641.
[191] Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 175-178.
[192] См.: Лютова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов. СПб.: БАН, 1999.

Более подробно Горький описал свои чувства в письме к Роллану два месяца спустя (письмо от 15 января 1924 года). Оно содержит важные размышления писателя о генезисе собственной личности и творчества. Горький пишет: «Нет, в Россию я не еду, и все более чувствую себя человеком без родины, без отечества. Я даже склонен думать, что в России мне пришлось бы играть роль крайне странную, – роль врага всем и всему, и, при некоторой необузданности мыслей, слов, действий я встал бы там в смешную позицию человека, который бьет лбом в стену, безуспешно пытаясь разрушить ее, но не имея сил даже поколебать тяжелые камни пошлости.

Недавно я написал Вам длиннейшее письмо, полное жалоб и ругательств по адресу чудовищной родины моей. Я не послал это письмо, не желая вводить Вас в хаос возмущения моего <…> Письмо было вызвано одной из трагических пошлостей, творимых в России, – трагической пошлостью я именую то, – что Ян Гус назвал “sancta simplicitas”[193] Дело в том, что жена Ленина, человек по природе неумный, страдающий базедовой болезнью и, значит, едва ли нормальный психически, составила индекс контрреволюционных книг и приказала изъять их из библиотек. Старуха считает такими книгами труды Платона, Декарта, Канта, Шопенгауэра, Спенсера, Маха, Евангелие, Талмуд, Коран, книги Ипполита Тэна, В. Джемса, Гефдинга, Карлейля, Метерлинка, Нитчше, О. Мирбо, Л. Толстого и еще несколько десятков таких же «контрреволюционных» сочинений.

Лично для меня, человека, который всем лучшим своим обязан книгам и который любит их едва ли не больше, чем людей, для меня – это хуже всего, что я испытал в жизни, и позорнее всего, испытанного когда-либо Россией. Несколько дней я прожил в состоянии человека, готового верить тем, кто утверждает, что мы возвращаемся к мрачнейшим годам средневековья. У меня возникло желание отказаться от русского подданства, заявив Москве, что я не могу быть гражданином страны, где законодательствуют сумасшедшие бабы. Вероятно, это было бы встречено смехом и, конечно, ничего не поправило бы. Я написал «трем

[193] «Святая простота», лат.

вельможам» (предположительно А.И. Рыкову, Н.И. Бухарину и Л.Б. Каменеву – *М.А.*) резкие письма, но до сего дня не имею ответов от вельмож.

А может быть, Ж. Дюамель прав, утверждая в лондонской речи, что на Европу надвигается мрачная туча средневекового фанатизма?

Но каково мне знать, что безумнейшая нетерпимость к свободе духа фабрикуется в моей стране» (Аг-15, 87-88). В этом письме Горький определяет суть своих расхождений с советской властью: «Меня считают сторонником Советской власти. А. Олар пишет в "Histoire des Soviets", что я «присоединился к этой власти». Это – не вся правда.

В начале 18-го года я понял, что никакая иная власть в России невозможна и что Ленин – единственный человек, свободный остановить процесс развития стихийной анархии в массах крестьян и солдат. Однако это не значит, что я вполне солидаризировался с Лениным; в течение четырех лет я спорил с ним, указывая, что его борьба против русского анархизма принимает, приняла характер борьбы против культуры. Указывал, что истребляя русскую интеллигенцию, он лишает русский народ мозга» (АГ-15, 87-88 и прим. 375).

Роллан ответил Горькому лишь месяц спустя, указав причину («С тех разверзлась пропасть: умер Ленин», АГ-15, 89). Далекий от понимания происходящего в Советской России Роллан в своем ответе пытается найти положительные тенденции внутренней политики партии: «В своем последнем письме Вы с горечью восстаете против обезличивающего и все упрощающего фанатизма, свирепствующего в России, нелепые и возмутительные примеры которого подают большевики.

Не предпринимаются ли в последние месяцы самой партией попытки преодолеть эти тенденции к деспотическому мышлению и слепому повиновению, «perinde ac cadaver» (лат. «подобно трупу» – выражение полной покорности – *М.А.*)» (АГ-15, 90). Намеченная Горьким и напрашивающаяся параллель с кострами Инквизиции, уничтожавшей инакомыслие теми же способами, что и советская власть, не поддержана Ролланом. Роллан, который, как и Горький, всему лучшему в себе обязан книгам, оценивает факт их изъятия и уничтожения как «нелепый и

возмутительный». По его тону видно, что он считает это казусом, частным случаем, который перекрывается политической дискуссией в среде партии, возвещающей, по его мнению, «отвращение и ненависть к «обезличке», «сервилизму» и «карьеризму» (АГ-15, 90). Его собственные книги как друга СССР в стране Советов не будут признаны «идеологически вредными» (хотя и подвергнутся критике А.В. Луначарским за донкихотство и «дряблый» гуманизм) и он удостоится одним из первых зарубежных писателей издания двадцатитомного собрания сочинений, которое выходило в ленинградском кооперативном товариществе «Время», затем, после его ликвидации 1 августа 1934 года – в Государственном издательстве художественной литературы в 1930-1936 годах. В эти годы Роллан не отказывается от своей позиции поиска положительных тенденций в стране победившего большевизма и совершает путешествие в СССР (1935).[194] Его беседа со Сталиным, переданная в собственном изложении в «Московском дневнике»[195], свидетельствует о том, что Роллан продолжает, в отличие от Андре Жида, побывавшего в СССР годом позже, сглаживать противоречия между словом и делом, характерные для политики советского режима.[196] А. Жид, опубликовавший свое «Возвращение из СССР» (1936) сразу после приезда во Францию, а не положивший его под спуд на пятьдесят лет, как Р. Роллан, оказался в худшем положении: если до его приезда издательство «Academia» успело опубликовать четыре тома его собрания сочинений, то после публикации его книги об СССР, путь к советскому читателю был для Жида закрыт, несмотря на высокие художественные достоинства его произведений. В этом случае, как и во всех подобных, полученная им Нобелевская премия (1947) не улучшила ситуацию.

---

[194] См.: Роллан Р. Московский дневник (июнь-июль 1935) // Вопросы литературы. 1989. № 3-5 (пер. с франц. М.А. Ариас). Cf. Rolland R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935). Préface de Bernard Duchatelet. Cahiers Romain Rolland. № 29. Paris: Albin Michel, 1992.

[195] Об особенностях изложения Р. Ролланом беседы со Сталиным см.: Ариас-Вихиль М.А. Выбор источника текста при публикации «Московского дневника» Р. Роллана // Текстологический временник. Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408-420.

[196] Ариас-Вихиль М.А. «Такова уж логика власти»: Некоторые аспекты вопроса о репрессиях в СССР в «Московском дневнике» Ромена Роллана// Новые российские гуманитарные исследования. 2013. №8. URL: http://nrgumis.ru/articles/353/

Критерием оценки личности и творчества иностранного писателя оставалась его лояльность политическому режиму Советской России, а затем СССР.

2.3. Роллан и писатели русской эмиграции в год десятилетия Октября: окончательное размежевание (по материалам Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции)

Политическая позиция Роллана во время Первой мировой войны в результате травли в собственной стране привела его к необходимости эмиграции в Швейцарию. Именно в этом контексте воспринималась личность писателя, воплощавшего в межвоенный период «совесть Европы». Русские писатели, оказавшиеся в эмиграции после Октябрьской революции 1917 года, видели в Роллане единомышленника, способного как никто другой понять трагедию русской интеллигенции, занявшей принципиально антибольшевистскую позицию и заплативших за это потерей родины.

И.С. Шмелев, переживший в Советской России личную трагедию – потерю сына, в ноябре 1922 года выехал вместе с женой из России в Берлин «для поправки здоровья» под поручительство издателя альманаха «Недра», литературного критика, видного партийца Н.С. Клестова-Ангарского. Приняв решение не возвращаться в Россию, Шмелевы в январе 1923 года перебрались во Францию. В письме к Ангарскому Шмелев объяснил свое решение не возвращаться в Россию: «Теперь, когда я знаю, что у меня отняли и убили сына, я не могу принять даже доброго слова от той власти, именем которой столько ужасного совершено».[197] О событиях 1917 года он писал в обличительных статьях в эмигрантской прессе: «Факт изнасилования и убийства великой страны народа – налицо, факт десятков миллионов слепо и зверски отнятых человеческих жизней, – лучших молодых жизней, – и миллиардных богатств имущества и культуры, собранных тысячелетним трудом России, не может быть возмещен ничем. Он, этот памятник

[197] Цит. по: Встреча : Константин Бальмонт и Иван Шмелев : Письма К.Д. Бальмонта И.С. Шмелеву. Вст. ст. и публикация К.М. Азадовского и Г.М. Бонгард-Левина // Наше Наследие. 2002. №61. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6117

растления и убийства России, станет отныне памятником, поставленным героям от социализма, памятником из человеческих трупов, позора и нищеты» («Убийство», 1924).[198] Оказавшись во Франции, Шмелев, как и другие русские писатели – Бунин, Бальмонт – вступил в переписку с Ролланом, прислал ему свои книги. Его творчество получило высокую оценку французского собрата по перу, жившего тогда в Швейцарии. Роллан с восхищением отзывался о творчестве Бунина и Бальмонта. Когда в среде русской эмиграции во Франции зародилась идея о выдвижении русского писателя-эмигранта на Нобелевскую премию по литературе, Роллан принял активное участие в этой кампании. Инициатор прорусской нобелевской кампании писатель Марк Алданов в 1922 году в газете «Слово» предложил выдвинуть совместную кандидатуру Бунина, Куприна и Мережковского. Его поддержали известные французские писатели, в том числе и Роллан. Газета «Слово» опубликовала письма Ромена Роллана и Клода Фаррера к Бунину, в которых давалась высокая оценка творчества русского писателя, а также статью французского литератора Андре Лихтенберже «Современные русские писатели». 3 января 1923 года Роллан направил в Нобелевский Комитет Шведской Академии письмо-рекомендацию о присуждении премии по литературе за 1923 год совместно Горькому, Бунину и Бальмонту. Все трое покинули Советскую Россию, но Горьким был на особом положении и не сближался с русской эмиграцией, сохраняя советское подданство. В 1922-23 гг. Горький жил в Германии, где написал очерки «О русском крестьянстве» и «Интеллигенция и революция», осложнившие его и без того плохие отношения с советской властью. Кандидатура Горького, критикуемого и справа и слева, не вызвала никакого сочувствия в среде русских писателей-эмигрантов, однако окончательное размежевание Горького и писателей-эмигрантов произошло позднее.

Сохранившиеся в Фонде Роллана Национальной библиотеки Франции три письма Шмелева Роллану отражают начальный этап отношений русской эмиграции и Роллана. Первое письмо датируется 16 февраля 1925 года. В этом

[198] Цит. по: Шмелев И.С. Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. Сост. и автор предисловия Е.А. Осьминина. Москва : Русская книга, 1998. С. 464.

письме Шмелев благодарит Роллана за лестный отзыв о его книге «Человек из ресторана»[199]: «Господин Анри Монго[200] передал мне Ваше такое дорогое для меня суждение о моей книге «Человек из ресторана» и выражение Вашей симпатии ко мне. Искренне благодарю Вас» («Monsieur Henri Mongault m'a transmis votre si pour moi chère sentence de mon livre "Garcon!..." et l'expression de votre sympathie pour moi. Je vous remercie très sincèrement»). Шмелев деликатно замечает, что связывает добрые чувства Роллана к нему с отношением французского писателя к богатству русского духа и души. Шмелев пишет о том, что оценка Роллана для него бесценна («Еще раз благодарю Вас. Я знаю Вас как великого писателя, уважаю Вас, и Ваша оценка для меня бесценна» («Je vous remercie encore. Je connais l'écrivain célèbre qui vous êtes, vous honore et votre appréciation est pour moi très précieuse»), но эти слова, которые могут показаться обычной вежливостью, проецируются на следующий абзац, в котором Шмелев упоминает о старинной французской поговорке, которой Роллан охарактеризовал его положение: «Кто страдает, тот побеждает».[201] В этом старинном девизе Шмелев почувствовал истинное сострадание Роллана, его желание не просто утешить, но вселить уверенность, что череда поражений приведет к финальной победе. С этим девизом Шмелев связывает свою книгу, которую он посылает Роллану – «Солнце мертвых»: «Я с большой радостью прочитал девиз, который Вы применяете ко мне, и во имя этого я позволяю себе послать Вам первые главы моей работы «Солнце мертвых», которая увидела свет в зарубежных странах. Эта работа закончена, и я буду счастлив Вам ее представить в скором времени, хотя и на немецком языке. Я надеюсь, что эта работа еще более оправдает девиз – такой дорогой мне и такой глубокий» («J'ai lu avec grande joie cette devise que vous m'appliquez et au nom de cela je me permets de vous envoyer les premiers chapitres de mon travail "Le soleil des morts" qui ont vu la lumière dans les

[199]«Человек из ресторана» (1911) был переведен на испанский (1920), французский (1925), голландский, шведский (1926), немецкий (1927).

[200] Анри Монго (1888-1941) – французский писатель, переводчик и издатель русской литературы, произведений Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Куприна, Зинаиды Гиппиус и Шмелева.

[201] Примечание Р. Роллана: qui seufre, il vainct (Le livre des proverbes français de Le Roux de Lincy, Ferdinand Denis proverbes communs, XV s.).

pays étrangers. Ce travail est fini et je serais heureux de vous le présenter dans quelques temps bien qu'en allemande. Et j'espère que ce travail justifiera encore plus cette devise – si chère et si grave pour moi»).

Тема страданий – самая важная в этом письме, через нее Шмелев выходит на широкие обобщения, касающиеся судьбы России, дает характеристику того, что произошло в России в 1917 году, запечатлевая картину разгрома в своем творчестве: «Это картина разгрома, который сбил с пути и выбросил на всеобщую бойню чудесное лицо и великолепное тело и уже великое имя России, – но надеюсь – не ее душу, не ее дух. И это неисчерпаемое страдание заставляет меня писать о нем, чтобы передать его той части жизни, которая еще осталась неразрушенной» («C'est l'image de cette débâcle-là par qui on a mis en déroute et on a rejeté sur l'encorcherie commune et le miraculeux visage et le superbe corps et déjà le grand nom de la Russie, – mais je crois – ni son âme, ni son esprit. Et c'est cette souffrance inépuisable qui me force à en communiquer une part à la vie qui jusqu'ici n'est pas encore détruite»). Метафорический строй этой характеристики Русской революции 1917 года восходит к публицистике Шмелева этих лет: «Тогда шли на шакалий вой, − простая и легкая дорога, − там падаль. Россию выволакивали на свалку! Наконец-то! <…> Наконец-то Россию валят! Валят, волокут в майдан! Туда и дорога ей! В зверином вое не слышали и забыли Россию великих дел, Россию − стража и возбудителя мировой культуры, Россию − народный ум, из лесных дебрей, снегов, песков и степей собравший великое государство, под защитой которого процвели, сохранились и окрепли народы, теперь частью сметенные, частью разрываемые на части. Россию валят!» («Убийство», 1924).[202]

Второе письмо, отправленное Шмелевым вслед за первым 18 февраля 1926 года, сопровождает обещанное немецкое издание[203] книги «Солнце мертвых»: «Я счастлив послать Вам "Die Sonne der Taten", хотя и на немецком языке. Соблаговолите принять ее в знак моего глубокого восхищения и веры в Вашу

[202] Цит. по: Шмелев И.С. Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. Сост. и автор предисловия Е.А. Осьминина. М.: Русская книга, 1998. С. 466.
[203] Schmeljow, Iwan. Die Sonne der Toten. Übersetzt von Käthe Rosenberg. Berlin: S. Fischer, 1925.

тонкую и благородную душу. Мне хотелось бы столько Вам сказать, но я совершенно измучен необходимостью писать по-французски» («Je suis heureux de vous envoyer “Die Sonne der Taten” – soit en allemand. Veuillez la recevoir comme une signe de profonde admiration et de ma foi en votre âme fine et noble. Je voudrais tant de vous dire, mais je suis absolument languissant en français»). Это признание приоткрывает завесу над теми чувствами, которые испытывал Шмелев, живя во Франции: эта страна не стала его второй родиной, трагически воспринимал писатель и утрату возможности изъясняться на родном языке.

Краткость письма искупается концовкой, где слово Писатель по отношению к Роллану написано с большой буквы: «Извините меня и примите, дорогой Писатель, мои невыразимые чувства» («Veuillez m’excuser et agréez, cher Ecrivain, mes inexprimables sentiments»).

Последнее, третье, письмо написано Шмелевым не из Парижа, как два предыдущие, а из Капбретона в Ландах, три месяца спустя, 14 мая 1926 года. Оно также связано с присылкой Роллану немецкого издания – на этот раз книги «Неупиваемая чаша»: «Соблаговолите принять с доброжелательностью мою “Die niegeleerte Kelch”[204] – свидетельство моего глубокого уважения и восхищения и как документ более спокойной и ясной работы – в то время» («Veuillez accueillir avec bienveillance mon “Die niegeleerte Kelch“ – le temoignage de ma haute estime et de mon admiration et comme le document du travail plus tranquille et clair – jadis»). Повесть впервые была опубликована в сборнике «Отчизна» в Симферополе в 1920 году. Романтический рассказ о житии крепостного иконописца был написан в 1918 году в Алуште, куда писатель уехал в надежде найти покой и тишину. Однако гражданская война пришла и в Крым, что не могло не отразиться на повести, написанной в те дни. Шмелев об истории “Неупиваемой чаши“ рассказал в одном частном письме: «А вот несколько слов о времени создания “Чаши“: писалась “Чаша“ – написалась – случайно. Без огня – фитили из тряпок на постном масле, – в комнате было холодно +5-6 градусов. Руки немели. Ни одной книги под рукой,

[204] Schmeljow, Iwan. Der niegeleerte Kelch. Berlin: S. Fischer, 1926. «Неупиваемая чаша» была переведена на французский (1924), немецкий (1925), испанский (1927), голландский (1927).

только Евангелие. Как-то неожиданно написалось. Тяжелое было время. Должно быть, надо было как-то покрыть эту тяжесть. Бог помог. После сего я четыре года почти прожил в России, в Крыму».[205]

Подписано письмо Роллану: «Ваш читатель и искренний поклонник» («Votre lecteur et admirateur sincère»).

Как мы видим, в первые годы эмиграции Роллан отнесся с большим сочувствием к русским писателям, высоко оценивал их творчество, помогал установить контакты с литературными журналами и издательствами (переписка с Буниным и Бальмонтом), интересовался новыми переводами и книгами, выходившими из-под пера писателей-эмигрантов, считая их продолжателями традиций «святой русской литературы»[206] (Томас Манн), участвовал в кампании по их выдвижению на Нобелевскую премию. Однако осенью 1927 года разразился скандал, выявивший глубокие противоречия во взаимоотношениях Роллана с представителями русской эмиграции и окончательно прояснивший его позицию по отношению к СССР.

С августа 1927 года во французской прессе развернулась кампания против политики СССР по уничтожению русской культуры и литературы. Кампания была вызвана публикацией в газете «L'Avenir» анонимного воззвания «Писателям мира», подписанного «Группа русских писателей. Россия, май 1927» и перепечатанного затем в самых влиятельных газетах русской эмиграции «Последние новости» и «Возрождение». Авторы воззвания обвиняли советская власть в гибели лучших русских поэтов и писателей (Блока, Гумилева, Есенина, Сологуба и др.) и жестких репрессивных мерах по отношению к печатному слову: отсутствии у писателей возможности издавать свои произведения, цензуре, изъятии книг из библиотек и т.п. 29 августа 1927 года известный писатель и переводчик Илья Гальперин-Каминский, сотрудник газеты «L'Avenir», обратился со страниц своей газеты к французским писателям с просьбой поддержать русских

[205] Цит. по URL: http://utoli-hram.ru/files/2014/06/Неупиваемая-Чаша-И.С.Шмелев.pdf
[206] Знаменитая формула Т. Манна о «святой русской литературе» высказана героем одноименной новеллы Тонио Крегером в разговоре с русской художницей.

собратьев по перу. В течение последующих месяцев 1927 года газета «L'Avenir» публиковала отклики русских писателей-эмигрантов (среди них – И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский[207] и др.) на воззвание, полученное из Советской России. Бальмонт направил в октябре 1927 года большое открытое письмо («вопль-мольбу») Кнуту Гамсуну («Сегодня». 1927. № 257. 13 ноября. С.4; перепечатано: «За свободу!». 1927. № 267. 20 ноября. С. 5). Шмелев поддержал соотечественников со страниц газеты «Возрождение» (1927. № 779. 21 июля. С. 2). Однако усилия русских писателей-эмигрантов, пытавшихся привлечь внимание к подавлению духовной свободы и репрессиям по отношению к печатному слову в СССР, не вызвали ответной реакции у общественности Запада.

Роллан обратился за разъяснениями к А.М. Горькому, жившему в то время в Сорренто (1924-1933). В письме Роллана Горькому содержались две выдержки из публикаций-откликов писателей-эмигрантов, которые Роллан приводит в кавычках. В первой выдержке говорится: «Для них «там нет ничего, кроме убийств, краж, коррупции, омерзительной неразберихи и неописуемых страданий». Для них вне эмиграции не существует словесности (литературы). Все оставшиеся в России писатели угнетены, гибнут от нищеты и унижений…» (АГ-15, 145). Во второй выдержке Роллан приводит отрывок из открытого письма Бальмонта: «Пашуканис, издатель поэтов и сам поэт, расстрелян. Поэт Гумилев расстрелян. Поэта Александра Блока безобразно третировали, он был доведен до сумасшествия и умер в расцвете лет. Есенин – испытывая глубокое отвращение ко лжи и низости строя, основанного на чекизме, повесился. Гениальный поэт Федор Сологуб еще вчера здоровый физически и морально, был насмерть сражен самоубийством жены, которая не вынесла отказа выпустить ее с мужем из советского ада, и угас в мучениях» (АГ-15, 146).

Горький ответил Роллану в письме от 29 января 1928 года: «Когда я прочитал «Письмо писателей», оставшихся в России, у меня тотчас же появилось сомнение

---

[207] Мережковский Д.С. De profundis clamavi. Открытое письмо Эмилю Бюре // Возрождение. 1927. 17 октября. № 867. URL:http://merezhkovskiy.lit-info.ru/merezhkovskiy/pisma/de-profundis-clamavi-otkrytoe-pismo-emilyu-byure.htm (дата обращения 17 мая 2017).

в том, что его написали литераторы и люди, достаточно широко осведомленные в этой области» (АГ-15, 147). Таким образом, Горький поддержал официальное мнение советской печати, выраженное в статье М. Кольцова, назвавшего это письмо фальшивкой.[208]

Роллан, получив письмо Горького, опубликовал свой ответ Бунину и Бальмонту. Роллан подчеркивал (в письме Горькому от 25 января 1928 года): «*Вы можете отвечать мне с полной откровенностью*. Я не назову Вашего имени публично, – разве только Вы сами разрешите мне это сделать» (АГ-15, 146).

Роллан использовал письмо Горького от 29 января 1928 года в своем ответе, который был опубликован в парижском журнале «Europe» 15 февраля 1928 года, а затем перепечатан в мартовском номере «Вестника иностранной литературы» (1928. № 3). В ответ К.Д. Бальмонт написал открытое письмо «Ромену Роллану», опубликованное в газете «Последние новости» 17 марта 1928 года.

Незадолго до этого, осенью 1927 года, в разгар скандала, Роллан направил в СССР поздравление советскому народу в связи с 10-летием Октябрьской революции – «Приветствие к величайшей годовщине в истории народов», – которое было опубликовано в газете «Вечерняя Москва» 4 ноября 1927 года.[209] Этот поступок окончательно отдалил его от писателей-эмигрантов, глубоко возмущенных его двойственной позицией и не простивших ему этот жест примирения и поддержки ненавистной им власти большевиков. В этой связи Роллан пишет Горькому: «Но в газете «Авенир» (националиста Эмиля Бюре[210]) только что появилось (12 января) двойное открытое письмо, адресованное мне Константином Бальмонтом и Иваном Буниным. Авторы этого письма резко нападают на меня за «Послание», с которым я обратился к русскому народу по случаю десятой годовщины революции и которое было напечатано в московских газетах в октябре» (АГ-15, 145).

---

[208] Кольцов М. Подметное письмо // Правда. 1927. 13 августа. В советской печати было опубликовано письмо советских писательских организаций (ФОСП, ВАПП, ЛЕФ, «Кузница», «Перевал» и др.), также назвавших письмо фальшивкой: Еще один «документ» // Правда. 1927. 13 августа. № 383; Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов. 1027. 13 августа. № 184.

[209] Позднее опубл. в: Роллан Р. Собр. соч.: в 14 т. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1958. С. 152-153.

[210] Эмиль Бюре – редактор парижской газеты «L'Avenir».

Бальмонт обратил «высоко-яростное проклятие европейцам, объединяя их в Ромэне Роллане»[211]: «Я, Шмелев, Мережковский, Бунин, Куприн, Зайцев и еще, и еще другие весьма прославленные русские писатели, как уехали, по-вашему, из России? Не воображаете ли вы, что это из-за маленьких политических и литературных распрей мы покинули Родину, – как вы, – чтоб в прелестном уединении играть роль совести мира? Поверьте, мы не столь бродяги по природе, как это может вам казаться. Мы покинули Россию, чтоб иметь возможность в Европе попытаться хоть что-нибудь крикнуть о Погибающей Матери, крикнуть в глухой слух очерствевших и безучастных, которые заняты лишь собой».[212] Добиваясь ответа от прославленного гуманиста, «притязающего на роль дозорного высокой башни, на коей зажжен факел мировой совести»[213], Бальмонт вновь выступив в печати с обращением к Роллану, опубликованном в газете «L'Avenir». В том же номере газеты за 12 января 1928 года с аналогичным обращением выступил И.А. Бунин.

Основываясь на фактах, сообщенных ему Горьким, Роллан ответил Бальмонту и Бунину известным письмом, напечатанным в журнале «Europe» 15 февраля 1928 года под названием «Ромен Роллан и Советская Россия. Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину».[214] Письмо Роллана было перепечатано в СССР («Вестник иностранной литературы». 1928. № 3. С.133-137). В том же номере «Вестника» была опубликована статья А.В. Луначарского по поводу «фальшивки», сфабрикованной эмигрантской прессой. В своем ответе писателям-эмигрантам Роллан сослался на факты успешного развития советской литературы, приводимые Горьким, который подтвердил официальное мнение советской прессы о том, что воззвание русских писателей о трагическом положении литераторов в СССР – фальшивка.

---

[211] Из письма к И.С. Шмелеву от 9 декабря 1927 г. Цит. по: Встреча : Константин Бальмонт и Иван Шмелев: Письма К.Д. Бальмонта И.С. Шмелеву // Наше Наследие. №61. 2002. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6117 (дата обращения 15 мая 2017).

[212] За свободу! 1927. № 289. 17 декабря. С. 3. Цит. по: Встреча: Константин Бальмонт и Иван Шмелев: Письма К.Д. Бальмонта И.С. Шмелеву. // Наше Наследие. № 61. 2002. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6117 (дата обращения 15 мая 2017).

[213] Там же.

[214] На русском языке письмо печаталось в газете «Сегодня» (1928. 23 февраля. № 52. С. 2).

Просоветский ответ Роллана вызвал новый взрыв негодования. В письме к Шмелеву Бальмонт сообщает: «Деревянный Роллан написал глупейший ответ мне и Бунину, а изящные «П<оследние> нов<ости>» поторопились перепечатать это кваканье. Я послал в редакцию «П<оследних> н<овостей>» решительную брань за это. Написал вчера вулканический ответ Роллану и послал Гальперину-Каминскому, а Бюрэ как раз просил меня написать ответ. И Бунину сейчас пишу. Капбретон. 1928. 20 февраля. Вечер».[215]

Бальмонт снова выступил в печати с открытым письмом («Новое письмо К.Д. Бальмонта Ромену Роллану»), опубликованным 16 марта 1928 г. в газете «L'Avenir» (на русском языке в газете «Сегодня». 1928. № 78. 21 марта. С. 2). Шмелев разделял позицию Бальмонта, в эмиграции состоял в политических объединениях правого направления, защищая «русскую национальную идею» и православную веру.

Реакцию Бальмонта на выступление Роллана Горький называет «глупой», а самого поэта Горький характеризует как больного неврастеника, страдающего алкогольной зависимостью: «Бальмонт снова потревожил Вас письмом, очень глупым, как мне кажется» (АГ-15, 157). Бальмонт опровергал доводы Роллана и Горького в защиту политики СССР, нацеленной на подавление духовной и творческой свободы. В русских эмигрантских газетах «Возрождение» (1928. № 1033. 31 марта. С.3), «Сегодня» (1928. № 89. 1 апреля. С.2) и «За свободу!» (1928. № 80. 5 апреля) появилась статья Бальмонта «Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький», в которой он обрушивается с критикой на Горького и Роллана, поддерживающих большевистскую власть. Парадоксальным образом до смерти Ленина, повлиявшей на отношение обоих писателей к установленной им власти, в письмах к Роллану 1921–1924 гг. Горький протестовал против уничтожения советским руководством интеллигенции – «ломовой лошади истории и культуры» (АГ-15, 74), против политики большевиков в области литературы: «Свобода слова уродливо ограничена, гонорары – нищенские, книги продаются плохо, новый читатель еще не вырос количественно, а прежнего вдумчивого читателя уже почти нет – вымер, эмигрировал» (АГ-15, 130). Он был возмущен «чисткой» библиотек,

[215] Там же.

уничтожением книг, написанных по дореволюционной орфографии, изъятием из публичного доступа философской и религиозной литературы, а также книг русских классиков и писал Роллану о том, что хочет выйти из советского гражданства в знак протеста против репрессий печатного слова.

Однако к 1928 году писатель значительно «перековался»: он не поехал в СССР на празднование 10-летия Октября, хотя получил приглашение от советских властей, но все же согласился взять на себя роль защитника внутренней политики СССР и организатора новой пролетарской культуры. Роллан сочувственно отнесся к стремлению Горького стать «суровым и любящим руководителем молодой пролетарской интеллигенции» (АГ-15, 180). Роллану оставалось только поверить на слово своему идеологически вооруженному корреспонденту. Знаменитая статья «Прощание с прошлым», написанная Ролланом в 1931 году, подвела итог пути, который Роллан проделал в предыдущие годы: «Стрелка компаса показывает на север, на ту цель, к которой идут передовые отряды Европы, героические революционеры СССР, – эта цель: социальная и нравственная перестройка человечества».[216]

Писатели русской эмиграции не были услышаны во Франции, как справедливо замечает французский исследователь кульуры русского зарубежья Рене Герра, так как французская интеллигенция 1920-30-х годов придерживалась в основном левых взглядов, поддержав в 1934 году создание Народного фронта. История отношений писателей-эмигрантов К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина и И.С. Шмелева с Р. Ролланом – яркое свидетельство истории расхождения и размежевания французской интеллигенции с русской эмиграцией.

2.4. Приветствие Р. Роллана Съезду сибирских писателей (1928)

Письма сибирским писателям, написанные в апреле 1928 г. – малоизвестный, но значимый эпизод в отношениях Р. Роллана с СССР. Они стали продолжением диалога Роллана с Горьким по поводу положения писателей в СССР и были написаны в ответ на просьбу Горького, изложенную им в письме к Роллану от 23

[216] Роллан Р. Собр. соч. Т. 13. С. 257-259.

марта 1928 г. Эта просьба и написанные затем письма Роллана имели определенный идеологический и пропагандистский подтекст, о котором было сказано выше. В конце 1927-начале 1928 гг. происходит окончательное размежевание Роллана с русскими писателями-эмигрантами, жившими в Париже и видевшими в Роллане «совесть Европы». Нобелевский лауреат обладал высоким моральным авторитетом, на протяжении многих лет был защитником гуманистических ценностей западной демократии, противником войны и всех форм социального насилия, проводником на Западе миротворческих устремлений индийского борца с социальной несправедливостью Махатмы Ганди, толстовца и непротивленца. Многие русские писатели-эмигранты вступили в диалог с Ролланом в поисках творческих контактов и надеясь на справедливую оценку Ролланом их положения изгнанников, лишенных родины.

Просьба Горького к Роллану написать писателям-сибирякам содержалась в уже упоминавшемся письме от 23 марта 1928 года («Бальмонт снова потревожил Вас письмом, очень глупым, как мне кажется» (АГ-15, 157)). Хотя Роллану пришлось поверить Горькому в случае с «подметным письмом-фальшивкой», однако отныне практически в каждом письме Роллан задавал «неудобные» вопросы, неудобные до такой степени, что в какой-то момент Горький решил прекратить переписку с ним, о чем и известил Роллана, вообразившего себе, что во имя справедливости он имеет право «поучать» советскую власть (см. об этом статью Горького «Гуманистам», напечатанную одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» 11 декабря 1930 года).

Просьбу Горького о написании приветствия сибирским писателям Роллан выполнил, хотя на немецких атласах, которыми он пользовался, Роллан не нашел Новосибирска – города, где должен был проходить Съезд (город Новониколаевск получил новое название в 1925 году). Обосновывая свою просьбу, Горький писал Роллану из Сорренто: «Но для меня необходимо сообщить Вам факт, который Вам, может быть, покажется не столь значительным, каким вижу его я. Это факт необыкновенно быстрого развития в России иноплеменной литературы. За истекшие десять лет все финские, монгольские и тюрко-финские племена Союза

Советов получили, как Вы знаете, письменность. Поволжские племена – чуваши, мордва, черемисы – так же, как племена Кавказа и Сибири, уже имеют свою прессу, основывают музыкальные школы, музеи, книгоиздательства, выдвигают из среды своей прозаиков и поэтов… Вообще – быстро идет процесс слияния с русской культурой.

20-го апреля в Новосибирске будет съезд литераторов-сибиряков: русских, якут бурят и других племен. Дорогой Роллан, – очень прошу Вас: пошлите этим людям несколько слов привета! Не стану говорить о том, какой радостью будет для них письмо от Вас, проповедника братства людей. Письмо Ваше Вы можете послать прямо в Новосибирск, редакции журнала «Сибирские огни» на имя <Владимира> Зазубрина – очень талантливого молодого литератора, он недавно печатался уже в одном из парижских журналов, – или пошлите мне, я сам перешлю. Очень прошу Вас об этом» (АГ-15, 157).

Роллан в ответ написал письмо В.Я. Зазубрину с просьбой передать его Приветствие Съезду сибирских писателей. Владимир Яковлевич Зазубрин (наст. фамилия Зубцов, 1895-1937, репрессирован) был в тот момент секретарем Сибирского объединения писателей, одним из самых ярких и самобытных сибирских прозаиков. По решению Сиббюро РКП(б) с октября 1923 г. он стал одним из руководящих работников Сибкрайиздата, председателем и секретарем журнала «Сибирские огни».

Горький высоко оценивал деятельность журнала. По поводу литературной ситуации в Сибири Горький 12 января 1928 писал из Сорренто своему секретарю П.П. Крючкову: «Гиз’у следовало бы обратить внимание на литературу сибиряков. В «Сибирских огнях» – очень талантливо ведется этот журнал! – печатаются интереснейшие вещи. Кроме Караваевой и Нины Смирновой, изданных Гиз’ом, там есть и еще даровитые люди. Во избежание «сепаратистских» настроений их следовало бы почтить вниманием центра. «Новый мир» или «Кр<асная> новь», «Молодая гвардия» должны дать хорошую статью на тему «Сиб<ирская> литература за 10 лет». Многих поэтов и прозаиков Сибири можно очень похвалить. Во всяком случае, нельзя давать им замыкаться в своем кругу. Рассказы некоторых,

напр<имер>, А. Сорокина «Хао-Чан» – «С<ибирские> О<гни>» книга 2-я 27-й год – следовало бы издать в «Дешевой библиотеке». «Сибир<ские> огни» праздновали в 27 году свое пятилетие, в журналах центра, это, кажется, не было отмечено».[217]

«Толстый» журнал «Сибирские огни» выходил с марта 1922 г. в Новосибирске. Задумывая журнал, заведующий Сибгосиздатом писатель В.П. Правдухин писал в конце 1921 г.: «Журнал объединит самый центр – Госиздат, Сибпечать, Лито, художественный отдел. Он станет притягивающим со всей Сибири центром для литературно-научных сил. Он должен стать школой для начинающих писателей». Его жена, известная писательница Л.Н. Сейфуллина сумела привлечь хороших авторов из бывшей столицы Сибири г. Омска – П. Драверта, А. Сорокина, Г. Вяткина, А. Оленича-Гнененко. За образец был взят первый «толстый» советский журнал «Красная новь», созданный критиком А.К. Воронским в 1921 г. при поддержке В.И. Ленина и А.В. Луначарского, а также Горького. Правдухин специально ездил в Москву в конце 1921 года для консультаций, чтобы новый сибирский журнал не отставал в содержании, форме, развитии от центрального, московского.

Приветствие Роллана было опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1928. Кн. 3. май-июнь. Новосибирск. С. 223-224), хотя Съезд сибирских писателей не состоялся. В конце апреля 1928 г. прошло краевое совещание представителей Ассоциации пролетарских писателей. Итогом совещания стало образование Сибирской ассоциации пролетарских писателей. С образованием СибАПП стало возможным создание в мае 1928 года Сибирского отделения Федерации объединений советских писателей (ФОСП), куда также вошел и Сибирский союз писателей[218].

В письме Зазубрину Роллан писал:

---

[217] Серия «Архив А.М. Горького». М. Горький. Неизданная переписка. Т. XIV. М.: Наука, 1976. С. 476-477.

[218] См.: Литературная столица Сибири // История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2005. С. 505-564.

«Villeneuve, 2 avril 1928

Cher Vladimir Zazoubrine,

J’espère que ces pages vous arriveront à temps, pour votre Congrès. Qu’elles vous portent à tous mon salut fraternel!

Veuillez me tenir au courant des discussions de votre assemblée, et, pour la suite, de vos travaux.

A vous cordialement

Romain Rolland

Par malheur, je ne lis point en russe, mais si vous pouvez m’écrire en français, allemand, anglais, italien ou espagnol, je me ferai traduire ce que vous m’enverrez.

Вильнев, 2 апреля 1928

Дорогой Владимир Зазубрин,

Надеюсь, что вы получите эти страницы вовремя, к вашему Съезду. Пусть они несут всем вам мой братский привет!

Будьте добры, держите меня в курсе дискуссий, которые будет происходить на вашем съезде, а затем в курсе вашей работы.

Сердечно Ваш

Ромен Роллан

К сожалению, я совсем не читаю по-русски, но если вы могли бы писать мне по-французски, по-немецки, по-английски, по-итальянски или по-испански, я попросил бы перевести мне то, что вы пришлете».

Как мы видим по этому письму, Роллан намерен продолжать знакомство с сибирскими писателями. Он прямо говорит о том, что ждет ответного письма-отчета о Съезде, «о дискуссиях» и хочет быть в курсе литературной ситуации в Сибири, в курсе литературной «работы» сибирских писателей. Однако ответных писем, видимо, не последовало, как это следует из документов Фонда Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции в Париже.

В приложенном к письму Приветствии Съезду сибирских писателей сказано:

«Villeneuve (Vaud – Suisse)

2 avril 1928

Chers amis Sibériens

Maxime Gorki m'apprend que, pour la première fois, se réunit à Novosibirsk un Congrès d'écrivains Sibériens de toutes races, et il m'engage à vous écrire.

Je salue avec joie votre assemblée. Dans le printemps de la vieille terre, j'entends monter un puissant concert de voix nouvelles, un choeur de peuples, qui se sont tus pendant le morne hiver des siècles. Que de trésors de l'âme, que de secrets du Coeur se sont accumulés dans le silence, et vont maintenant se répandre, à toute volée, sous le ciel clair!

Européen d'Occident, français d'une province du centre celtique, aux temps lointains de mon enfance solitaire, où je m'essayais sur ma petite flûte nivernaise, j'avais déjà l'oreille aux écoutes, et je rêvais d'une immense symphonie de la terre, où tous les peuples, toutes les races mêleraient leurs joies, leurs peines, leurs espoirs et leur foi, en des accords riches et multiples comme la mer.

Le jour vient. Le jour est venu!
Votre assemblée en est le témoin vivant. Elle commence à tresser la splendide corbeille des pensées et de l'Europe et de l'Asie.

J'y mêle mes doigts de travailleur, les pailles de mes chants de France, les joncs flexibles de mes rivières nivernaise.

Vous souvenez-vous, mes amis, du beau mythe chrétien? – Après que le Fils de l'Homme fut mort et ressuscité, vers cette époque de l'année où la Nature réveillée est en fleur, le vent souffle sur l'assemblée des hommes du peuple, des simples disciples de l'Homme que les publicains, les pharisiens et les prêtres avaient mis en croix et qui était sorti du tombeau. Des langues de feu descendirent du ciel et se posèrent sur leurs têtes. Et ils fûrent remplis de l'Esprit nouveau. Et ils se mirent, enivrés, à chanter en toutes les langues le chant de joie et de vie.

Mes amis, la Pâques de sang du peuple russe est passée. Le peuple russe est ressuscité. Et vous célébrez aujourd'hui sa Pentecôte, l'hymne aux millions de langues de feu de la Liberté!

Je le chante avec vous, et je vous étreins, dans le même amour de l'Humanité!

Romain Rolland

Вильнев (Во – Швейцария)

2 апреля 1928

Дорогие сибирские друзья,

Максим Горький сообщает мне, что в Новосибирске впервые собирается Съезд сибирских писателей всех национальностей, и просит написать вам.

С радостью приветствую ваше собрание. Весной на нашей старой земле я слышу мощный концерт новых голосов, народный хор, столетиями молчавший на протяжении всей мертвенной зимы. Сколько душевных сокровищ, сколько сердечных тайн накопилось в тиши, и сейчас все они раскроются, воспарят под ясным небом!

Европеец Запада, француз, уроженец центра кельтской провинции, в далекие дни моего одинокого детства, я играл на маленькой нивернезской флейте, мечтая и надеясь услышать мощную мировую симфонию, в которой зазвучат разнообразными и глубокими, как море, аккордами радости, горести, чаяния и вера всех народов, всех наций.

Рассвет приближался. День наступил!

Ваше собрание – живое свидетельство этого. Оно начинает сплетать в великолепную корзину мысли Европы и Азии.

Я тоже присоединяю к этому свои пальцы труженика, сухую траву моих песен Франции, гибкий тростник моих нивернезских рек.

Помните ли вы, друзья мои, прекрасный христианский миф? После того, как Сын Человеческий умер и воскрес, в пору, когда природа пробуждается и расцветает, вдруг над собравшейся толпой народа, над скромными учениками Человека, которого народ, фарисеи и первосвященники распяли на кресте и который восстал из могилы, пронесся ветер. С неба сошли огненные языки пламени и коснулись их голов. И они исполнились новым Духом. Тогда, опьяненные, они запели на всех языках гимн радости и жизни.

Друзья мои, кровавая Пасха русского народа миновала. Русский народ воскрес. Сегодня Вы празднуете Троицын День, поете гимн Свободе миллионом пламенных языков.

Я пою его вместе с вами и обнимаю вас с любовью к Человечеству.

Ромен Роллан[219]

Символика письма Роллана очень значима. Письмо содержит музыкальные метафоры («мощный концерт новых голосов, народный хор», «мировая симфония», «аккорды радости», «запели гимн радости и жизни», «поете гимн Свободе»), характерные для Роллана, решавшего в юности дилемму, кем стать: музыкантом или писателем. Несомненно, в письме звучит «музыка Революции», как ее понимал Роллан, страстный поклонник творчества Бетховена, – всегда писавший слово Революция с большой буквы.

Приподнятый тон письма соответствует приходу весны и весеннему настрою как метафоре пробуждения созидательных сил природы, распространяющей и на общественные силы. Весна, символ обновления жизни, выступает одновременно как синоним Революции в противовес «мертвенной зиме» предшествующих веков.

Однако наиболее яркий образ связан с сошествием Святого Духа, огненных языков пламени, исполнивших нового Духа всех собравшихся на праздник. В «Деяниях апостолов» (в пересказе Серафима Слободского) так описывается это событие: «После вознесения Иисуса Христа наступил десятый день: это был пятидесятый день после Воскресения Христова. У евреев тогда был великий праздник Пятидесятницы в память Синайского законодательства. Все апостолы, вместе с Божией Матерью и с другими учениками Христовыми и прочими верующими, единодушно находились в одной горнице в Иерусалиме. <…> Вдруг сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где находились ученики Христовы. И явились огненные языки и почили

[219] Текст писем Роллана впервые опубликован в переводе автора диссертации в кн.: Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 59-151.

(остановились) по одному на каждом из них. Все исполнились Духа Святого и стали славить Бога на разных языках, которых прежде не знали. <…>

Услышав шум, огромная толпа народа собралась около дома, где были ученики Христовы. Все в народе изумлялись и спрашивали друг друга: «Не все ли они галилеяне? Как же мы слышим каждый свой язык, в котором родились? Как они могут говорить нашими языками о великих делах Божиих?» И в недоумении говорили: «Они напились сладкого вина».

Тогда апостол Петр, вставши вместе с прочими одиннадцатью апостолами, сказал, что они не пьяны, но что на них сошел Дух Святый, как это и было предсказано пророком Иоилем, и что Иисус Христос, Которого иудеи распяли, воскрес из мертвых, вознесся на небо и излил на них Святого Духа. <…> Проповедь Петра так подействовала на слушавших ее, что весьма многие уверовали в Иисуса Христа. <…> Уверовавшие во Христа охотно приняли крещение, таких оказалось в этот день около трех тысяч человек. Таким образом начало устрояться на земле Царствие Божие, т. е. святая Церковь Христова.

Со дня сошествия Святого Духа вера христианская стала быстро распространяться, при помощи Божией; число верующих в Господа Иисуса Христа день ото дня увеличивалось. <…> Первоначально апостолы проповедовали евреям, а потом разошлись по разным странам для проповеди всем народам. <…>».[220]

Как мы видим, Роллан очень точно передает все детали этого кардинального для христианского мира события. Аналогия очень убедительна: Огонь и Ветер Революции принесли Новый Дух в мир, уверовавшие в нее начали строить новое Царствие Божие на земле на принципах, близких христианству, основанному на жертве. Образ Огня, языков пламени становится мифологемой Революции, связанной с рождением нового космоса, нового мира. К гимну этому событию, которое воспевается на всех языках мира, Роллан присоединяет и свой голос. Новая вера, проповедуемая апостолами Революции, должна, по мысли Роллана, распространиться по всему миру.

---

[220] Деяния Святых Апостолов. Гл. 2, гл. 14, 23. URL: https://vsemolitva.ru/zakon-bozhij-istoriya-cerkvi-ot-soshestviya-svyatogo-duxa-do-vremeni-zhizni-nikolaya-chudotvorca.html

При столь убедительной христианской аналогии Роллан обращается к образу Троицына дня, имеющему языческую подоплеку и связанному с переходом от весны к лету, символизируя расцвет природы и идею посвящения. Инициация знаменует переход на новую ступень развития и включает коллективные обряды, символизирующие переход от детства или юношества к взрослому возрасту, символическое переживание смерти и нового рождения. Типологически с этим образом связан и образ Кровавой Пасхи, символизирующей одновременно и смерть («кровавая») и воскрешение («Пасха»). Мистическая смерть и воскрешение являются частью грандиозного повторения Космогонии, священной истории Мира.

Обряд посвящения связан с еще одной важной для Роллана мыслью об особенностях пути и судьбы России. Смерть при посвящении одновременно означала конец детства, неведения и состояния непосвященности. Только после пройденных испытаний Россия-подросток признается ответственным членом сообщества, то есть взрослым, со всеми присущими правами и обязанностями в сообществе, по мысли Роллана. Такое видение России отражает глубокое убеждение Роллана в том, что Россия еще не прошла свой путь и только начинает его. Именно это убеждение легло в основу его концепции русской Революции как возможности для России следовать собственным путем, который приведет ее к европейской цивилизации и европейским ценностям.

Образ сплетенных в одну корзину мыслей Европы и Азии выражает заветную идею Роллана о дополнении европейской культуры мудростью Азии, о необходимости обратиться к Востоку и воспринять его опыт, более древний, чем опыт Европы. Сибирь стоит на пути от Европы к Азии, что делает ее посредником в возможном преображении Европы благодаря Азии. Как мы видим, послание Роллана сибирским писателям, насыщенное символами и метафорами, по смыслу очень точное и несет ряд конкретных констатаций и пожеланий. Возникает вопрос: насколько актуальным было такое послание для писателей-сибиряков?

Уроженец Пензы, писатель Владимир Зазубрин, к которому обращался Роллан, не был коренным сибиряком. Тем интереснее его взгляд на Сибирь и происходящие в ней революционные преобразования. Учащийся юнкерского

училища в Иркутске, он недолго служил в армии А.В. Колчака, а затем перешел на сторону красных, почти сразу заболев сыпным тифом. В Канске, где он выздоравливал в доме своей будущей жены, он написал свой первый роман «Два мира», получивший положительную оценку Ленина и Горького. Роман, не имеющий сквозного действия и состоящий из фрагментов хроники гражданской войны, зачитывали вслух в воинских частях. В романе много натуралистических сцен, жестокости, много символики и резких контрастов, автор «в партийном духе» изобразил Белую армию. Следующим крупным его произведением стала повесть «Щепка» (1923) о буднях Губернской комиссии и красном терроре.[221] В 1927 г. парижский журнал «Revue européenne» (№ 9) опубликовал отрывок из его романа-хроники «Два мира» («Огонь потухает»), который мог прочитать Роллан. В журнале «Сибирские огни» Зазубрин проработал ответственным секретарём 6 лет – до 1928 г., активно участвуя в становлении советской литературы в Сибири, много ездил по региону, изучая литературную ситуацию на местах и знакомясь с жизнью сибиряков. С 1928 г. Зазубрин работал в Москве, в Гослитиздате и журнале «Колхозник» по протекции Горького.

Уже после переезда в Москву Зазубрин написал и опубликовал в «Новом мире» (1933), а через год отдельным изданием роман «Горы», о коллективизации на Алтае.

Одна из важных мыслей Зазубрина в его алтайском романе «Горы» – мысль о том, что местное население одинаково равнодушно и к красным, и к белым, как и ко всяким революционным преобразованиям, живет своими заботами и по своей «правде» – вековым обычаям предков. Поразивший писателя образ Горного Алтая – «Алтай-хан» – концентрирует особенности восприятия алтайцами мира природы как определяющего их бытие. На фоне величия «Алтай-хана» революционные преобразования меркнут, они вовсе не обязательны и никак не могут помочь человеку выжить в суровых условиях Алтая. Их главная опора – опыт предков, передающийся из поколения в поколение, а не революционные

[221]Впервые была опубликована в 1989 г. в журнале «Сибирские огни», в 1992 г. по повести был снят х/ф «Чекист» (реж. А. Рогожкин, производство Россия-Франция).

завоевания, к которым принуждают алтайцев бывшие красные командиры. Наиболее убедительные сцены романа связаны с изображением быта алтайцев, охоты на медведя, праздника весны с жертвоприношением белой кобылицы. Ритуалы алтайцев далеки от христианского мироощущения, здесь правит шаманизм. Главный человек в алтайских деревнях именно шаман, а не русские партработники, которые так и остались чужаками на Алтае, хотя живут бок о бок с коренными алтайцами.

Приветствие Роллана, хотя и предназначалось писателям «всех национальностей», проникнуто европоцентризмом. Далекий от сибирских реалий французский писатель попытался привести к общему знаменателю культуру сибирских племен и народностей и их российских земляков. Под Востоком Роллан понимал Индию и Китай, такая Азия, которую изображал Зазубрин, Роллану была незнакома.

2.5. Приезд Горького в СССР в 1928 году (по материалам советских газет и прессы русского зарубежья)

1928 год прошёл в жизни Горького под знаком нескольких значительных событий: празднование 60-летия со дня рождения и 35-летия литературной деятельности, приезд в СССР впервые после семилетнего отсутствия, включение в список номинантов на Нобелевскую премию в области литературы. Эти события получили освещение на страницах периодики в СССР и за рубежом. Мы остановимся на материалах, хранящихся в личном Архиве писателя, вырезках из советских газет и газет русского зарубежья, собранных Горьким и людьми из его ближайшего окружения.

На основании этих газетных материалов мы попытаемся воссоздать атмосферу этого знаменательного приезда Горького в СССР. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что русское зарубежье до конца не верило, что Горький поедет в СССР. Об этом свидетельствует статья в парижской газете

Петра Струве «Возрождение» (1927) под названием «Максим Горький и СССР»[222], где в ироническом ключе описаны колебания Горького, связанные с поездкой в СССР, его уклончивость и нежелание покидать Италию. Хотя, вспоминая обстоятельства отъезда Горького из России в 1921 году, автор статьи замечает: «Как бы ни складывались отношения Горького с большевиками, все же он сам, и большевики понимали, что это – «спор славян между собой», борьба олимпийцев, о которой простым смертным знать не надобно». Поэтому первое время от «широких масс» скрывалось отсутствие Горького (в своих воспоминаниях о Брюсове В. Ходасевич приводит факт, что в 1924 году по Москве были расклеены афиши о юбилейном чествовании Брюсова с припиской: «С участием Максима Горького»). Когда же отсутствие Горького стало для большевиков «неудобным», в газетах начали появляться сообщения о предстоящем скором возвращении писателя или о том, что Горький стремится в СССР, но ему препятствуют нездоровье и начатые труды. Весной и летом 1925 года в газетах появились сообщения о намерении Горького вернуться в СССР. В октябре 1925 года в газете «Правда» была передана беседа Горького с советскими моряками, посетившими его в Сорренто, в которой Горький обещает приехать в СССР весной 1926 года, после завершения работы над романом «Дело Артамоновых». Но, иронизирует автор статьи, ни в 1926 году, ни в 1927 году Горький не приехал в СССР, хотя работа была давно кончена и успела выйти из печати: «Но Горький спешит уже сообщить корреспонденту «Коррьере делла сера», что он занят большим романом «Исследователь» (будущая эпопея «Жизнь Клима Самгина» – М.А.), а после окончания романа займется драмой! Опять, значит, нельзя ехать». В это же время сотруднику газеты «Пикколо» Ф. Гвиди писатель сообщает, что «не имеет намерения покидать Италию и возвращаться в Россию». Поэтому к концу октября 1927 года «Горький должен был заболеть и оказаться неспособным к передвижению», чтобы не ехать в Москву на октябрьские торжества. Не приехал Горький и на собственное чествование. Что же происходило на самом деле?

[222] Здесь и далее материалы прессы русского зарубежья цитируются по коллекции газетных и журнальных вырезок Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН (АГ ГЖВ-рз).

Разговоры о возвращении в СССР начались в семье Горького задолго до того, как Горький осуществил это намерение. В августе 1925 года он пишет (в письме Е.Д. Кусковой): «Мое отношение к Соввласти вполне определенно: кроме ее, иной власти для русского народа я не вижу, не мыслю и, конечно, не желаю. Наверное, поеду в Россию весною 1926 года, если к тому времени кончу книгу» (Письма, 15, 175). На настроение Горького в этот период повлияло и изменение отношения к нему правительства Муссолини, осложнявшее его пребывание в Италии (обыск на вилле «Иль Сорито»). Несмотря на вмешательство посла СССР в Италии П.М. Керженцева, гонения не прекращались[223]. В письме Е.П. Пешковой Горький сообщает, что полиция запретила перемещения на мотоцикле их сыну Максиму, потому что Горький якобы является членом РКП и тайным агентом ЦК РКП в Италии. Велось полицейское наблюдение, периодически задерживалась корреспонденция, а весной 1928 года на некоторое время по распоряжению итальянских властей была прекращена доставка Горькому советских книг и газет.

Со своей стороны, советское руководство проявляет последовательность в своем намерении вернуть Горького в СССР: это не только уговоры советских гостей и письма трудящихся, но и задержки и прекращение выплат гонораров Горькому Госиздатом. В июле 1927 году в письме Е.П. Пешковой Горький, под впечатлением нападения на советское представительство в Лондоне, заявил, что немедленно уехал бы в СССР, если бы не работа над романом (Письма, 16, 235). А в сентябре пишет (селькору Д.И. Ширину-Юреневскому): «В «Самгине» я хотел бы рассказать – по возможности – обо всем, что пережито в нашей стране за 40 лет.

---

[223] Обыск был проведен 17 сентября 1925 г. М.А. Сергеев вспоминает: «Несколько позже, в том же октябре 1925 г. я узнал от П.М. Керженцева о благополучном завершении эпизода с обыском. В личном разговоре по этому поводу с Муссолини Керженцев получил заверение, что обыск произошел по недоразумению, повторение которого исключено. Кроме того адъютант Муссолини принес личные извинения Горькому. Алексей Максимович, по словам Керженцева, успокоился, остается в Италии и собирается вскоре, вместе с М.И. Закревской, временно в Россию» (Сергеев М.А. Об одном замысле А.М. Горького: Воспоминания // Труды по русской и славянской филологии. VIII: Литературоведение. Тарту, 1965. С. 209 (Ученые записки Тартуского ГУ. Вып. 167). См. также переписку Горького с П.М. Керженцевым и комментарий к ней Н. И. Дикушиной в кн.: Наследие М. Горького и современность / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.: Наука, 1986. С. 186-189, 199-200; а также: Керженцев П. У Горького в Сорренто// Горький. Сб. ст. и воспоминаний о М. Горьком / Под ред. И. Груздева. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 419-420.

Сейчас кончаю II-ой том. Работа – не легкая, а потому на празднование Октября я не приеду, нельзя прерывать работу даже и для такого праздника. Приеду же в мае на все лето, чтоб хорошенько посмотреть, что сделано за 10 лет, и написать об этом книгу» (Письма, 17, 35). Через месяц Горький подтверждает свое намерение (в письме директору Госиздата А.Б. Халатову): «Кончаю второй том «Самгина». В первых числах мая поеду в Россию и все лето буду ездить по тем местам, где живал. Это решено... Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать – невидимым – на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально-опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т.д. и т.д. Это серьезнейшее дело…».[224] В дальнейшем это намерение писателю удалось полностью осуществить во время своей поездки.

С начала 1928 года активизируется переписка писателя с советскими организациями и гражданами («ежедневно мне приходит по 50 писем» (из письма К.А. Федину), он принимает заинтересованное участие в литературной жизни советской России. В феврале 1928 года по всей стране начинается широкомасштабная подготовка к празднованию 35-летия литературной деятельности Горького и 60-летия со дня его рождения. Наркомпрос и Главполитпросвет выносят специальные постановления о проведении юбилея Горького. Создан Общественный комитет по организации юбилея писателя. Газеты пестрят сообщениями о подготовке к юбилею. 23 февраля в «Известиях» появляется сообщение о том, что Наркомпрос ходатайствует о присвоении Горькому звания «заслуженного деятеля искусств», одновременно с Д. Бедным, А. Серафимовичем, С. Подъячевым, включив его таким образом, через запятую, в ряд советских писателей. Это сообщение было перепечатано 24 февраля итальянской газетой «Трибуна» под названием «Русское правительство – Горькому». В городах и селах Советского Союза открылись выставки, освещающие жизнь и творчество

[224] Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 1-4. М.: Изд. Академии наук СССР, 1958-1960. Вып. 3. С. 543.

Горького, состоялись вечера, лекции, доклады, спектакли, концерты, посвященные юбилею писателя. Были изданы большими тиражами произведения Горького. Его имя присвоено ряду заводов, институтов, школ, клубов, библиотек, домов культуры, улиц. Юбилей Горького отмечался и в Берлине, Праге, Братиславе, Сорренто. Характерно, однако, что на свой юбилей в СССР Горький не приехал, и пышные торжества, устроенные ему советским правительством, прошли без него. Неприезд Горького говорит о том, что писатель еще не желает сливаться с «Соввластью», хотя и пишет о ее «изумительных достижениях». Отстаивая свою независимость, Горький пишет директору Госиздата А.Б. Халатову: «Итальянские газеты печатают, что мне дано звание «заслуженного писателя» или что-то в этом роде. Сим извещаю юбилейный комитет, что я решительно отказываюсь от всяких чинов и наград, в какой бы форме они ни были предложены мне. Я имею уже высшую награду, о которой может мечтать литератор, – награду непосредственного общения с моим читателем» (Письма, 17, 237).

Нельзя, впрочем, сказать, что Горький остался равнодушен к почестям, оказанным ему советским правительством. Об этом свидетельствует его дальнейшее поведение во время приезда в СССР, когда становится ясно, что его критический взгляд отказался проникнуть за завесу воскуряемого ему фимиама. К юбилейным торжествам было приурочено создание Музея А.М. Горького (его открытие в трех больших залах Библиотеки им. В.И. Ленина предполагалось 27 мая, когда Горький был уже в Москве). Центроархив выставил документы и материалы, связанные с горьковскими постановками МХАТа, коллекцию иллюстраций, сделанных под руководством Ильи Репина. Была создана «карта горьковских скитаний» с фотографиями мест, где жил и бывал Горький, составлена его родословная. Устроители задались целью расшифровать имена тех, о ком писал Горький в своих книгах. «Комсомольская правда» писала по этому поводу: «Мы приветствуем первую выставку-музей, которая кладет начало новой науке – «горьковедению».

Оказавшись в СССР, Горький с поразительной энергией ездит по стране. География его маршрутов впечатляет: он объехал весь Крым, Закавказье, побывал

в Нижнем Новгороде и в городе своих «университетов» – Казани. Неделю провел в Ленинграде и, наконец, 12 октября уехал в Италию со словами: «Уезжать – не хочется» («Правда», 13 октября). В результате этого путешествия был написан цикл из пяти очерков «По Союзу Советов» с приветствием «товарищам строителям нового мира», опубликованный в первых номерах задуманного Горьким журнала «Наши достижения» (1929, №№ 1-6, январь – декабрь).

Обратимся теперь к материалам газет русского зарубежья, подробно освещавшим приезд Горького в СССР, – парижской газеты «Последние новости», издаваемой П. Милюковым, газеты В. Бурцева «Борьба за Россию» и берлинской газеты «Руль», редактируемой И.В. Гессеном и В.Д. Набоковым.

Ежедневная парижская газета «Последние новости», с которой связаны судьбы юмористов-«сатириконцев»: Саши Черного, Н. Тэффи, Дон-Аминадо, В. Азова (В.А. Ашкинази), как правило, перепечатывала материалы советских газет с собственным комментарием. В этом контексте принятый в официальной советской прессе нарочито бодряческий и напыщенный тон звучал пародией на самое себя. Приведенные цитаты из речей Горького воспринимались как горькая ирония: писатель не желал видеть и признавать вопиющие факты бесправия граждан и произвола властей. «Безответственное нагромождение громких слов» в адрес юбиляра обезоруживало его перед теми, кто создавал вокруг его имени «шумиху». В этом русле написан фельетон Дон-Аминадо «Изнуряющая слава» («Последние новости», 12 июня 1928 года).

Особенное возмущение эмигрантской прессы вызвали доверительные отношения Горького с чекистами, его поездка с Ягодой и Погребинским в исправительное учреждение ОГПУ (фельетон «Горький в гостях у чекистов», «Последние новости», 12 июня 1928 года; «Умилительная сказка», «Руль», 15 июня 1928 года). Резкой критике была подвергнута и идея Горького издавать журнал «Наши достижения», в котором, по замечанию автора статьи «Первые ласточки» («Последние новости», 30 сентября 1928 года), Горький собирался придти советской власти на помощь и объяснить населению СССР, в чём заключаются ее достоинства.

Все газеты русского зарубежья облетели слова Горького о его «биологической особенности» – «неисправимом оптимизме»: «Вы в своей стране как-то не видите, что, в сущности, сделано громадное дело, <…> Один человек меня пытался убедить, что начальство затирает мне глаза, показывает мне блестящие вещи, что меня обманывают. Да, я оптимист. Да, это моя биологическая особенность» («Руль», 19 июня 1928 года). В. Азов (Ашкинази) в своем фельетоне «Гений и болезнь» («Руль», 19 июня 1928 года) называет эту особенность Горького, который «всем льстит, всем кадит, перед всем преклоняется», «моральным дальтонизмом», представляющим собой, по его мнению, «еще более жуткую комбинацию, чем «гений и злодейство». Горький перестал отличать правду от кривды – таков вывод журналистов русского зарубежья в результате поездки писателя на родину.

За время своего пребывания в СССР и после отъезда в Италию Горький получил сотни негодующих писем советских граждан, в которых его «критикуют, ругают и обличают» и на которые писатель попытался ответить на страницах советской прессы, назвав их авторов «механическими» гражданами. Подобного рода «обращение к Горькому» было воспроизведено на страницах парижского журнала «Борьба за Россию» (под ред. В. Бурцева и др.). В этом стихотворном обращении сохранились подчеркивания Горького, дающие основания утверждать, что писатель не остался глух к «обличениям» и правду от кривды все-таки отличал:

<…>

Вся вера в Вас, как листья в осень, пала,
И я признаться Вам открыто в том готов,
Что почему-то мне так больно, больно стало
От ваших первых дней, от Ваших первых слов.
Душа моя полна несказанной печали,
И вижу я у всех теперь разлад.
Эх, лучше б, Горький, Вы совсем не приезжали,
Чем так приехать невпопад.

<…>

Ужель в пылу ненужного тщеславья
И в апогее гордости своей
Не видите Вы, Горький, нашего бесправья,
Не видите деянья гнусных палачей?
Кто, граждане, из нас, кто право здесь имеет?
Свободно в сей стране раздался голос чей?
Мы только лишь рабы, лишь мелкие пигмеи
Самодержавнейших московских палачей.
А Вы нашли, что мы помолодели,

Что бодро выглядим на площадях Москвы.
Пошли б Вы по стране, да толком поглядели,
И Ваше сердце бы изныло от тоски.
<…>
Пойдите же в народ и с ним поговорите,
О, много, Горький, Вам придется услыхать,
Но только никому не говорите,
Кто Вы, а то Вам будут лгать.
Кругом же говорят, что нашим большевизмом
Вы будто куплены, но я не верю, нет,
Ужель Вы можете мириться с деспотизмом,
Ужель Вы, Горький, больше не поэт?
<…>
Отлично знаем мы, что Вами мы богаты,
И с Вашим именем, пожалуй, всяк знаком.
Но для чего ж для встреч знамена и плакаты
И чуть не всем составом Сонарком.
<…>
Чтобы в пылу безумного тщеславья,
Вы не заметили смешную нашу грусть,

Чтоб не увидели Вы гнет самоуправья,

Чтоб не услышали, как стонет Русь.

Подчеркивания Горького проливают свет на состояние духа писателя в результате его поездки в СССР. Они свидетельствуют о том, что писатель «не хотел видеть, но все-таки видел» (как писал впоследствии Роллан в своем «Московском дневнике») жестокость и несправедливость режима, с которым вступал в компромисс. Это раздвоение, сопровождавшее его всю жизнь, запечатлено на разных этапах его пути современниками («Две души Максима Горького» К. Чуковского, «Две правды Горького» Е. Кусковой, «Две совести» Е. Чирикова и др.). И если одна его душа – «дневная» – выступала на митингах и на страницах советских газет, восхищаясь «нашими достижениями», то вторая душа – ночная – догадывалась о непомерности цены этих достижений. На многих вырезках из периодики русского зарубежья – пометы его рукой и надпись: «Сохранить». Пресса русского зарубежья отразила эти противоречия, став зеркалом разлада писателя с самим собой.

2.6. Максим Горький и Нобелевская премия

Вопрос о возможном лауреатстве М. Горького, который номинировался на Нобелевскую премию по литературе в 1918, 1923, 1928 и 1930 годах, имеет много аспектов. Остановимся на некоторых из них. Например, писатель Дм. Быков предположил, что Горький ждал Нобелевскую премию, не дождался, и ему пришлось уехать в СССР.[225] Исследователь Т.В. Марченко не без оснований утверждает, что именно возвращение Горького, чье творчество много лет было на виду у Шведской академии, закрыло для него путь к премии, и останься писатель на Западе, премия была бы ему присуждена. Это мнение поддерживает и С. Карпова: «Максим Горький рассматривался в числе кандидатов, но получить

[225] Быков Д. Был ли Горький? М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 274-275.

премию до возвращения в СССР не успел, а потом своей прямой и косвенной поддержкой сталинской диктатуры лишил себя всяких на то шансов»[226].

Таким образом, вопрос о возможности номинации Горького, как правило, связывают с периодом эмиграции писателя, хотя впервые он был поставлен в 1918 году. И это неслучайно.

В начале 1918 года, в период выдвижения кандидатур на Нобелевскую премию, Горький оказался в оппозиции к Советской власти, к политике, проводимой большевиками во главе с В.И. Лениным. Возможно, именно его выступления против красного террора на страницах газеты «Новая жизнь», составившие сборник статей «Несвоевременные мысли», опубликованный на Западе, сделали «своевременным» предложение его кандидатуры шведским профессором литературы Б. Хессельманом. Однако полного доверия его деятельность не вызывала: несмотря на антибольшевистский пафос его публицистики этого времени, его разногласия с партией большевиков воспринимались современниками как временные. Опасения оказались ненапрасными. Уже в октябре 1918 года, после закрытия большевиками газеты «Новая жизнь», «Красная газета» сообщала: «К рабочему классу вернулся его любимый сын. Максим Горький снова наш. Он пришел и тихо, незаметно стал помогать по хозяйству отцу – пролетарию русскому. Сегодня он выступит всенародно живым звеном между пролетариатом и прозревшей интеллигенцией».[227] Горький заметил по этому поводу: «Ежели бы закрыли «Новую жизнь» на полгода раньше – и для меня и для революции было бы лучше».[228]

---

[226] Политический экстремизм не находил оправдания в глазах шведских академиков. С. Карпова уточняет: «По этой же причине не мог претендовать на Нобелевскую премию “красный граф” Толстой. Вот Сталинскую – это пожалуйста, и прижизненно, и посмертно! Внимание к политическим взглядам соискателей проявлялось и в иных случаях. Апологетам фашизма Габриеле д’Аннунцио и Филиппо Маринетти путь в Стокгольм также был закрыт» (Карпова С. Нобелевская премия: книги и люди // 1 сентября. 2002. № 5).

[227] Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып 3. (1917-1929). М.: Издат. Акдемии наук СССР, 1959. С. 93.

[228] Там же.

Представляется закономерным вывод шведского эксперта Альфреда Йенсена, составившем отзыв о творчестве Горького для Шведской академии, приведенный Т.В. Марченко. В своем «скромном по объему» очерке эксперт предположил, что выдвижение Горького на более раннем этапе его творчества, когда Горький в меньшей степени был скомпрометирован связью с революционным движением, было бы более уместным[229], учитывая большой талант и всемирную славу писателя с первых его шагов в литературе.

По мнению эксперта, своим появлением Горький разогнал «сонную тишину, которая нависла в конце прошлого века над русской литературой»: «Необходимы были воздух и солнце, радость жизни и смелость поступков, и все это принес Горький»[230]. Однако одновременно шведские академики отметили анархизм и натурализм как характерные черты творчества Горького («анархистские и часто совершенно сырые творения Горького, без сомнения, никоим образом не вписываются в рамки Нобелевской премии»[231]). Йенсен подчеркнул «двойственность» «культурно-политической личности» писателя. Интересно отметить, что в отзыве шведских академиков отчетливо прозвучали формулировки, принадлежащие его первому биографу и критику на Западе французу Эжену-Мельхиору де Вогюэ, автору первой монографии о творчестве Горького (1905).

---

[229] А. Йенсен пишет в этой связи: «Если бы Максим Горький был предложен в качестве кандидата на Нобелевскую премию лет 10–15 назад, я <…> счел бы это естественным и довольно правильным… Но в 1918 году выдвинуть Горького впервые – для этого требуется некоторая наивность в соединении с большим незнанием литературного развития Горького и его места в современной русской литературе». Т.В. Марченко замечает: «Невозможно не усомниться в искренности эксперта: как раз в указанное время он решительно воспротивился присуждению премии Толстому – так обрадовался ли бы он награждению певца грядущей бури Горького?» В 1919 г. в отзыве шведского эксперта по поводу Горького прозвучала формулировка: «Горький стоит на службе у большевизма». Здесь и далее отзывы шведских экспертов цит. по: Марченко Т. Избрание и не. Русские писатели и Нобелевская премия 1914–1937// Независимая газета. ExLibris. 2000. 11 мая.

[230] См. подробнее об этом книгу Т.В. Марченко («Высоко оценив, однако, только рассказы и очерки писателя, изо всей его романистики Йенсен выделяет как явную удачу лишь роман «Мать» – и в художественном отношении, и в особенности за «преклонение перед жертвенной любовью матери». Горький представляется Йенсену также слабым драматургом: успех его пьес, «сейчас совершенно забытых», шведский славист всецело приписывает блестящим постановкам Станиславского»).

[231] Цит. по: Марченко Т.В. Проза русского зарубежья 1920-1940-х гг. в европейском критическом осмыслении: нобелевский аспект (по иностранным архивам и периодике). Автореферат докт. дисс. М., 2008.

Восприятие раннего творчества Горького в Европе тесным образом связано с именем этого знатока русской литературы, открывшего «русский роман» западному миру, познакомившего европейского читателя с именами И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и др. Именно де Вогюэ, постоянно сотрудничавший с авторитетными литературными журналами (в частности, с журналом «la Revue des Deux Mondes», одним из самых читаемых в Европе), в 1901 году опубликовал программную статью о творчестве Горького, в которой назвал Горького вторым после Толстого писателем России[232]. Распространение известности Горького де Вогюэ сравнил с быстрой русской весной. Однако сопоставляя Горького с Толстым и Достоевским, де Вогюэ упрекнул молодого русского писателя за чуждость религиозным исканиям его предшественников и вообще за «сухость». Эта «сухость», по мнению Вогюэ, явилась результатом губительной для Горького связи с политикой и революционными организациями. Эжен-Мельхиор де Вогюэ упрекал Горького за натуралистическую грубость, за «картины, написанные водкой». Перефразируя Горького, Вогюэ закончил анализ его творчества советом – привнести идеализм в свои творения: «Взгляни на небо, Максим!»

Стиль Горького вызвал у критика немало нареканий: внешне яркий и своеобразный, он оказывался слишком декламационным («бесконечные разговоры») или же излишне натуралистичным. Отсутствие действия, психологические выверты («une suite de renverses psychologiques mal expliquées»), «путаная» философия не могли, по его мнению, вызвать сочувствие европейского читателя, а босяки и купцы из Нижнего Новгорода были слишком непонятны и далеки, чтобы «понравиться иностранцам». Более того, «почитать Горького, так подумаешь, что Россия – всего лишь огромный кабак в темном подвале, воняющий потом, жиром, керосином, в котором воры и бродяги в лохмотьях слоняются без дела, ноют, клянут все и вся, плюют друг другу в лицо каждый свою правду и тонут в океане водки. Это уж слишком. Раздосадованный читатель просит пощады; с

[232] Здесь и далее статья де Вогюэ цит по: Eugène-Melchior vicomte de Vogüé. Maxime Gorki, I'homme et oeuvre // La Revue des Deux Mondes. 1901. 1er aout (в переводе автора диссертации).

чувством отвращения и усталости он закрывает том, который начинал читать с таким удовольствием». Не ставя под сомнение наличие таланта у Горького, Вогюэ считает его пристрастие к мрачным сторонам жизни и его революционные взгляды болезнью роста, характерной для русского народа как молодой нации: опыт Великой французской революции показал, что победившая революция закономерно погружается в ту же рутину общественной лжи и условностей, в которых она обвиняла повергнутых «отцов». Но «Россия еще находится в идеалистической фазе» и аплодирует «своему Бомарше»: Горькому. Все остальные отличия – лишь национальные подробности и дань традиции («différence de race»).

Де Вогюэ связал революционность Горького с присущим миросозерцанию русских нигилизмом. С точки зрения Вогюэ, нигилизм – важнейшая особенность русской культуры, ее «наследственное зло». Повышенное внимание к связи русской литературы с «нигилизмом» обнаруживалось еще до Вогюэ. В 1875 году во Франции вышла история русской литературы Куррьера, и одна из последних глав его работы посвящена «нигилистическому роману»[233] – сюда, в частности, вошло творчество Н. Чернышевского. В 1880 году швейцарский историк литературы Иоганн Якоб Гонеггер выпустил книгу «Русская литература и культура. Критический очерк истории», где писал, что главная черта молодой литературной России – «чистое отрицание» и подчинение литературы социально-политической тенденциозности[234]. Гонеггер завершает свою работу специальным анализом русского нигилизма как особо важной и актуальной проблемы. Уже после Вогюэ и повторяя его слова, немецкий историк русской литературы А. Рейнгольдт в 1886 году в книге «История русской литературы» общей чертой русской культуры объявил тоже нигилизм и пессимизм[235]. Очень характерна и книга Бауэра «Натурализм, нигилизм, идеализм в русской литературе» (1890). Называя русских писателей последних десятилетий натуралистами, Бауер заявил, что «русский натурализм не что иное, как литературная форма нигилизма».[236] Вогюэ, оценивая

[233] Courrière C. Histoire de la litterature contemporaine en Russie. Paris, 1875.
[234] Honegger I. Russische Literatur und Kultur. Leipzig, 1880.
[235] Reinholdt A. Geschichte der Russischen Literatur. Leipzig, 1886.
[236] Bauer E. Naturalismus, Nihilismus, Idealismus in der russischen Literatur. Berlin, 1890. S. 351.

Горького как нигилиста, замечает, что придает этому термину философский, а не политический смысл: «Я не скажу ничего нового, если назову Горького революционером, но я добавил бы еще: нигилистом, – если бы не двусмысленность этого эпитета. Самым нелепым образом это слово лишили его философского смысла, применяя его к преступлениям политических заговорщиков. А назвать так Горького – было бы справедливо».

Именно в нигилизме обвинили в свое время Л. Толстого шведские академики, отказав в Нобелевской премии всемирно почитаемому писателю. В частности, в 1902 году против выступил секретарь Академии Карл Вирсен: «Если позволить себе помнить только о бессмертных творениях, какими являются «Война и мир» и «Анна Каренина», то не составило бы труда присудить великому русскому писателю пальмовую ветвь победителя литературного состязания. Но такое решение теряет свою очевидность, если учесть многие другие труды Толстого. Он осудил все формы цивилизации и настаивал взамен них принять примитивный образ жизни, …отказал государству в праве на существование, предложив взамен абстрактный анархизм… А если принять во внимание недавно высказанное Толстым суждение о ненужности и даже вредности денежных премий, то … было бы неправильно навязывать премию великому писателю»[237]. Профессор Альфред Йенсен, автор отзыва о Горьком, задолго до этого стал автором отзыва и о Толстом, так как именно к нему как своему эксперту по славянским литературам обращался Нобелевский комитет. Йенсен убедил членов Шведской академии в разрушительном действии философии позднего Толстого, отрицавшего и брак, и государство, и церковь, сославшись на завещание Альфреда Нобеля, оговорившего необходимость «идеалистической направленности» отмечаемых премией произведений. Поразительным образом академики оказались глухи к гуманистическим идеалам, проповедуемым Толстым, к его неприятию насилия над человеком в любой форме, в том числе и государственной. Превратно понятые идеи Толстого были истолкованы как нигилизм и анархизм писателя, ставшие типологической формулировкой при определении русской литературы, и не

[237] Цит. по: Илюкович А.И. Согласно завещанию. М.: Книжная палата, 1992. С. 104-105.

позволили Шведской академии компетентно оценить творчество Толстого[238]. Случай с Горьким оказался еще более сложным, чем случай с Толстым. И об этом предупредил де Вогюэ: «Буржуа, восхищающиеся творчеством Горького, должны крепко стоять на ногах: ведь Горький ненавидит их удвоенной ненавистью: как романтик, подобно Флоберу, и как революционер-социалист». Недаром Вогюэ называет Горького «молодым Альцестом» – по имени героя комедии Мольера «Мизантроп». Мизантропия Горького, его нигилизм – отличительные качества его мировосприятия, по мнению Вогюэ: «Радикальный нигилизм Горького не щадит никакие принципы, прекраснодушные либеральные доктринеры хорошо знают об этом. Сначала они аплодировали яростным атакам этого волонтера, и вот он разбивает их идолов вперемешку со старыми богами… Пресса, государственные институты и их деятельность вызывает у него лишь беспощадную насмешку». Для пересмотра уже найденных решений нужен гений Толстого и его хладнокровие и отвага. Обладает ли таким гением Горький, способен ли он найти альтернативу уже запущенным и работающим механизмам европейской культуры, поскольку и Россия следует этим же путем?

«Каков общественный вклад Максима Горького? – спрашивает Вогюэ. – Властители дум, генераторы идей несут ответственность перед обществом: мы доверяем им наши души: они должны обогащать их. Оставим в стороне вопрос о таланте – талант Горького неоспорим, он достаточно гибок, достаточно жизнестоек и способен к обновлению – на сегодняшний день писательский итог очевиден: Горький не привнес ничего, кроме отрицаний. Его предшественники одарили свою страну богатым наследием идей и чувств, на котором взросла русская мысль: мы видим, в чем Горький разрушает ее, но не видим, что он в нее привносит».

Эти ранние оценки де Вогюэ, возводившего духовные искания Горького к Ницше, не утратили с годами своего значения. После смерти А. Йенсена,

---

[238] Фактически Толстой отказался от премии. В сентябре 1906 г. его кандидатура снова обсуждалась в Стокгольме. Узнав об этом, он написал финскому писателю Арвиду Ярнефельдту: «По словам Кони, может случиться, что премию Нобеля присудят мне. Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться, а потому я очень прошу вас…постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии». Цит. по: Илюкович А. Согласно завещанию… С.105.

экспертные отзывы о Горьком слависта А. Карлгрена при последующих выдвижениях (1923, 1925, 1928 годов) вновь заставляли Нобелевский комитет признать, что писатель «прекрасно выглядит как неоспоримый самородок, но его анархическое и зачастую совершенно грубое творчество никоим образом не вмещается в рамки Нобелевской премии», так как он «слишком первобытный и неученый. Он, грубо выражаясь, полупоэтический, полузабавный карикатурный Ницше в русской косоворотке, в больших сапогах, со славянской чувствительной мягкостью, с наивной любознательностью московского мужика, волжско-булгарской мастеровитой ловкостью и добродушной практичностью татарина»[239]. Герои Горького – «преступные, развратные, дикие люди – но Горький в любом случае восхищается ими: какая сила в их инстинктах, какой восторг в их примитивном преклонении перед красотой, какие – несмотря ни на что – великолепные люди!»[240]

При всей неизбежной разноголосице оценок творчество Горького, так же как и его мировая слава, остались для критиков нерешенной задачей. Так роман «Мать» то превозносится (А. Йенсен), то называется «пустой граммофонной трубой» (А. Карлгрен), а пьесы Горького, идущие на подмостках всего мира одновременно с пьесами Чехова, Ибсена, Метерлинка, объявляются Йенсенем в 1918 г. «совершенно забытыми».

Двойственность оценок критики, отказывающейся безоговорочно признать художественный вклад в мировую культуру Горького, вызвана двойственностью фигуры писателя, его моральным релятивизмом, пренебрежением общечеловеческими ценностями («философский нигилизм», по Вогюэ, превратился со временем в «пролетарский гуманизм»). Раскачивание маятника художественного творчества между писательским призванием морального суда над действительностью и политическим аморализмом (по ленинской формуле: «нравственно то, что ведет к победе коммунизма») как следствием его

---

[239] Цит. по: Марченко Т.В. Проза русского зарубежья 1920-1940-х гг. в европейском критическом осмыслении… С. 38.
[240] Там же. С. 39.

политической ангажированности сопровождало Горького всю жизнь и запечатлено на разных этапах его пути современниками.

Интересно, что учредитель премии Альфред Нобель тоже считал себя социал-демократом: «Его взгляды считались по тем временам весьма радикальными: идеалы просвещения, научно-технического и политического оптимизма, универсальные ценности».[241] Характерно, что европейская социал-демократия, критиковавшая идею премии, считала, что Нобель хотел таким образом откупиться за то, что эксплуатировал трудящихся[242]. О том, как воспринималось имя Нобеля в послереволюционной России, свидетельствует следующий эпизод, воссозданный нами по хранящейся в личном Архиве А.М. Горького статье Д.В. Философова.[243] Известно, что осенью 1921 года Горький уехал за границу, а непосредственными событиями, предшествующими отъезду и в определенной мере спровоцировавшими его, были аресты членов Комитета помощи голодающим и расстрелы по так называемому «таганцевскому заговору», которые пытался и не смог предотвратить Горький. В числе припутанных к «таганцевскому делу» был известный химик профессор М.М. Тихвинский.[244] У него нашли при обыске докладную записку о положении русской промышленности. Из ее текста было ясно, что она составлена для Э.Л. Нобеля. Тихвинский составил записку по поручению наркома внешней торговли Л.Б. Красина[245], стремившегося привлечь к сотрудничеству с большевиками Э.Л.

---

[241] Свидетельство директора-распорядителя Нобелевского фонда Микаэля Сульмана. Цит. по: Варламов А., Вуколов Н. Нобелевский век. Фасад и закулисье // Эхо Планеты. 2001. № 47.

[242] Такого взгляда придерживался Янмар Брантинг, вождь социал-демократии, впоследствии сам лауреат Премии мира 1921 года.

[243] Философов Д. Как живет и работает Максим Горький. Разоблачения «Социалистического вестника»// Молва. 1932. 7 октября.

[244] Тихвинский Михаил Михайлович (1868-1921) – химик-технолог. Из дворянской семьи. После окончания Петербургского технологического института (1890) работал там же, затем в Киевском политехническом институте (с 1900 г. – профессор). С 1912 г. – главный химик Товарищества братьев Нобель в Петербурге. После революции – профессор Горного и Технологического институтов, сподвижник Л.Б. Красина. Консультировал советское правительство по вопросам нефтепереработки. В июле 1921 г. арестован как член контрреволюционной «Петроградской боевой организации» и расстрелян. В 1991 г. реабилитирован.

[245] Народный комиссар внешней торговли РСФСР, Красин в момент следствия по таганцевскому делу находился за границей. Красин был сторонником иностранных инвестиций в экономику советской России (в первую очередь, в форме концессий) и предлагал создавать крупные тресты

Нобеля.[246] Тихвинский работал с Лениным и Красиным с 1905 года, в частности, руководил динамитными лабораториями, организованными Красиным.[247] Тем не менее, Тихвинский был обвинен в экономическом шпионаже и расстрелян как платный агент Нобеля. Горький знал эту историю, так как встречи Тихвинского и Красина происходили у него на квартире. Но предотвратить расстрел Тихвинского не смог, хотя обращался по этому вопросу к Ленину, заверившему Горького, что арест Тихвинского Аграновым – недоразумение. Расстрел Тихвинского произвел потрясающее впечатление на Горького, и едва ли не был последней каплей, заставившей его уехать за границу. Эммануил Нобель, последний российский предприниматель из ветви Нобелей, уехал из России в том же 1921 году. Именно он в свое время взял на себя выполнение завещания своего дяди и учреждение Нобелевской премии. В революционной России имя Нобелей стало именем классового врага, несмотря на все заслуги Нобелей перед российским производством и экономикой: Нобели – предприниматели, изобретатели, организаторы российской промышленности – воспринимались, прежде всего, как эксплуататоры трудового народа и одного упоминания рядом с ними было достаточно для расстрельного приговора. Имя Нобеля обретало для Горького совершенно иные коннотации: от красинских динамитных лабораторий и бакинской красинской «Искры» до расстрела Тихвинского, соратника Ленина и Красина, за которого он пытался заступиться.

по добыче нефти и угля с участием иностранного капитала, соглашаясь на предоставление части акций этих трестов бывшим зарубежным собственникам национализированных предприятий (в виде компенсации) и привлечения иностранных акционеров к управлению трестами (это был случай Э. Нобеля). Инициативы Красина по привлечению иностранного капитала в советскую экономику не были реализованы.

[246] Эммануил Людвигович Нобель (1859-1932) – нефтепромышленник и инженер, сын Людвига Эммануиловича Нобеля и племянник Альфреда Нобеля, председатель правления завода «Людвиг Нобель», крупнейший владелец акций нефтяного производства. После смерти Альфреда Нобеля (10 декабря 1896 г.) были сделаны попытки оспорить завещание. Опротестовать последнюю волю младшего из братьев Нобель пытался даже король Швеции. Однако Э.Л. Нобель настоял на выполнении завещания, изъял все вклады дяди из промышленного производства и создал Фонд Нобеля (около 2 млн. фунтов стерлингов) – финансовую основу Нобелевской премии. В результате Октябрьской революции были национализированы все предприятия отца и дяди Э.Л. Нобеля в России.

[247] Во время Московского восстания в декабре 1905 г. в квартире Горького на Воздвиженке находилась организованная Красиным оружейная мастерская.

Живя за границей и переписываясь с Ролланом, Горький все больше утверждается в мысли, что «нужна сила, способная организовать Россию как европейское государство» (АГ-15, 36). Роллан, поддерживая выдвижение Горького на Нобелевскую премию, руководствуется своим убеждением в том, что Горький, как никто из писателей, знает русский народ. Вспомним, что он писал по этому поводу Горькому: «То, что Вы говорите о загадочности русской души, очень меня поразило. В настоящее время никто, вероятно, не знает лучше Вас русской души» (4 октября 1923; АГ-15, 69).

На этой ноте Роллан в 1923 году предложил кандидатуру Горького (одновременно с Буниным и Бальмонтом) на соискание Нобелевской премии. Надо признать, что момент был выбран удачно, так как, временно оказавшись «над схваткой», Горький дает волю своим сомнениям, самым глубоким затаенным мыслям и чувствам, сбросив с себя шоры классовой ненависти и размышляя о приоритете общечеловеческих ценностей.

Перипетии Нобелевской эпопеи 1923 года воссозданы в публикации «Нового журнала», издавшего переписку М. Алданова и И. Бунина по этому поводу[248]. В 1922 году в русских литературных кругах Парижа был поднят вопрос о том, что было бы чрезвычайно важно, чтобы Нобелевская премия была присуждена русскому эмигрантскому писателю. Выдвигали кандидатуры И.А. Бунина, Д.С. Мережковского и А.И. Куприна. М.А. Алданов, пользуясь своими международными литературными связями, принимал в этом деле живейшее участие, вступив по этому поводу в переписку с Ролланом. В ответном письме Роллан писал (его ответ Алданов сообщает Бунину в письме от 18 июня 1922 года): «Конечно, я восхищаюсь Иваном Буниным. Я считаю его одним из самых великих художников нашего времени. Разумеется, я поддержу кандидатуру Бунина на Нобелевскую премию <…> Добавлю, что мое выступление за Бунина будет зависеть от того, не захочет ли Горький выдвинуть свою кандидатуру. Если

[248] Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 259-287. № 81. С. 110-147. Здесь и далее письма Алданова и ответы Роллана цитируются по этому изданию.

появилось бы имя Горького, я прежде всего проголосовал бы за него. Я был бы очень рад увидеть рядом имена Бунина и Горького, в одной кандидатуре, это, действительно, свидетельствовало бы о том, что политика здесь не при чем. Совсем иначе выглядит тройка: Бунин, Куприн, Мережковский, позвольте мне вам об этом сказать. Впрочем, я знаю, каким уважением Горького пользуется Бунин; он мне недавно об этом написал, назвав его самым великим талантом сегодняшней русской литературы». Алданов стоял за совместную кандидатуру Бунина, Куприна и Мережковского, Горький в его расчеты не входил: «Согласитесь, – пишет он Бунину в том же письме от 18-го июня 1922 года, – что ответ его ставит нас в довольно щекотливое положение. С одной стороны для Вас он имеет огромное благоприятное значение, – Р. Роллан чрезвычайно влиятельный человек. С другой стороны – его условия! ... Я писал Вам в последнем письме, что по слухам Горький выставляет свою кандидатуру». В письме от 12 ноября 1922 года Алданов продолжает: «От Р. Роллана еще не получил ответа. Его переводчица уверяет, что он путешествует и скрывает свой адрес. <…> Работа эта по подготовке русской кандидатуры долгая и нелегкая. Но я всё-таки надеюсь, что рано или поздно она увенчается успехом ... Говорят, будто кто-то выдвинул кандидатуру Горького, но я толком об этом ничего не мог узнать».

Роллан поддержал кандидатуру Бунина, о чем Алданов сообщил Бунину: «Ваша кандидатура заявлена и заявлена человеком чрезвычайно уважаемым во всем мире. Теперь нужно, по-моему, всячески пропагандировать Ваше имя в видных журналах и газетах Запада. ... О кандидатуре Горького я больше не слышал. Он живет под Берлином, редактирует издания Гржебина: по слухам, здоровье его плохо». К вопросу о выдвижении Горького Алданов возвращается в письме от 10 апреля 1923 года: «По поводу Нобелевской премии. Я узнал от людей, видящих Горького, что он выставил свою кандидатуру на премию Нобеля. Об этом уже давно говорят, – и не скрою от Вас, и немцы и русские, с которыми мне приходилось разговаривать, считают его кандидатуру чрезвычайно серьезной. Многие не сомневаются в том, что премию получит именно он… бесспорно шансы Горького очень велики. Поэтому еще раз ото всей души советую Вам,

Мережковскому и Куприну объединить кандидатуры, – дабы Ваша общая (тройная, а не "коллективная") кандидатура была рассматриваема, как русская национальная кандидатура (я навел справку, случаи разделения Нобелевской премии между 2 и 3 лицами уже были). При этом условии <…> шведское жюри должно будет выбирать между одной не-большевистской и другой, большевистской кандидатурой. По-моему (и не только по-моему) это чрезвычайно повысит шансы. И каждому из Вас в случае успеха придется до 200 тыс. франков, – т. е. материальная независимость. При нескольких же одновременных кандидатурах шансы Горького, боюсь, увеличиваются чрезвычайно. Подумайте, дорогой Иван Алексеевич, попробуйте поговорить с Дм<итрием> Серг<еевичем> и с Алекс<андром> Иван<овичем>, – которым я думаю об этом тоже написать, – и ради Бога постарайтесь достигнуть соглашения. Будет крайне неприятно, если премию получит Горький».

Автором обзорных очерков стал профессор славистики Антон Карлгрен. Исследователь Т.В. Марченко приводит экспертную оценку Карлгрена: «Обращаясь к творчеству Горького, Карлгрен сразу отсылает к работе своего предшественника, поскольку не усматривает ничего примечательного среди произведений писателя, созданных после 1905 г. («стерильная пустыня»). Зато эксперт буквально сражен приговором, который Горький выносит собственной стране, собственному народу, прописывая ему «лошадиную дозу» большевизма в уверенности, что если «пациент умрет», то «в таком случае ничего лучшего он и не заслуживает», а если выдержит, то выйдет «новым, закаленным». В этом безжалостном осуждении, по мнению Карлгрена, не чувствуется «ни малейшего отголоска горячей любви к родине», которая отличала раннего, пылкого Горького и с исчезновением которой он погибает как писатель».[249]

Единственный реальный шанс на получение премии не оправдался, хотя именно к этому периоду относится важное свидетельство В.Ф. Ходасевича о славе и влиянии Горького: «О степени его известности во всех частях света можно было

[249] Цит. по: Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901-1955). Köln; München: Böhlau, 2007. С. 218-221.

составить истинное понятие, только живя с ним вместе. В известности не мог с ним сравниться ни один из русских писателей, которых мне приходилось встречать. Он получал огромное количество писем на всех языках. Где бы он ни появлялся, к нему обращались незнакомцы, выпрашивая автографы. Интервьюеры его осаждали. Газетные корреспонденты снимали комнаты в гостиницах, где он останавливался, и жили по два – три дня, чтобы только увидеть его в саду или за табльдотом. Слава приносила ему много денег, он зарабатывал около десяти тысяч долларов в год, из которых на себя тратил ничтожную часть. <…> Он считал своим долгом стоять перед человечеством, перед "массами" в том образе и в той позе, которых от него эти массы ждали и требовали в обмен за свою любовь».[250]

Постепенная эволюция взглядов Горького на политику, проводимую советской властью, имеет некоторые важные вехи, зафиксированные самим писателем. Уезжая в 1921 году из Советской России, в интервью газете «Дейли Ньюс» Горький заявил: «В принципе я совершенно разделяю теорию Ленина и твердо верю в международную социальную революцию».[251] В 1924 году происходит поворот Горького в сторону Советов, связанный со смертью Ленина. Его очерк о Ленине обошел самые известные зарубежные периодические издания. Такое же внимание привлекло и известное письмо Я. Ганецкому на смерть Ф. Дзержинского (в 1926 году), широко публиковавшееся в самых различных европейских изданиях. Однако настоящим выбором Горького стал приезд в СССР в 1928 году – именно в этом, поворотном для Горького, году он еще раз номинировался на Нобелевскую премию. Чтобы понять, какая дистанция пролегла между номинациями 1923 и 1928 года, как далеко внутренне оказался Горький от собственной номинации, необходимо оценить события 1928 года в их подлинной исторической перспективе.

Архив Горького располагает большим количеством документов, связанных с событиями 1928 года в жизни Горького: празднованием 60-летия со дня рождения

[250] Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Некрополь. М.: Согласие, 1997. С. 162-163.
[251] Летопись жизни и творчества… Вып. 3. С. 248.

и 35-летия литературной деятельности, приездом в СССР впервые после семилетнего отсутствия.

На этом эпизоде биографии писателя мы остановимся, взяв за основу материалы, сохраненные самим Горьким в своем личном архиве. 1928 год стал точкой отсчета нового периода жизни писателя – советского, продолжавшегося до смерти писателя в 1936 года.

Разговоры о возвращении в СССР начались в семье Горького задолго до того, как Горький осуществил это намерение. По воспоминаниям В.Ф. Ходасевича, особенную настойчивость в этом проявляла Е.П. Пешкова во время своих приездов в Сорренто. Горький, начиная с 1925 года, готовится к поездке в СССР.

События 1928 года получили освещение в материалах советской прессы и прессы русского зарубежья, сохранившиеся в личном архиве писателя. На основании этих газетных материалов мы попытаемся воссоздать атмосферу, создавшуюся в 1928 году вокруг имени Горького как кандидата на Нобелевскую премию. Вспомним о реакции на поездку Горького в СССР в прессе русского зарубежья: эмигрантская интеллигенция до конца не верила, что Горький поедет, а, тем более, совсем вернется в Советскую Россию.

В 1928 году Горький пишет предисловие к собранию сочинений Роллана, готовящемуся в издательстве «Время» (1929-1935), знаменующее собой и пересмотр Горьким под влиянием своего сближения с СССР его отношения к Роллану. В предисловии Горький пишет, что Роллан «недостаточно определенно формулирует свои симпатии к классу, который в Союзе Советов взял в свои руки руль власти и правит жизнью страны». Но так как Роллан живет не в Союзе Советов, его «сознание организуется условиями иного, не нашего бытия». Интересна здесь проговорка («*нашего* бытия» (здесь и далее курсив мой – М.А.) самого Горького, еще окончательно не вернувшегося на родину, но уже не отделяющего себя от нее. Эта проговорка объясняет несколько менторский тон Горького, который усиливается к концу статьи. От сомнений, которыми были проникнуты его письма Роллану в начале и середине 20-х годов, не осталось и следа. Теперь по отношению к Роллану Горький берет тот же тон, каким он

обращается «к молодой пролетарской интеллигенции»: «доброго и строгого старшего брата, не скупясь на хвалы и порицания», – как с горечью замечает Роллан. Приходится и Роллану пересмотреть свое отношение к Горькому. В письме к толстовцу М.С. Дудченко 25 сентября 1928 года он замечает: «*Я долго переписывался с Горьким. Сколько раз видел я его меняющим свои мнения!* Всегда искренний, всегда цельный в том или ином направлении… В силу этого наша задача чрезвычайно трудна. Мы хотим быть правдивыми, мы хотим быть справедливыми. И как только мы пытаемся быть таковыми, нам доказывают, что мы заблуждаемся и несправедливы. *Несчастье России в том, что за эти времена она не породила громкого голоса, вполне свободного и беспристрастного, который возвестил бы миру одновременно за и против и, взвесив на весах, подвел бы итог*»[252].

На этом фоне развернулась новая нобелевская эпопея А.М. Горького. Празднование юбилея Горького, возможно, послужило толчком к выдвижению кандидатуры писателя известными шведскими литераторами В. фон Хейденстамом и Т. Хедбергом. «Юбилейная номинация» подвела итог многолетним колебаниям Нобелевского комитета по отношению к Горькому. Нобелевский эксперт А. Карлгрен признал, что Горького «чествуют в России, как никого из русских писателей до него, и подобная поддержка его кандидатуры общественным мнением… является уникальным случаем в истории Нобелевской премии».

1 ноября 1928 года в мадридской газете «El Sol» было напечатано сообщение: «Как говорят, Горький получит Нобелевскую премию по литературе этого года, несмотря на большевизм».[253] 8 ноября в «Journal de Génève» был опубликован список кандидатов на Нобелевскую премию по литературе 1928 года: Голсуорси, Честертон, Бергсон, Горький, Мережковский, Унсет, Томас Манн, Льюис, Драйзер.

По результатам обсуждения оказалось, что среди претендентов есть два несомненных лидера: Максим Горький и Сигрид Унсет. Что же именно заставило

---

[252] В Архиве А.М. Горького рукописная копия на русск. яз., переданная из архива КГБ, хранится под шифром: АГ ПТЛ-ин 1-215-1.
[253] Летопись жизни и творчества… С. 683.

академиков отказаться от присуждения премии замечательному русскому писателю, «обогатившему мировую литературу»? Ответ на этот вопрос отчасти содержится в специально высказанном мнении одного из членов комитета, авторитетного шведского критика и литературоведа Генрика Шюка, попытавшегося обосновать отклонение кандидатуры Горького и поддержать другого члена Нобелевского комитета, Пера Хальстрема, который полагал, что присуждение премии Горькому «будет превратно истолковано». На основе экспертного отзыва Г. Шюк постарался создать политический, а отнюдь не литературный портрет Горького, который эволюционировал от «дурной первомайской риторики» к «прямой дискредитации» власти и «агитации» против нее, а затем, после первой русской революции, к большевистской идеологии. <…> Горький оказался отвергнутым прежде всего по политическим соображениям. Лауреатом Нобелевской премии 1928 года стала выдающаяся норвежская романистка С. Унсет.[254]

5 декабря 1928 года Горький откликнулся на это событие иронически: «В испанской газете El Sol напечатано, будто бы большинство голосов высказалось за премию Н<обеля> – мне, но убоялись, что я передам ее Государству. Правильно убоялись» [255].

Действительно, известно, как Горький распоряжался своими гонорарами. Во время первой русской революции 1905-1907 годов и непосредственно после нее он энергично занимался финансовыми вливаниями в революционную и террористическую деятельность. Русская революция готовилась на деньги промышленников, таких, как Савва Морозов. В этой же роли выступал и Горький, во времена своих эсеровских симпатий финансируя убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина (1853-1902), создавая партийную школу для рабочих на Капри, издавая газету «Новое время» и так далее. Поэтому, откликаясь на упоминание своего имени в связи с номинацией, Горький говорит о том, что передал бы деньги

[254] Марченко Т.В. Избрание и не. Русские писатели и Нобелевская премия 1914–1937 // Независимая газета. ExLibris. 2000. 11 мая.
[255] Письмо Горького П.П. Крючкову (АГ-14, 486).

советской власти, государству. Приехав в СССР после семилетнего отсутствия, писатель подарил детской колонии А.С. Макаренко 20 тысяч рублей. Помимо желания Горького быть полезным своему народу, как он это понимал, вспомним о свидетельствах нобелевских лауреатов о моральной невозможности истратить премию на собственные нужды. Роллан писал матери в связи с присуждением премии: «Мне только что звонил Гильбо, и еще пришла телеграмма из Берна с известием, что мне присуждена Нобелевская премия. Я в отчаянии. Я ничего об этом не слышал. *Если бы я знал, я бы заранее отказался. …* Если же действительно так, я намерен отдать премию целиком на нужды французского и международного Красного Креста. *Себе я не желаю оставлять ни одного су*. Я хочу только одного – чтобы меня не трогали и не мешали свободно мыслить». Действительно, Роллан не потратил свою Нобелевскую премию: часть ее он передал своему родному городу, а другую – Международному Красному кресту. Подобную реакцию объясняет Томас Манн: «Нервирующе действует то обстоятельство, что, совершенно гласно становясь обладателем суммы, не превышающей ту, которую ежегодно, не вызывая этим шума, откладывают многие промышленники, *внезапно оказываешься лицом к лицу со всем страданием нашего мира;* взбудораженное внушительной цифрой, *оно в бесчисленных видах и вариантах штурмует совесть новоявленного счастливца*» (курсив мой – М.А.).[256]

«Государственник» Горький, конечно же, постарался бы использовать немалые деньги премии на нужды своих соотечественников. Присуждая премию Горькому, Нобелевский комитет объективно начал бы финансировать строительство социализма в СССР, подписавшись таким образом под экспериментом, являвшимся объектом пристального внимания мирового сообщества. В этой связи можно вспомнить заявление Сартра: «Писатель, согласившись на отличие такого рода, связывает этим также и ассоциацию или институт, отметивший его. Так, мои симпатии к венесуэльским партизанам касаются лишь одного меня. Однако, если «Жан-Поль Сартр, лауреат Нобелевской премии» выступит в защиту венесуэльского сопротивления, тем самым он вместе с

[256] Цит. по: Илюкович А. Согласно завещанию… С. 59, 63.

собой увлечет и сам институт Нобелевской премии».[257] Таким образом, если Горький выступит за политику коллективизации в СССР, он увлечет за собой весь Нобелевский Комитет. И это важная причина не торопиться премировать радикально настроенного писателя. Ведь в СССР в это время разыгрывалась настоящая трагедия. Помимо политических репрессий, ставших необходимым атрибутом советской власти, положение усугублялось тяжелой экономической ситуацией в стране: к концу 1928 года пришлось ввести в городах распределение хлеба по карточкам. В феврале 1928 года Сталин выдвинул решение о немедленной коллективизации, началось форсированное наступление на «кулака»...

С другой стороны, учитывая сложившуюся в СССР диктатуру Сталина (наличие которой еще в 1926 год констатировала берлинская газета «Руль»: именно так была озаглавлена передовица газеты), представление советского кандидата на награду антисоветскую, с точки зрения сталинской пропаганды, было невозможно. Нобелевская премия закрепила бы Горького за западным миром и привела к утрате доверия со стороны СССР. Горький должен был бы или демонстративно отказаться от премии, или демонстративно передать ее Государству (слово Государство он написал в письме своему секретарю Крючкову с большой буквы). Говоря о плохих отношениях Нобелевского фонда с тоталитарными режимами, директор фонда М. Сульман заметил: «Гитлер запретил немцам принимать Нобелевскую премию и основал свою, чтобы Германия не подвергалась «унижению». <…> Между прочим, после Второй мировой войны Сталин считал абсурдным положение, при котором такая «никудышная странишка», как Швеция, определяет уровень мировой науки. Поэтому он готовил громадную альтернативную международную премию, говорят, были даже отчеканены медали. Однако в последний момент Сталин почему-то передумал и начал кампанию против космополитизма. В то же время подход к нобелевским премиям в Кремле был двойственным. Если речь шла о научных

[257] Заявление сделано Сартром шведским журналистам 23 октября 1964 г. в Париже. Здесь и далее заявление Сартра цит. по: Сартр Ж.-П. Почему я отказался от премии // За рубежом. 1964. 6 ноября. С. 8.

достижениях, проблем не возникало. А вот когда нобелевскими лауреатами становились Бунин, Пастернак, Бродский, это вызывало критику».[258]

Простили бы Горькому присуждение «буржуазной» премии его читатели в СССР и так уже достаточно упрекавшие его за отъезд из России и за итальянскую виллу (упреки Горький получал не только со стороны русской эмиграции, но и со стороны советских деятелей, например, напостовцев, сибирских писателей)? При наличии спорного политического прошлого писателя и совершенных им «ошибок», Нобелевская премия была бы воспринята как окончательная победа «буржуазной» культуры над «пролетарской» в лице отдельно взятого писателя, как соглашательство с мировой буржуазией, если вспомнить о вульгарно-социологическом словаре тех лет. В октябре 1927 года шли дебаты по поводу творчества Горького, в которых приняли участие П. Коган, Л. Авербах, Д. Горбов, В. Переверзев, В. Фриче и др.[259] Горький в тот момент начал публикацию первого тома «Жизнь Клима Самгина». Выступавшие сожалели об «изоляции» Горького и высказали сомнения в том, что он «пролетарский писатель». Горбов назвал Горького «художником крайнего левого крыла буржуазной демократии, который иногда становился пролетарским писателем». Переверзев заключил: «Все главные герои Горького заражены мелкобуржуазной средой».[260] Реакцией на эту среду стал поиск Горьким «сильного человека», либо среди отщепенцев, либо среди капиталистов, либо среди интеллигенции, либо среди рабочих, как в романе «Мать». Горький не знал хорошо рабочую среду, поэтому роман получился неудачным, а Горький всегда оставался «идеологом индивидуальной силы». Получение Нобелевской премии могло только усилить недоверие к Горькому.

Двойственность позиции Горького вызвала к нему недоверие и Нобелевского комитета. По свидетельству Эстерлинга, в 1928 г. Академия нашла затруднительным составить достаточно объективное суждение о нем; было сложно

---

[258] Цит. по: Варламов А., Вуколов Н. Нобелевский век. Фасад и закулисье // Эхо Планеты. № 47. 2001.

[259] Полемика вокруг Горького опубликована в кн.: Вестник Комакадемии. Кн. 24. 1927; см. также: Горбов Д.А. Путь Горького. М.: Круг, 1928.

[260] Переверзев В.Ф. Заключительное слово на заседании, посвященном Горькому // Вестник Комакадемии. Кн. 24. 1927. С. 268.

оценить его роль как интеллектуала в период революции, а также его поздние работы. На первый план выступили ранние произведения Горького, например, автобиографические повести. По этим причинам положительное решение не было принято. Регулярные поездки в СССР с 1928 по 1933 гг., а затем и возвращение на родину окончательно вычеркнули Горького из числа претендентов на Нобелевское отличие, так как его имя оказалось связано со сталинским режимом, репрессивный характер которого становился очевиден для мировой общественности, в том числе и для Шведской Академии.

Нобелевская премия приобрела репутацию премии западного мира, не проникая за «железный занавес». Сталин для установления равновесия учредил в 1940 году Сталинскую премию, которая впоследствии сменилась Государственной, а также возникла Международная премия мира. Награждали не столько писателей в силу их таланта, сколько за верность направлению.

Здесь уместно вспомнить высказывание Жана-Поля Сартра, в качестве причины отказа указавшего, что «Нобелевская премия на деле представляет собой награду, предназначенную для писателей Запада или "мятежников" с Востока. Например, не был награжден Неруда, один из величайших поэтов Южной Америки. Никогда серьезно не обсуждалась кандидатура Арагона, хотя он вполне заслуживает этой премии. Вызывает сожаление тот факт, что Нобелевская премия была присуждена Пастернаку, а не Шолохову и что единственным советским произведением, получившим премию, была книга, изданная за границей и запрещенная в родной стране. Равновесие можно было бы восстановить аналогичным жестом, но с противоположным смыслом». На следующий год Шведская Академия установила равновесие, и Шолохов получил премию, оказавшись, таким образом премированным за свой «Тихий Дон» дважды – и Сталиным и Нобелем – единственный случай в истории Сталинских и Нобелевских премий.

Награждая писателя, комитет награждал и его направление.

Это также отметил Сартр: «Во время войны в Алжире, когда я и другие подписали "Манифест 121-го", я принял бы с благодарностью эту премию, потому

что тем самым был бы отмечен не только я один, но прославлено дело свободы, за которое мы боролись. Но этого не случилось, и премия была присуждена мне, когда война уже окончилась»[261].

Однако существовала и оборотная сторона медали: если мы повернем проблему с другой стороны, то увидим причины, по которым Горький не должен был принять Нобелевскую премию. По этому поводу хотелось бы высказать последнее соображение. Торжественная церемонию по вручению премии шла вразрез с образом писателя, всю жизнь трудившегося над созданием собственной «биографии» и не пожелавшего бы даже ради премии утратить свое лицо. Вспомним в этой связи наблюдение В.Ф. Ходасевича: «Великое множество раз, совершая какой-нибудь поступок, который был ему не по душе или шел в разрез с его совестью, или наоборот – воздерживаясь от того, что ему хотелось сделать или что совесть ему подсказывала, – он говорил с тоской, с гримасой, с досадливым пожиманием плеч: "Нельзя, биографию испортишь". Или: "Что поделаешь, надо, а то биографию испортишь"».[262] В этом смысле Нобелевская премия явно испортила бы «биографию» писателя, готового «решительно» отказаться от всяких чинов и наград ради «высшей награды», «о которой может мечтать литератор», – ради непосредственного общения со своим читателем, со своим народом.

2.7. Горький, Луначарский, Стефан Цвейг, Роллан: четыре предисловия к первому собранию сочинений Роллана в СССР. Проблема гуманизма

В октябре 1929 года Роллан, откликаясь на просьбу советского руководства, прислал кооперативному издательству «Время»[263] в Ленинграде уведомление об

---

[261] Сартр Ж.-П. Почему я отказался от премии…

[262] Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Некрополь. М.: Согласие, 1997. С. 179-180.

[263] Издательство «Время» (1923–1934) было Промыслово-производственным кооперативным товариществом (председатель правления - И.В. Вольфсон, гл. ред. – Г.П. Блок). Оба известны Горькому по работе в издательстве З. Гржебина. Кроме правления, в издательстве существовал Контрольно-ревизионный совет во главе с академиком С.Ф. Ольденбургом. В 1931 г. председателем редсовета был избран А.В. Луначарский. Издательство специализировалось на сериях зарубежной художественной литературы, «занимательной науки», а также выпустило авторизованные собрания сочинений С. Цвейга и Р. Роллана с предисловиями Горького.

уступке прав на издание полного собрания его сочинений, которое стало первым собранием его сочинений не только в России, но и во всем мире, включая Францию.

Собрание сочинений Ромена Роллана готовилось издательством с особой тщательностью. Был создан специальный совет, утверждавший переводчиков и проверявший качество перевода. Как пример можно привести специальное заседание, посвященное обсуждению методики перевода повести «Кола Брюньон» в мае 1931 года с участием А.В. Луначарского, академика С.Ф. Ольденбурга, литературоведа А.А. Смирнова, переводчика М.Л. Лозинского, главного редактора Г.П. Блока. Издание это в значительной степени носило экспериментальный характер: при жизни автора собрание его сочинений выпускалось в таком исчерпывающе полном объеме: 1) романы, 2) биографии, 3) драмы, 4) история музыки и 5) публицистика.

Сам Роллан очень внимательно наблюдал за изданием. Юридическим представителем его был А.Г. Пертцик. К работе над изданием была привлечена Государственная Академия художественных наук (ГАХН) во главе с президентом П.С. Коганом, ставшим одним из редакторов издания. За качеством переводов следила его секретарь М.П. Кудашева. Гонорар за издание Роллан передал Первому Московскому Университету для основания стипендий для студентов. Собрание сочинений Роллана печаталось под общей редакцией П.С. Когана и С.Ф. Ольденбурга. Уникальность этого предприятия, помимо всего прочего, состоит в четырех предисловиях, написанных специально для этого издания и дающих исторический срез общественно-политических и философских взглядов эпохи сквозь призму оценки деятельности и творчества Роллана.

17 ноября 1928 года, вскоре после приезда Горького из СССР, председатель правления издательства И.В. Вольфсон обратился к Горькому с просьбой о предисловии для этого издания: «Как Вам известно, мы уже начали выпускать Собрание сочинений Стефана Цвейга. Мы уже выпустили 6 томов, готовим 7-й. В этом месяце у нас выйдет новое издание соч<инений> Цвейга. – Теперь мы решили издать также собрание сочинений Ромена Роллана. В материальном отношении оно не может представить большого интереса, т.е. сочинения Роллана вряд ли могут

рассчитывать на широкий сбыт, в частности, благодаря своему объему, но Роллан – классик, его сочинения – настоящая литература, и, несмотря на трудности, связанные с этим изданием, мы идем на это. Начнем с «Жана Кристофа», и после него выпустим, вероятно, или «Кола Брюньон», или «Очарованную душу».

В связи с этим начинанием мысли невольно обращаются к Вам. Вы много раз писали и говорили о Ромене Роллане. Вы писали о нем с такой теплотой и уважением, Вы так ценили его идеализм и мужество, что было бы совершенно естественно видеть первое в России собрание сочинений Ромена Роллана с Вашим предисловием. Поэтому я обращаюсь к Вам, дорогой Алексей Максимович, с просьбой написать предисловие к издаваемому нами собранию сочинений Ромена Роллана. В зависимости от того, располагаете ли Вы большим или меньшим количеством времени или в зависимости от Вашего желания предисловие может быть большего или меньшего объема – по Вашему усмотрению. <...>

Только я очень просил бы Вас, дорогой Алексей Максимович, не отказать в этом, т. к. я придаю большое значение тому, чтобы такое большое начинание, как Собр<ание> соч<инений> Ромена Роллана, имело именно Ваше предисловие».[264] Горький ответил издательству короткой телеграммой: «Согласен. Горький» (Неаполь, 25 ноября 1928 года)[265].

Для того чтобы иметь возможность издать собрание сочинений Роллана с предисловием Горького, издательство задержало публикацию почти на год. После того, как Горький согласился написать предисловие, выяснилось, что он не может этого сделать по причине отсутствия у него книг и записей о Роллане, о чем он уведомляет Вольфсона 21 декабря 1928 года: «Дорогой Илья Владимирович, – должен отказаться писать о Роллане потому что все его и о нем книги оказались не здесь – в ящике, на чердаке, – а в Берлине, в моей библиотеке. Библиотека упакована в ящиках для отправки в Россию.

[264] Цит. по: Серия «Архив А.М. Горького». Т. 10. Кн. 1: М. Горький и советская печать. М.: Худ. лит., 1964. С.46-47.
[265] Там же. С. 47.

Понимаю, как это неловко вышло, да и хотелось бы написать о Роллане но – невозможно же писать, закрыв глаза. На его книгах отметки есть» (АГ-10, 1, 49). Однако председатель издательства не терял надежды: «Ленинград, 15 мая 1929 г<од>.

Дорогой Алексей Максимович,

Узнав из газет о предстоящем Вашем скором возвращении в СССР, я хочу просить Вас, не можете ли Вы проездом получить в Берлине Ваши материалы о Ромене Роллане, отсутствие которых мешало Вам написать предисловие к русскому собранию сочинений. Выпуск в свет задержался, так что все же очень хотелось бы получить Ваше предисловие. Да это соответствовало и Вашему желанию» (АГ-10, 1, 50).

Свое предисловие Горький начинает с признания, что он имеет «высокую честь считать Роллана своим другом». В чем же видит Горький заслуги Роллана перед человечеством? Прежде всего, в том, что Роллан сохраняет веру в человека и в необходимость «неустанно творить культурные ценности». На фоне мрачных пророчеств гибели, «заката» Европы Роллан сохраняет оптимизм и говорит о возрождении Европы. Впрочем, оптимистом он Роллана не считает: Роллан – «идеальный стоик», обладающий последовательными убеждениями, позволяющими ему «уверенно делать свое дело поэта и мыслителя».

Он – автор «превосходной, чисто галльской поэмы “Кола Бреньон”». Горький выделяет именно это произведение Роллана как «самую изумительную книгу наших дней», а о самом Роллане он говорит, что его «сердце способно творить чудеса». Чудом является «бодрость» автора, его «непоколебимая и мужественная вера в своего, родного человека». Французский исследователь-горьковед Жан Перюс замечает по этому поводу, что сам Горький не создал такой книги о своем народе, оказавшись во власти того самого пессимизма-скептицизма, которые он считал недостатком, свойственным русскому народу.

Место Роллана, как и его моральный авторитет в современной ему литературе, Горький оценивает очень высоко: он называет его французским Львом Толстым. Однако, по мнению Горького, в отличие от Толстого, Роллан иначе

оценивает роль личности в истории: «личность в истории имеет свое законное место, свое честное дело». И Горький продолжает литературные параллели: «Говорят: Р. Роллан – Дон Кихот. С моей точки зрения, это лучшее, что можно сказать о человеке», так как в игре враждебных сил истории «человек, который жаждет идеальной справедливости – тоже сила». Такая оценка скрыто полемически направлена против упреков Роллану в его «донкихотстве» со стороны наркома Луначарского в центральной прессе.

У Роллана «есть чему поучиться», считает Горький, а именно – «подлинному гуманизму»: «Он гуманист и пацифист, но в подлинном и глубочайшем смысле этих понятий, – именно в том смысле, какой придает этим понятиям большевизм». Но большевизм придавал совсем другое значение этим понятиям, как следовало из оценки творчества Роллана большевистскими идеологами Л.Д. Троцким и А.В. Луначарским, высказанной, в частности, в ходе дискуссии Роллана с Барбюсом. Очевидно, что Горький строит образ Роллана вопреки устоявшимся официальным мнениям, опираясь на тот непреложный факт, что Роллан – «писатель-друг» СССР: «Роман Роллан не может не знать, что дело нашего века – беспощадное дело, но очевидно, что он хорошо понимает историческую необходимость этого дела и величие его».

Индульгенция, выданная Горьким Роллану, подкрепляется рядом аргументов, которые приводит Горький в качестве неопровержимых доказательств лояльности Роллана. Первый и главный аргумент – высокая оценка, данная Ролланом личности В.И. Ленина: «Ленин – самый великий человек дела нашего века и самый бескорыстный».

Горький вынужден признать, что при этом Роллан «недостаточно определенно формулирует свои симпатии к классу, который в Союзе Советов взял в свои руки руль власти и правит жизнью страны». Но так как Роллан живет не в Союзе Советов, его «сознание организуется условиями иного, не нашего бытия». Интересна здесь и проговорка («*нашего* бытия») самого Горького, еще окончательно не вернувшегося на родину, но уже не отделяющего себя от нее (за год до написания статьи Горький впервые после долгого перерыва посетил СССР).

Эта проговорка объясняет несколько менторский тон Горького, который усиливается к концу статьи. От сомнений, которыми были проникнуты его письма Роллану в начале и середине 20-х годов, не осталось и следа. Теперь по отношению к Роллану Горький берет тот же тон, каким он обращается «к молодой пролетарской интеллигенции»: «доброго и строгого старшего брата, не скупясь на хвалы и порицания», как замечает ему Роллан (Ср. в письме к Горькому Роллан пишет: «Дали ли Вы Андре Жермену право публиковать во Франции все Ваши новые произведения? Я был бы огорчен этим, так как, отдавая дань его свободомыслию, должен сказать, что оно, как и его журнал «Ревю Эропеэн», носит чисто эстетический или «эстетский» характер и что оно чуждо действию. – Я предпочел бы видеть напечатанными некоторые Ваши газетные статьи, в которых Вы обращаетесь к молодой пролетарской интеллигенции, как добрый и строгий старший брат, не скупясь на хвалы и порицания. Это была бы захватывающая картина новых полей духа, оплодотворенных чудесной жизненной силой народов СССР» (АГ-8, 345).

Теперь, защищая Роллана от возможных упреков, он одновременно делает вывод о том, что при всех его достоинствах искусство Роллана – «вчерашний день», так как искусство (Горький приводит цитату из К. Маркса) «не всегда предшествует делу жизни, трагической игре истории – чаще оно не поспевает за нею, опаздывает». Но надо «оглядываться назад», чтобы «знать, каким должен быть завтрашний день». Горький не замечает противоречия, в которое впадает в своей статье, предлагая советским читателям и литераторам «поучиться» у уже «устаревшего» гуманиста Роллана.

Таким образом, в сладкой облатке предисловия друга оказалась горькая пилюля. Действительно, полный сомнений Горький 1922-1923 годов (а именно на это время приходится пик переписки писателей) остался в прошлом, и в 1929 году Горький становится другим – он сделал свой выбор и готов отвечать за него. Это отражает и изменившийся тон писем обоих писателей. Теперь Горький отделяет себя как «человека-творца новой жизни» от Роллана, «человека-помощника его». Об этом пишет Горький 13 сентября 1929 года в газете «Известия», объясняя, что

ставить вопрос о гуманном и бережном отношении к человеку его заставляет «не сентиментальный гуманизм, а сознание необходимости экономить энергию человека-творца новой жизни и человека-помощника его в этом «величайшем деле века», как сказал Ромен Роллан». Следует обратить внимание на то, что определение «сентиментальный гуманизм» Барбюс дал «ролландизму» в ходе известной дискуссии. Таким образом, «недоразумение» (по терминологии Ж. Перюса), возникшее в ходе дискуссии и связанное с поддержкой Горьким «ролландизма», устраняется само собой.

А.В. Луначарский в своем предисловии «Ромен Роллан как общественный деятель» подхватывает некоторые темы, обозначенные Горьким. Роллан – «проповедник сильной личности, но личности социальной, готовой даже жертвовать собой ради своих убеждений, личности трудолюбивой, глубоко серьезной, широко охватывающей перспективы жизни современной и исторической». В своей устремленности к борьбе с социальным злом Роллан «оказывается чрезвычайно полезным для нас». Луначарский так же, как и Горький, считает, что у Роллана есть чему поучиться советскому читателю, «но было бы превосходно, если бы и он у нас кое-чему поучился». Луначарский утверждает, что идеалы коммунистов и Роллана совпадают, что Роллан признал и много раз защищал русскую революцию («Мы говорим с ним на родственном языке», – утверждает Луначарский). В качестве примера Луначарский приводит известный ответ Р. Роллана И. Бунину и К. Бальмонту, в котором он называет русскую революцию «великим благом», а ее поражение – «огромным несчастьем для всего человечества». Однако (и здесь Луначарский возвращается к аргументации, знакомой по дискуссии 1922 года с Барбюсом) гуманизм Роллана, несмотря на всю его самоотверженность, «мягкий и даже дряблый», так как Роллан является противником вооруженной борьбы пролетариата, противником пролетарской диктатуры.

Луначарский считает, что Роллан, как в свое время и Горький, несвоевременно выступил со своим нравственным максимализмом. По мнению критика, Р. Роллан – Дон-Кихот: «Тип такого человека, который в силу

несвоевременности своего некритического братолюбия становится на самом деле врагом своего идеала, ибо отрицает, портит, саботирует единственные пути, которые на самом деле ведут к победе, к миру на земле, – меня очень интересовал. Я посвятил этому типу мою пьесу „Освобожденный Дон–Кихот". <…> Я знаю, что такое ролландизм, а Ромен Роллан знает, что такое революция, и давно уже болеет ею. Он ее уважает и ненавидит. Он уважает ее за то, что она есть самоотверженный путь к великому расцвету правды на земле. Он ненавидит ее за то, что путь этот есть борьба, власть и террор».[266]

Общественная и политическая позиция Роллана по отношению к проводимой в СССР политике представляется Луначарскому двойственной. Он пишет об этом и в статье «Ответ Ромену Роллану»[267], которая была написана в разгар полемики по поводу положения писателей в СССР в ответ на появление в январе 1928 года открытого письма Роллана «Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину». Луначарский, автор книги «Социализм и религия» (1908), доказывавший необходимость преемственности социалистической и христианской веры, критиковал Роллана за «христианские оговорки». Однако Роллан достаточно твердо проводил свою позицию «над схваткой» и в этом случае: «Я не большевик и никогда им не буду: слишком многое в плане интеллектуальном разделяет меня с большевиками. – Но я еще меньше сочувствую противному лагерю, какое бы название он ни носил… Я остаюсь проповедником независимости духа, который никогда не свяжет себя ни с одной партией. Ради мимолетного успеха все партии пренебрегают истиной, честностью, непреходящими ценностями. Среди партий есть лучшие, есть и худшие. Но даже лучшим партиям я никогда не пожертвую ни одной из ценностей, которые превосходят их, и самой высшей из них – свободой духа» (АГ-15, 159).

---

[266] Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1963-1967. Т. 4: История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах: На западе / Ред. Р. М. Самарин. 1964. С. 440-441.

[267] Статья вызвана «Ответом Константину Бальмонту и Ивану Бунину», написанным Р. Ролланом 20 января 1928 г. Этот ответ был опубликован в роллановском журнале «Europe» (t. XVI, № 62) в феврале 1928 года и перепечатан в «Вестнике иностранной литературы» (№ 3 за 1928 г).

Важную роль в определении общественных позиций писателя сыграло открытое письмо Роллана поборнику идеи «пан-Европы» публицисту и писателю Гастону Риу, инициатору Лиги «Франция-Европа», автору статьи «Соединенные Штаты Европы, или Соединенные Штаты мира» (см. также обмен телеграммами между Ролланом и П.П. Крючковым и примечания к ним, впервые опубликованные в кн.: Постижение Запада / Отв. ред Е.Д. Гальцова. М., ИМЛИ РАН, 2015). Копию своей статьи Роллан послал Горькому вместе с письмом от 8 января 1931 года, в котором Роллан писал о своих убеждениях: «Я отказался участвовать в блоке Пан-Европа в следующих выражениях: «*Европа – не моя родина. Моя родина – весь мир. В Пан-Европейском блоке я не вижу ничего хорошего. Это всего лишь национализм в более широкой форме. Я же стою сегодня выше всякого национализма*» (АГ-15, 175). В создании «европейского блока дельцов и военных» Роллан увидел угрозу для СССР: « Я встану на сторону СССР против всех его врагов. <…> С первого же дня вашей революции я заявил: «Я поддержу». <…> Я ваш союзник. Никогда не надо сомневаться в Ромене Роллане. Он верен тому, во что он верит, тому, что он любит и защищает, тому, за что он борется. Он заплатил за эту верность почти полным одиночеством на Западе. Это уж не такая дорогая цена» (АГ-15, 174).

Упоминаемая ранее знаменитая статья «Прощание с прошлым», написанная в 1931 году, подвела итог пути, который Роллан проделал в предыдущие годы: «Стрелка компаса показывает на север, на ту цель, к которой идут передовые отряды Европы, героические революционеры СССР, – эта цель: социальная и нравственная перестройка человечества».

Луначарский в своем предисловии (1930) к собранию сочинений Роллана так же, как и Горький, сравнивает Роллана с Толстым, но не по творческой мощи, а по убеждениям отрицания насилия и непротивления. «Толстовство» Роллана в восприятии Луначарского и есть пресловутый «ролландизм»: «у них пулеметы, у нас – проповеди».[268] Проповеди Толстого и Роллана в момент обостренной борьбы вредны: «в этой плоскости между нами не может быть мира, в этой плоскости

[268] Луначарский А.В. Собр. соч. Т. 4. С. 440-441.

между нами и пацифистами всегда будет борьба».[269] Таким образом, Луначарский пытается доказать, что Роллан обладает «неполной истиной», так как не хочет признать, что для установления всеобщей гармонии, к которой стремится коммунистическое учение, «надо пройти «через красное море». Луначарский приводит пример В.Г. Короленко, который «весьма напоминает Ромена Роллана»: «Это был правдолюбец, человек чистейшей души и большого гражданского мужества. Это был социалист, мечтавший о гармоничном будущем человечества, и это был вместе с тем гораздо более решительный теоретически-моральный враг ленинской революции, чем Ромен Роллан <…> Я писал тогда: «Подождите, Владимир Галактионович, Вы не хотите пачкать в рабочей грязи и боевой крови ваши сияющие одежды праведника. Ну что ж – постойте в стороне, подождите, пока мы кончим нашу работу, пока на развалинах старого и на костях погибших врагов и друзей расцветет наш социалистический сад, – тогда мы пригласим вас насладиться его цветами и плодами, и тогда вы, конечно, найдете в себе силу духа не только простить тех, кто был жесток к врагу необходимо – жестокостью и кто вместе с тем жертвовал собой, но и прославите их, как лучших друзей человечества». Нечто подобное можно сказать и Ромэну Роллану» (с. 10). Эта пространная и саморазоблачительная сентенция Луначарского идет в разрез с традициями классической русской литературы, которая с юности и до последних дней жизни была нравственным идеалом Роллана, литературы милосердия и сострадания, сокрушающейся о «слезинке ребенка». Такая позиция писателя, предложенная Луначарским, не могла вызвать одобрение Роллана. Луначарский, разделяющий цель («коммунизм победивших») и путь к цели («коммунизм борющихся», который есть не что иное, как пресловутая «цель, оправдывающая средства») игнорирует закон жизни, сформулированный И.-В. Гете: «Главное в жизни – сама жизнь, а не результат ее». Роллан не признал правомерность критики А.В. Луначарского. В дневнике в конце 1929 года он записал: «С одной стороны, Баррер[270] Советов пользуется моим именем и пишет предисловие, о чем я его не

[269] Там же.
[270] Роллан упоминает французского дипломата Камилла Баррера (Camille Barrère, 1851-1940).

просил, к русскому изданию моих полных сочинений, а с другой – осмеял меня в статье в «Правде» под заглавием «Современный Дон Кихот» во имя пророка Маркса. Странно видеть, как Маркс становится Кораном этого «вертящегося дервиша».[271] Если Л. Толстого Роллан всегда называл «мой Гуру», Учителем с большой буквы, то у «вертящегося дервиша» Луначарского учиться он не собирался. Действительно, Луначарский никак не вуалирует и даже, напротив, педалирует необходимость «красного террора», неизбежность «массовых жестоких мер», «эксцессов», выдвигая печально известный лозунг «лес рубят, щепки летят» (с. 15). По пафосу статьи можно подумать, что она пишется в разгар гражданской войны, а не спустя почти десять лет после ее окончания.

Творчество Цвейга более близко сложным психологическим проблемам, которые затрагивал Достоевский, жизнь народа – не его тема. Это заставляет его пристально присмотреться к творчеству Горького, которое открывает новые горизонты народной жизни, с которой Цвейг почти не соприкасается. Цвейг преклоняется перед человечностью горьковского взора, перед его гуманистическим отношением к миру. Творчество Горького по-своему утверждает ценность и сложность каждой человеческой жизни.[272]

Среди послевоенных новелл Цвейга есть одна с многозначительной попыткой разорвать обычные в его творчестве границы салонности и светскости. Это «Фантастическая ночь», новелла, своеобразно преломляющая отзвуки произведений Горького. Здесь человек, никогда не соприкасавшийся с социальными низами, однажды в результате сложного – вернее, фрейдистски усложненного – сцепления обстоятельств на одну ночь сталкивается с людьми городского дна. В бродягах и проститутках он открывает людей: «Тут среди городских подонков, среди солдат, проституток, бродяг, я чувствовал себя хорошо на какой-то особый, совершенно непонятный мне лад; я с какой-то жадностью вдыхал едкость этой атмосферы, толкотня и давка в сгрудившейся толпе были мне

[271] Pérus J. Romain Rolland et Maxime Gorki. Paris: Éditeurs français réunis, 1968. P. 224.
[272] Груздев И. Современный Запад о Горьком, Материалы к вопросу об оценке Горького в иностранных литературах. Л.: Прибой, 1930. С. 179.

приятны, и я со сладострастным любопытством старался угадать, куда понесет меня безвольного в этот час».[273] Эта встреча заставляет героя отказаться от бытующих стереотипов и учит гуманистическому взгляду на мир: «Не вам я больше принадлежу, не к вашей среде, теперь я нахожусь где-то снаружи, на вершине или на дне, но навсегда ушел с плоского побережья вашего мещанского благополучия».[274] Осмысливая своя душевный переворот в эту «фантастическую ночь», человек понял, что люди на дне такие же люди, как и всюду, но только с особенно ясным сознанием лживости и фальши устоев буржуазности.

Цвейг – один из писателей, пытающихся соединить открытия Горького и Достоевского. Для него Достоевский «психолог из психологов», он превозносит его «сверхъестественную психологическую зоркость» и считает, что именно Достоевский открыл Европе Россию – «первый дал увидеть русскую душу как фрагмент – и драгоценный фрагмент мировой души» («Три мастера. Бальзак, Диккенс, Достоевский», 1919 г.).[275]

Иррационализм Цвейга в определенном смысле берет свои истоки в творчестве Достоевского: «Как бы ни любил Достоевский искусство, оно для него не самое главное, и как все его великие родичи в русской литературе, он видит в искусстве лишь мост для познания человеком бога. Вспомним: Гоголь после «Мертвых душ» бросает литературу и становится мистиком, таинственным вестником новой России; Толстой в шестьдесят лет проклинает искусство – собственное и чужое – и становится евангелистом добра и справедливости; Горький отказывается от славы и становится глашатаем революции»[276].

В своем предисловии к собранию сочинений Роллана Стефан Цвейг ставит задачу, заведомо отличную от общественно-политической характеристики, которую стремились дать творчеству Роллана Горький и Луначарский в своих предисловиях, зачастую впадая в вульгарный социологизм, как это свойственно партийной критике. Его цель – воссоздать духовную биографию писателя.

---

[273] Цвейг С. Амок. Новеллы. Собр. соч. Т. 2. Л.: Время, 1928. С. 146.
[274] Там же. С.144.
[275] Цвейг С. Три мастера. Собр. соч. Т. 7. Л.: Время, 1929. С. 160.
[276] Там же. С. 58.

Многолетняя дружба оказала Цвейгу неоценимую помощь: ему удалось, как никому другому, проникнуть во внутренний мир Роллана, разобраться во внутренних мотивах его поведения и творческих побуждениях. Несмотря на некоторую многословность, Цвейг блестяще воссоздал духовный путь писателя, его творческий облик. Главным достижением Роллана, по мнению Цвейга, было его стремление явить миру «более высокую и более чистую форму человечности» (с. 19), доказать собственной жизнью ее жизнеспособность. К этому в свое время стремился Лев Толстой, такое же обязательство взял на себя Роллан. По этому поводу Цвейг приводит афоризм Шопенгауэра: «Высшее, чего может достигнуть человек, это – героическая жизнь» (с. 19). Жизнь Роллана, по его словам, – «самое великое произведение его жизненного искусства, символ нового века» (с. 20) Роллан «воспитан прошлым веком», он родился в 1866 году, в маленьком французском городке Кламеси и там получил начальное образование: «Едва стали развиваться в ребенке духовные силы, как одна склонность, одна индивидуальная черта сразу наметила его будущую роль связующего, всеобъемлющего, европейского человека – склонность к музыке. Музыка научила его смотреть на различные народы с точки зрения единства чувств».

Для великого трезвучья, которое образует европейская культура, не хватает третьего голоса, – не хватает Германии. Он встречает там старую, семидесятилетнюю женщину, ее имя известно всей европейской интеллигенции – Мальвиду фон Мейзенбург, – одну из последних немок эпохи Гёте, дружившую с Ницше, Герценом, Мадзини, Вагнером. Ей поверяли свои мысли «два мировых гения, влияние которых распространилось далеко за пределы Германии, – Вагнер и Ницше». С Мальвидой фон Мейзенбург двадцатидвухлетнего Роллана соединила дружба, какую обычно можно встретить только в книгах – трогательная, нежная, полная доверия. Роллан научился «наблюдать возвышенно» каждый народ в его лучших представителях. Эта вера осталась в нем непоколебимой: каждый народ надо оценивать по его высшим проявлениям в мире, а не по случайным данным политики или минуты.

Роллан посещает Байрейт, с Мальвидой и Козимой Вагнер у могилы Вагнера, слушает «Парсифаля»: «Из этой героической атмосферы молодой студент возвращается во Францию. Он хочет возвысить и воспламенить людей искусством. Но в его жизнь врывается странное событие, которому суждено было стать решающим в его судьбе. Появляется книга Толстого, в которой Толстой говорит, что Бетховен вреден, так как распространяет чувственные соблазны, что Шекспир плохой поэт, ибо не воспитывает в народе сострадание». Толстой, кумир Роллана, запрещает ему искусство. Переживая этот внутренний разлад, Роллан решается на совершенно безнадежный поступок – безвестный студент в отчаянии пишет Толстому письмо, в котором просит у Толстого совета. Проходит время, и Роллан не ждет ответа, но однажды находит на своем столе небольшой пакет. В нем написанное по-французски письмо Толстого в тридцать восемь страниц, и начинается оно словами: «Cher frère», «дорогой брат». Это письмо стало решающим событием в жизни Роллана: нравственный урок Толстого состоял в том, что великий человек несет и великую ответственность за души людей, и из этого единственного письма утешения создались тысячи писем Роллана, «в мире распространилось что-то, приносившее тысячам людей спасение и помощь». Урок сострадания и милосердия дал Роллану «русский мир» в лице Толстого, «и притом в самой святой, самой гуманной форме» (с. 23). Создание Ролланом вместе с Жоресом Народного театра, создание десятитомного романа-эпопеи «Жан-Кристоф» – эти творческие достижения, по мнению Цвейга, воплощают «новую европейскую идею». Главным героем своего романа Роллан делает немца. Роллан, так же, как и его герои, ощущает себя «гражданином Европы». Во время войны Роллан отказался разделить коллективную ненависть, он не верил в то, что победа может осчастливить какой-либо народ Европы, ибо Европу он рассматривал как единое целое, где любая победа означает поражение. Апофеозом статьи Цвейга являются слова о том, что «Роллан был совестью Европы», «его миссия – защищать вечные идеи» (с. 29-30). Предисловие Цвейга представляет собой ретроспективу творчества Роллана. По существу, он повторяет мысли, изложенные им в «героической биографии» Роллана, написанной еще в 1921 году, где говорилось:

«Могущественные силы, разрушающие города и уничтожающие государства, остаются все же беспомощными против одного человека, если у него достаточно воли и душевной неустрашимости, чтобы остаться свободным, ибо те, кто вообразили себя победителями над миллионами, не могли подчинить себе одного – свободную совесть».[277] Мы знаем, что такова была его концепция роли личности в истории: он исповедовал исторический оптимизм, но ставку делал не на социальный прогресс, а на отдельную личность, которая могла дать примеры непосредственного воплощения идеала.

Вписать Роллана в существующую ситуацию – верного «друга СССР» 1929 года, при этом «защищающего вечные идеи» – Цвейг не торопится. Посетив в начале 1930 года Горького в Сорренто, Цвейг сообщил 18 февраля Роллану: «Горький хорошо знает, что весь мир ждет от него свидетельств: Советы ждут, чтобы он высказался за них и все одобрил, а другие ждут, чтобы он все осудил. А он молчит <...>: ведь не станешь же ругать собственное дитя, даже если оно уродилось не таким, как нам хотелось». Цвейг, которому Роллан посвятил свою драму «Игра любви и смерти», добавил, что положение Горького «абсолютно трагично <...>: ситуация такова, как во время Французской Революции, когда события каждого дня опровергали события предыдущего дня».[278]

Эти высказывания Цвейга целиком можно отнести и к положению Роллана в то время – от него также мир ждал свидетельств. Письмо Цвейга точно передавало состояние души Горького и Роллана. Роллан ощущал трагизм и своего положения, положения сторонника социализма и друга Страны Советов, которому именно по этой причине необходимо будет высказать свои мрачные суждения о перерождении диктатуры пролетариата в сталинский режим и о его пагубных последствиях. Но не вызовет ли это у друзей и сторонников СССР разочарования в пролетарской революции, в ее гуманистических идеалах, не говоря уже о реакции

---

[277] Цвейг С. Ромен Роллан. Жизнь и творчество // Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Правда (библ. «Огонек»), 1963. С. 160.

[278] Rolland R., Zweig S. Briefwechsel 1910–1940. Zweiter Band. 1924–1940. Berlin, 1987. S. 352. Цит. по ст.: Цвенгрош Г.Г. Вопросы гуманизма в трактовке А.М. Горького, Р. Роллана и А.В. Луначарского// М. Горький-художник и революция. Горьковские чтения 1990. Вып. 2. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992. С. 155.

врагов? В своем ответе Цвейгу от 20 февраля 1930 года Роллан писал, в частности, что ему нужно было бы «многое поведать миру», многое ему открыть, но в этом случае самым необходимым была бы «его смерть».[279]

В книге «Вчерашний мир. Воспоминания европейца» (1939-1941) Цвейг отмечает: «Все бледные кони Апокалипсиса пронеслись сквозь мою жизнь – революция и голод, инфляция и террор, эпидемии и эмиграция; на моих глазах росли и распространяли свое влияние такие массовые идеологии, как фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, большевизм в России и прежде всего эта смертельная чума – национализм, который загубил расцвет нашей европейской культуры».[280]

Создавая последний том романа эпопеи «Жан-Кристоф», Роллан объяснял Дж. Папини в 1911 году во Флоренции, что значит «Новая заря», то есть первоначальное заглавие заключительного тома произведения: «В настоящее время мы ждем новую зарю, и ее свет уже появляется в России, несмотря на то, что ему угрожают туманы страдания. Ее зовут милосердием, отчаянной любовью к людям». Луначарский назвал «туманом» гуманистические представления самого Роллана, гуманизм которого был «мягким, дряблым» – с ним «приходится бороться». Роллан, считал Луначарский, совершает «огромную ошибку», когда «предвосхищает мораль будущего и хочет сделать ее моралью настоящего».[281] Парадоксальным образом Луначарский называет «моралью будущего» то, что Горький в своем предисловии назвал принадлежностью «прошлого». Таким образом, освобождая для Роллана место в будущем, Луначарский оказался более лоялен к нему, чем Горький.

Переломным моментом в отношении Горького и Роллана к революции становится смерть В.И. Ленина. Тон писем обоих корреспондентов меняется: Роллан высоко оценивает масштаб личности Ленина и его деятельности, Горький

---

[279] Ibid. S. 355.

[280] Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца / Пер. Г. Каган. М.: Издат. КоЛибри, 2015. URL: https://www.litmir.me/br/?b=256191&p=1 (дата обращения 7 февраля 2016 г.).

[281] Луначарский А.В. Ромен Роллан как общественный деятель (предисловие) // Роллан Р. Собр. соч. Л.: Время, 1930. Т. I. С. 6-17.

вспоминает о своей бурной и сложной дружбе с ним. Незадолго до смерти Ленина Горький писал Роллану, как бы подводя итог своим отношениям с Лениным: «В начале 18-го года я понял, что никакая иная власть в России невозможна и что Ленин – единственный человек, способный остановить процесс развития стихийной анархии в массах крестьян и солдат. Однако это не значило, что я вполне солидаризировался с Лениным, в течение четырех лет я спорил с ним, указывая, что его борьба против русского анархизма принимает, приняла характер борьбы против культуры. Указывал, что, истребляя русскую интеллигенцию, он лишает русский народ мозга. И несмотря на то, что я люблю этого человека, а он меня, кажется, тоже любил, моментами наши столкновения будили взаимную ненависть» (АГ-15, 88). Смерть Ленина заставила Горького пересмотреть некоторые акценты, усилив положительную оценку его личности и его деятельности в истории России.[282] Позднее Роллан писал по этому поводу Горькому: «Не возрождают ли всех нас наши великие мертвецы? Осмеливаюсь даже сказать, что Вы тому пример, я чувствовал это по Вашим письмам после смерти Ленина» (АГ-15, 276).

Позднее, 15 января 1934 года, в журнале «Эроп» Роллан напишет статью «Ленин: искусство и действие» («Lénine: l'art et l'action») в качестве предисловия к публикации работы В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции».[283]

Процесс против биологов в Москве, куда оказался втянут давний друг Роллана биолог Оскар Гартох[284], побудил Роллана написать 22 октября 1930 года письмо Горькому. «Я встревожен. Увы! я мысленно перехожу к тем дням 1793 года, когда Революция в своей горячке крошила налево и направо как своих врагов, так и своих самых верных служителей, – взволнованно сообщал он, – Меня бросает в

[282] Ср.: Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М.: Наследие, 1994. С. 118-124.

[283] В том же 1934 году «Эроп» опубликует письма Ленина из Сибири, а в следующем году переписку Ленина с семьей, подготовленную А. Барбюсом и А. Кореллой.

[284] Оскар Оскарович Гартох (1881-1942) – советский микробиолог, один из основоположников отечественной иммунологии. Руководил отделом микробиологии Ленинградского государственного института экспериментальной медицины. Роллан в Швейцарии дружил с его сестрой педагогом Эльзой Гартох, имевшей швейцарское гражданство. Эльза неоднократно приезжала в СССР к брату, Роллан помогал ей получить визу. Когда Гартох был арестован (дважды), Роллан ходатайствовал о его освобождении. В первый арест – успешно, Гартох был отпущен на свободу и вернулся к занятиям наукой.

дрожь при мысли, что могут быть совершены зловещие ошибки. Но в этом я доверяюсь только вам. Ибо, как и вы, я люблю Революцию, и хочу, как и вы, победы СССР» (АГ-15, 170).

Горький наблюдает за изменениями, происходящими на его родине, сообщает Роллану литературные новости СССР, активно сотрудничает в советской прессе. Одно из характерных выступлений того времени – статья «Гуманистам» (декабрь 1930), в которой он пишет: «...Странно, что... люди грамотные... находят возможным и удобным верить пошленькой сказке о том, что в Союзе Советов единоличная диктатура, тогда как очевидно, что диктаторствует там концентрированная энергия многомиллионной массы рабочих и крестьян, – энергия, организованная гением Владимира Ленина и силою разума его учеников, его друзей».[285] Но Роллан читает теперь его статьи и письма между строк, он понимает больше, чем говорят слова Горького: «Я люблю Горького, вы знаете, что мы друзья. Но должен сказать, что его обращение «Гуманистам» нельзя считать ни хорошим, ни справедливым, ни верным, ни действенным» (АГ-15, 456). А в дневнике Роллана есть и такая запись: «Я попросил Горького вмешаться в это дело (итальянского анархиста Ф. Гецци – прим. М.А.). Он прислал в ответ несколько уклончивых строк о том, что «речь идет об анархисте и с этим ничего поделать нельзя», а затем пустился в рассуждения, выдержанные в духе блаженно хвалебного оптимизма, о том, что происходит в Москве. Неприятно пораженный этим тоном, который так совпадает с тем, что рассказывал мне Истрати о превращении желчного Горького (по-франц. Gorki Amer) в сладостно официального панегириста, – я написал ему снова…» (АГ-15, 425). Интересно в этом контексте упоминание имени «румынского Горького» Панаита Истрати, к этому времени далеко разошедшегося с большевиками во взглядах на свободу творчества и основы социализма.

Эти же упреки мы находим в уже цитировавшемся частном письме Роллана[286], написанном 25 сентября 1928 года толстовцу М.С. Дудченко:

---

[285] Цит. по URLy: https://dom-knig.com/read_367692-1 (дата обращения 6 февраля 2017 г.)

[286] Письмо передано в Архив А.М. Горького из Архива КГБ (Арх. Г. ПТЛ-ин 1-215-1 (рукописная

«Дорогой Дудченко,

Я получил письмо Цвейга и благодарю Вас за него. Вас удивляет мнение, которое я составил себе на основании того, что Вы мне написали. Но я еще более удивлен, что Вы мне это пишете. Я лишь в точности перевел и распространил выраженные Вами мысли. Вслед затем, Вы прислали мне небольшую поправку к Вашему первому письму, – но месяц спустя! Было поздно. Первое письмо успело уже распространиться. Следует точно взвешивать то, что пишешь. Ваше первое письмо, полное негодования по поводу австрийского инцидента создало сравнение очень в пользу другой стороны. Теперь же Вы пишете, что другая сторона не лучше. Или даже хуже. Как Вы хотите, чтоб мы на расстоянии разгадывали Ваши мысли? Несомненно, что Горький тоже введен в заблуждение. Но если это случилось с человеком, в совершенстве знающим народ своей страны, то как же разобраться во всем нам, – нам, принадлежащим к совершенно иному миру? Мы можем руководствоваться лишь бесчисленными рассказами, которые все касаются лишь мелких подробностей и противоречат Вам. И даже наиболее искренние из числа отправившихся для осведомления на местах, располагают слишком ограниченным временем, безусловно, недостаточными знакомствами в России и, в конце концов, оказываются предоставленными горсти людей, которые ознакомляют их с незначительными кругами, бесконечно малыми по сравнению с необъятностью СССР. Что нам делать? *Следовало бы, по крайней мере, чтоб Горькие и Дудченки твердо установились в том, что они думают и желают, чтоб мы думали. Я долго переписывался с Горьким. Сколько раз видел я его меняющим свои мнения!* (Здесь и далее курсив мой – М.А.) Всегда искренний, всегда цельный в том или ином направлении… В силу этого наша задача чрезвычайно трудна. Мы хотим быть правдивыми, мы хотим быть справедливыми. И как только мы пытаемся быть таковыми, нам доказывают, что мы заблуждаемся и несправедливы. *Несчастье России в том, что за эти времена она не породила громкого голоса, вполне свободного и беспристрастного, который возвестил бы миру одновременно за и против и, взвесив на весах, подвел бы итог.* Слепые страсти той и другой стороны

копия на русск. яз.).

заставляют лучших из нас отступиться от спора, в сознании своей неспособности рассудить.

Во всяком случае, есть нечто, в чем я уверен: если бы СССР занимался немного больше Россией и немного меньше остальным миром, то чувствовал бы себя гораздо лучше. Сколько золота (и крови), потерянного в Китае, в Индии и т.д. не говоря о Европе! Наша старая французская пословица гласит: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь!»

Сердечно Ваш

Ромен Роллан

Здоровье мое слишком плохо, чтоб я мог теперь позволить себе поездку в Россию. Я должен довольствоваться путешествиями мысленными. Прошу Вас передать мою благодарность «учительнице» и сказать ей, что я очень тронут ее строками и братски целую ее. Французский язык ее превосходен».

Тем не менее, совершенно справедливо замечает исследователь Г.Г. Цвенгрош: «А.М. Горький и Р. Роллан в сложных условиях сумели в одиночку и вместе принять много нестандартных для того времени воистину ценных решений по существенным вопросам гуманизма, противостоять при этом в духе нетерпимости, догматизму, политиканству и конъюнктурщине, проявить образцы гражданского мужества во имя гармонически и всесторонне развитой личности и высоких нравственных идеалов».[287]

2.8. Горький и Сталин глазами сталинского эмиссара Ивана Гронского: «Сталина Горький так и не смог раскусить»

Личные отношения Сталина и Горького не раз становились предметом пристального внимания и, тем не менее, еще ждут своего исследователя. Сталин и Горький были участниками Лондонского V съезда РСДРП. О Сталине Горькому писал Ленин в 1913 году. В октябре 1917 года Сталин в статье «Окружили мя

[287] Цвенгрош Г.Г. Вопросы гуманизма в трактовке А.М. Горького, Р. Роллана и А.В. Луначарского // М. Горький-художник и революция. Горьковские чтения-1990. Нижний ыНовгород, 1992. С. 155.

тельцы мнози, тучны» осудил выступление Горького в газете «Новая жизнь» о готовящемся большевистском перевороте. Их личное знакомство состоялось в 1928 году в день приезда Горького в СССР после семилетнего отсутствия. В последующие годы они неоднократно встречались и переписывались. Однако, несмотря на присланные биографические материалы о Сталине и заказ американского издателя Р. Лонга, Горький не написал очерка о Сталине, хотя неоднократно отмечал в своей публицистике «железную волю» вождя. Личные встречи происходили во время общественных мероприятий, а также в доме и на даче Горького, особенно в период подготовки Первого съезда писателей и приезда Р. Роллана. Последняя встреча в Горках состоялась за день до кончины Горького, когда Сталин навещал писателя во время болезни. Переписка Горького и Сталина опубликована в журнале «Новый мир» (1997. № 9 и 1998. № 9), а также в книге: М. Горький. Неизданная переписка. М.: Наследие, 1998 (в т.ч. набросок начала очерка о Сталине).

Литературный эмиссар Сталина Иван Михайлович Гронский много лет спустя в беседе с сотрудниками Архива А.М. Горького рассказал о том, как Сталин относился к Горькому, приводя подлинные высказывания вождя.[288] Гронский дал исчерпывающие характеристики своим современникам – деятелям литературно-художественного процесса начале 1930-х годов, раскрывая механизмы влияния и руководства партии литературой и искусством, настаивая на решающей роли И.В. Сталина, придававшего большое значение работе с сознанием «инженеров человеческих душ», призванных заниматься пропагандой идеалов советской эпохи, определять общественные и нравственные ориентиры для советского народа.

Стенограмма беседы, представляющей собой уникальный документ ушедшей эпохи, содержит рассказ одного из главных участников подготовки Первого съезда советских писателей о том, как задумывался этот съезд, как готовился, как появился на свет термин «социалистический реализм»,

[288] Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм» и подготовке Первого съезда советских писателей (стенограмма беседы с И.М. Гронским из Архива А.М. Горького) // Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. Вып. 1. / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 67-114.

сфокусировавший политику советского руководства в сфере литературы и искусства на долгие годы существования советского государства. И главное – как складывались отношения Горького со Сталиным в это время.

И.М. Гронский (наст. фам. Федулов, 1894-1985) – из поколения «тридцатилетних» партийных управленцев (как Стецкий, Жданов, Щербаков и др.) – публицист, литературный и художественный критик с поправкой на весьма специфическое экономическое образование в Институте красной профессуры. Родом из деревни Долматово Ярославской губернии, он рано лишился отца, революционно настроенного рабочего, погибшего в тюрьме. В наследство от отца ему достался псевдоним Гронский, под которым тот вел нелегальную работу. В революцию Гронский пришел типичным для выходца из народа путем: уехал подростком на заработки в Петербург, работал у хозяйки “на побегушках”, поваренком в ресторане, землекопом, грузчиком, слесарем на крупнейших питерских заводах Лесснера и Зиверта, на заводе “Вулкан”. События Первой мировой и гражданской войн, Февральской и Октябрьской революций, активным участником которых он был, привели его в партию РСДРП (б) (1918), а сразу после окончания Института красной профессуры в Москве он был направлен на работу в правительственную газету «Известия». Своей стремительной карьерой Гронский был обязан собственной тяге к самообразованию и прекрасным организаторским способностям (а также родством с В. Куйбышевым по линии жены), однако довольно скоро он «сгорел» на этой работе, как это видно из его дальнейшей судьбы. Став заместителем ответственного редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова в 1925 году, он после смерти Скворцова с 1928 по 1934 год дважды возглавлял газету. Однако в 1934 году по инициативе А.М. Горького этот пост Гронский уступил Н.И. Бухарину, чего Гронский Горькому не простил. Одновременно с 1928 года он возглавлял журналы «Новый мир» (где печатал произведения Бориса Пастернака, Исаака Бабеля, Юрия Олеши, Осипа Мандельштама, Бориса Пильняка) и «Красная нива» (1931-1937).

В 1930-е годы Гронский стал ближайшим доверенным лицом Сталина в области управления культурой и искусством и поначалу возглавил Оргкомитет

Союза Советских писателей (до середины 1933 года, затем на этом посту его сменил Горький). Из опубликованной стенограммы видно, как происходила подготовка к съезду, как разрабатывался генеральный метод, выражающий политическую линию партии, как шли поиски термина «социалистический реализм» (май 1932) и какой вклад внес каждый из действующих лиц в организацию Первого съезда писателей. Гронский был на «ты» с вождем и имел у себя дома прямой телефон в кремлевскую квартиру Сталина: «О многом вождю докладывал Гронский, которому Сталин любил звонить поздней ночью... В 1937 году он его славно отблагодарил. Гронский провел в ГУЛАГе шестнадцать лет. И вышел оттуда убежденным сталинистом. Вернее, остался им».[289] Однако это утверждение верно лишь отчасти. Действительно, Гронский был арестован в 1938 году и провел в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа более шестнадцати лет. Из его мемуаров, увидевших свет только во время перестройки видно, что Гронский пересмотрел свое отношение к Сталину и дает ему очень яркую и нелицеприятную характеристику, называя его Палачом.[290] После XX съезда КПСС Гронский, вразрез с мнением Союза писателей СССР (Фадеева и Симонова), хлопотал о реабилитации репрессированных в сталинские годы писателей. В числе «возвращённых» им имен – имя расстрелянного в 1937 году поэта и родственника по линии жены Павла Васильева (Гронский и Васильев были женаты на сестрах). Как бывший заключенный, Гронский был отстранен от журналистско-публицистической деятельности и работал в Институте мировой литературы Академии наук СССР младшим научным сотрудником. К этому периоду относится и публикуемая ниже стенограмма. В 1974 году Гронского наградили Орденом Октябрьской революции – «за активную общественно-политическую и научную деятельность».

В состав Оргкомитета по созданию Союза советских писателей (другое название специально созданной «Комиссии Политбюро по литературным вопросам»), образованного 23 апреля 1932 года по инициативе Сталина, вошли

---

[289] Громов Е. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. С. 95, 151. См. также: Торчинов В.А., Леонтюк А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000.

[290] Гронский И.М. Из прошлого. М.: Известия, 1991.

Иосиф Сталин, Лазарь Каганович, Павел Постышев, Алексей Стецкий, Иван Гронский (рабочий председатель). Почетным председателем стал Горький. Ответственным секретарем был назначен В.Я. Кирпотин.[291] Сталин считал, что настало время объединить разрозненные писательские силы в единую организацию под контролем партии и правительства. Подобные Союзы предполагалось создать и в других областях искусства. Работа по подготовке съезда велась поначалу под руководством И.М. Гронского, который выполнял прямые указания сталинского Политбюро. По линии Оргкомитета Гронский имел указание Сталина убедить Горького вернуться на родину и возглавить Союз советских писателей. В этом же направлении вел переписку с Горьким директор Госиздата А.Б. Халатов. 23 апреля было принято постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», а 25 апреля Горький приезжает в Москву. Однако в первое время в работе Оргкомитета Горький активного участия не принимал. Именно поэтому, как указывает Гронский, совещания на квартире у Горького (Гронский пишет, что их было четыре) стали своеобразной формой его участия в работе Оргкомитета. Ни на первом, ни на втором «предсъездовских» пленумах Оргкомитета Горький не был: «Надо отметить, что ни на первом, ни на втором пленумах[292] Оргкомитета Горький не присутствовал, мотивируя свой отказ нездоровьем и настоянием врачей в отъезде».[293]

---

[291] Валерий Яковлевич Кирпотин (1898-1997) в 1932–1936 гг. – зав. сектором художественной литературы ЦК ВКП(б) и секретарь Оргкомитета Союза писателей СССР. После войны работал в ИМЛИ, в 1949 г., в период «борьбы с космополитизмом» Кирпотина уволили из ИМЛИ и исключили из партии. Но ещё будучи заместителем директора ИМЛИ, 6 декабря 1946 года, Кирпотин успел выступить на расширенном заседании президиума Союза писателей и заклеймить вместе со всеми книгу М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» как произведение «антихудожественное, чуждое интересам народа». В период хрущёвской оттепели заведовал кафедрой истории русской литературы Литинститута Союза писателей СССР; занимался преимущественно творчеством Достоевского. Работал до горбачевской перестройки. В разговоре сказал своему преемнику по кафедре в Литинституте К. Кедрову о соцреализме: «Разгромом» началось – разгромом и кончилось».

[292]Первый пленум Оргкомитета Союза советских писателей проходил с 29 октября по 3 ноября 1932 г. На нем присутствовали более 500 писателей из всех республик. Подробнее см.: Советская литература на новом этапе. Стенограмма первого пленума Оргкомитета Союза Советских писателей. М., 1933. Второй пленум Оргкомитета проходил с 12 по 19 февраля 1933 г. Стенограмма этого пленума не опубликована.

[293] Гронский И.М. Из прошлого. М.: Известия, 1991. С. 140.

На первом заседании Оргкомитета 19 мая 1932 года был избран Президиум – «руководящее ядро» в лице Гронского, Кирпотина, Фадеева, Панферова, Малышкина, Леонова, Тихонова. Отсутствие Горького на заседании вызвало разочарование участников. Так В.Я. Кирпотин пишет 20 мая в письме к жене: «Вчера было первое заседание Оргкомитета. Прошло оно на сереньком уровне. Горький не приехал».[294] Пришлось самим членам Оргкомитета ехать к Горькому: «Стецкий, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), повез меня и Гронского в Горки – знакомить рабочих секретарей с почетным председателем (В этом сообщении две неточности: Гронский не рабочий секретарь, а «рабочий» председатель, и с Горьким он был уже знаком – прим. М.А.)».[295] О визите на дачу к Горькому Гронский не упоминает, однако Кирпотин в своих воспоминаниях пишет о нем довольно подробно: «Кабинет писателя был на втором этаже, Мы застали Горького за чтением какой-то книги…Горький без улыбки, сурово, поздоровался с нами… После недлительного разговора о делах Оргкомитета хозяин повел нас вниз, в столовую. Сам он сел во главе стола, по правую руку от себя усадил Стецкого, по левую – Гронского. Мое место оказалось рядом с Ягодой».[296] Визит к Горькому на дачу и ужин с Ягодой не продвинули работу Оргкомитета: «Бездействие становилось угрожающим. Каганович, имитируя активность, стараясь хотя бы формально заполнить паузу, собрал на квартире у Горького Оргкомитет. Совещание не имело никакой определенной цели и программы и не дало никакого результата. Горький сидел скучный. На заседания Оргкомитета он не приходил, поэтому Оргкомитет в полном составе пришел к нему домой».[297] Здесь В.Я. Кирпотин делает важное добавление: «Это была, видимо, общая партийная идея: во что бы то ни стало привязать пролетарского писателя к работе по созданию Союза советских писателей не только почетным председательством, но и конкретным рабочим участием».[298]

---

[294] Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. С. 164.
[295] Там же. С. 167.
[296] Там же. С. 167-168.
[297] Там же. С. 175.
[298] Там же.

Приезд Горького был использован вождем для организации встреч с писателями и художниками на квартире у Горького на Малой Никитской улице в неформальной обстановке, позволившей вождю напрямую, без посредников, за бокалом вина выяснить настроения советской творческой интеллигенции и заявить о видах советского руководства на их работу и создание единого творческого союза. Эти встречи 1932 года имели определяющее значение в выработке политических и экономических программ и методов партийного руководства литературой и искусством. К анализу материалов этих встреч уже подступали исследователи (Л.В. Максименков, Б. Я. Фрезинский и др.), но должного внимания они еще не привлекли. За скобками оставались воспоминания главных участников, в частности, Гронского, которые хранились в Архиве А.М. Горького и были опубликованы автором диссертации.[299]

Гронский описывает первое совещание как первую встречу партийного руководства с писателями на квартире Горького: «Насколько я помню, первое совещание у Горького было во второй половине мая, на нем присутствовали от ЦК Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Стецкий. Писателей было немного, по-моему, только коммунисты: Гладков, Павленко, Фадеев, Панферов и кто-то еще».[300]

Эта встреча пока не попала в поле зрения исследователей. О ней не упоминает Л.В. Максименков, утверждая, что встреч было две – 20 и 26 октября 1932 года (опираясь на воспоминания участников К. Зелинского[301] и Ф.

---

[299] Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм» и подготовке Первого съезда советских писателей (стенограмма беседы с И.М. Гронским из Архива А.М. Горького) // Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. Вып. 1. / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 67-114.

[300] Там же. С. 81.

[301] К.Л. Зелинский (1896-1970) был одним из участников встреч советских писателей с членами правительства на квартире Горького по вопросам создания творческого союза советских писателей, о которых рассказывает Гронский. Зелинский оставил воспоминания об этом – соединив все встречи в одну, состоявшуюся 26 октября 1932 г. См.: Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 144–170; Зелинский К. Вечер у Горького (26 октября 1932 г.) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 10. С. 88–120). В период 1948–1969 гг. (с перерывами) К.Л. Зелинский работал старшим научным сотрудником ИМЛИ РАН. Участвовал в травле Б. Пастернака, выступив резко критически на известном заседании в Союзе писателей 31 октября 1958 г.

Березовского). Л.В. Максименков приводит письмо Ф. Березовского, автора записи[302] выступления Сталина 20 октября 1932 года на собрании писателей-коммунистов совместно с членами Политбюро на квартире Горького, в котором Березовский пишет:

«Москва 29. IV. 33 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Обращаюсь к Вам с запоздалой просьбой. Я записал Вашу речь, произнесенную на собрании писателей-коммунистов совместно с членами Политбюро 20.X.32 г. …Перечитав свой дневник, я еще раз убедился, что Ваша речь для нас, писателей, имеет огромное принципиально теоретическое и практическое значение. Поэтому убедительно прошу не отказать в подтверждении… Расшифровку записи я сделал в течение первых двух дней после собрания у Горького – по свежей памяти. Первоначальная запись велась мною почти стенографически. Поэтому думаю, что больших «грехов» в записи не должно быть. Очень сожалею, что не записал вторую Вашу речь на втором собрании у Горького (совместно с беспартийными писателями), когда вы более подробно говорили о революционном социалистическом реализме. Отсутствие точных записей Ваших четких определений этого метода весьма затрудняет разработку вопроса».[303]

В выступлении 20 октября Сталин разъясняет суть исторического постановления от 23 апреля и говорит не только о методе советской литературы, но и о том, что нужны пьесы как наиболее короткий путь к читателю и зрителю. Об этом выступлении Сталина Гронский не упоминает (хотя этой теме будет целиком посвящен Второй пленум Оргкомитета Союза советских писателей под его председательством).

Исследователь Б. Я. Фрезинский также не упоминает о ней. Основываясь на письме П. Павленко М. Слонимскому и воспоминаниях К. Зелинского, Фрезинский

---

[302] См.: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов 1917-1956. М.: МФД: Материк, 2005. С. 261-266.

[303] Цит. по: Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и др.// Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 212-258.

пишет о том, что встреч было две: в августе и 26 октября 1932. Так Павленко, кандидат в члены Оргкомитета, 15 августа 1932 года пишет Слонимскому в Ленинград: «Если Оргкомитет станет вызывать – плюнь и сиди дома. (Впрочем, последний Оргкомитет был у Горького, в присутствии Лазаря Моис<еевича>. Было интересно».[304] Гронский же, говоря об этой встрече (третьей, по его воспоминаниям в стенограмме), Кагановича не упоминает. Более того, он акцентирует внимание на том, что Каганович (второе лицо в государстве в это время) был только на первой встрече (в мае 1932 года). Таким образом, исследователям предстоит еще немало поработать для восстановления подлинной истории подготовки Первого съезда, работы Оргкомитета и участия в ней Горького, историю четырех встреч с вождем на его квартире, из которых одна (в конце июня-июле) никем из авторов мемуаров, кроме Гронского, не упоминается. При этом Гронский ничего не пишет о встрече 20 октября 1932 года, так что возможно, встреч-совещаний со Сталиным на квартире Горького было пять.

В «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» упоминается только апрельская встреча писателей на квартире Горького весной 1932 года. О майской, июньской и августовской встречах в «Летописи…» сведений нет. Из октябрьских встреч упоминается только одна – 26 октября.

П.С. Рейфман в своей книге «Из истории русской, советской и постсоветской цензуры» упоминает только одну встречу: «26 октября 32 года на квартире Горького происходит встреча писателей со Сталиным. Во время нее Сталин высказался о писателях как «инженерах человеческих душ». Встреча на следующий день подробно описана в дневнике присутствовавшего на ней Корнелия Зелинского (опубликована в журнале «Вопросы литературы», 91 г., № 5). О встрече идет речь и в произведении Л. Леонова «Пирамида», в главе «Обед у Горького». «Пирамида» напечатана в журнале «Наш современник» (1994, в трех книжках приложения к журналу). Любопытно, что произведение Леонова вызвало в 73 г. (8 июля; секретно) записку председателя КГБ Андропова в ЦК КПСС о рукописи автобиографического характера «видного писателя Л. Леонова»,

[304] Цит. по кн.: Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. М.: Эллис Лак, 2008. С. 232.

охватывающей «события периода коллективизации, голода 1933 года и репрессий 1937 года, которая якобы не предназначена к опубликованию». Одна из глав описывает встречу Горького со Сталиным и Ворошиловым, на которой присутствовал и Леонов; «Характеризуя участников встречи в основном положительно, – пишет Андропов, – Леонов отмечает вместе с тем проявлявшиеся у И.В. Сталина элементы подозрительности, а К.Е. Ворошилова изображает несколько ограниченным человеком».[305]

Таким образом, большинство исследователей принимает во внимание только одну, последнюю встречу Сталина и партийных руководителей с писателями на квартире у Горького (26 октября). Из материала этих встреч мы видим, что не Горький, а сам Сталин взял на себя в тот момент руководство всей советской литературой. А Горький – для того, чтобы он принялся, наконец, за работу в Оргкомитете и возглавил Союз писателей – был отмечен в связи с 40-летием творческой деятельности в сентябре 1932 года всеми мыслимыми и немыслимыми наградами, отличиями и почестями.

Вызывает большой интерес рассказ Гронского об исторической встрече 26 октября 1932 года. Однако вновь приходится констатировать несовпадение в важных деталях разных источников. Так в «Летописи…» сказано, что во время этой беседы прозвучала знаменитая фраза Сталина о том, что писатели – «инженеры человеческих душ».[306] Это подтверждает и Кирпотин в своих воспоминаниях. Однако Гронский относит эту фразу к другой встрече: «Второе совещание происходило в конце июня-начале июля. Там присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов. Писателей было больше, чем на первом совещании. На этом совещании Сталин выступил два раза и впервые употребил выражение, вошедшее потом в обиход: «Писатели – инженеры человеческих душ». Это было на втором совещании на квартире у Горького».[307]

---

[305] Цит. по интернет-источнику: http://reifman.ru/sovet-postsovet-tsenzura/biblio-sovet-tsenzure/ (дата обращения 13 мая 2014 г.).

[306] Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Т.4. М.: Изд. Академии наук СССР, 1960. С. 249; Сталин И.В. Соч. Т. 1–18. М.: Тверь, 1946–2006. Т.13. С. 410. Биографическая хроника.

[307] Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм» и подготовке Первого съезда советских писателей (стенограмма беседы с И.М. Гронским из Архива А.М.

Таким образом, Гронский утверждает, что совещаний на квартире у Горького было четыре, не упоминая встречу 20 октября с писателями-коммунистами (о которой есть расшифрованная стенограмма Ф. Березовского, сохранившаяся в личном архиве Сталина): «Теперь о совещаниях на квартире у Горького. Их было четыре. Даты двух совещаний мы можем установить точно, даты двух других совещаний мне пока точно установить не удалось... Первое совещание у Горького было во второй половине мая… Второе совещание происходило в конце июня-начале июля. Там присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов. Писателей было больше, чем на первом совещании. На этом совещании Сталин выступил два раза и впервые употребил выражение, вошедшее потом в обиход: «Писатели – инженеры человеческих душ». Это было на втором совещании на квартире у Горького… Третье совещание состоялось 12 августа, присутствовали те же люди. Это было очень многолюдное совещание; от одного совещания к другому нарастало количество участников совещания: если на первом совещании писателей было человек 7-8, на втором – человек 10, то на третьем – человек 25 писателей, а на четвертом – человек 30, а может быть, даже и больше… Он <Сталин> начал свое выступление словами: «Читали ли вы напечатанную в "Известиях" статью Рожкова "Нужна ли нам романтика?"… На этом совещании у Горького был и другой вопрос – там встал вопрос о быте писателей… Наконец, четвертое совещание. Оно представляет довольно большой интерес тем, что на этом совещании 26 октября пришлось резко столкнуться с Горьким, оно – это совещание – продемонстрировало вспышку групповщины».[308]

Третье совещание 12 августа представляет особый интерес, если опираться на воспоминания Гронского. На этом совещании решался вопрос о составляющих метода социалистического реализма. Неслучайно Сталин начал его с вопроса: «Читали ли вы напечатанную в "Известиях" статью Рожкова "Нужна ли нам

Горького) // Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. Вып. 1. / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 82.

[308] Там же. С. 82, 84.

романтика?»[309] Гронский уточняет: «Статья Рожкова напечатана 12 августа, следовательно, совещание состоялось 12 августа. Статья Рожкова в «Известиях» существует, она направлена против рапповских критиков, в частности, против Фадеева, ставится вопрос: признавать или не признавать романтику.

Сталин так сформулировал: да, нам романтика нужна, надо дополнить метод социалистического реализма другим методом, вспомогательным, который войдет в метод социалистического реализма, это метод революционного или красного романтизма. Почему нужен нам романтизм? Без взгляда в будущее, без перспективы работать нельзя».[310] Сталин ссылался на Ленина, на то, что Ленин говорил о деятельной мечте у Писарева.

Это выступление Сталина должно было положить конец спорам и разговорам о романтизме, «приемлем романтизм или нет»: «После этого выступления Сталина споры о романтизме фактически прекратились. Писатели единодушно выступали за принятие романтизма. Некоторые говорили, что это второй метод советской литературы, существующий наряду с социалистическим реализмом, другие включали революционный романтизм в метод социалистического реализма, третьи считали, что это вспомогательный метод и т.д.

После этого совещания у Горького я несколько раз беседовал на эту тему со Сталиным, не только с ним одним – в этих разговорах принимали участие Молотов, Стецкий, Постышев – и установилось такое мнение, что революционный романтизм, социалистический романтизм входит в метод социалистического реализма, точнее говоря, социалистический реализм включает революционный романтизм, который как бы расширяет границы метода социалистического реализма».[311]

Гронский подробно рассказывает о своем разговоре со Сталиным, в ходе которого родился термин «социалистический реализм», как Сталин отдал ему

---

[309] Статья П. Рожкова «Нужна ли нам романтика?» опубликована 12 августа 1932 года в «Известиях». В ней говорится о наличии двух тенденций в романтизме – реакционной и революционной. Советский народ, по мнению автора, нуждался в революционном романтизме.
[310] Там же. С. 82-83.
[311] Там же. С. 83.

предпочтение перед терминами «пролетарский реализм» и «коммунистический реализм». Ход рассуждений Сталина воспроизведен Гронским в стенограмме. 23 мая 1932 года Гронский в «Литературной газете» в своей статье «На собрании актива литкружков Москвы» впервые в печати употребил термин «социалистический реализм»: «Основное требование, которое мы предъявляем к писателям, – пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма».

Воспоминания И.М. Гронского представляют большой историко-культурный и литературный интерес. Кроме писателей, Гронский занимался и художниками, как это следует из второй части стенограммы. На квартире Гронского часто собирались художники и писатели. Собирались у него и руководители партии. Журналист Дмитрий Мамлеев, в прошлом ответственный секретарь и заместитель главного редактора «Известий», в своих воспоминаниях о Гронском приводит несколько характерных эпизодов, рассказанных Гронским уже в 1960-е годы. И.М. Гронский оказался свидетелем такой сцены. Сталин был в хорошем настроении и часто поднимал бокал. К нему подошел Бухарин и сказал: «Коба, тебе больше нельзя». И тут Гронский заметил, как сверкнул глаз вождя: «Николай, запомни: мне все можно...».[312]

Жена Гронского Лидия, художница, рассказывает эпизод, нашедший отражение и в публикуемой стенограмме: «Самые большие вечера, на которых собиралось по 30-40 приглашенных, проходили в 1932-1936 годах. ЦК обязал Гронского сплотить творческую интеллигенцию – поддержать художников, писателей, поэтов. У Ивана и Горького шел разговор о возвращении Бунина в Россию. Горький был за возвращение, Иван – резко против. Спор перешел почти в ссору. Присутствовать было очень неприятно. Когда возвращались в Москву, я сказала Ивану, что напрасно он спорит с Горьким, тем более, что у него уже все согласовано со Сталиным. Иван был очень усталый и, не объясняя мне почему,

[312] Мамлеев Д. Сталин – Гронскому: «Не лезь не в свое дело!» // Известия. 2006. 13 июля. URL: https://iz.ru/news/315401

ответил: «Так надо». А через несколько дней у Горького собрались Сталин, Ворошилов, Молотов и Гронский. Горький стал жаловаться, конечно, шутя, на Ивана, что опять поссорились. Причина была в том, что в литературе было бы два центра, и неизвестно куда бы потянулись писатели – к Алексею Максимовичу или к Бунину. Это Иван сказал Сталину, конечно, не за столом. «Мы с вами проводим один день в неделю у Алексея Максимовича, а тогда придется отдавать не один день, а несколько... Как-то Иван говорил, что возглавлять литературу, так же, как и другие виды искусства, должен не литератор или живописец, а партийный работник, организатор, что, мол, не надо отрывать от дела специалиста, он там, в своем творчестве нужнее».[313]

Вопрос о быте писателей на третьем совещании 12 августа (по Гронскому), был поднят Сталиным: «Когда кончилось заседание, накрыли стол, беседа шла непринужденно, появилось вино и все, что бывает в таких случаях. Сталин подходил то к одному писателю, то к другому. Он подошел к Леонову и спрашивает, как живете, как работаете, не нуждаетесь ли в чем-либо? Леонов ответил, что все как будто хорошо обстоит – и работать легко, и отношение к писателям нормальное, никто не дергает, не теребит, по голове не бьет, не командует, но плохо то, что писатели живут плохо в отношении жилищных условий. Сталин обращается ко мне: не можем ли мы дать писателям приличные квартиры и дачи?... Надо построить дома и дачи, хорошо бы целый поселок… Вы сами займитесь этим делом. Этим делом должен заняться Оргкомитет – построить писателям дома и дачи».[314] В результате этого разговора Оргкомитету были даны самые широкие полномочия для осуществления программы по улучшению быта писателей. Было отпущено 400 академических пайков (в стенограмме Гронский называет цифру 600), даны квартиры писателям, остро нуждающимся в жилье (даже О. Мандельштам, который практически уже не печатался с 1933 года, въехал в «тихую» московскую квартиру: «Квартира тиха, как бумага…»), построен дом в

[313] Гронская Л.А. Наброски по памяти: Воспоминания / Сост. С.И. Гронская. М.: Флинта, 2004. С. 66-67.
[314] Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм»… С. 83-84.

Лаврушинском переулке, дачный поселок в Переделкино, открыты дома отдыха в Крыму и в других местах, клуб в Москве.[315] Горький был против создания «городка для писателей», строительство которого Сталин поручил Гронскому, что нашло свое отражение в переписке Горького с Гронским, хранящейся в Архиве А.М. Горького. По инициативе Горького в 1934 году был открыт культурно-просветительский Дом советского писателя, дважды менявший название (с 1938 – Клуб писателей, с 1948 года – Центральный дом литераторов). Вместе с Горьким Гронский создавал Литературный институт (об этом тоже идет речь в переписке Гронского с Горьким, хранящейся в Архиве А. М. Горького).

Горький относился к Гронскому как к партийному функционеру. Гронский обратил внимание на это: «С момента, когда я был назначен председателем Оргкомитета, а Горький почетным сопредседателем, в наших отношениях появилась прохладца. На заседания Оргкомитета Горький не приходил. Устраивал альтернативные собрания у себя дома. По его инициативе съезд писателей несколько раз откладывался. Я прекрасно понимал, что честолюбивый Алексей Максимович, бывший к тому времени редактором дюжины журналов, хочет готовить съезд в одиночку, по своему вкусу. Видел я и то, что Сталин ему уступает. Тогда я сам вышел из Оргкомитета».[316]

А.С. Щербаков зафиксировал в своем дневнике, что Горький предложил сместить Гронского с поста редактора «Известий» и заменить его Н. И. Бухариным.

В стенограмме Сталин, по словам Гронского, упоминает о «сплетнях» вокруг пристрастия Гронского к алкоголю. В письме к Сталину Гронский писал о специфике своей работы в среде творческой интеллигенции: «В заключение я хочу затронуть другой вопрос, связанный с вопросом о так наз<ываемых> пьянках. Дело в том, что за последние годы я ввязался в большую работу среди интеллигенции, в работу для меня не совсем привычную и чрезвычайно трудную. У меня установились связи с сотнями людей из среды интеллигенции. Многие из них бывают у меня, у многих из них я бываю, все они обращаются ко мне со всякого

[315] Гронский И.М. Из прошлого… С. 140.
[316] Гронский И.М. Из прошлого… С. 154.

рода просьбами, приходят посоветоваться, звонят по телефону, пишут письма и т. д. и т. п. Это – своеобразная, большая партийная работа, которая нигде и никем не учитывается, но которая меня буквально выматывает. Я подсчитал как-то телефонные звонки, и получилось, что в день я подхожу в среднем от 100 до 200 раз к телефону. Можно было бы не подходить к телефону, но ведь эта публика страшно обидчивая. Не подойдешь к телефону, не зайдешь в гости к кому-либо или если время от времени не пригласишь к себе, – обидятся эти люди, и обиды эти, к сожалению, очень легко переходят на партию и на советскую власть, не говоря уже о литературных организациях. Кроме того, все они грызутся между собою, интригуют, сплетничают, льстят, пытаются сколотить в своих интересах всякого рода беспринципные группы и группочки. Во всем этом нужно разбираться, быть в курсе всей этой мышиной возни и гнуть, гнуть свою линию, не портя отношений с каждым из писателей и художников, но и не уступая им ни в чем. Я еще никогда не вел такой трудной и такой дьявольски сложной работы. А так как на эту работу я поставлен партией и срыв на этой работе будет в какой-то мере ударом по партии, я делаю все, отдаю все, что имею, не жалея ни здоровья, ничего для того, чтоб это поручение партии выполнить, и выполнить возможно лучше. Я знаю, что на этой работе провалились такие люди, как [редактор “Красной нови” Александр] Воронский, [редактор “Нового мира” Вячеслав] Полонский и рапповцы, специально занимавшиеся литературой и искусством в течение ряда лет. У них были накопленные годами знания в этой области. У меня этих знаний нет. Я вынужден по ходу изучать предмет, знакомиться с текущей литературой и всей этой штукой руководить, имея еще на своих плечах газету и ряд других нагрузок.

Может быть, я плохо выполняю работу среди интеллигенции, может быть, я не гожусь для этой работы, тогда нужно заменить меня другим работником, но работу эту надо вести, т. к. эта работа есть, по сути, борьба за интеллигенцию. Если мы не поведем за собой интеллигенцию, поведет ее за собой враг. Это я чувствую буквально на каждом шагу.

Я прекращу всякие пьянки, но встречаться с представителями интеллигенции я должен и вести работу среди них обязан. Выпивать я не буду совершенно, но

уничтожит ли это сплетни, которые создаются буквально на каждом шагу? Думаю, что это сплетни не уничтожит. На сплетни я никогда и никому не жаловался, но когда они превращаются в метод борьбы, о них нужно сказать».[317]

Этот образец самохарактеристики Гронского имеет прямое отношение к опубликованной стенограмме, где воспроизводится эпизод встречи 26 октября с провокационным разговором по этому поводу между Сталиным и Гронским.

Выполнение партийных заданий с целью влияния на творческую интеллигенцию вышеописанными методами не прошло даром для здоровья Гронского, он заболел и некоторое время не мог работать, серьезно лечился. Однако еще до болезни, в 1933 году, Гронский передал узды правления подготовкой Съезда Горькому, ради этого оставившему берег Сорренто и наконец-то вернувшемуся в СССР. Немалую роль сыграл и тот факт, что Горький возглавлял редколлегии 14 советских журналов, большая часть которых была им самим и основана. Горькому при подготовке съезда Сталин шел на уступки, поддерживал его издательские проекты, так как рассчитывал на его лояльность по отношению к политике советского руководства.

Из стенограммы следует неоднозначное отношение Гронского к личности А.М. Горького, для возвращения которого в СССР были использованы все средства, начиная от выплаты долгов Госиздата по гонорарам и кончая государственным празднованием юбилея литературной деятельности писателя в 1932 году с присвоением имени Горького Нижнему Новгороду, Тверской улице в Москве, Московскому художественному театру, самолету-гиганту и т.д. Гронскому Горький представляется излишне честолюбивым, претендующим на единоличное руководство советской литературой. Гронский отмечает связь Горького со «старыми большевиками», членами оппозиции, к ним он «питал слабость»: Бухариным, Каменевым и Радеком. Для Гронского они всегда в опале, так как мыслят и действуют иначе, чем он. Это несовпадение установок вызывало раздражение партийных функционеров. Гронский презрительно отзывается о

[317] Цит. по книге: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов 1917-1956. М.: МФД: Материк, 2005. С. 293.

Бухарине и его докладе на Первом съезде писателей.[318] (Стенограмма, 27-28). «Тридцатилетние» выдвиженцы не обладают ни культурой, ни кругозором тех, кем они пытаются руководить. Так Гронский «выправляет» доклад Луначарского «Социалистический реализм»[319] для выступления на Пленуме Оргкомитета, требует от Бухарина «отказаться» от его доклада о поэзии на Первом съезде писателей. Никакого пиетета Гронский не испытывает и к Горькому. Когда 26 октября (на четвертом совещании, по Гронскому) на квартире у Горького, Горький выступил с критикой работы Оргкомитета, Гронский взял слово и резко критиковал его выступление: «Горький расплакался и заявил, что он уйдет с совещания. Я на эту реплику Горького отвечал репликой, что уход с совещания – это не аргумент, это не доказательство его правоты, а, наоборот, доказательство его неправоты. Я употребил более резкое выражение: умейте слушать».[320] В своих воспоминаниях Гронский анализирует отношение Сталина к Горькому: «Сталин относился к Горькому, на мой взгляд, весьма прохладно. Не раз мне приходилось слышать такие рассуждения: «Что такое Алексей Максимович? После поражения революции 1905-1907 годов «Каприйская школа»: Богданов, Базаров, Луначарский, Шулятиков и прочие – враги большевизма. Во время войны выступает за поддержку войны. Колеблется. Перед февральской революцией, когда уже ясно, что монархический строй трещит, он предлагает издать газету «Луч» – правее социал-демократов, левее кадетов. Что это за позиция? Конституционная монархия или буржуазная республика вроде французской. Между февралем и октябрем – против большевиков. «Новая жизнь» – борьба против Ленина. Поехал за границу – выпускает там журнал «Беседа» – антисоветский журнал. Теперь связь с вождями оппозиционных группировок: Бухариным, Каменевым, Радеком»… Тем

---

[318] Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм»… С. 89-91.

[319] 12 февраля 1933 года на пленуме А.В. Луначарский сделал доклад на тему «Социалистический реализм» (напечатан с сокращениями в «Литературной газете» (1933. № 10. 28 февраля) под названием «Пути и задачи советской драматургии»; в более полном виде – в журнале «Советский театр» (1933. № 2–3. Февраль–март). В докладе Луначарский задавался вопросами: что такое отрицательный реализм, нужна ли романтика и может ли существовать социалистическая трагедия? В Отделе рукописей ИМЛИ РАН хранится стенограмма первой части доклада, выправленная, по-видимому, И.М. Гронским.

[320] Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм»… С. 85.

не менее, Сталин прекрасно понимал, что Горький… – это “политический капитал”».[321]

Это отношение передается и «тридцатилетним» руководителям литературы (ср. высказывания об участии Горького в Первом съезде писателей Щербакова: «У Горького проявляется «пролеткультовский» атавизм. Горький делает ошибки, крупнейшая из них – погром писателей-коммунистов… Увлечение Горького фольклором тоже неправильно» – или Жданова: «Горький вчера перед пленумом еще раз пытался покапризничать… Пришлось нажать на него довольно круто»[322]).

При этом Гронский отмечает, что «И. В. Сталин постоянно советовался с Горьким по всем вопросам литературы и искусства. Прислушивался к нему. Часто уступал Горькому, даже тогда, когда не был с ним согласен».[323]

Как бы то ни было, очерка о себе Сталин так и не дождался от Горького, хотя, возможно, именно с этой целью приглашал его в СССР (что не противоречит всем остальным причинам исключительного внимания Сталина к Горькому). В дневнике писателя А.К. Гладкова приводится рассказ давнего друга Горького В.А. Десницкого (со слов А. Нинова) о том, как Горький перевернул эту страницу своей жизни: «Горький в начале 30 гг. все мучился над писанием очерка о Сталине. Ему присылали какие-то материалы, он уединялся, читал их, что-то писал. Иногда его вежливо спрашивали, о том, как идет дело, а он отделывался общими фразами. И вот, рассказывают домашние, как-то в 35 году (?) он вышел из кабинета и весело сказал, что все уничтожил – и написанное, и «матерьялы» – что получалось уж больно слащаво… и больше за это не принимался. И его не спрашивали. И тут он для Сталина сделался уже только помехой…».[324]

Интересно в этой связи свидетельство В.Я. Кирпотина об атмосфере встреч на квартире Горького, которое проясняет «особую политическую режиссуру» этих вечеров: «Мне кажется, что не только слова, но и позы продумывались Сталиным… Сталину было чрезвычайно интересно наблюдать происходящее на этих двух

---

[321] Гронский И.М. Из прошлого… С. 151.
[322] Большая цензура… С. 330-332.
[323] Гронский И.М. Из прошлого… С. 334.
[324] Гладков А.К. Дневник //Новый мир. 2014. № 10. С. 152.

вечерах у Горького (имеется в виду 20 и 26 октября – прим. М.А.). Фактическим хозяином особняка и всего того, что здесь происходило в течение этих двух вечеров, был сам Сталин. Он занимал гостей, руководил «пиром», произносил тосты. Но вместе с тем он не пропускал ни одной тонкости, ни одной черточки. Все замечал и все откладывал в своей памяти. Просто удивительно, как он на все успевал реагировать, иногда почти незаметно, иногда подчеркивал жестом, что видит и понимает… Горький был загипнотизирован Сталиным не меньше нас. Было видно, что с отдельными штрихами и деталями он не был согласен. И тогда он хмурился, покашливал, словно хотел что-то возразить. Но так ни разу ничего не сказал, не решился».[325]

В стенограмме мы также наблюдаем эту подмену: главным героем повествования Гронского постепенно становится Сталин. В своих мемуарах он объяснил этот феномен: «Сталин – гениальный артист. Талант мгновенного перевоплощения был у него поистине шаляпинских масштабов. Вот, например, беседует Сталин с человеком. Ласков, нежен. И улыбка, и глаза – все искренне. Придраться не к чему. Провожает его до дверей. И уже через несколько секунд совсем другое выражение лица. Говорит: «Какая сволочь!» – «Товарищ Сталин, вы же только что другое говорили». – «Надо было подбодрить, чтобы работал». Так же артистически он разыгрывал дружбу с Горьким, на самом деле не доверяя ему. Это была очень тонкая игра. Удивительно: Горький – писатель, «инженер человеческих душ», казалось бы, сама профессия подразумевает знание человеческого характера, но Сталина, на мой взгляд, Горький так и не смог раскусить».[326]

Помимо этих четырех (по Гронскому) встреч на квартире Горького, происходивших в течение 1932 года – переломного года в политике партии по отношению к литературе и искусству – была и еще встреча вождя с писателями у Горького – в сентябре 1933 года, посвященная проблемам организации и

[325]Кирпотин В.Я. Ровесник железного века… С. 201-202.
[326] Гронский И.М. Из прошлого… С. 152.

руководства будущим Союзом писателей.[327] Эта сентябрьская встреча не отражена в «Летописи…». Встречи Сталина с писателями у Горького – интереснейшая и еще мало исследованная тема истории советской литературы.

Такие уникальные документы Архива А.М. Горького, как стенограмма беседы с И.М. Гронским, воссоздают историю советской литературы в ее связи с идеологией и политикой, с партийным руководством литературой и искусством. Создание Оргкомитета ССП в 1932 году, Первый съезд в 1934-м, довоенные пленумы правления, совещание в ЦК в марте 1938-го, наконец, разгром ленинградской «Звезды» в 1946-м стали звеньями череды событий и кадровых эпизодов: «Коллеги – историки и литературоведы давно поняли, что без хронографа сталинского сценария реконструкция или расшифровка истории советской литературы окажутся неполными».[328]

Неформальные встречи Сталина с писателями у Горького, где формировались и были опробованы основные политические решения в области управления сферой литературы и искусства – интереснейшая и еще мало исследованная тема истории советской литературы.

2.9. Горький и Роллан на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры (1935 год) – красноречивое отсутствие

На фоне событий, связанных с итогами Первого съезда советских писателей, необходимо упомянуть мероприятие международного масштаба, идея которого возникла в кулуарах Первого съезда советских писателей. Речь идет о Всемирном конгрессе писателей в защиту культуры, проходившем в Париже с 21 по 25 июня 1935 года. На протяжении ряда лет появляются все новые свидетельства, письма, публикуются ранее неизвестные архивные материалы, проливающие свет на подготовку и проведение этого уникального мероприятия, одного из последних

---

[327] См. об этом: Спиридонова Л.А. Горький и Сталин: уступка за уступку // Литературная газета. 2009. 26 августа-1 сентября.

[328] Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и др.// Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 212-258.

выходов на международную арену российской творческой интеллигенции перед окончательным падением железного занавеса.

В числе публикаций последних лет, воспроизводящих события, связанные с Конгрессом, «Московский дневник» Р. Роллана (перевод М.А. Ариас, коммент. Н. Ржевской // Вопросы литературы. 1989. №№ 3-5), переписка Горького с Ролланом («М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1936)». Серия «Архив А.М. Горького». Т. XV. М., Наследие, 1995), переписка И. Эренбурга и М. Кольцова («Пошли толки, что деньги московские…» Илья Эренбург, Михаил Кольцов. Письма Ильи Эренбурга Михаилу Кольцову 1935 – 1937 годов. Вступительная статья, публикация и комментарии А. И. Рубашкина. Послесловие Юрия Кублановского// Новый Мир. 1999. №3), хранящиеся в Архиве А.М. Горького письмо М.Е. Кольцова из Парижа от 23 мая 1935 года А.С. Щербакову и Горькому о результатах подготовки Конгресса, письмо Арагона Кольцову о событиях, сопутствующих подготовке Конгресса, предполагаемая Программа Съезда, порядок проведения, состав участников и т.д., а также отчеты об организации и проведении Конгресса по горячим следам: письмо-отчет И.Г. Эренбурга Н.И. Бухарину (от 20 июля 1935 года), письмо-отчет заведующего отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова и М. Кольцова Сталину (от 21 июля 1935 года).[329] Необходимо отметить, что все эти документы еще не были исследованы и сопоставлены должным образом и представляют собой лишь материал, который нуждается в серьезном анализе.

В Париж съехались писатели в основном прокоммунистической и левой ориентации. Левые взгляды как ответ на происходившие в мире события (существование СССР, наступление фашизма, Народный фронт) характерны для интеллигенции между двумя войнами, что неоднократно отмечалось исследователями и современниками: «Европейская интеллигенция в ее радикальной части, а к ней принадлежат сейчас очень многие из виднейших писателей Европы и Америки, смертельно напугана фашизмом и призраком

[329] Эти документы опубликованы в кн: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953. М.: МФД, 2002.

грядущей войны… В таком душевном состоянии радикальная интеллигенция, напуганная фашизмом, готова броситься в объятия коммунизма. Это настроение очень выпукло передал Томас Манн, когда заявил в ответ на приглашение принять участие в конгрессе: «Если придется выбирать между фашизмом и коммунизмом, я выбираю коммунизм». Эти слова Томаса Манна очень типичны для европейского "левого" интеллигента».[330] Однако, пассивно выбирая «из двух зол», писатель забывает о том, что не следует выбирать зло, каким бы оно ни было.

Политическая подоплека антифашистского движения, руководимого товарищами из Москвы, использовавшими конгресс для пропаганды советского режима, оттолкнула от него ряд крупных художников. Не было никого из выдающихся американских литераторов; не приехали Томас Манн, Герберт Уэллс и Бернард Шоу. Две главные фигуры, под имена которых собирался Конгресс – М. Горький и Р. Роллан – также отказались от участия в Конгрессе. Председатель советской делегации М. Горький направил свое «Обращение к съезду», Роллан прислал «Приветственную телеграмму».[331]

Тем не менее, Конгресс получил общественный резонанс. В нем приняло участие 230 писателей из 38 стран. В составе советской делегации было 20 человек. В советскую делегацию входили: Борис Пастернак, Исаак Бабель, Алексей Толстой, Николай Тихонов, Всеволод Иванов, Илья Эренбург, Федор Панферов, Владимир Киршон, Анна Караваева. Внутренний механизм действий советской делегации ни для кого не был секретом, как об этом свидетельствует по горячим следам А.Л. Бем: «Чиновниками, приставленными к литературе, были Иван Луппол, Михаил Кольцов и Александр Щербаков. На них-то и лежала ответственная роль руководства всей игрой».[332]

---

[330] Бем А.Л. Похищение Европы (О Конгрессе писателей в защиту культуры)// Меч. 1935. 8 сентября.

[331] Материалы Конгресса на русском языке опубликованы в кн.: Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935. Доклады и выступления. Редакция и предисловие И. Луппола. Переводы Э. Триоле. М.: Гос. Изд. Художественная литература, 1936. С. 39-40, 43.

[332] Там же.

С французской стороны конгресс готовили Анри Барбюс, Андре Мальро, Жан-Ришар Блок, Луи Арагон, Андре Жид, приехали также Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, Альду Гексли Форстер, Стречи, Шервуд Андерсен, Уолд Френк, Карел Чапек и др. Таким образом, событие приобрело соответствующий задаче размах, позволивший прессе русского зарубежья определить его как «похищение Европы» (А.Л. Бем). Естественно, съезду предшествовала серьезная подготовка со стороны сталинского руководства.

Нас будет интересовать вопрос о том, какова была роль Горького и Роллана в подготовке и проведении этого конгресса. Подготовкой Парижского конгресса занималось Политбюро ЦК ВКП(б), а значит, лично Сталин. В постановлениях, принятых Политбюро в связи с подготовкой съезда (от 19 апреля, от 26 апреля и др.), Горький назначался главой советской делегации. В Постановлении «О международном съезде писателей в Париже» от 19 апреля 1935 года говорится: «1. Утвердить делегацию на Международный съезд писателей в составе: М. Горький, Кольцов, Шолохов, Щербаков, Толстой, Эренбург, Тихонов Н., Луппол, Киршон, Караваева, Лахути, трех представителей украинской литературы, двух представителей Закавказья.

Поручить тт. Стецкому, Щербакову, Кольцову наметить делегатов Украины и Закавказья, согласовав кандидатуры с ЦК КП(б)У и Заккрайкомом.

2. Председателем делегации утвердить А.М.Горького и его заместителями Кольцова и Щербакова.

3. Отпустить на расходы советской делегации на Международном съезде 20 тыс. рублей золотом.

4. Предложить т. Кольцову выехать в начале мая в Париж для содействия в организации съезда.

5. Предложить советской делегации выступить на съезде с содокладами и речами по главнейшим пунктам порядка дня».[333]

[333] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953. М.: МФД, 2002. С. 254-255.

Как же случилось, что Горького не оказалось в составе делегации? Действительно ли нездоровье помешало ему принять участие в Конгрессе или его отсутствие было вызвано какими-то другими причинами? В связи с отсутствием Горького на Конгрессе возникло немало легенд, смысл которых сводится к тому, что Горький отсутствовал не по своей воле: после его возвращения в СССР в 1933 году он стал «невыездным», Сталин поместил его в «золотую клетку». Этой версии придерживается, например, такой авторитетный исследователь, как Л. Флейшман[334]: руководить советской делегацией должен был Горький, но он в Париж не поехал: официально объявленная причина – слабое здоровье (о чем он сам написал Конгрессу специальное письмо), неофициальная – нежелание выпускать Горького за границу. Дмитрий Быков в книге «Борис Пастернак» воспроизводит версию, изложенную Лазарем Флейшманом.[335] В публикациях средств массовой информации последних лет появилось множество гипотез: например, Аркадий Ваксберг утверждает, что Горький, выражаясь современным языком, стал невыездным, и включение в последний момент (Постановлением Политбюро от 19 июня 1935 года) Пастернака и Бабеля в состав советской делегации маскировало этот факт. Б. Носик идет еще дальше, утверждая, что Сталин срежиссировал приезд Роллана, чтобы замкнуть его на Горького и тем самым лишить обоих писателей возможности участия в Конгрессе, так как ни одному, ни другому советское руководство не могло доверить защиту СССР: оба так или иначе поднимали вопрос о репрессиях в СССР и вступались за осужденных, а этот вопрос должен был неизбежно возникнуть на Конгрессе. В этой связи Б. Носик пишет: «Роллан много рассуждает в своем тайном дневнике, преданном, наконец, гласности, об "интригах" Аросева. Он правильно почувствовал: интрига была, но о смысле ее до сих пор спорят исследователи. Судя по хитрому письму, написанному Кудашевой Горькому, одной из главных целей приезда супругов Роллан, совпавшего по времени с Парижским конгрессом, где должен был

[334] См. об этом: Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005.
[335] Быков Дм. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 538-539.

председательствовать Горький, было дать еще один аргумент против поездки Горького в Париж (Горький стал уже "невыездным"). Как верно отмечает писатель А. Ваксберг, письмо М. Кудашевой Горькому похоже на ультиматум: «Роллану надо с вами встретиться, и встретиться не в Париже, а в Москве. Врачи-гепеушники поддержали этот нажим своими средствами, приурочив к конгрессу очередное "ухудшение"...».[336]

Восстановив ход событий по архивным документам, мы можем ответить на очень важный вопрос: почему Горького не было в Париже? Ключом к решению этого вопроса является телеграмма Сталина Горькому с просьбой не отказываться от поездки в Париж. Этот недавно опубликованный архивный документ из личного архива вождя позволяет исправить фактическую ошибку, которая повторяется из одной публикации в другую.

Действительно, Парижский Конгресс был своего рода продолжением Первого съезда советских писателей в Москве и собирался под имя Максима Горького. Но если Горький принимал активное участие в подготовке Первого съезда советских писателей, считал его делом своей жизни и даже окончательно вернулся в СССР для подготовки этого съезда, то подготовкой Парижского Конгресса руководили совершенно другие люди. Идея принадлежала «советскому парижанину» И.М. Эренбургу, который через своего друга юности и однокашника Н.И. Бухарина довел ее до Сталина, заинтересовавшегося возможностью повысить авторитет СССР и советского руководства в Европе. По решению Политбюро в Париж был отправлен М.Е. Кольцов (руководитель секретариата Конгресса), на которого легла вся тяжесть сложной организационной работы. К концу мая Кольцов прислал А.М. Горькому и его заместителю по делам Конгресса, секретарю правления ССП А.С. Щербакову отчет о своей работе. Копия кольцовского письма-отчета сохранилась в Архиве А.М. Горького. Ввиду крайней важности этого документа, приведем некоторые пассажи, касающиеся, в частности, особой роли А.М. Горького:

---

[336] Носик Б. Кто ты, Майя?//Звезда. 2001. №4. См. также: Ваксберг А. Мадам Ромен Роллан//Литературная газета. 2006. 1-7 ноября. С. 15.

«Письмо М.Е. Кольцова в Союз писателей СССР. Париж, 23 мая 1935 года.

Копия письма Горькому А.М.: *т. А.М. Горькому*

Дорогие товарищи!

I.

Положение с международным съездом писателей довольно тяжелое. В подготовительной работе совершен целый ряд ошибок. Настроившись на "широкий охват", организаторы, и в частности, коммунисты, переборщили через край и привлекли, в число участников съезда и даже инициативной группы нескольких людей, выступлений которых они теперь очень опасаются. Например – фашиствующий Жюль Ромен, троцкиствующий Анри Пулайль и т.п. Целые заседания уходят на споры, как отразить их возможные прогитлеровские или даже антисоветские речи. Между тем, можно было совсем с этими людьми не соприкасаться.

Приезд большинства крупных иностранцев – под большим сомнением. До моего приезда здесь даже не очень горевали по этому поводу. Мальро при первой встрече сказал мне, что единственным достижением съезда он мыслит, кроме французской части – возможность предоставления в Париже трибуны советским писателям. Приходится лишний раз поражаться проницательности И<осифа> В<иссарионовича>, сразу предугадавшего и предостерегшего нас от узко франко-советского и чисто антигерманского характера, который может принять конгресс.

<…> Французы беспрестанно капризничают, еще хуже, чем наши советские гении. Знаменитости больше склонны отделаться денежным пожертвованием, чем проявить общественную активность; приходится тянуть их на веревке. Охотно и преданно работают Мальро и Блок. Коммунисты-французы, кроме Арагона и Муссинака, ленятся и беспорядочны.

С Роменом Ролланом – плохо. Очень серьезно болен, еле двигается, говорит о намерении ехать в СССР умирать. К поездке в Париж не обнаруживает склонности. Сейчас ложится на 3 недели в санаторий.

При всем этом – шансы на успех съезда все-таки немалые (вспомним, что и накануне советского съезда пророчили провал и неудачу). Громадным стимулом

для всех является приезд Алексея Максимовича. Все без исключения говорят, что это сразу подбрасывает все дело вверх. Для многих приезд А.М. предрешает их собственное участие в съезде. Для Парижа приезд А.М. будет событием первого ранга.

<…> Выделен список 40 важнейших писателей всех стран, и приезд их обеспечивается всеми силами. Им заново посланы телеграммы, призывы. Около 10 человек получают проезд. Для некоторых (подчеркнуто Кольцовым – *М. А.*) призыв Горького является решающим аргументом. Поэтому сегодня я отправляю вам тексты нескольких телеграмм от имени А.М., которые надо немедленно отправить из Москвы.

Обратился от имени А.М. к Роллану с настоятельным призывом приехать хотя бы на 48 часов в Париж – показаться на съезде и увидеться с А.М. <…>

Ваш Мих. Кольцов»[337].

Из письма Кольцова ясно видно, что ставка при привлечении западноевропейских писателей делается на два имени – Нобелевского лауреата Роллана, имевшего большой международный авторитет, и на равновеликого ему в глазах западных литераторов Горького, четырежды за прошедшее десятилетие номинированного на Нобелевскую премию, долгое время жившего в Европе и недавно вернувшегося из фактической эмиграции в СССР. Однако Роллан, который не был в Париже со времен Первой мировой войны и жил в Швейцарии, избегая публичных выступлений, на Конгресс не собирался. Он собирался в СССР, и именно это его желание привело, в конечном счете, к тому, что Горький не поехал в Париж.

Проследим эту цепочку событий до конца. Для привлечения Роллана в СССР ленинградское издательство «Время» (поглощенное в 1935 году Госиздатом) начинает готовить с конца 1920-х годов собрание его сочинений с предисловиями М. Горького, А. Луначарского и С. Цвейга, а сам Роллан получает приглашение

[337] Неавторизованная машинопись. Арх. Г. КГ-П 36-23-14. Это письмо было опубликовано в кн.: Счастье литературы. Государство и писатели. 1925-1938. Документы. М.: Росспэн, 1997. С. 191 и далее.

посетить СССР. Помимо Горького, к переписке с Ролланом привлечены партийные функционеры: директор Госиздата А.Б. Халатов и председатель Всероссийского общества культурных связей с заграницей А.Я. Аросев.

Из года в год Роллан откладывал поездку в СССР. И вот, наконец, 15 апреля 1935 года Роллан написал Горькому о своем желании посетить его: «Я думаю приехать в Москву дней на двадцать приблизительно в середине июня. Главная цель моей поездки – встретиться, наконец, с Вами <...> со Сталиным, если он пожелает меня принять. Будете ли Вы в Москве в половине июня: ибо, если я Вас не застану, я откажусь от поездки» (АГ-15, 302). В ответном письме Роллану от 27 апреля 1935 года Горький сообщает: «В июне я вместе с группой литераторов должен буду ехать в Париж, на съезд, организуемый Барбюсом-Эренбургом. Точное время съезда еще не установлено и, наверное, вы об этом узнаете раньше, чем я. Очень радостно взволнован решением вашим приехать в Москву. Хорошо бы выехать из Франции вместе с Вами – как Вы думаете?» (АГ-15, 303).

В это же время Горький с энтузиазмом пишет А.С. Щербакову:

<Тессели, конец апреля – начало мая 1935 г.>

«Дорогой Александр Сергеевич,

Ромен Роллан сообщил мне о его решении приехать в Москву в июне и просит меня сообщить, буду ли я в это время в Москве? Отсюда – ясно, что его еще не известили о Съезде и времени Съезда.

<Затем он выражает желание повидаться с Иосифом Виссарионовичем, о чем я прошу Вас сообщить И.В.> (*При публикации письма эта фраза была опущена и восстановлена мною по автографу, хранящемуся в Архиве А.М. Горького –М.А.*)

Если Съезд состоится в июне – мы могли бы привезти Роллана в Москву – не правда ли?

Жму руку.

А.П.».[338]

Однако присутствие на Конгрессе Роллан не планировал, задолго до этого он написал Барбюсу в ответ на приглашение принять участие в Конгрессе, что «почва во Франции гнилая и опору надо искать в СССР, центром антифашистского движения должна оставаться Москва»[339], да и вообще Роллан был не склонен объединяться и организовываться, пытаясь сохранить верность своей позиции «над схваткой». 28 декабря 1934 года Роллан написал Горькому: «Барбюс извещает меня, что Международное объединение революционных писателей (МОРП) реформировано и будет заменено новой организацией, с более широко открытым доступом, основное местонахождение которой будет в Париже. – Я сожалею об этом. Как я пишу Барбюсу, «Почва Парижа недоброкачественна. Рано или поздно она губит все, что порождает». Москва должна, по моему мнению, оставаться центром великого нового движения. К ней обращены и к ней должны все более и более обращаться взоры свободных и смелых умов всего мира. <…> Нужно было бы постоянно сохранять в центре испытанное руководство, неизменно бдительное и крепко держащее в руках вожжи. – Нет, еще не время для послаблений» (АГ-8, 353). Несмотря на это, Горький надеется склонить его к приезду в Париж хотя бы на 48 часов, чтобы показаться на съезде. Но Роллан готов сдвинуть сроки своего пребывания в СССР, чтобы дать возможность Горькому побывать на съезде без него, он просит Горького выкроить хотя бы неделю для встречи в Москве. Одновременно Роллан пишет председателю ВОКСа[340] Аросеву, который пересылает копию письма Роллана Горькому:

---

[338] Автограф хранится в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (АГ. ПГ-рл 55-1-35). Опубл. в кн.: Горький и советская печать. Серия «Архив А.М. Горького». Т. X. Кн.1. М.: Наука, 1964. С. 370-371.

[339] Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. Серия «Архив А.М. Горького». Т. VIII. М.: Наука, 1960. С. 353.

[340] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) – организация, основанная в 1925 с целью ознакомления советской общественности с культурными достижениями зарубежных стран и пропаганды советской культуры и искусства за границей, а также с целью осуществления контактов с иностранными деятелями культуры, искусства, литературы, науки. Первым председателем правления стала Ольга Каменева (сестра Л.Д Троцкого и жена Л.Б. Каменева). ВОКС занимался организацией международных выставок, фестивалей и конкурсов, поездок в СССР зарубежных делегаций, а также отдельных видных деятелей науки и культуры (П. Ланжевена, Р.Роллана, М. Андерсен-Нексе, Р. Тагора и др.). В 1958 ВОКС был преобразован

«Выписка из письма Ромена Роллана:

«Но мое самое большое желание, Вы это знаете, это встретиться в Москве с Горьким и иметь краткую беседу со Сталиным. Мне необходимо знать, имею ли я какие-либо шансы их увидать в это время. Я знаю, что Горький приглашен на конгресс писателей в Париж; дата этого конгресса мне еще неизвестна, но приблизительно намечается на 21/VI. Мог ли бы я узнать, направляется ли туда Горький и есть ли у него намерение остаться в Париже на некоторое время, или вернуться к концу июня в Москву. На основании этих данных, я назначу окончательную дату моей поездки, так как при всех условиях я не смогу остаться в Москве более трех недель.

Ромен Роллан».

«Верно:

Секретно (возможно, рукой Аросева (синие чернила) – М.А.).

Всесоюзное Общество Культурной Связи с Заграницей

Москва 56. Б. Грузинская, 17. Тел. Д 1-65-03, Д 1-09-81, Д 1-54-81

Адрес для телеграмм: Москва, КУЛЬТСВЯЗЬ

Т. ГОРЬКОМУ А.М.

Москва, 17 Мая 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам выдержку из письма Ромэн Роллана и прошу Вас поставить меня в известность, как Вы будете реагировать на просьбу Ромэн Роллана, так как я с ним по поводу приезда и не только, в связи с приездом, нахожусь в длительной и систематической переписке.

в Союз советских обществ дружбы (ССОД). С 1925 по 1931 Общество располагалось в Москве по адресу: Малая Никитская, дом 6, – затем особняк был передан Горькому в связи с его намерением вернуться в СССР. С 1932 по 1954 гг. Общество располагалось по адресу: Большая Грузинская, дом 17. В 1935 году здесь состоялась встреча Ромена Роллана с московской литературной общественностью.

С товарищеским приветом

А. Аросев»

Надпись рукой Горького (синий карандаш – М.А.):

Дорогой П<етр> П<етрович> (Крючков – М.А.)

Пожалуйста, ответьте Аросеву.

А<лексей> П<ешков>».[341]

Горький посылает Роллану три телеграммы подряд: 23 мая, 1 и 8 июня, в которых уточняет сроки своей поездки. В последней из трех он пишет: «Буду в Москве на обратном пути из Парижа в начале июля. Настоятельно прошу Вас, не дожидаясь моего возвращения, приехать отдыхать ко мне вместе с женой» (АГ-15, 307). Таким образом, даты согласованы, и Роллан указывает дату своего приезда: 23 июня.

Между тем сам Горький начинает сомневаться в целесообразности своей поездки в Париж, о чем сообщает партийному функционеру, занимающемуся делами Союза писателей и организацией Конгресса, А.С. Щербакову.[342] 22 мая 1935 года Горький пишет Щербакову из Тессели (в собрании сочинений Горького письмо публиковалось с купюрами): «Я начинаю дряхлеть. Падает работоспособность, а количество работы – увеличивается. Вот – надо писать книгу о «Красном командире». Это – дело чести, очень важное дело. Требуется прочитать 40 биографий и огромную груду иного материала, а у меня с некоторого времени – явилась боязнь ослепнуть, идиотская боязнь. Однако – мешает. Сердце работает лениво и капризно. Не представляю, как поеду в Париж и завидую Шолохову (который отказался от поездки в Париж – М.А.). А тут еще приедет Роллан – в

[341] АГ. КГ-коу 3-87-9.

[342] Александр Сергеевич Щербаков (1901-1945)– советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943). Член РКП(б)/ВКП(б) с 1918 года, член ЦК ВКП(б) (1939-1945). Участник гражданской войны, выпускник Института красной профессуры (1930-1932). В 1932-1934 годах зам. зав. Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б), в 1934-1935 гг. зам. зав. Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б). С 1934 г. оргсекретарь Союза писателей СССР (председатель А.М. Горький), куратор Союза писателей по линии ЦК, с 1935 г. по совместительству заведующий Отделом культпросветработы ЦК. В 1936-1937 гг. 2-й секретарь Ленинградского при А.А. Жданове.

Париж он, вероятно, не явится во избежание враждебной встречи и скандала, который ему грозит со стороны фашистов. Меня фашисты не беспокоят, но было бы крайне неприятно «разъехаться» с Ролланом. Вот такая штука. Весна была отвратительная и мало помогла мне. Радости меня волнуют до слез, но горе я переживаю молча (смерть сына Максима в 11 мая 1934 года – М.А.). Однако нелепая гибель аэроплана «Горький» заставила меня взвыть волком…. Что-то я заныл. Не хорошо» (Г-30, т. 30, 389-390).[343]

Взволнованный сомнениями Горького Щербаков пишет 27 мая Сталину: «Считаю необходимым направить Вам полученное мною письмо А.М. Горького, в котором он ставит под вопрос свою поездку в Париж. Должен от себя добавить, что о такого рода настроениях, каким проникнуто письмо, мне приходится от Горького слышать впервые».[344] Сталин реагирует незамедлительно, пытаясь переубедить «патриарха» советской литературы. 31 мая Сталин и Молотов лично обращаются к Горькому, все еще находящемуся в Тессели, в Крыму. Он отправляет Горькому телеграмму: «Алексею Максимовичу Горькому. Копия: Щербакову. *По нашему мнению, Вам обязательно нужно поехать в Париж на съезд писателей, если, конечно, состояние здоровья позволяет. Сталин. Молотов.* 31.5.35. 14 ч. 35 мин.».[345]

Эта телеграмма опровергает сложившееся мнение, что Горького не выпустили в Париж: напротив, Сталин был заинтересован в его поездке, так как отказ Горького заставлял пересмотреть концепцию поездки и состава делегации, лишавшейся главной фигуры. При всей важности этой телеграммы, она ни разу не упоминалась в работах исследователей, занимавшихся историей Парижского Конгресса, а также в работах горьковедов, изучающих научную биографию А.М. Горького.

---

[343] Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. М.: ГИХЛ, 1955. С. 389-390. В тексте диссертации это издание обозначаеися как Г-30 с указанием тома и страницы.
[344] Власть и художественная интеллигенция... С. 256-257.
[345] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11 Д. 52. Л.108; там же лист 109: Автограф Сталина. Опубл. в кн.: Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. 1917-1956. Документы. М.: МФД, 2005. С. 385.

8 июня Горький получил заграничный паспорт, что также противоречит версии о запрете на выезд.[346] В ситуации отказа Горького давление оказать на него было непросто, так как за его отказом маячила тень Роллана. Горький прекрасно понимал это. При этом он не торопится официально дезавуировать свое участие в Конгрессе: ведь, как писал Кольцов из Парижа в своем письме от 23 мая, «приезд Горького предрешает участие многих других писателей». Отказ Горького от поездки в последний момент наносит удар по организации и работе Конгресса, как об этом свидетельствуют отчеты его непосредственных организаторов: Эренбурга, Кольцова и Щербакова.

Эти отчеты для служебного пользования партийного руководства недавно опубликованы. В отчете Щербакова и Кольцова Сталину содержится свидетельство о реакции Эренбурга на сообщение о неприезде Горького: «При получении известия о неприезде Горького Эренбург заявил, что не верит в болезнь Горького и считает неприезд его и Шолохова маневром».[347] В этом же отчете Щербаков и Кольцов сообщают Сталину: «Тяжелым ударом, почти было сорвавшим конгресс, были внезапная болезнь и неприезд Горького. Часть французов-инициаторов отказались проводить конгресс без Горького; советской делегации стоило громадных усилий уломать их».[348]

Эренбург в письме Н.И. Бухарину признается: «Еще накануне за два дня до открытия съезда мне приходилось уговаривать Жида и др<угих>, которые в последнюю минуту хотели отказаться... Когда выяснилось, что Горький и Шолохов не приезжают, наших французских друзей охватила паника. Андре Жид, Мальро и Блок звонили в полпредство. Жид даже хотел идти к Потемкину, чтобы просить о посылке Бабеля и Пастернака».[349]

---

[346] Факт получения Горьким заграничного паспорта упоминает и Б. Фрезинский, давший свою версию работы Парижского конгресса («Международное антифашистское представление в 3-х актах (продюсер И. Сталин)» в монографии «Писатели и советские вожди». (М.: Эллис Лак, 2008).

[347] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 30-34. Опубл. в кн.: Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов... С. 388.

[348] Там же. С. 387.

[349] Там же. С. 382.

Факт отказа Горького от поездки на Парижский конгресс нуждается в интерпретации: исследователи еще не дали ему должную оценку, и с точки зрения психологического состояния писателя в этот момент, и с точки зрения истории его взаимоотношений с советским руководством, учитывая отказ Горького выполнить волю вождя.

По окончании Конгресса Щербаков и Кольцов предложили ряд мер по укреплению связей «похищенных» писателей с СССР, в частности, ежегодное приглашение Союзом писателей двенадцати иностранных писателей «для ознакомления с СССР», фактически остававшимся terra incognita для европейской общественности. В следующем 1936 году в СССР побывали главные участники Конгресса с французской стороны: Мальро, Жид, Арагон.

Приезд Андре Мальро, который стал основной фигурой, призванной возглавить антифашистское движение под эгидой СССР, был организован М. Кольцовым при участии И. Бабеля. О том, что главную ставку советское руководство сделало на Мальро, свидетельствует факт его приглашения в Крым в Тессели к Горькому весной 1936 года. Предваряя визит Мальро, Кольцов писал Горькому:

«Речь идет о дальнейшем сплочении и объединении антифашистки настроенных писателей за границей, точнее – о жизни и работе Международной Ассоциации писателей в защиту культуры. Недавно И<осиф> В<иссарионович> вызывал и долго беседовал на эту тему. Он придает немалое значение этой работе. И в самом деле, в момент войны и до войны иметь в помощь нам большую, широко разветвленную, АВТОРИТЕТНУЮ, возглавленную крупнейшими именами организацию писателей, т.е., наиболее влиятельную часть интеллигенции – чрезвычайно важно. И<осиф> В<иссарионович> пошел навстречу и оказал помощь в ряде вещей, необходимых для организации. Он далее признал желательным, чтобы Коминтерн организационно стоял в стороне от этого движения, чтобы работу эту самостоятельно вели, объединяя прочих, французские и советские товарищи, в частности я под Вашим руководством. И<осиф> В<иссарионович> предложил мне поставить Вас полностью в курс всех дел. 20-го февраля в Москву

приезжает Андре Мальро, вызванный мною для переговоров. Он сейчас хотя далеко не идеальный, но единственно приемлемый человек на роль центрального, делового работника Ассоциации в Париже. Но его еще надо запрячь, заинтересовать, просто уговорить взяться за дело. Мужчина он талантливый, темпераментный, смелый до озорства, но одновременно неврастенический, болезненно-самолюбивый и с вывертами. В Москве мы с ним основательно поговорим – а кроме того – придется его свезти к Вам, для, так сказать, посвящения в рыцари, и тут же поговорить об отдельных вопросах: пленум этого года, может быть, в Лондоне, приезд к нам ряда писателей (в этом году к нам собираются немало народу: Генрих Манн, Фейхвангер, Андре Жид, несколько позже Томас Манн, Драйзер и др.)».[350]

А.Н. Пирожкова, жена Бабеля, в своих воспоминаниях о визите Мальро в Москву расставляет важные акценты, позволяющие понять характер культурного и политического сближения французского писателя с СССР:

«В апреле 1936 года Бабель ездил к Алексею Максимовичу Горькому в Тессели вместе с Андре Мальро, его братом (Робером Мальро – *М.А.*) и Михаилом Кольцовым. Возвратившись, он рассказал мне, что Мальро обратился к Горькому с предложением о создании «Энциклопедии XX столетия», которая имела бы такое же значение для духовного развития человечества, как «Энциклопедия XVIII столетия», основателем и главным редактором которой был Дени Дидро. Такая энциклопедия должна была, по плану Мальро, стать основным литературным, историческим и философским оружием в борьбе за гуманизм против фашизма. Предполагалось, что в составлении такого грандиозного труда примут участие ученые и писатели почти всех стран мира и что энциклопедия будет издана одновременно на четырех языках – русском, французском, английском и испанском. А.М. Горький, по словам Бабеля, одобрил идею создания такой энциклопедии и в качестве редактора от Советского Союза предложил Н.И. Бухарина. На это Мальро ответил, что не знает другой личности с кругозором подобной широты.

---

[350] АГ. КГ-П 36-23-16. Авторизованная машинопись с припиской от руки.

Однако полное взаимопонимание между Горьким и Мальро обнаружилось только в том, что энциклопедию надо создавать. По всем остальным вопросам, которые задавал Мальро Горькому и которые касались свободы искусства и личности, а также оценки произведений таких писателей, как Достоевский и Джойс, Горький и Мальро оказались почти на противоположных позициях.

Переводчиками Мальро в этих беседах были Михаил Кольцов и Бабель. Бабель жаловался мне, что эта миссия была трудной, приходилось быть и переводчиком и дипломатом в одно и то же время.

– Горькому нелегко дались эти беседы, – говорил Бабель, – а Мальро, уезжая из Тессели, был мрачен: ответы Горького не удовлетворили его...»[351]

Интересно сравнить это свидетельство с впечатлением о встрече с Мальро самого Горького, ясно увидевшего корень грядущих разногласий и неизбежного отказа Мальро от сотрудничества с СССР с его партийной диктатурой. После беседы с Мальро Горький писал Сталину (в письме от 7-10 марта 1936 года):

«Дорогой Иосиф Виссарионович –

сообщаю Вам впечатления, полученные мною от непосредственного знакомства с Мальро.

Я слышал о нем много хвалебных и солидно обоснованных отзывов от Бабеля, которого считаю отлично понимающим людей и умнейшим из наших литераторов. Бабель знает Мальро не первый год и, живя в Париже, пристально следил за ростом значения Мальро во Франции. Бабель говорит, что с Мальро считаются министры и что среди современной интеллигенции романских стран этот человек – наиболее крупная, талантливая и влиятельная фигура, к тому же обладающая и талантом организатора <…> От непосредственного знакомства с ним у меня получилось впечатление приблизительно такое же: очень талантливый человек, глубоко понимает всемирное значение работы Союза Советов, понимает, что фашизм и национальные войны – неизбежное следствие капиталистической системы, что, организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией,

[351] Пирожкова А.Н. Бабель в 1932-1939 годах // Воспоминания о Бабеле. М.: Книжная палата, 1989. С. 334.

против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социальной революции. О практических решениях, принятых нами, Вас осведомит т<оварищ> Кольцов.

<…> Более существенным недостатком является его типичное для всей интеллигенции Европы: «за человека, за независимость его творчества, за свободу внутреннего его роста» и т.д.».[352]

Не будем подробно останавливаться на поездке Андре Жида в СССР, увенчавшейся скандальной публикацией книги «Возвращение из СССР» («Retour de l'URSS», 1936). Эта тема требует отдельного исследования. В Москве проявляли особый интерес к А. Жиду, ставшему к тому времени уже классиком, «Гете с улицы Вано», в расчете на его поддержку СССР. Организовывал поездку Жида все тот же Эренбург. В Москве Жида «опекал» Кольцов, председатель Иностранной комиссии Союза писателей. Он же не допустил его встречи с Бухариным. Когда в конце года советским властям стало ясно, что книга Жида содержит критику внутренней политики СССР, были предприняты попытки предотвратить эту публикацию. В частности, выполняя указание из Москвы, с такой просьбой к А. Жиду обращались Эренбург и Арагон.

Арагон, приехавший почти одновременно с Жидом, стал свидетелем не только смерти Горького, но и ареста В. Примакова, Н. Бухарина, Белы Куна. Уезжая из Москвы, они с Эльзой Триоле поклялись друг другу никогда больше не возвращаться в СССР, хотя до этого, начиная с 1930 года, они бывали в Москве почти ежегодно. Об этом Арагон написал уже в 1970-е годы в своих воспоминаниях. Вновь приехали в СССР они только после Второй мировой войны.

Ромен Роллан после приезда из СССР отказался от публикации своего Московского дневника, закрыв его для читателей на полвека.[353] Его попытки

---

[352] Впервые опубл. в «Литературной газете» 10 марта 1993 (с. 6). Публикация подготовлена В.С. Бараховым.

[353] Первая публикация Московского дневника Р. Роллана (1935) состоялась в 1989 г. в СССР в переводе автора диссертации. См.: Роллан Р. Наше путешествие с женой в СССР (Московский дневник) // Вопросы литературы. 1989. №№3-5.

вмешаться в судьбу подвергшихся репрессиям (а хлопотал Роллан за Н. Бухарина, О. Гартоха и др.) оказались безрезультатными. Ни на одно из его пяти писем Сталин не ответил, не ответил он и на просьбу Роллана опубликовать их беседу, ради которой во многом Роллан и приезжал в СССР. Об этом уже приходилось писать автору диссертации.[354]

Таким образом, несмотря на все предпринятые усилия «похищения Европы», если воспользоваться метафорой А.Л. Бема, диалог между французскими писателями и советским руководством захлебнулся в волнах репрессий в условиях падения железного занавеса, когда свидетели с Запада стали помехой проведению кровавой сталинской политики, а советские писатели перестали находить аргументы в оправдание ужесточившегося политического курса тоталитарного государства (как об этом свидетельствуют опубликованные недавно письма И. Эренбурга М. Кольцову 1935-1937 годов[355]). В новых исторических условиях европейским писателям предлагалось поддерживать СССР в основном заочно, так как «московские процессы» едва ли были подходящим зрелищем для европейских интеллектуалов, руководимых логикой выбора «меньшего из зол».

[354] Подробнее об этой беседе см.: Ариас-Вихиль М.А. Выбор источника текста при публикации «Московского дневника» Р. Роллана // Текстологический временник. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408-418.

[355] «Пошли толки, что деньги московские…» Письма И. Эренбурга М. Кольцову // Новый Мир. 1999. №3. С.164-175.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ РОЛЛАНА В СССР И СМЕРТЬ ГОРЬКОГО (1935-1936)

3.1. Путешествие Роллана в СССР и его «Московский дневник»

Подводя итог многолетних отношений Горького и Роллана, необходимо еще раз окинуть мысленным взором их двадцатилетний путь. История отношений двух великих писателей XX века отразила своеобразие эпохи, к которой они принадлежали. Почему эти отношения оказались столь прочными вопреки обстоятельствам и времени? Что связывало на протяжении многих лет «сделавшего себя» человека из народа Горького и Ромена Роллана, творчество которого было связано с традициями европейского гуманизма? Была ли это вера в возможность реализации дорогой обоим утопии? Почти двадцатилетняя переписка подтверждает, что они хорошо понимали друг друга и были необходимы друг другу. Различие жизненного опыта не имело здесь решающего значения.

Произвольное представление о мире, составленное ими в соответствии с собственными великодушными порывами и духом эпохи, оказывалось в противоречии с реальностью бурных революционных и послереволюционных лет. Бесцеремонное вторжение враждебных внешних сил, грозящее нарушить хрупкое равновесие утопического сознания, заставляло постоянно искать противовесы, поддержки. И они стали опорой друг другу, довольно быстро осознав жизненную необходимость взаимного общения. В глазах Горького Роллан олицетворял Францию и всю европейскую культуру, которая поддерживала его, с глубоким сочувствием следила за каждым его шагом, давала советы, обращалась за помощью. Регулярные письма Роллана рассеивали угнетенность и подавленность, овладевшие Горьким в эмиграции: «Несравнимо хуже туберкулеза – печальная усталость души» (АГ-15, 22). Тон роллановских писем поначалу был оптимистичен: «Душой я с вами. И я надеюсь, что в грядущем будет существовать единая совесть всего мира. Эта совесть победит, какой бы ценой ни досталась ее победа (а для такой победы нет слишком дорогой цены)» (АГ-15, 20). Многочисленные просьбы Роллана заступиться за невинно страдавших от режима,

«замолвить словечко», «похлопотать», «помочь получить заграничный паспорт», давали обоимписателям ощущение реального участия в гуманизации существующего порядка вещей, в приближении царства «единой совести всего мира».

Еще во время Первой мировой войны Роллан писал Горькому о необходимости вести объединяющую работу по консолидации «лучших умов» человечества. Культурная элита «лучших умов» призвана была стать, по их мысли, духовным вождем человечества, чтобы повести его к нравственному возрождению, высотам духа. Мечта о революции в сознании масс, которые должны пробудиться для большой духовной работы, составляла пафос творчества и Горького с его «Рождением Человека» и романом «Мать», и Роллана с его «Жан-Кристофом» и «Очарованной душой». Она вдохновляла обоих в их неутомимой просветительской (увлечение сериями жизнеописаний замечательных людей и «героических жизней») и «собирательной», объединяющей деятельности. Каждый из них считал другого титаном, Прометеем, призванным помочь в осуществлении великой задачи нравственного совершенствования человечества. Они вдохновляли друг друга на этом трудном пути. Отсюда высокопарный и торжественный тон их писем, вызывавший порой ироническое отношение скептически настроенных современников. Так Н.Н. Берберова, жившая в эмиграции некоторое время в семье Горького в 1922-1925 годах, писала о переписке двух писателей: «Горький верил, что между ним и Роменом Ролланом существует единственное в своем роде понимание, возвышенная дружба двух титанов. Теперь переписка этих двух людей частично опубликована. Она длилась много лет и была довольно частой. Велась она по-французски. Горький писал через переводчика. Несколько раз таким переводчиком была я <…> Вечером он приносит черновик ответа для перевода на французский язык. Там написано, что мир за последние сто лет шагнул к свету, что в этом приближении к свету идут рука об руку все достойные носить имя человека. Среди них в первых рядах идет Панаит Истрати, "о котором Вы мне писали, дорогой Друг и Учитель, и которого адрес я убедительно прошу Вас мне прислать в следующем письме".

Иногда – раз в год приблизительно – Роллан присылал Горькому свою фотографию. Перевести на русский язык надписи, которые он на них делал, было еще труднее, чем его письма. Мы это делали все вместе, собравшись в комнате Максима. Максим по всегдашней своей привычке в раздумье ел свою нижнюю губу».[356]

При всех сложностях взаимопонимания, от Роллана Горький не скрывал своих настроений: «За последние семь лет жизни в России я видел и пережил много тяжелых драм» (АГ-15, 22); «Освободить себя от морали? О нет, я знаю, к чему это ведет, я вижу это, наблюдая жизнь России» (АГ-15, 26); «Средства, употребляемые ныне, ведут в сторону, прямо противоположную цели» (АГ-15, 28).

Роллан поддерживал моральный дух своего, как ему представлялось, единомышленника, хотя, в свою очередь, испытывал большие сомнения в возможности осуществления их гуманистической мечты (об итогах Октябрьской революции Роллан писал: «Рухнула великая иллюзия», АГ-15, 44). Когда сомнения охватывали Роллана, Горький брал на себя ту же роль утешителя, не давая разочарованию лишить их жизнь и деятельность смысла: «Так радостно, что где-то далеко живет человек, душа которого болит той же болью, что и твоя душа. Хорошо знать об этом в дни, когда торжествует обезумевшая свинья» (АГ-15, 19), – писал он Роллану в самом начале их переписки.

Более двадцати лет ждали они личной встречи: «Хотел бы видеть вас», – писал Горький в 1922 году (АГ-15, 27). «Я поеду на эту встречу (друзей-интеллигентов в Варезе весной 1922 года – М.А.) лишь в том случае, если буду уверен, что увижу там Вас», – уверял Роллан (АГ-15, 34) и писал позднее: «Я с грустью думаю, что опять не придется встретиться нам в этом году» (АГ-15, 39). Из-за состояния здоровья обоих и по многим другим причинам личная встреча довольно долго откладывалась.

Советское руководство предприняло определенные шаги по привлечению Роллана в СССР. Так был издан сборник его статей, началось издание собрания

[356] Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ; Астрель, 2010. Цит. по URLy: https://www.litmir.me/br/ (дата обращения 23 мая 2016 года).

сочинений. Партийное руководство возлагало надежды на опытного партийного деятеля, бывшего в это время директором Госиздата А.Б. Халатова. А.Б. Халатов (Арташес Багратович Халатянц, 1894-1938, репрессирован) в 1921-1928 годах возглавлял Комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при Совете народных комиссаров РСФСР-СССР, инициированную Горьким в период голода и разрухи, вызванными Октябрьской революцией 1917 года и гражданской войной. Создатель советского общепита Халатов, как было принято в среде партийных руководителей, возглавлял одновременно товарищество «народного питания», занимался подготовкой кадров Наркомата путей сообщения и управлял издательскими делами СССР. С 1927 года он стал членом коллегии Наркомата просвещения, в 1929 году занял пост председателя правления Госиздата и ОГИЗа. Как истинный партийный функционер, он слабо разбирался в художественных достоинствах произведений литературы, однако сыграл значительную роль в становлении советской цензуры. Именно он взялся за организацию приезда Роллана в СССР и переписку с писателем в этой связи, хотя непосредственно по делам издания своего собрания сочинений Роллан переписывался с сотрудниками ленинградского издательства «Время».

В Архиве А.М. Горького сохранились три письма Роллана Халатову от 1931 года по поводу его поездки в СССР, видимо, пересылаемые Горькому для ознакомления.

1. Р. РОЛЛАН – А. ХАЛАТОВУ

«Вильнев (Во) вилла Ольга

22 мая 1931

Дорогой Халатов,

Я благодарю Вас за Ваше дружеское письмо от 18 мая. Я совсем не уверен в том, что смогу этим летом приехать в СССР. В любом случае, если бы я приехал, то только в Москву и на весьма ограниченный срок.

В самом деле, здоровье мое тяжело подорвано, – в особенности, после бронхопневмонии, которую я перенес в декабре прошлого года, – и требует большой осторожности. В интересах дела, которое мы с Вами отстаиваем, мою жизнь (которой лично я дорожу мало) необходимо продлить еще на несколько лет: ибо я слишком хорошо отдаю себе отчет в том (говорю об этом без ложного самолюбия, а скорее, с сожалением), что в деле защиты СССР и действенной веры в Интернационал трудящихся и пролетариата будет нелегко заменить меня на Западе, в среде интеллигенции. Птицы моей породы среди них – «rara avis».

Итак, если я приеду, освободите меня от утомительных вещей, мои дорогие друзья! Будет лучше – я думаю – если мне будет предоставлена свобода выбора местожительства и передвижения, – и отдыха, если это будет для меня необходимо. В особенности, мне хотелось бы пожать руку моим близким друзьям, таким, как Горький, – и всем вам своим пребыванием в Москве засвидетельствовать непосредственно мою братскую симпатию и преданность.

В ближайшие дни я должен посоветоваться с моим врачом, в Цюрихе, – для того, чтобы он мне точно сказал, что я могу делать и что он мне позволяет. От его ответа будет зависеть мое решение. И я о нем сейчас же извещу моих московских друзей.

Сердечно жму Вашу руку

Ваш

Ромен Роллан»[357]

2. Р. РОЛЛАН – А. ХАЛАТОВУ

«Цюрих, 16 июня 1931 г.

Дорогой А. Халатов,

[357] АГ. ПТЛ 14-69-1=3.

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 5-го июня и за посылку, о которой Вы мне сообщаете.

Печальное известие отзывает в Вильнёв, а оттуда – во Францию. Мой престарелый отец умер. Мы будем сопровождать его прах на родину, в Ниверне.

Сейчас я вынужден отказаться от поездки в Москву. Я сожалею об этом еще больше, чем мои московские друзья. Но я рассчитываю вознаградить себя в один прекрасный день, и мой приезд в СССР лишь откладывается на другое время, надеюсь, не слишком отдаленное.

Примите уверения в моей сердечной преданности,

Ромен Роллан»

3. Р. РОЛЛАН – А. ХАЛАТОВУ

«Вильнев (Во), вилла Ольга

26 июня 1931 года

Дорогой Халатов,

Я получил ящик с книгами, которые Вы так любезно распорядились послать мне. Поздравляю и благодарю Государственное издательство за эти чудесные издания. Мне доставляет огромное удовольствие перелистывать эти великолепные репродукции музейных полотен, – произведения Толстого, изданные со строгой элегантностью, – изысканное и прелестное издание Вольтера, – любопытные иллюстрации к роману Достоевского, – и иллюстрированные брошюры, прекрасный образчик популярных изданий, ясно и тщательно сделанных. Все это делает честь СССР и тем, кто стоит во главе его интеллектуальной культуры.

Я уже писал Вам о том, как сожалею, что вынужден отказаться от запланированной на это время поездки в Москву. Смерть отца, здоровье сестры, подорванное напряжением последних недель, необходимость хоть немного отдохнуть заставляют меня отложить путешествие на более поздний срок. Можете быть уверены, что я его осуществлю, но в другое время. Я этого очень хочу, так же, как и мои московские друзья.

Примите уверения, дорогой Халатов, в моей сердечной преданности,

Ромен Роллан».

Поездка в СССР, намечаемая советским руководством в 1931 году, состоялась в 1935 году. Ромен Роллан посетил Советский Союз, в поездке от Варшавы до Москвы его сопровождал председатель ВОКСа А.Я. Аросев, который состоял с Ролланом – «по поводу приезда и не только» – «в длительной и систематической переписке».

23 июня 1935 года Москва встречала Роллана. Роллан, в ожидании аудиенции у Сталина, которая состоялась 28 июня, поселился в гостинице «Савой». 29 июня, в 5 часов дня, он переезжает к Горькому. Так на городской квартире Горького на Малой Никитской, 6 впервые произошла встреча двух писателей. С этого дня Роллан и его жена М.П. Кудашева-Роллан стали гостями Горького и жили в его семье до самого отъезда из Москвы. 29 июня Р. Роллан записал в своем дневнике: «В 5 часов вечера Крючков приехал за нами, чтобы отвезти нас к Максиму Горькому, в его московский дом на Малой Никитской, 6. Горький ждет нас на пороге. Если Сталин не таков, каким ожидаешь его найти, то Горький точь в точь, как его образ, созданный воображением. Очень высокий, выше меня, значительное некрасивое доброе лицо, большой утиный нос, густые усы, белокурые седеющие брови, седые волосы, подстриженные бобриком...»[358] (МД, 3, 225).

Выступая по московскому радио, Роллан сказал: «В настоящее время я живу у Максима Горького, которого я знал только по пашей двадцатилетней дружеской переписке и встрече с которым я бесконечно рад» («Известия», 5 июля 1935 года).

21 июля 1935 года Горький провожал Роллана на Брестском вокзале. В Музее А. М. Горького хранится фотография Роллана с надписью: «Моему дорогому другу

[358] Роллан Р. Наше путешествие с женой в СССР / Пер. с франц. М.А. Ариас // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 207-242. Далее в тексте диссертацииэто издание обозначается при цитировании как МД («Московский дневник») с указанием номера журнала и страницы.

Максиму Горькому в память о чудесных неделях, проведенных у него, с глубоким волнением Ромен Роллан. Москва, 21 июля 1935».

После смерти Горького Роллан записал в своем дневнике:

«Нет, я не знал, как глубока моя привязанность к Горькому! Утрата друга открыла мне это. Теперь наша взаимная привязанность стала трагически ясной. С острой болью я чувствую, что я жил в ожидании новой встречи в будущем году; и я уверен, что Горький тоже ждал меня. Час нашего расставания в конце июля 1935 года на вокзале в Москве был подлинным началом нашей новой близости. Мы рассчитывали на нее. Я начал учиться русскому языку, чтобы один на один говорить с ним. Нам так много надо было поведать друг другу!

Я не могу утешиться. Мысль об утраченном друге и его живой образ преследуют меня...» (АГ-8, 358).

Поездка в Россию, о которой с юности мечтал Роллан и которая так долго откладывалась, была описана Ролланом в его «Московском дневнике» в период пребывания в СССР и после возвращения из Москвы. Во время «московских процессов» (в октябре-декабре 1938 года) Роллан написал «Дополнения» к «Московскому дневнику». Машинопись этих двух произведений с правкой Роллана была подарена писателем его жене Марии Кудашевой в память об их поездке в Москву. Роллан посоветовал жене завещать эту рукопись Архиву А.М. Горького в Москве. После смерти Роллана М.П. Кудашева-Роллан через свою невестку, гостившую у нее в Париже и помогавшую ей разбирать документы и архив, передала фотокопии рукописи Московского дневника и подготовительные блокноты писателя в дар Архиву А.М. Горького. «Московский дневник» Роллана был опубликован в журнале «Вопросы литературы» в 1989 году (в переводе автора диссертации).

Французский славист Л. Робель с иронией заметил, что «в России Роллан не видел ничего, кроме дачи Горького».[359] Однако и этого Роллану оказалось достаточно, чтобы сделать свои далеко идущие выводы. «Московский дневник» содержит в основном разговоры, портреты тех, кого видел Роллан: руководства

[359] Подробнее об этом см.: Robel L. Histoire de la neige. P.: Hatier, 1994.

(Сталина, Радека, Бухарина, Ягоды), писателей, художников, членов семьи А.М. Горького и М.П. Кудашевой. Его впечатления проникнуты нарастающим тревожным чувством. Через год Горький умер. Так эта эпохальная встреча стала заключительным аккордом в их многолетнем интереснейшем диалоге.

3.2. Образ М. Горького в «Московском дневнике» Роллана: «старый медведь с кольцом в губе»

Ежедневные записи, которые вел Роллан во время поездки, по необходимости были очень краткими. Роллан записывал свои впечатления в обыкновенный блокнот. Вернувшись в Швейцарию, Роллан расшифровывает их и диктует текст Марии Павловне Кудашевой-Роллан. Архив Горького располагает фотокопиями блокнота писателя и машинописного текста, напечатанного Марией Павловной, просмотренного и отредактированного затем Ролланом. Заверенная машинопись с правкой Роллана и есть беловой вариант его «Московского дневника». По сравнению с блокнотом в машинописи краткие записи превращаются в довольно развернутые характеристики, появляются некоторые эпизоды, о которых не было речи в блокноте. Не было в блокноте и приложения к дневнику, составляющего четверть объема окончательного текста дневника и подводящего итоги размышлениям Роллана на московскую тему. То, что в ежедневных записях можно было прочесть только между строк, в приложении обретает собственное выражение. К числу таких архиважных итоговых размышлений, наряду с размышлениями о роли и месте партии и ее вождя в обществе, относится и разговор о Горьком.

В «Московском дневнике» Роллан поднимает те же проблемы, что и его соотечественник Андре Жид, побывавший в СССР год спустя.[360] Ставит он их не

[360] Gide A. Retour de l’U.R.S.S. P.: Gallimard, 1936. Позднее А. Жид дополнил свою книгу заметками «Дополнения к моему Возвращению из СССР» (Retouches à mon Retour de l’U.R.S.S.). В его журнале «Нувель ревю франсез» регулярно публиковались рецензии на книги французских путешественников в СССР, являвшихся одновременно сотрудниками журнала: Люка Дюртена, Жоржа Дюамеля, Альфреда Фабр-Люса и др. Путешествия в СССР и отчеты о них стояли на повестке дня западных издательств вплоть до падения железного занавеса в конце 1930-х годов в связи с «московскими процессами». См. рецензии на книги путешественников в «новый мир»: Crémieux B. «Retour de l’U.R.S.S.» par André Gide // Nouvelle revue française (далее NRF). 1936.

менее остро, и многие упреки в адрес политики СССР и его руководства Жид через год повторит почти дословно. Оба они, тем не менее, верят в большое будущее, которое ожидает СССР. В том же, что касается настоящего в СССР, Роллан оказался большим пессимистом, чем Андре Жид. Он не решается опубликовать свой дневник. Напрашивается объяснение, что решение это продиктовано заботой Роллана о международном престиже СССР накануне второй мировой войны в годы прихода к власти фашизма. Но дело было, разумеется, не только в этом. Полувековой срок, назначенный Ролланом для хранения дневника под спудом, свидетельствует о том, что Роллан не верит в возможность скорых перемен и справедливого разрешения затронутых им проблем. Не веря в настоящее, он обращается к будущему, при этом Роллан довольно точно определил срок, когда стала возможна публикация его дневника в СССР – 1985 год. Андре Жид был убежден в том, что правда лечит и поможет руководителям СССР исправить допущенные ими ошибки. Роллан же, благодаря общению с Горьким и семьей своей жены был гораздо лучше осведомлен о реальном положении дел в СССР. Он не был сторонним наблюдателем, как Андре Жид, он был участником, хотя бы уже потому, что в СССР жила семья его жены, поэтому Роллан не годился на роль бескорыстного рыцаря истины. Приводя высказывания доктора Плетнева, Екатерины Павловны Пешковой, своего пасынка Сергея и свекрови Марии Павловны, Роллан прекрасно понимал всю меру ответственности, которую он брал на себя за судьбу этих людей. Нельзя забывать, что у него был многолетний опыт заступничества за людей, пострадавших от жесткости режима. В первые же дни после приезда медсестра, ухаживавшая за Ролланом, бесследно исчезла после попытки отстаивать свое мнение перед председателем ВОКСа А.Я. Аросевым. У Роллана нет никаких иллюзий на этот счет. «Он не простил...», – записывает Роллан в свой дневник. «Она не беззащитна, она член партии», – пишет Роллан, но аресты,

---

Décembre. P. 1071-1077; Crémieux B. «Retouches à mon retour de l'U.R.S.S.» par André Gide // NRF. 1937. Août. P. 339-341; Durtain L. Arrivée en Russie // NRF 1927. Octobre 1927. P. 445-462 ; Thérive A. «Le voyage de Moscou» par G. Duhamel // NRF. 1927. Décembre. P. 825-827; Drieu la Rochelle P. « Russie 1927» par A. Fabre-Luce // NRF. 1928. Février. P. 252-255; Fernandez R. «L'autre Europe, Moscou et sa foi» par Luc Durtain // NRF 1928. Avril. P. 549-552. Подробнее об этом см.: Lottman H.R. La Rive Gauche. Paris, 1981; а также Caute D. The Fellow-Travellers 1917-1968. London, 1974.

ссылки, исчезновения, страх и напряжение, в котором живут советские люди, не тайна для него. Эта атмосфера повлияла и на самого Роллана. Подтверждений этому немало на страницах дневника (например, его молчание в ответ на «провокационные» разговоры доктора Плетнева («жестокие времена»), его отказ высказать свое мнение Аросеву о старом и новом поколении большевиков, отказ сделать дружескую надпись на фотографии для Ягоды и т. п.). «Независимые, не сумевшие осторожно помалкивать, исчезают. Нельзя говорить слишком громко. Тот, кто раскрывает душу, выдает себя... Навязывается официальное мнение», – записывает он в дневник после разговора со свекровью Марии Павловны (МД, 4, 241).

На шестой день после приезда в Москву, после завершения ряда официальных мероприятий, Роллан переезжает в дом Горького и с этого момента большую часть времени проводит в его обществе. Поначалу Роллана поражает контраст между роскошным особняком и усталым, болезненным видом писателя. Высокий худой человек в широкой рубахе с добрым некрасивым лицом не вписывается в эти экстравагантные декорации! Роллану кажется, что Горький испытывает отвращение к дому, в котором живет. Горький чужд этой роскоши, равнодушен к. ней. Такое же впечатление создалось у Роллана от пребывания на даче Горького в Горках: ни тот, ни другой особняки не принадлежали Горькому и были явно не в его вкусе. «Он не чувствует себя здесь хозяином», – утверждает Роллан (МД, 4, 230).

Однако Роллан понимает, что тяжело больной, живущий интенсивной духовной жизнью Горький не добивался для себя этих чрезмерных благ, и его дом и образ жизни – лишь симптом общего неблагополучия в стране, первоначально ставившей себе целью заботу об осуществлении социальной справедливости. Горький не хозяин в своем доме. Еще больше утверждается в этой мысли Роллан, видя, как по-хозяйски ведет себя в доме Горького Г.Г. Ягода, посещающий Горького в любое время и живущий на соседней даче рядом с дачей Горького.

Неблаговидна, по мнению Роллана, и роль всегда недовольного секретаря Горького П.П. Крючкова, отвечающего на все телефонные звонки, вскрывающего

все письма, адресованные Горькому, изымая те, что покажутся ему бесполезными или навязчивыми, отклоняющего по собственному усмотрению просьбы видеть Горького.

Замечает Роллан и посты, расставленные в лесу вокруг дачи. И то, что управляющий во время разговора входит в комнату без всякого предлога и открывает закрытые Ролланом двери. Не укрывается от Роллана и то, что на ужинах с членами ЦК Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем Горький оказывается в роли статиста, а гости ведут себя по-хозяйски. Зная Горького как человека гордого и самолюбивого, долго не забывающего обиды, Роллан понимает, что такое обращение с ним со стороны руководителей и их приспешников не может быть тому приятно.

Как не отвечает Горький за порядок в собственном доме, так не может он отвечать и за порядки, царящие в стране.

Роллан замечает, что Горький неоднократно оказывается в ситуациях, когда, осуждая в душе нетерпимость и жестокость созданной социальной системы, вынужден на словах защищать ее, подыскивать оправдания и аргументы в ее пользу (справедливости ради надо сказать, что и сам Роллан вынужден иногда поступать так же – ради гипотетической пользы делу). Когда разговор заходит о несправедливости системы, производящей отбор людей по их происхождению (эпизод с письмом сына купца, перед которым оказались закрыты двери учебных заведений), Роллан замечает: «У Горького в глазах боль и испуг... Горький в глубине души думает то же самое, но не может решиться этого сказать и действовать соответственно» (МД, 4, 222). Что же, Горький изменился, отказался от своих принципов? Роллан знает, что нет. Это та самая «любая цена», которую оба готовы были заплатить за грядущее счастье человечества. Платят они оба, но Горький–сполна. Дорого обходится ему участие в «великом деле обновления».

Погружаясь в эту бездну противоречий, Роллан не боится утратить ориентиры. Его проницательный взгляд читает в душе Горького все то, что Горький не говорит ему: «Конечно, он очень добрый и слабый человек; он идет против своей природы, совершает большое усилие, чтобы не осуждать ошибки своих

могущественных политических друзей. В его душе происходит жестокая борьба, о которой никто ничего не знает» (МД, 5, 158).

Лишенный контакта со своими читателями, с народом, Горький расцветает в присутствии рабочих делегаций. С ними он отдыхает душой, загорается их энтузиазмом. «Горький восхищен», «Горький в восторге», –отмечает в дневнике Роллан. Вообще, Горький любит рассказывать и слушать рассказы о народной жизни.

Под пером Роллана Горький вырастает в огромную трагическую фигуру. Перед мысленным взором Роллана проходит весь жизненный путь Горького с момента начала их переписки и до проводов на вокзале: «До сих пор у меня перед глазами стоит лицо Горького... как он бледен, какие грустные и ласковые у него глаза» (МД, 5, 158).

Быть может, Роллан внял невысказанной Горьким просьбе о пощаде? Во всяком случае, ни Горький, ни его современники не прочитали дневника Роллана. Революция ужаснула Горького своей жестокостью. Ни год и ни два, а целое десятилетие понадобилось ему, чтобы преодолеть свое отвращение к установившейся диктатуре, и только он один знал, чего это ему стоило. Вернувшись в «Россию фараонов», Горький включился «в строительство пирамид». Назойливое внимание правительства и наркома внутренних дел Ягоды имело своей целью освятить его именем и огромным международным авторитетом систему, начиная от переименования Нижнего Новгорода и кончая документальными фильмами о строительстве каналов, где в кадре Горький фигурировал рядом с Ягодой (МД, 5, 151). Да, Роллан увидел оборотную сторону медали, но он не торопился поделиться итогом своих наблюдений с современниками.

Роллан слишком хорошо знал Горького, ощущал масштаб его личности, чтобы поверить в возможность его полного поглощения системой. Система постоянно нуждалась в осуществлении целого ряда мероприятий, чтобы удержать писателя в предназначенной ему рамке. Роллан скрупулезно перечисляет эти мероприятия: Горький – пленник в собственном доме, лишен контакта с

читателями (благодаря рвению Крючкова и своему слишком официальному положению), установлена блокада («Крючков сделался единственным посредником всех связей Горького с внешним миром: письма, визиты, вернее, просьбы посетить Горького перехватываются им, одному ему дано право судить о том, кому можно, а кому нельзя видеть Горького» (МД, 5, 183), «Крючков располагает им по своему усмотрению и в соответствии с установками партийного руководства» (МД, 5, 183). И все это потому, что Горький «не хочет видеть, но он видит ошибки и страдания, а порой даже бесчеловечность дела», в котором участвует (МД, 5, 182).

Роллан глубоко сочувствует Горькому, в одиночку «несущему тяжелое бремя горя, ностальгии и сожалений» (МД, 5, 183). Завершая свой дневник и как бы подводя итог их многолетней дружбы, Роллан оглядывает весь жизненный путь Горького: «Горький бросился, забыв обо всем, в русскую революцию и после многих скачков, разочарований и бунтов, отголоски которых еще двенадцать лет доносились до меня в его письмах, полностью посвятил себя идее и делу ленинизма-сталинизма… его заворожила новая Россия, казавшаяся еще блистательнее с далеких берегов муссолиниевского Средиземноморья. <...> Тщетно пытается он видеть в деле, в котором участвует, только величие, красоту, человечность – он не хочет видеть, но он видит ошибки и страдания, а порой даже бесчеловечность этого дела. (Таков удел всякой революции.) …Несчастный, старый медведь, увитый лаврами и осыпанный почестями, равнодушный в глубине души ко всем этим благам… на сердце его лежит тяжелое бремя горя, ностальгии и сожалений; он пытается заглушить свой застарелый пессимизм опьяняющим энтузиазмом и верой окружающих масс, увлекающих его за собой, которые, как полагают, увлекать должен он!» (МД, 5, 182).

После смерти Горького Роллан записал в своем дневнике:

«Нет, я не знал, как глубока моя привязанность к Горькому! Утрата друга открыла мне это. Теперь наша взаимная привязанность стала трагически ясной. С острой болью я чувствую, что я жил в ожидании новой встречи в будущем году; и я уверен, что Горький тоже ждал меня. Час нашего расставания в конце июля 1935

года на вокзале в Москве был подлинным началом нашей новой близости. Мы рассчитывали на нее. Я начал учиться русскому языку, чтобы один на один говорить с ним. Нам так много надо было поведать друг другу!

Я не могу утешиться. Мысль об утраченном друге и его живой образ преследуют меня...» (АГ-8, 358).

Роллан высоко оценил вклад Горького в литературу, его исследование человеческой души, поэтическую составляющую его творчества, назвав его «крупным поэтом»: «Самым замечательным у Вас, как художника, кажется мне то прозрение человеческой души – или природы, – которое на протяжении рассказа вдруг как молния озаряет огромную, погруженную во мрак равнину. Какой образ Волги! Он так необычен и, однако, правдив; он неожиданен, но до такой степени пленителен, что испытываешь чувство, будто все это порождено твоим собственным воображением! Короленко ошибался: в Вас живет крупный поэт, более крупный, быть может, чем наблюдатель-реалист. Поэзия эта подобна огненному следу, который оставляет на черном своде жизни Ваша пылкая душа» (30 октября 1923; АГ-15, 77).

Возможно, именно Роллану довелось сказать самые пронзительные слова о личности и творчестве Горького. Роллан определил Горького как «гениального бродягу», «паломника мира» в своем поздравлении в связи с шестидесятилетием Горького. В Архиве А.М. Горького сохранилось поздравительное послание Роллана, датированное 27 марта, но посланное, по-видимому, раньше (напечатано в газете «Известия» 29 марта 1928 года): «Со времен моей молодости имя Горького для меня – имя друга. Хотя он моложе меня по возрасту, мне он всегда казался старшим, так как его творчество уже блистало на Западе в тот момент, когда я пришел в литературу <…> Все объять! Я знаю, что этот гениальный бродяга, паломник мира, в любой момент готов снова взять в руки посох и идти по земным дорогам с проповедью своих идей и чувств, привлекая на свою сторону все большее число сторонников, избавляя их от бремени радостей и страданий. Ему совершенно незнакомо безразличие, туманящее, лучшие умы Запада, утомленные и пресыщенные. Каждое утро Горький рождается вновь – как природа. <…>

Горький – часть вечно новой природы, он черпает из ее бурного источника, живет в ее вечнам ритме смены сумерков зарей. И сегодня он моложе, чем сорок лет назад, ведь он юн юностью своего освобожденного народа и его мощным порывом к обновлению. Я отмечаю сегодня не его шестидесятилетие, а его духовное слияние с молодой Россией. Пусть их прекрасные дети радуют и обновляют мир!» (АГ-15, 420).

3.3. Роллан и его беседа со Сталиным в «Московском дневнике»: к проблеме интерпретации

В документе – во всяком документе – течет живая кровь времени.

Варлам Шаламов[361]

Дневник, который Роллан вел во время своего месячного пребывания в СССР (объемом около 6 печатных листов), был написан «в стол» – довольно редкий случай для писателя на Западе. Согласно категорически выраженной воле автора, его дневник оставался под спудом в течение 50 лет. На титульной странице авторизованной машинописи дневника рукой Роллана сделана надпись: «Эта тетрадь не может быть опубликована – ни полностью, ни в отрывках – без моего специального разрешения до истечения пятидесятилетнего срока, начиная с 1 октября 1935 года. Я сам воздерживаюсь от ее публикации и не даю разрешения на издание каких-либо фрагментов». Далее следует указание Роллана на то, что текст заново отредактирован им в августе 1935 года, через несколько недель по возвращении, «на основе ежедневных записей, торопливых и неполных, сделанных во время путешествия». Этот текст и признан автором основным. По нему с черновика женой Роллана сделана машинопись, сверенная самим Ролланом с текстом черновика. Название текста «Наше путешествие с женой в СССР. Июнь-июль 1935 года».

[361] Шаламов В.Т. <О моей прозе> // Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 4 т. Т.4. М.:Худ. Лит.; Вагриус, 1998. С. 380.

В ноябре 1974 года вдова Роллана передала через свою невестку, жену сына, Татьяну Николаевну Кудашеву, на хранение в Архив А.М. Горького ксерокопию авторизованной машинописи дневника с рядом документов, имеющих прямое или косвенное отношение к этому тексту:

1. Дневник Р. Роллана в период пребывания в Москве 17-28 июля 1935 года. Ксерокопия с автографа, 116 стр.

2. Дневник Р. Роллана в Москве – июнь-июль 1935 г. с комментариями и поправками Р.Роллана. Ксерокопия с авторизованной машинописи, 166 страниц (по нумерации Р. Роллана, отсутствуют две страницы – 137 и 138 (обозначен далее как «Московский дневник»).

3. Беседа т. Сталина с Роменом Ролланом. Машинопись на русском языке с припиской Ромена Роллана, 17 листов. Запись официальной беседы Р. Роллана со Сталиным. Авторизованная машинопись, на первой странице которой рукой Роллана сделана надпись: «Текст беседы Ромена Роллана со Сталиным, прочитанный и одобренный Сталиным и Роменом Ролланом» (обозначена далее как «текст Аросева»)[362]

4. Черновой автограф и машинопись письма Р. Роллана И.В. Сталину, которое Роллан включил в текст дневника, поместив на страницу 49 основной машинописи в 166 страниц.

5. Текст беседы И.В. Сталина и Р. Роллана, подготовленный для французской прессы с пометами Р. Роллана. Авторизованная машинопись, с. 2, 4-11, всего 9 листов.

6. Конспект беседы Р. Роллана с И.В. Сталиным. Автограф на бланке гостиницы «Савой», 1стр.

Когда, по прошествии необходимого строка, в 1988 году Институт мировой литературы и Архив А.М. Горького приступили к подготовке к публикации «Московского дневника» Роллана, возникло немало трудностей, представляющих

---

[362] Текст беседы Роллана со Сталиным опубликован в кн.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 99-110; а также на URLax: http://www.liveinternet.ru/users/bo4kameda/post259727837/ и http://stalinism.ru/dokumentyi/stenogramma-besedyi-i-v-stalina-s-romenom-rollanom.html

собой юридические и текстологические казусы. Прежде всего, при подготовке к публикации мы ограничились машинописью, хранящейся в Архиве Горького, так как не имели доступа к роллановскому архиву, хранящемуся в Национальной библиотеке в Париже и закрытому на тот момент вдовой писателя до 2000 года. Более того, обсуждался вопрос авторских прав на эту публикацию, так как все права на тексты Роллана были переданы парижскому издательству *Albin Michel*. Институт счел возможным публикацию без разрешения издательства, так как машинопись «Московского дневника» Роллана была подарена вдовой Архиву А.М. Горького. Издательство «Альбен Мишель», поставленное в известность Институтом о намерении опубликовать этот дневник, поспешило, в свою очередь, опубликовать этот текст, вышедший почти одновременно и во Франции, притом, что архив Роллана еще не был открыт для публикации. Таким образом, французская сторона при публикации располагала, возможно, черновиком Роллана, у нас же была лишь авторизованная машинопись и блокнот. Но главной текстологической проблемой оказалась публикация беседы Роллана со Сталиным.

Роллан имел привычку переписывать в дневник важные письма и документы. Так случилось и на этот раз. Роллан переписал в дневник свою беседу со Сталиным: собственную речь полностью, речь Сталина в сокращенном варианте в виде закавыченных цитат, поменяв при этом порядок изложения. И оказалось, что не только порядок изложения изменен, но и сами цитаты расходятся с текстом официального протокола, более того, порой они перестают быть узнаваемы, и мы имеем дело с псевдоцитатами. При этом Роллан настойчиво сохраняет кавычки.

Неслучайно, передавая в Архив А.М. Горького машинопись дневника, вдова писателя сопроводила ее еще пятью документами. Все они были напрямую связаны с беседой Роллана со Сталиным, состоявшейся в Кремле 28 июня 1935 года. Беседа проходила в присутствии жены Роллана Марии Павловны Кудашевой и председателя ВОКСа Александра Яковлевича Аросева, выступившего в качестве переводчика. Беседа была запротоколирована и копия записи беседы передана Роллану (на русском языке). Роллан включил ее в свой дневник (на французском языке). Казалось бы, наличие в Архиве записи официальной беседы облегчает

работу переводчика, имеющего возможность и обязанного сверить точность цитат по источнику. На этот раз было все наоборот. Сверка с источником показала не только несовпадение порядка изложения, но и значительные расхождения, которые имели принципиальный характер.

Официальная запись, переданная из Кремля Роллану Аросевым, не удовлетворила его. Роллан направил Сталину письмо: «Я перечитал текст нашей беседы от 28 июня. Так как я заранее приготовил то, что хотел вам сказать и записал свой текст, я смог воспроизвести его почти дословно. Товарищ Аросев записал мои слова достаточно точно, но, разумеется, он не мог воспроизвести мой текст с той полнотой, с которой его записал я. Поэтому я предпочел зачеркнуть его текст и вставить мой собственный текст на французском языке. Естественно, нужно было потом вставить в него ваши слова по ходу беседы. Я также вычеркнул фразу, произнесенную моей женой: во-первых, потому что она передана не совсем точно, а во-вторых, моя жена не принимала прямого участия в разговоре».[363]

Таким образом, запись беседы была заново отредактирована Ролланом в соответствии с его черновиком, которым мы не располагаем. Роллан предназначал этот текст для французской печати. В качестве источника мы имеем две редакции текста: запись Аросева на русском языке и запись Роллана на французском языке. В них есть отличия, о которых далее пойдет речь.

Во время пребывания в СССР Роллан вел дневник в блокноте величиной с ладонь. Эти ежедневные записи потом им были отредактированы, расширены, уточнены, обогатились эпитетами и разного рода характеристиками окружающих людей и событий, поэтому, благодаря вставкам и добавлениям, дневник значительно увеличивается в объеме. Но беседы со Сталиным в блокноте нет. Не содержит блокнот и никаких предварительных подготовительных записей. Напротив даты «28 июня/ пятница» есть лишь пометка: «Визит в Кремль и беседа

[363] Черновой автограф и машинопись письма Р. Роллана И.В. Сталину, включенного Ролланом в текст «Московского дневника» (на стр. 49 авторизованной машинописи в 166 страниц). Архив А.М. Горького. С. 1.

со Сталиным». Над ней в квадратных скобках пометка «в другой тетради». Этой «другой тетрадью» мы тоже не располагаем.

Следовательно, вместо одного источника текста беседы Роллана со Сталиным, которым должна была бы стать стенограмма, мы имеем четыре:

1. Запись Аросева (хранится в Архиве Президента, копия передана Роллану, а затем передана вдовой Роллана в Архив Горького), на русском языке;
2. Текст беседы на французском языке в редакции Роллана (куда Роллан вставил переведенные на французский язык слова Сталина);
3. Гипотетический текст в «другой тетради» (черновик речи Роллана);
4. Текст в «Московском дневнике» Роллана, авторизованная машинопись, имеющий большие расхождения с предыдущими двумя, которыми мы располагаем.

Именно в силу этих глубоких расхождений при публикации «Московского дневника» не учитывались при переводе остальные источники текста беседы. Текст беседы не является и художественным, так как, несмотря на претерпеваемые метаморфозы, носит документальный характер и местами воспроизведен без изменений. И, разумеется, все изменения и расхождения крайне важны, так как связаны с идеологической нагрузкой, которую несла беседа писателя и вождя.

В тексте, отредактированном Ролланом для французской печати, правка зачастую носит характер привнесения в текст большего эмоционального напряжения, но это, несомненно, концептуальная правка. Сравним, например, текст Аросева и текст Ролланом для французской печати, который, по-видимому, и взят им за основу для своего «Дневника».

Текст Аросева (далее А) (по поводу Виктора Сержа[364]): «Я являюсь другом некоторых его друзей. Они забрасывают меня вопросами»[365] (А, 4). Текст Роллана для французской печати (далее РП): «Они бомбардируют меня вопросами»[366] (РП, 2). Текст Роллана в «Московском дневнике»: «Они осаждают меня вопросами» (МД, 3, 219).

А: «Очень опасно в стране дела Дрейфуса и Каласа допускать, чтобы осужденный стал центром всеобщего движения» (А, 4). РП: «центром всеобщего движения протеста» (РП, 2) МД: (то же) (МД, 3, 219).

А: «Но все же СССР не может отклонить от себя великую ответственность – в некотором роде «верховную» ответственность – нести заботу о рабочих массах других стран» (А, 2). РП, МД: «И все-таки СССР не может снять с себя ответственности <…> своего рода «имперской» обязанности…» (РП, 2; МД, 3, 218). Роллан постоянно сравнивает СССР с «императорским» Римом: Сталин-Цезарь, Бухарин-Антоний и т.д. Другая яркая параллель – с фараонами Египта и строительством пирамид. Аросев снимает параллель с Римской империей, Роллан настойчиво восстанавливает ее.

МД: «нужны официальные учреждения для разъяснения политики СССР, т.к. посольство не занимается этим» (МД, 3, 218). У Аросева слово «посольство» опущено, Роллан его восстанавливает.

---

[364] Виктор Серж (наст. имя Виктор Львович Кибальчич, 1889–1947) – французский писатель и публицист, член барбюсовской группы «Кларте». В 1920–1930-е гг. находился в СССР. Был выслан из СССР в 1936 г. Был одним из основателей III Интернационала, работал в Петрограде в Исполкоме Коминтерна, писал для социалистической и коммунистической прессы франкоязычных стран, нелегально жил в Берлине, готовя революцию в Германии. С 1923 г. Серж в левой оппозиции, в 1928 г. исключен из ВКП(б), примыкал к троцкизму до 1937 г., затем называл себя независимым социалистом. Дважды подвергался арестам в СССР (1928, 1933). Без суда и следствия был сослан в Оренбург, где пробыл с июня 1933 по апрель 1936 г. с женой и сыном Владимиром (1920 г. р.) практически без средств к существованию, так как на работу его никуда не брали. В ссылке писал стихи и прозу, изъятые ГПУ и восстановленные автором уже за рубежом.

[365] Беседа т. Сталина с Роменом Ролланом. Машинопись на русском языке с припиской Ромена Роллана, 17 страниц. Запись А.Я. Аросева. Архив А.М. Горького. Далее в тексте обозначается буквой «А» (Аросев) с указанием страницы.

[366] Текст беседы И.В. Сталина и Р. Роллана, подготовленный для французской прессы с пометами Р. Роллана. Авторизованная машинопись, с. 2, 4-11, всего 9 листов. Архив А.М. Горького. Далее – РП (Роллан для печати) с указанием страницы.

А, РП: «Вы были правы, энергично подавляя сообщников заговора, жертвой которого явился Киров» (А, 3; РП ,4). МД: «Вы сто раз правы, энергично обуздав всех причастных к заговору против Кирова» (МД, 3, 219). В «Московском дневнике» опущено слово «жертва», «правы» заменяется на «сто раз правы». Эта правка не носит случайного характера, как видно из дальнейшего наблюдения над текстом.

Что же заставило Роллана править текст своей беседы со Сталиным, порой искажая его до неузнаваемости?

Текст беседы в записи Аросева в общей сложности занял 17 страниц, из которых 6 страниц текста произнесены Ролланом (развернутые вопросы), 9 страниц принадлежат Сталину (развернутые ответы, но не по порядку заданных вопросов), а 2 страницы представляют собой обмен репликами.

Тема репрессий заняла центральное место в беседе Роллана со Сталиным. Имя Нобелевского лауреата обладало большой притягательной силой для широких кругов интеллигенции на Западе и на Востоке. Его надо было убедить в необходимости крутых мер против разного рода оппозиций. И Сталин сделал все возможное, чтобы этого добиться, не останавливаясь ни перед грубой лестью, ни перед грубой ложью. Он пустил в ход все свое дарование лицедея, чтобы произвести на Роллана впечатление человека скромного, доброжелательного и самокритичного. Он нарисовал устрашающую, совершенно фантастическую картину опасностей, заговоров, покушений, которые будто бы угрожают советским руководителям, описал чудовищные преступления женщин и детей.

Приведем лишь один яркий пример из текста беседы по записи Аросева:

Сталин: Вы спрашиваете – почему мы не делаем публичного судопроизводства над преступниками–террористами. Возьмем, например, дело убийства Кирова. Может быть, мы тут действительно руководствовались чувством вспыхнувшей в нас ненависти к террористам-преступникам. Киров был прекрасный человек. Убийцы Кирова совершили величайшее преступление. Это обстоятельство не могло не повлиять на нас. *Сто человек, которых мы расстреляли, не имели с точки зрения юридической непосредственной связи с*

убийцами Кирова. Но они были присланы из Польши, Германии, Финляндии нашими врагами, все они были вооружены, и им было дано задание совершать террористические акты против руководителей СССР, с том числе и против т. Кирова. Эти сто человек-белогвардейцев и не думали отрицать на военном суде своих террористических намерений. «Да, говорили многие из них, мы хотели и хотим уничтожить советских лидеров, и нечего вам с нами разговаривать, расстреливайте нас, если вы не хотите, чтобы мы уничтожили вас». Нам казалось, что было бы слишком много чести для этих господ разбирать их преступные дела на открытом суде с участием защитников. Нам было известно, что после злодейского убийства Кирова преступники-террористы намеревались осуществить свои злодейские планы и в отношении других лидеров. *Чтобы предупредить это злодеяние, мы взяли на себя неприятную обязанность расстрелять этих господ*. Такова уж логика власти. Власть в подобных условиях должна быть сильной, крепкой и бесстрашной. В противном случае она – не власть и не может быть признана властью. Французские коммунары, видимо, не понимали этого, они были слишком мягки и нерешительны, за что их порицал Карл Маркс. Поэтому они и проиграли, а французские буржуа не пощадили их. Это – урок для нас.

Применив высшую меру наказания в связи с убийством т. Кирова, мы хотели бы впредь не применять к преступникам такую меру, но, к сожалению, не все здесь зависит от нас. Следует, кроме того, иметь в виду, что у нас есть друзья не только в Западной Европе, но и в СССР, и в то время как друзья в Западной Европе рекомендуют нам максимум мягкости к врагам, наши друзья в СССР требуют твердости, требуют, например, расстрела Зиновьева и Каменева, вдохновителей убийства т. Кирова. Этого тоже нельзя не учитывать. (А, 11) <…>

Что касается Виктора Сержа, я его не знаю и не имею возможности дать Вам сейчас справку.

Роллан: Я его тоже лично не знаю, но я слышал, что его преследуют за троцкизм.

Сталин: Да, вспомнил. Это не просто троцкист, а обманщик. Это нечестный человек, он строил подкопы под Советскую власть. Он пытался обмануть

Советское правительство, но это у него не вышло. По поводу него троцкисты поднимали вопрос на Конгрессе защиты культуры в Париже. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург. Виктор Серж живет сейчас в Оренбурге на свободе и, кажется, работает там. Никаким мучениям, истязаниям и проч., конечно, не подвергался. Все это чушь. Он нам не нужен и мы его можем отпустить в Европу в любой момент.

Роллан (улыбаясь): Мне говорили, что Оренбург – это какая-то пустыня.

Сталин: Не пустыня, а хороший город. Я вот жил действительно в пустынной ссылке в Туруханском крае 4 года, там морозы 50-60 градусов. И ничего, прожил (А, 13).

По тексту беседы мы видим, как происходит метаморфоза с самим Ролланом. Он подпадает под влияние Сталин и дальше в буквальном смысле начинает поддакивать ему: «Правда, правда».

Вопрос о репрессиях – первый вопрос, который Роллан задает Сталину. У Сталина при ответе он оказался последним. Сталин делает упор на разъяснение внешней политики СССР, связанной с приоритетами классовой борьбы и выживанием СССР в империалистическом окружении. Сталин отвечает на вопросы Роллана «не в том порядке, в каком они были заданы, а следуя логике собственных забот» (МД, 3, 221), поясняет Роллан в «Московском дневнике». Обосновывая репрессии, Сталин лишь в самом конце беседы обращается к доводам, оправдывающим массовые репрессии, говоря о репрессиях в связи с убийством Кирова как о частном случае репрессий. Однако, пересказывая ответы Сталина, Роллан следует не его логике, а меняет порядок изложения в соответствии с собственным приоритетом защиты прав человека. Характерно, что свой текст Роллан приводит целиком (попутно вставляя в него отдельные пассажи, которые не были произнесены, как это следует из записи Аросева), а текст Сталина пересказывает, вставляя выборочно отдельные цитаты. Такой способ цитирования неслучаен, более того, в основном, цитаты оказываются ложными, так как не совпадают с записью Аросева. О Сталине Роллан замечает: «Совершенная, абсолютная простота, прямодушие, правдивость. Он не навязывает своего мнения.

Говорит: «Может быть, мы ошиблись» …Не пытается обелить свои действия» (МД, 3, 221). Роллан делает это за него: все эти подборки лже-цитат – не что иное, как попытка «обеления». Например, у Роллана Сталин говорит: «Может быть, мы ошиблись». В записи Аросева этой фразы нет.

«О поспешной казни ста человек после убийства Кирова говорит, что это вышло за рамки законности и морали, возможно, было даже политической ошибкой, но «мы поддались власти чувств» (МД, 3, 221). Вся эта фраза – также вымысел Роллана, так как в записи Аросева ни о законности, ни о морали Сталин не говорил, а тем более не говорил о «политической ошибке». Напротив, Сталин считает политической ошибкой пощадить противника. (Ср. цитату из записи Аросева: «Такова уж логика власти»). Сталин приводит пример Парижской коммуны: «Власть в подобных условиях должна быть сильной, крепкой и бесстрашной. В противном случае она – не власть и не может быть признана властью. Французские коммунары, видимо, не понимали этого, они были слишком мягки и нерешительны, за что их порицал Карл Маркс. Поэтому они и проиграли, а французские буржуа не пощадили их. Это – урок для нас» (А, 11-12). Роллан опускает эти слова. Вместо них – лжецитата в кавычках: «Нам очень неприятно осуждать, казнить. Это грязное дело. Лучше было бы находиться вне политики и сохранить свои руки чистыми. Но мы не имеем права оставаться вне политики, если хотим освободить порабощенных людей. А когда соглашаешься заниматься политикой, то уже все делаешь не для себя, а для государства; государство требует, чтобы мы были безжалостны» (МД, 3, 221). Таким образом, налицо достаточно тенденциозное переложение речи Сталина, которое Роллан не мог позволить себе в редакции беседы для французской прессы, так как посылал ее Сталину для просмотра. Но в «Московском дневнике» Роллан чувствовал большую свободу и воспользовался ею в вполне определенных целях.

Сталин говорит: «Сто человек, которых мы расстреляли, не имели с точки зрения юридической непосредственной связи с убийцами Кирова. Но они были присланы из Польши, Германии, Финляндии нашими врагами, все они были вооружены, и им было дано задание совершать террористические акты против

руководителей СССР, с том числе и против т. Кирова. <…> Чтобы предупредить это злодеяние мы взяли на себя неприятную обязанность расстрелять этих господ» (в записи Аросева) (А, 11). В «Московском дневнике» Роллан интерпретирует: «Нужно было наказание как пример для устрашения». И далее следует новая лже-цитата: «мы решили не давать этим убийцам (многие из которых надменно кичились своим желанием убивать) возможности предстать перед общественностью на процессе, который они могли использовать как трибуну…» (МД, 3, 221). У Сталина – расстрел как превентивная мера для потенциальных преступников, у Роллана, забывшего на этот раз о презумпции невиновности, они уже «убийцы», хотя еще не совершили своих преступлений. В речи Сталина отсутствуют такие слова как *«законность», «мораль», «чистые руки», «грязные дела»*, тем более нет и намека на такие слова как *«политическая ошибка»* и *«мы ошиблись»*. Роллан вставляет их в пересказ монолога Сталина, создавая собственную версию его речи.

Сравнительный текстологический анализ текста беседы в версии «Московского дневника» показывает, что писатель сознавал, что не совладал с вождем, и тот заставил его принять свои правила игры. В «Московском дневнике» Роллан пытается вернуть все на свои места, но не хочет и показать вида в глазах западных читателей и потомков, что поддался Сталину. Поэтому именно в тексте беседы он смягчил позицию Сталина, как проговаривается сам Роллан, «обелил» или «приукрасил» ее. В глазах своих читателей он хочет остаться пацифистом, гуманистом и, пользуясь современной терминологией, борцом за права человека, как в деле Виктора Сержа. Поэтому свои слова о Викторе Серже он помещает в «Московский дневник», а ответ Сталина изымает, т.к. в своем ответе Сталин называет того обманщиком, нечестным человеком, а Роллан не возражает ему, переводя разговор на бессмыслицу («Я думал, Оренбург – это пустыня»). Изымает из «Московского дневника» и упоминание о Парижском Конгрессе в защиту культуры, на который ни он, ни Горький не попали, в соответствии с желанием советского руководства, не доверившего ни тому, ни другому идеологическую защиту СССР и позаботившегося об организации их встречи именно в дни работы

Парижского Конгресса. (Поезд, увозивший Пастернака на Конгресс в Париж, стоял одновременно с поездом, везшим Роллана в Москву, на пограничной станции Негорелое, о чем Роллан узнал и пишет в «Московском дневнике»[367]). Доверили ее «поэту Тихонову и писателю Эренбургу», как говорит Сталин. К моменту редактирования «Московского дневника» Роллан знает о скандале, разразившемся в связи с делом Сержа во время проведения Конгресса. Исследователь Т.В. Балашова пишет в этой связи: «Когда на заседаниях конгресса обнаружилась опасность, что Бретон и Мадлена Пас будут выступать в поддержку Виктора Сержа, томящегося в уральской ссылке, целесообразность этих выступлений была сразу поставлена под вопрос; в результате речь Бретона, не явившегося на съезд, прочел Поль Элюар, а речь Мадлены Пас, хотя и была произнесена, позднее, как и речь Бретона, не значилась в опубликованных по-русски материалах конгресса».

Скандал разразился, когда Роллан был уже в Москве. Первым ему об этом сообщает во время беседы сам Сталин, проявивший полную осведомленность в этом вопросе: «По поводу него троцкисты поднимали вопрос на Конгрессе защиты культуры в Париже. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург». Сюрреалисты во главе с Андре Бретоном подняли вопрос о репрессиях в СССР, в частности о Викторе Серже, и за это были лишены права участия в Конгрессе и даже права присутствия в зале Конгресса. Сторонник «прямого действия» Бретон в кулуарах Конгресса дал пощечину Илье Эренбургу, поставившему ультиматум организаторам, требуя снятия доклада Бретона и недопущения сюрреалистов на

---

[367] Ср. ведущий специалист в исследовании французской литературы XX века Т.В. Балашова пишет о Первом конгрессе писателей в защиту культуры: «Это было событие – без преувеличения – грандиозное; и сейчас, с дистанции, может рассматриваться как высшая точка объединения интеллигенции разных стран. …Конгресс задумывался как демонстрация объединения более широкого, чем возникшее вокруг МОРП; поэтому к участию были приглашены и сюрреалисты, и писатели, далекие как от идей коммунизма, так и от увлечения авангардом. Но главной задачей все равно оставалась «чистота идейной линии». Поэтому в советскую делегацию не были включены литераторы, в лояльности которых возникали хоть какие-либо сомнения. Известно, что за пять дней до конгресса Мальро звонил Андре Жиду, выражая тревогу, что советская делегация совсем непредставительна по сравнению с делегациями других стран, и советуя срочно настоять на приезде Пастернака и Бабеля. Мальро и Андре Жид посетили советское посольство; Пастернак и Бабель прибыли» (Балашова Т.В. Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века (1920-1970) / Сост. Т.В. Балашова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 10).

Конгресс. Этот скандал послужил поводом к самоубийству сюрреалиста-коммуниста Рене Кревеля. В этом контексте пренебрежительный ответ Сталина выглядел вызывающе, а невозражение Роллана – слишком конформистским.

Так же малодушно в связи с убийством Кирова Роллан принимает факт, что можно, «поддавшись чувству», убить сто человек вместо наказания одного.

Не менее тенденциозно выглядит эмфатическое редактирование Ролланом своего текста по вопросу принятия Сталиным закона об уголовной ответственности с 12 лет (с возможным применением смертной казни): А: «Недавно опубликован закон о наказании *малолетних преступников* старше 12 лет» (А, 4) (курсив мой). РП: (то же). МД: «Недавно у вас в стране был обнародован закон о наказании *детей* начиная с 12 лет» (МД, 3, 219). В записи Аросева Роллан говорит: «*Я хорошо понимаю* мотивы, делающие необходимым внушить страх безответственным…» (А, 4) Ср. МД: «*Я могу понять* мотивы, которыми вы руководствовались…» (МД, 3, 220). Далее Роллан вставляет нравоучительный пассаж, отсутствующий в записи Аросева: «Не забывайте о воздействии идеологии на чувства людей на Западе! Эмоциональная оценка событий для нас имеет большое значение. И если для решительно настроенного правительства она не играет определяющей роли, но на слабые и нерешительные – оказывает сильное влияние, а таких большинство» (МД, 3, 220). В записи Аросева на месте этого пассажа – извинения Сталину за вопросы, которые, возможно, Роллан «не должен был бы возбуждать» (А, 4).

Уступки, которые Роллан сделал Сталину во время их беседы, касаются не только внутренней политики в СССР, но и позиции самого Роллана по актуальным международным вопросам. Об этом свидетельствует текстологический анализ соответствующих страниц авторизованной машинописи «Московского дневника». Обсуждая вопрос о войне и мире, Роллан полностью убирает из дневника большой, почти на страницу, абзац, в котором идет речь о пацифизме. Изъяв этот абзац, Роллан помещает его на отдельную страницу, сохранив номер страницы с которой был снят абзац. Таким образом, в авторизованной машинописи оказывается две страницы за номером 20. Подобным же образом в машинописи мы обнаруживаем две двадцать третьих страницы, две двадцать четвертых и две двадцать пятых

страницы. Текстология этих страниц свидетельствует о серьезных колебаниях и сомнениях Роллана, его нежелании публиковать текст полностью или же желании дать впоследствии дополнительный комментарий к помещенным отдельно абзацам. На месте изъятия абзацев зияют пропуски, слова забелены, как при цензурной правке. Имеет место автоцензура писателя, желающего сохранить моральный авторитет в глазах своего читателя. Все эти автоцензурные изъятия касаются «самой серьезной сегодняшней проблемы» (МД, 3, 220), проблемы войны и мира.

Вопрос о пацифизме очень важен для Роллана. Убежденный пацифист, стремящийся оставаться «над схваткой», он построил свой моральный авторитет на толстовской концепции непротивления и ненасилия. В беседе со Сталиным акценты смещаются: Роллан осуждает пацифизм, употребляя термин «интегральный пацифизм» (в записи Аросева; в версии же МД Роллан употребляет термин «абсолютный пацифизм»): «Интегральный пацифизм в известных случаях может быть отречением в пользу фашизма, который в свою очередь может вызвать войну» (А, 5). Эта фраза не появится в «Московском дневнике». Ее Роллан заменяет другой фразой: «Необходимо различать средства и истинную цель» (МД, 3, 220). Редактуре подвергается и вопрос об отношениях Роллана с Барбюсом и коммунистами. А: «Этот вопрос давно уже обсуждался во Франции» (А, 5). МД: «Этот вопрос уже давно следовало бы обсудить во Франции» (МД, 3, 220). А: «Несколько лет тому назад я обсуждал с Барбюсом и с моими друзьями-коммунистами опасность необусловленной кампании против войны» (А, 5). МД: «Уже давно я предупреждал Барбюса и моих друзей из «Юманите» об опасностях их необоснованной кампании против войны» (МД, 3, 220). В этом месте в «Московский дневник» Роллан вставляет пояснительный пассаж, снова данный в кавычках, как прямая речь, обращенная к Сталину, но таковой не являющаяся: «Говоря так, я становлюсь на объективную точку зрения, то есть скорее на их точку зрения, чем на свою собственную, так как я старался как можно дольше оставаться сторонником неприменения силы в международных конфликтах» (МД, 3, 220). Напротив этой ремарки, отсутствующей в записи Аросева, Роллан в «Московском

дневнике» ставит вопросительный знак. Публикатор должен сам решить, вставлять ли пропущенный абзац, выведенный Ролланом на отдельный лист. Однако даже тут, на отдельном листе, Роллан не оставил фразу, которая есть в записи Аросева: «Интегральный пацифизм в известных случаях может быть отречением в пользу фашизма, который в свою очередь может вызвать войну».

Мы знаем, что Роллан полемизировал с Барбюсом по этому вопросу и не солидаризировался с коммунистами из «Юманите». Чтобы избежать путаницы в умах его читателей-потомков, Роллан смягчает собственную позицию, снимая абзац с осуждением пацифизма и заменяя наиболее острую фразу на вполне обтекаемую («Необходимо различать средства и истинную цель». Смягчает он и свое отношение к резолюциям Амстердамского конгресса. А: «В этом отношении я не вполне доволен некоторыми резолюциями Амстердамского конгресса против войны и фашизма в 1932 году, так как его резолюции внушают некоторое сомнение в вопросе о тактике против войны» (А, 5). МД: ««Необходимо различать средства и истинную цель. Именно этого не сумело достичь движение, зародившееся на нашем Международном антивоенном конгрессе в Амстердаме в 1932 году» (МД, 3, 220).

Уехав из России, Роллан пытался вступить в переписку со Сталиным, послав ему в общей сложности пять писем (два – в 1935 году, три – в 1937 году). Все они остались без ответа. Роллан хотел получить разрешение на публикацию беседы, но так его и не получил. В письме от 27 декабря 1935 он пишет: «Я не буду больше возвращаться к вопросу о публикации моей беседы с Вами. Вы не ответили мне на этот счет, но по имеющимся у меня данным, Вы не считаете эту публикацию своевременной. Я не настаиваю. Но если опубликование беседы не предвидится, то вопросы, которые в ней подняты, стоят перед общественным мнением, терзают его больше, чем когда-либо, и настоятельно требуют ответа».[368]

[368] Письма Р. Роллана И.В. Сталину //Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века (1920-1970) / Сост. Т.В. Балашова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С.277-289. С. 282.

Впервые беседа Роллана со Сталиным была опубликована в журнале «Вестник Архива Президента Российской Федерации» (№ 1 за 1996 год). Но в № 3 «Вопросов литературы» за 1989 год она увидела свет в версии Роллана в корпусе текста его «Московского дневника». При публикации текста «Московского дневника» колебания и сомнения писателя не были отражены ни в сносках, ни в комментарии. Две 20, две 23, две 24, две 25 страницы были сведены в одну 20, 23, 24, 25. Все вынесенные абзацы вставлены на место. Не были учтены глубокие расхождения с текстом официальной беседы (в записи Аросева), к которому апеллировал Роллан в сноске в «Московском дневнике». Более того, в комментарии 22 сказано: «Отдельный текст беседы публиковать нецелесообразно, так как в своих основных положениях он не отличается от дневниковой записи Роллана» (МД, 3, 244).

Что касается «дела Виктора Сержа», в судьбе которого Роллан сыграл ключевую роль, получив от Сталина обещание выслать его из СССР, то можно сказать, что Сталин свое обещание исполнил, хотя и не полностью. «Вторая половина долга» осталась за вождем. Писатель был выслан, но без рукописей, которые остались в СССР и, возможно, до сих пор лежат в архивах Главлита, который должен был дать разрешение на вывоз рукописей. Серж вспоминал по этому поводу: «Я сделал несколько копий своих рукописей и условился по переписке с Роменом Ролланом, что пришлю ему свои книги, которые он хотел передать парижским издателям. Роллан не питал ко мне особой любви, так как в свое время я сурово критиковал его теорию ненасилия, вдохновленную гандизмом; но его волновали репрессии в Советском Союзе, и он писал мне очень дружески. Первую рукопись я послал ему четырьмя заказными пакетами, проинформировав об этом и ГПУ. Все четыре пакета пропали. Начальник особого отдела в ответ на мою жалобу воскликнул: – Вот видите, как никудышно работает почта! А вы говорите, что мы чересчур усердно боремся с саботажем. Даже мои письма к жене пропадают! Обещаю вам, что будет проведено тщательное расследование, а почта незамедлительно выплатит вам положенную компенсацию». Серж с иронией замечает, что в ссылке, не имея возможности работать, жил не на гонорары, а на

почтовые компенсации: «Тем временем моя переписка с заграницей прекратилась. Особист тяжко качал головой: «Эх! Ну что нам, по-вашему, делать, чтобы навести на почте порядок?» Почта регулярно выплачивала мне сотни рублей за «утерянные» заказные письма, которые я продолжал отправлять штук по пять в месяц. Это обеспечивало мне доход высокооплачиваемого специалиста».[369]

Уезжая из Москвы, Р. Роллан написал письмо наркому внутренних дел, генеральному комиссару государственной безопасности Г.Г. Ягоде, с которым был хорошо знаком по даче Горького в Горках (18 июля 1935 года). В этом письме он напоминал об обещании Г.Г. Ягоды вернуть рукопись французского романа Сержа: «Будет очень досадно, если я, как и некоторые из моих друзей, ранее занимавшиеся этим вопросом (а именно, Жан-Ришар Блок), вернусь на Запад с пустыми руками и не смогу показать точных документов. Вы не должны думать, что французское общественное мнение было успокоено заявлениями, сделанными на конгрессе писателей: сведения, которые я получил после конгресса, убеждают меня, что этим делом решили продолжать заниматься. Даже такой страстно преданный советскому делу человек, как Жан-Ришар Блок, активно занимается им. У меня есть основания думать, что Жид и Мальро также не перестали им интересоваться. Поэтому было бы совершенно необходимо, чтобы я привез туда литературную рукопись и верные доказательства, чтобы успокоить умы… Я считаю так же, как и Вы, что для СССР будет лучше отправить Сержа на Запад… лучшей политикой будет освободиться от него, выслав его из СССР, может быть, по отбытии им срока, через год (но объявив ему об этом официально уже сейчас), а пока предоставить ему возможность заниматься литературной деятельностью при осуществлении контроля цензурой и посылать рукописи романов на Запад, т.к. нужно избежать ложного впечатления, которым может воспользоваться кое-кто из врагов СССР, будто его лишают средств к существованию. В качестве дополнительных сведений

[369] Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: Праксис; Оренбург: Оренбург. книга, 2001. С. 386-387. Далее это издание цит. как Серж с указанием страницы).

сообщаю, что в то время, как в СССР мало придают значения литературным трудам Виктора Сержа, французские писатели ценят их».[370]

Виктор Серж прекрасно понимал политическую конъюктуру, позволившую ему выжить: «Вопреки опасениям, я не сгинул, а вернулся домой. Это произошло потому, что во Франции вокруг меня разгорелась упорная борьба. Общественные деятели и интеллектуалы требовали моего освобождения или обоснования ссылки. Им обещали устроить процесс по всем правилам – но он не состоялся; им обещали документацию по делу – но она не поступила. Им обещали, что меня немедленно освободят – но я оставался в неволе. В тот момент, когда советская политика искала поддержки левых кругов Франции, это было помехой» (Серж, 382).

Окончание «дела» Сержа связано с именем Е.П. Пешковой и созданной ею организацией Помощи политзаключенным, о чем Серж впоследствии вспоминал с глубокой благодарностью: «В Политическом Красном Кресте, среди мелких контор, заполонивших Кузнецкий мост, в двух шагах от высокого квадратного здания ГПУ, нас приняли Екатерина Павловна Пешкова и ее сотрудник Винавер, бывший либеральный адвокат. Екатерина Павловна еще носила фамилию Горького, женой которого была и преданной подругой оставалась. Доверие Ленина помогло ей во времена красного террора создать организацию помощи политзаключенным, кем бы они ни были, которую ЧК, а затем ГПУ терпели, относясь к ней уважительно и одновременно враждебно. Пешковой удавалось делать свое нелегкое дело, пользуясь абсолютным доверием как жертв, так и инквизиторов! Год за годом эта худая, печальная женщина с прекрасными серыми глазами, одевавшаяся элегантно и просто, окруженная немногими неутомимыми помощниками, оказывала помощь, посредничество и заступничество жертвам всех волн террора, которые беспрерывно следовали одна за другой. Убежден, никто на свете в этом столетии не соприкасался так близко со столькими несчастьями, фатальностями, злодействами, неотвратимыми или нелепыми трагедиями.

[370] Письмо хранилось в архивно-следственном деле по обвинению Рыкова, Ягоды и др. По решению Военной прокуратуры 10 декабря 1956 года письмо было передано в Институт мировой литературы им. А. М. Горького. О переписке Горького с Ягодой о В.Л. Кибальчиче (Серже) см.: Неизвестный Горький… С. 190-192, 206.

Пешкова жила в тайном аду, хранительница бесчисленных секретов, и каждый был смертельным, как злейший яд. Она не уставала и не теряла мужества, какими бы черными ни были времена – и для нее одной все времена революции были черными. Связанная с секретностью, она осталась неизвестной широкому миру. Я знал столько о ее тяжком труде, что мог бы написать целую главу, но это не входит в мою задачу» (Серж, 391-392). Едва ли в XX, да и XXI веке кто-то лучше написал о жене Горького, поставив ей памятник в веках!

Вина Виктора Сержа состояла в том, что он оказался «неудобным свидетелем», обладающим острым умом и бесстрашием потомственного революционера. Выходец из семьи русских политэмигрантов, Серж принадлежал к роду Кибальчичей, как и знаменитый террорист-изобретатель Н.И. Кибальчич, казненный вместе с Желябовым. Отец Сержа, Лев Кибальчич, унтер-офицер русской конной гвардии, стал участником боевой организации Народной воли, как и другие члены их семьи. По воспоминаниям Сержа, его родители кочевали между Лондоном, Парижем, Швейцарией и Бельгией «в поисках хлеба насущного и хороших библиотек». Некоторое время Лев Кибальчич преподавал в Институте астрономии в Брюсселе, затем семья переехала во Францию. Виктор Кибальчич вступил в партию эсеров, потом перешел к анархистам. Сотрудничал в анархистских газетах «Револьте» (*Le Révolté*) и «Анарши» (*L'Anarchie*), а в 1910 году стал ее редактором. В 1913 году он был осужден на пять лет тюрьмы за поддержку пресловутой анархистской «банды Бонно», прославившейся «высокотехнологичными» ограблениями банков. Летом 1917 года он познакомился в Париже с Н.С. Гумилевым, который писал ему: «Я традиционалист, монархист, империалист, панславист. Моя сущность истинно русская, сформированная православным христианством. Ваша сущность тоже истинно русская, но совершенно противоположная: спонтанная анархия, элементарная распущенность, беспорядочные убеждения. Я люблю все русское, даже то, с чем должен бороться, что представляете собой вы».[371]

[371] Цит. по: В.А. Бабинцев. Предисловие // Серж В. От революции к тоталитаризму…

После Октябрьской революции Серж сделал попытку нелегально уехать в Россию, но был арестован. В 1919 году французское правительство обменяло его на французского офицера, задержанного петроградской ЧК. Так он, революционер в коленах, оказался, наконец, в стране победившей революции. В СССР Виктор вступил в ВКП(б), работал у Г.Е. Зиновьева в Третьем Интернационале. С 1923 года он примкнул к антисталинской левой оппозиции, за что в 1928 году был исключен из партии. В 1933 году его ненадолго арестовали, а затем выслали в Оренбург без суда и следствия. Благодаря международной кампании в прессе, заступничеству французских писателей – социалистов и анархистов (М. Мартине, Ш. Вильдрака, Ж. Геено, Ж.-Р. Блока, Ф. Журдена, Л. Верта и др.), журнала «Эроп», не говоря уже о Роллане, получившем лично от советского вождя обещание освободить В. Сержа («Он нам не нужен и мы его можем отпустить в Европу в любой момент»).[372] Роллан пользовался возможностью на правах «друга СССР» обращаться с вопросами и просьбами к Горькому и некоторым партийным деятелям, с которыми был в переписке, – директору Госиздата А. Б. Халатову, председателю ВОКСа А.Я. Аросеву и заменившему его на этом посту М.Я. Аплетину, главному редактору «Интернациональной литературы» Т.А. Рокотову. Впрочем, смерть Горького, удивительным образом совпавшая со сменой политического курса сталинского руководства, лишила его этой возможности. Свою правозащитную деятельность он мог вести только через Горького. В дальнейшем просьбы его оставались без ответа.

Покидая СССР, Серж писал в мае 1936 года: «Режим никогда не выпускает строптивцев, для коммуниста-оппозиционера, для свободного писателя, для подобного мне неудобного свидетеля, равно как и для всех строптивцев: социалистов, анархистов, синдикалистов, левых коммунистов, троцкистов и прочих, в СССР не бывает ни амнистии, ни освобождения, ни вообще возможности хоть как-нибудь жить». Однако и во Франции «строптивцы» были вне закона, поэтому Серж не получил французской визы, ему в ней было отказано французским правительством, премьер-министром которого был Пьер Лаваль, за год до этого подписавший с СССР договор о взаимопомощи. Благодаря вмешательству

[372] Сталин И.В. Сочинения. Т. 18… С. 108.

влиятельного бельгийского социалиста Эмиля Вандервельде, Серж получил разрешение на въезд в Бельгию. В 1940 г., в период немецкой оккупации, вместе с сыном Владимиром он уехал в Мексику, где умер при невыясненных обстоятельствах в 1947 году.

3.4. В беседе с Ролланом Сталин раскрывает механизм политических репрессий

Существует проблема интерпретации Ролланом в «Московском дневнике» его беседы со Сталиным в 1935 году в период пребывания Роллана и его жены М.П. Кудашевой-Роллан в СССР. После возвращения из СССР Роллан редактирует свой дневник, значительно расширяет его, но отказывается от его публикации и на полвека закрывает его в своем архиве. Беседа со Сталиным – одно из ключевых событий поездки Роллана. Переписывая в дневник текст своей беседы с советским вождем, Роллан меняет порядок вопросов и ответов, наполняя текст псевдоцитатами. Первый вопрос, заданный Ролланом Сталину – о репрессиях в СССР, и, в частности, о репрессиях в связи с убийством С.М. Кирова – и ответ на него Сталина оказываются наиболее сложными для передачи в дневнике.

Важным обстоятельством, позволившим Роллану принять окончательное решение в связи с приглашением советского правительства и лично А.М. Горького посетить СССР, был положительный ответ Сталина на просьбу Роллана о встрече с ним, переданный через А.Я. Аросева, председателя правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей с 1934 по 1937 год. Встреча со Сталиным – это было условие Роллана, которое он ставил во время переписки с заинтересованной стороной по поводу поездки в СССР. Роллан, связанный дружескими отношениями с Горьким благодаря почти двадцатилетней переписке, родственными узами с полурусской-полуфранцуженкой Марией Кудашевой, выбрав сторону СССР в напряженной международной обстановке в связи с наступлением фашизма в Европе, в качестве «друга СССР» считал необходимым разъяснение внутренней и внешней политики СССР в Европе для признания не только де юре, но и де факто советского государства.

Нас будет интересовать один из аспектов внутренней политики СССР, который имел большой резонанс на Западе: речь идет о репрессиях, в частности, в связи с убийством руководителя Ленинградской парторганизации ВКП(б) С.М. Кирова 1 декабря 1934 года. Известно, что помимо непосредственного убийцы Кирова Л.В. Николаева на скамье подсудимых оказались его ближние и дальние родственники. Его жена М. Драуле, ее сестра О. Драуле и ее муж Р. Кулинер были расстреляны как соучастники. Всего на пяти процессах к расстрелу приговорили 17 человек, к тюремному заключению – 76 человек, к ссылке – 30 человек. 988 человек было выслано. Затронула столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, т.н. зиновьевской группы. Кроме того, было выслано около 12 тысяч «социально чуждых элементов»: бывших дворян, сенаторов, генералов, интеллигенции.[373] Репрессии продолжались по нарастающей и затронули, в основном, Москву и Ленинград. События в Ленинграде получили название «Кировский поток», основным московским процессом этого времени стало «Кремлевское дело». Очевидно, вопрос о репрессиях для Роллана был главным, с ним он приехал к Сталину в полдень 28 июня 1935 года: какие аргументы можно предоставить европейскому общественному мнению, крайне озабоченному массовыми ссылками и репрессиями, последовавшими за роковыми событиями декабря 1934 года?

Сталин в ответ нарисовал устрашающую, совершенно фантастическую картину опасностей, заговоров, покушений, которые будто бы угрожают советским руководителям, описал чудовищные преступления женщин-библиотекарей, готовящих покушение на Сталина. Фактически Сталин пересказал в собственной интерпретации «Кремлевское дело», которое возникло в начале 1935 года и поводом к которому послужило убийство С.М. Кирова. «Кремлевское дело» было прямым продолжением дела «Московского центра». На желание Сталина привязать к делу об убийстве Кирова бывших оппозиционеров – Г.Е. Зиновьева и

[373] Сталин: иной взгляд. Беседа с автором книги «Иной Сталин» // Наш современник. 2004. № 12. Подробнее об этом см. также: Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М.: Вагриус, 2003.

Л.Б. Каменева – впоследствии указывал Н.И. Ежов: «… Начал т. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев».[374]

В июне 1935 года, когда Роллан беседовал со Сталиным, «Кремлевское дело» было в самом разгаре. Сталин регулярно получал и читал протоколы допросов арестованных по этому делу, делал на них пометы и давал указания НКВД.[375] Ряд служащих Кремля, в том числе, кремлевской библиотеки, хозяйственного аппарата, сотрудники кремлевской комендатуры, военнослужащие обвинялись в создании нелегальной антисоветской организации и подготовке теракта с целью физического устранения Сталина. В центре террористического заговора оказались женщины-библиотекари, одна из которых была женой брата Л.Б. Каменева. По мнению историка О.В. Хлевнюка, данное дело было направлено, помимо прочего, против А.С. Енукидзе и послужило разрушению остатков коллективного руководства. На июньском пленуме ЦК ВКП(б) секретарь ЦК Н.И. Ежов сделал доклад по вопросу «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе», в котором говорилось, что из-за преступного попустительства секретаря Президиума ЦИК СССР А. Енукидзе на территории Кремля была создана террористическая группа, главным в которой является Л. Каменев.

Рассказывая Роллану о «террористической группе» во главе с женой брата Каменева в правительственной библиотеке в Кремле, якобы готовившей его убийство, Сталин связывает воедино несколько судебных процессов, как потом это сделало следствие к тому времени, когда Роллан уже уехал из Москвы: писатель оказывается в эпицентре не только проведенных, но и еще готовящихся политических репрессий. Сталин связывает с «Кремлевским делом» дело «Московского центра» (Каменева и Зиновьева, которых он называет «вдохновителями убийства Кирова»), контрреволюционную троцкистскую террористическую группу военных работников и контрреволюционную группу из бывших белогвардейцев, причем все группы основной своей целью якобы ставили

[374] Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2012. С. 262.
[375] Там же. С. 253.

подготовку и осуществление террористических актов против Сталина, руководителей ВКП(б) и советского правительства. Таким образом, Сталин обозначил Роллану контуры будущего политического процесса, который должен будет состояться через месяц после отъезда Роллана 27 июля 1935 года: Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством В. Ульриха на закрытом судебном заседании, без участия государственного обвинителя и защиты, по обвинению в подстрекательстве к совершению террористического акта в отношении Сталина были осуждены 30 человек, в том числе, Каменев (который уже сидел в тюрьме по делам «Союза марксистов-ленинцев» и «Московского центра» с января 1935 года, а в результате «Кремлевского дела» был приговорен к 10 годам тюремного заключения), его брат, Н.Б. Розенфельд, художник-иллюстратор книг издательства «Academia» и его бывшая жена библиотекарь Н.А. Розенфельд, а также их сын. Несколькими днями ранее, 14 июля 1935 года, Особым совещанием при НКВД СССР приговорены за контрреволюционную деятельность еще 80 человек, привлеченные по «Кремлевскому делу». Всего по «Кремлевскому делу» было осуждено 110 человек, в том числе Военной коллегией Верховного суда СССР – 30 человек. В ходе следствия в связи со смертью было прекращено дело на М.Я. Презента, главного редактора Госиздата художественной литературы. Среди арестованных оказались уборщицы правительственных зданий, швейцар и телефонистка – 11 человек, сотрудники правительственной библиотеки – 18 человек, секретариата Президиума ЦИК – 6 человек, управления коменданта Кремля и военнослужащие – 16 человек, работники различных учреждений и предприятий – 48 человек, родственники Каменева – 5 человек и домохозяйки – 6 человек.[376] В 1956-1958 гг. Главной военной прокуратурой проводилось расследование этого дела по вновь открывшимся обстоятельствам, в ходе которого установлено, что дело было инициировано НКВД СССР по прямому указанию Сталина. Никаких доказательств виновности вышеупомянутых лиц нет. Бывшие

[376] Подробнее об этом см. также в кн.: Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. М.: Вагриус, 2005; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра – Книжный клуб, 2000; Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

сотрудники НКВД СССР, занимавшиеся «Кремлевским делом», в 1937–1938 гг. были осуждены.

3.5. «Заагентуренный» секретарь Горького П.П. Крючков глазами Роллана

Роллан обращает внимание на то, что самым близким к Горькому человеком оказывается его секретарь Крючков. Он постоянно начеку: «Пьем чай вчетвером. Крючков вынужден каждую минуту вскакивать, чтобы отвечать на звонки трех или четырех телефонов, размещенных в квартире <…> Ни Горький, ни Крючков не говорят ни слова по-французски» (МД, 3, 225). Постоянное присутствие Крючкова в жизни Горького вызывало недоумение и раздражение многих современников. Так, в частности, А.Я. Аросев в свою бытность дипломатом встретил Горького в Германии, и эта встреча произвела на него удручающее впечатление, о чем он сделал запись в своем дневнике (от 1 ноября 1932 года): «В Берлине в полпредстве оказался Горький (проездом в Сорренто). С ним неотлучно его полусекретарь-полузавхоз некий Крючков. Человек с циничным лицом, с водянистыми, несмеющимися глазами… черная, вроде Кармен, сбитая, жена Крючкова. Горький принял меня в отведенной ему комнате. Я вошел в нее и увидел человека, согбенного под тяжестью набухших усов. Человека этого я видел в 1910 году, т.е. 22 года тому назад на острове Капри. Он и тогда был согбенным, но тогда он был натуральнее и не закатывал по временам так артистически своих глаз, да и не показывал окружающим, как ему скучно с ними, оттого что они не сверхчеловеки».[377]

Крючков в повествовании Роллана часто фигурирует в эпизодах с наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой. Например, характерны эпизоды 10 июля (совместный просмотр фильма), эпизод 18 июля в Горках, когда Ягода – сосед по даче – проводит весь день в доме Горького, смотрит вместе с Ролланом фильм «Земля», обедает, ужинает, выказывает Роллану симпатию, дарит ему «великолепный букет красных и белых лилий из своего сада». Он признается Роллану, что многие иностранные писатели хотели встретиться с ним, но он всегда отказывал: Роллан

[377] Аросева О., Максимова В. Без грима. М.: Центрполиграф, 2003.

первый, кого он удостоил этой чести (весьма сомнительной, разумеется). Ягода вместе с Крючковым и Горьким уговаривает Роллана приехать жить в СССР: «Они говорят нам: «Не уезжайте! Оставайтесь!.. Если уж вам надо обязательно ехать, возвращайтесь через месяц!.. Получите дом, где захотите, – в Крыму или в окрестностях Москвы… Вы нигде не сможете так хорошо жить и работать, нигде вас не окружат такой заботой и любовью… Не уезжайте!..» (МД, 5, 151-153). Пользуясь возможностью, Роллан заводит разговор о рукописи Виктора Сержа. Но симпатия Ягоды к Роллану не распространяется на просьбы последнего получить рукопись Сержа, задержанную Главлитом. Он объясняет Роллану, что Главлит ему не подчиняется. Роллан, разумеется, не верит Ягоде. Через два дня Роллан получает рукопись для прочтения с обещанием вернуть ее перед отъездом. Ягода постоянно присылает Роллану букеты цветов. Перед отъездом Ягода вновь передает Роллану «еще целые охапки цветов! – но не рукопись Сержа, которую я просил» (МД, 5, 156).

Тема жилья для Роллана в Москве возникает в связи с семьей М.П. Кудашевой, которая живет в плохих условиях в одной комнате («Беседа с Крючковым на тему о жилье моего пасынка и его жены (жилищная проблема все еще мучительно сложна в Москве» (МД, 5, 154)). Потом она будет продолжена М.П. Кудашевой в переписке с П.П. Крючковым.

Роллан задается вопросом, является ли помощь Крючкова, которому «удалось нейтрализовать» Горького, благом для него: «Ведь, несмотря на реальную помощь Крючкова, мне приходится с сожалением признать, что установленная им блокада прискорбна. Крючков сделался единственным посредником всех связей Горького с внешним миром: письма, визиты (вернее, просьбы посетить Горького) перехватываются им, одному ему дано судить о том, кому можно, а кому нельзя видеть Горького (вдобавок Горький, не читающий ни на каком иностранном языке, находится всецело во власти переводчиков)… Крючков приложил немало усилий для того, чтобы изолировать Горького от собратьев по перу и от читателей. Надо быть таким слабовольным, как Горький, чтобы подчиниться ежесекундному контролю и опеке. Они избавляют его от многих забот, но какой ценой?! У старого

медведя в губе кольцо» (МД, 5, 183). Этот яркий образ, найденный Ролланом для характеристики положения Горького в родной стране, возникает именно в связи с присутствием Крючкова, хотя Роллан прекрасно понимает, что Крючков – лишь винтик в общей системе.

Крючков уверяет Роллана, что он беспартийный, однако Роллан видит тысячи нитей, связывающих Крючкова с партийным руководством и службой госбезопасности Г.Г. Ягоды: «А та молниеносная быстрота, с которой через Крючкова во время моего пребывания в Москве передавались некоторые мои письма и слова Сталину, Ягоде и другим, и быстрота их ответов! А неуместная попытка Крючкова заставить меня сделать дружескую и льстивую надпись на фотографии для Ягоды (которая, конечно же, тут же стала бы достоянием общественности)! А последовавшее после моего отказа и отъезда из Москвы обиженное молчание в ответ на конкретные и срочные просьбы, адресованные Сталину, – все эти факты заставляют меня думать, что он тайно связан с центральной организацией партии» (МД, 5, 183).

Роллан вынужден признать: «Искренний друг Горького, безгранично преданный ему, Крючков располагает им по своему усмотрению и в соответствии с установками партийного руководства. Они ему кажутся, вне всякого сомнения, очень верными. Досадно, однако, что он не дает Горькому возможности самому решить, насколько они для него годятся» (МД, 5, 183). Моральные качества Крючкова также кажутся Роллану сомнительными: «И эта опека тем досаднее, что, судя по всему, Крючков человек крайне ограниченный, фанатичный и безапелляционный (в частности, когда речь шла о литературе и искусстве, я не слышал от него ни одного положительного отзыва о ком бы то ни было. Во время приемов писателей – за которые нес ответственность Горький, возможно, вместе со мной – он с трудом исполнял роль гостеприимного хозяина. Он всегда недоволен: должно быть, потому что исполняет неблаговидную роль)» (МД, 5, 183). В «Дополнениях» к «Московскому дневнику», написанных после «московских процессов» и ареста Крючкова, в октябре-декабре 1938 года, Роллан вспоминает, что только однажды видел радость Крючкова – когда Роллан передал ему перед

отъездом из Москвы прощальное письмо для Сталина (напечатанное наутро в «Правде»). Это письмо, горячо одобренное Горьким и Крючковым, Крючков сразу же унес и передал Сталину в Кремль: «Крючков вернулся сияющим и выразил мне горячее одобрение по поводу письма. В первый раз он отрешился от своей ледяной холодности по отношению ко мне» (NC, 289).[378] Однако все остальное время Крючков находился в плохом настроении и постоянно пил: «Крючков сидит за столом, перед ним бутылка французского коньяка, он молча пьет его большими стаканами. Его мрачный вид и молчание поражали нас (как этому не поражался Горький?). Он пил, но не терял ясности» (NC, 283). Во время московских процессов Роллан ходатайствовал о спасении Радека, Бухарина, доктора Левина, Оскара Гартоха, но не Крючкова.

4 июля в Горках в загородном доме Горького состоялся ужин с членами правительства. Роллан сидел за одним столом со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем. Стол ломился от яств, тут были и окорока, и рыба, и стерлядь с креветками, и рябчики в сметане. «С грубоватой нежностью» Сталин подшучивал над Горьким. Он спрашивает у Горького: «Кто тут секретарь, Горький или Крючков?» или «Есть порядок в этом доме?» И Горький пожимает плечами в ответ, как будто не знает, и спрашивает Крючкова: «Есть порядок?» (МД, 3, 239-240). Эта характерная сценка, запечатленная Ролланом, доносит до нас стиль общения вождя с Горьким. В целом, нравы представляются Роллану достаточно грубыми, а вечер показался ему «утомительным и скучным» (и не только из-за языкового барьера, отмечает Роллан).

3.6. Муза Роллана М.П. Кудашева-Роллан и ее письма в Архиве А.М. Горького

Последнее эпическое произведение Роллана «Очарованная душа» (1922-1933) отличается новыми веяниями, связанными с интерпретацией Роллана

[378] Rolland R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935) suivi de Notes complémentaires (octobre-décembre 1938). Paris: Albin Michel, 1992. Здесь и далее «Дополнения (октябрь-декабрь 1938)» приводятся в переводе автора диссертации и обозначаются в тексте сокращенно NC с указанием страницы.

советского эксперимента. Роман воспроизводит жизненный путь Аннеты Ривьер. Проблема интеллигенции и общества разрешается принятием революции. Аннета завершает искания сына – Марка. Непротивленец и враг всякого насилия, Марк после мучительных раздумий превращается в активного врага буржуазной реакции, но героически погибает, так и не успев до конца завершить свои идейные выводы. Их делает Аннета. После трагической смерти сына, неизбежность революционной борьбы для нее не оставляет сомнения. И, умирая, в бреду Аннета видит зарево мировой революции.

Намеренно или нет Роллан в «Очарованной душе» дал своеобразные варианты горьковских мотивов из «Матери». В образе Аннеты настойчиво повторяется символика материнства, скорбящей матери, рождения («нового» мира). Аннета Ривьер, как и Пелагея Власова – героическая мать. На путь революции ее приводит смерть сына, павшего от рук политических противников сын, она стремится продолжить дело, начатое сыном, его борьбу. Возможно, это просто совпадение, реализация идей, носившихся в воздухе. Важность этой тематики в жизни порождает новую литературу: о героической матери нового поколения революции, борющегося за освобождение человечества. Мы уже упоминали мысль Барбюса о том, что под влиянием творчества Горького французские писатели приходят к пониманию социальных противоречий эпохи, к сочувствию революционной борьбе рабочих.

В период создания новой эпопеи в жизнь Роллана входит Мария Кювилье-Кудашева (Cuvillier, 1895-1975). О ней как о своем друге Роллан подробно писал Горькому 2 июня 1930 г.:

Р. РОЛЛАН–А.М. ГОРЬКОМУ

Вильнев (Во), вилла «Ольга». 2 июня

Дорогой друг!

Вряд ли мне удастся приехать этим летом в СССР, как я мечтал. Слабость легких – последствия бронхо-пневмонии, которой я болел прошлой, зимой, затруднит мне это путешествие; главная же трудность – возможные публичные

выступления, к которым такой гость в СССР, как я, должен быть готов. Лучше совсем ничего не делать, чем делать плохо или наполовину. Итак, лучше отложить это путешествие до того времени, когда я буду чувствовать себя крепче. – Больше всего мне жаль, что я не увижу Вас.

А пока я прошу моего друга, Марию Павловну Кудашеву, передать Вам корректуру моей новой статьи, которая должна появиться в журнале «Эроп», в номере от 15 июня, под заглавием «Прощание с прошлым». – Просматривая как-то сборники моих старых статей, написанных во время войны, я проследил эволюцию моих взглядов, начиная с 1914 года, и эта беспощадная проверка заставила меня отречься публично от многих былых иллюзий. Одной из них, и немаловажной, была иллюзия об интеллигентах, к которым я обратился в 1919 году с «Декларацией независимости духа». Ибо опыт последних двенадцати лет показал мне, как мало можно ожидать от этих людей, которые в «независимости духа» усмотрели лишь привилегию ничем не рисковать, не проявлять великодушия. – Моя статья – это лишь первая часть (1914–1919) той проверки, которую я продолжу в ближайшие месяцы; вторая часть (1919–1931) будет не менее значительной, ибо в ней затрагиваются священные привилегии касты интеллигентов, которая использует эти привилегии для выискивания весьма благоразумных и удобных предлогов, чтобы ловко выпутаться из затруднительного положения.

Окажите добрый прием той, которая передаст Вам эти страницы. Мария Павловна очень много сделала для того, чтобы я лучше понял и полюбил новую Россию. Я обязан ей тем, что смог прочесть, в течение последних месяцев, Ваши статьи в русских газетах; она посылала мне переводы, ибо является Вашей страстной поклонницей.

Помогите ей, прошу Вас, получить и в этом году разрешение приехать ко мне в Швейцарию. Я нуждаюсь в ее деятельной и сердечной поддержке в моих делах, все более обременительных и многочисленных по мере того как годы и плохое здоровье убавляют мои силы. Вам будет нетрудно добиться этого разрешения для меня; но Ваше непосредственное участие, мне кажется, необходимо. Заранее благодарю Вас от имени Марии Павловны и своего.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать мой привет г-же Екатерине П. Пешковой.

Ваш друг

Ромен Роллан

<…> Московский адрес Марии Кудашевой все тот же, – адрес проф. Когана, секретарем которого она состоит, Большой Левшинский, д. 8/а, кн. 29, тел. 3-67-17)» (АГ-8, 345-346). На гранках статьи Роллан сделал надпись: «Максиму Горькому, братски 1 июня 1931 года Ромен Роллан, представляя ему своего друга Марию Павловну Кудашеву» (АГ-15, 445). Не без содействия Горького в 1934 году Роллан женился на Марии Павловне Кудашевой, известной в русских литературных кругах как Майя Кювилье.

Образ Майи Кювилье-Кудашевой – Музы поэтов Серебряного века – гениально запечатлел Осип Мандельштам в знаменитом стихотворении «Я молю, как жалости и милости…» (известном под «домашним» названием «Франция»):

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости,

Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых.

В легком декабре твой воздух стриженый
Индевеет – денежный, обиженный...

Но фиалка и в тюрьме: с ума сойти в безбрежности!
Свищет песенка – насмешница, небрежница, –

Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская кривая...

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли –

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей...

Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,

Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша, –
Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,

И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз раздразни.

3 марта 1937[379]

Оно было написано после приезда Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан в СССР. Надежда Мандельштам вспоминала: «О.М. тешил себя надеждой, что ему облегчат жизнь, потому что Ромен Роллан напишет о нем Сталину. … Во время воронежской ссылки мы читали в газетах о приезде Ромена Роллана с супругой в Москву и об их встрече со Сталиным. О.М. знал Майю Кудашеву и он вздыхал: “Майя бегает по Москве. Наверное, ей рассказали про меня. Что ему стоит поговорить обо мне со Сталиным, чтобы он меня отпустил”».[380] Завершая свое повествование о Майе Кудашевой и их знакомстве в Коктебеле, в своих воспомнаниях Эренбург замечает: «Несколько лет назад мы встретились в Париже. Мария Павловна была занята организацией музея Роллана, просила меня помочь ей русскими экспонатами. О Коктебеле мы не поговорили, хотя было что

[379] Мандельштам О.Э. Избранное. М.: Вече, 2001. С. 238.
[380] Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 447.

вспомнить…».[381] Упоминание о знакомстве с Кудашевой в Крыму в двух абзацах в книге Эренбурга разрастается в самостоятельную главу во французском издании тех же мемуаров. Последняя многозначительная фраза («О Коктебеле мы не поговорили…») с характерным многоточием скрывает эпизод с арестом О. Мандельштама и действиями Майи Кудашевой, предпринятой для его освобождения. Благодаря ее энергии и ходатайству М. Волошина, во многом в ответ на ее уговоры, Мандельштама удалось вызволить из тюрьмы. «Несмотря на холод, голод и прочие беды», а возможно и благодаря им, Майя была не только музой, но и отзывчивым и энергичным товарищем поэтов, попавших в беду. Осип Мандельштам всегда помнил об этом. В воронежской ссылке, узнав о приезде М. Кудашевой в СССР с Р. Ролланом, он надеялся, что она вспомнит о друзьях своей юности и спросит о нем. В своих воспоминаниях Надежда Мандельштам приводит стихотворение Осипа, посвященное Майе («О жимолости»), и его размышления по поводу возможности вмешательства Майи в его судьбу и помощи. Вера Мандельштама в Майю и в авторитет Роллана была велика, как утопающий, он хватался за соломинку. Но времена изменились, и Майя изменилась вместе с ними. Мария Павловна Роллан приняла правила игры в новой, советской, реальности, поэтому не искала встреч с друзьями молодости. В поднятом Ролланом вопросе о репрессиях в СССР (в беседе со Сталиным) фигурировало имя Виктора Сержа, но не Мандельштама. В отличие от Мандельштама, оказавшись за границей, М. Кудашева искала возможности мирного сосуществования с советским режимом, строила планы на будущее и рассчитывала на то, что ей будет разрешено постоянно приезжать в СССР, что на это авторитета Роллана хватит, и просила Горького и Крючкова похлопотать о квартире для Роллана и ее семьи. Лояльность М.П. Кудашевой-Роллан в отношении СССР Эренбург оценил, поэтому и не заговорил с ней о друзьях юности: преждевременной смерти М. Волошина, самоубийстве М. Цветаевой и уничтожении ее семьи или о репрессированном Мандельштаме, «хотя было что вспомнить». Оба находились в почти одинаковом положении, оба

[381] Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: Советский писатель, 1966. С. 305-306.

стремились жить вне СССР, при сохранении лояльности советскому режиму, и их молчание было необходимым условием для выполнения роли посредников между творческой интеллигенцией СССР и Франции.

Напрасно Мандельштам молил милости у «безбожницы с золотыми глазами козы», раздразнившей когда-то его в Коктебеле: тогда она была не скаредной розой, а фиалкой… Коктебельская влюбленность Мандельштама в Майю Кудашеву относится к периоду гражданской войны – к 1919 году: Мандельштам был влюблен в Майю, а Майя в Эренбурга.

Облик полуфранцуженки Майи отсылает нас к стихам когда-то влюбленного в нее Волошина, в Коктебель 1913 г.:

Дай разглядеть себя… Волною
Прямых, лоснящихся волос
Прикрыт твой лоб, над головою
Сиянье вихрем завилось.
Твой детский взгляд улыбкой сужен,
Недетской грустью тронут рот,
И цепью маленьких жемчужин
Над бровью выступает пот.
Тень золотистого загара
На разгоревшихся щеках…
Так ты бежала… вся в цветах…
Вся в нимбах белого пожара…
Кто ты? дитя? царевна? паж?
Тебя такой я принимаю:
Земли полуденный мираж,
Иллюзию, обманность… – майю.

<7 июля 1913>[382]

[382] Волошин М. Иверни. (Избранные стихотворения) / Обл. С. Чехонина М.: Творчество, 1918. С. 71. (Худ. б-чка «Творчество». № 9-10).

Иллюзия, обманность – майя – так заканчивается стихотворение Волошина, пророчествовавшего о судьбе Марии Кювилье, жизнь которой в результате определил не «земли полуденный мираж», а мираж русской революции.

Мандельштамовский образ вьющейся жимолости душистой (козьей) отсылает нас к облику юной Майи-козы в Коктебеле: французское название жимолости – chèvrefeuille, «козий лист». К Эсмеральде с ее козочкой восходит и образ из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго: «с розой на груди в двухбашенной испарине».

Найденный Мандельштамом образ горлинки характеризует личные качества юной Майи: «Маленькая птичка горлинка очень красива и резко отличается от других голубей. Что же касается до миловидности и нравственных качеств, то горлинку должно признать высшим их выражением… Горлинки воркуют тише, нежнее, не так глухо и густо: издали воркованье горлиц похоже на прерываемое по временам журчанье отдаленного ручейка и очень приятно для слуха; оно имеет свое замечательное место в общем хоре птичьих голосов и наводит на душу какое-то невольное, сладкое раздумье… Надобно прибавить еще одну общую черту к голубиной характеристике: все изъявления их чувств мягки, кротки и робки. Одним словом, голубиная, кроткая природа» (С.Т. Аксаков).[383]

Мандельштамовская фиалка ассоциируется с волошинским восприятием Майи, которая пришла к поэту в гости с букетом фиалок: «Я ему написала, что я сочиняю стихи. Мне было 17 лет, а ему 36. *Я купила фиалки*, и мы пошли к нему с моей подругой Жоржеттой Бом. Он пригласил меня в Коктебель. Мне пришлось обмануть мать, чтобы к нему уехать»[384] (здесь и далее курсив мой – М.А.).

В стихотворении «Майе» (1913) М. Волошин создает образ Майи-фиалки:

Когда февраль чернит бугор
И талый снег синеет в балке,
У нас в Крыму по склонам гор

---

[383] Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1966. Т. 5. С. 250-251.
[384] Цит. по: *Носик Б.* Кто ты, Майя? // Звезда. № 4. 2001. С. 46.

Цветут весенние фиалки.
Они чудесно проросли
Меж влажных камней в снежных лапах,
И смешан с запахом земли
Стеблей зеленых тонкий запах.
И ваших писем лепестки
Так нежны, тонки и легки,
Так чем-то вещим сердцу жалки,
Как будто бьется, в них дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской маленькой фиалки.

<28 января 1913 Москва>[385]

Муза М. Волошина и О. Мандельштама, вызывавшая интерес и восхищение К. Бальмонта, В. Иванова, Майя Кювилье писала стихи на французском и русском языках, переводила с французского, дружила с сестрами Цветаевыми и Эфрон, А.Толстым, Пастернаком, Эренбургом.[386] Стихи ее (французские) печатались во «Втором сборнике «Центрифуги» (М., 1916), 3 русских стихотворения – в сборнике «Ковчег» (Феодосия, 1920).

В 1914-15 годы Майя Кювилье переписывалась с Вяч. Ивановым, А. Белым, написала несколько писем А.А. Блоку (17 декабря 1914 года Блок отмечает в записной книжке: «От Майи Кювилье – объяснение в любви»[387]). В РГАЛИ хранятся письма М.П. Кювилье к Блоку. Например, в первом своем письме от 22 августа 1914 года она пишет: «Я хочу прислать Вам свои стихи, – весной, после войны они будут напечатаны, но я хочу, чтобы Вы их знали раньше, меня раньше знали. – Несколько дней тому назад Ал. Толстой, говоря о Вас, сказал мне: «Мы

[385] День поэзии в Крыму. Симферополь: Крым, 1965. С. 117; Волошин М. Собр. соч.: В 12 т. Т.2. М.: Эллис Лак, 2004. С. 411.
[386] Новые исследования дореволюционной биографии М.С. Кудашевой см.: *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад. Сборник статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345-402.
[387] Записные книжки Блока и далее письма М.П. Кювилье Блоку цит. по изд.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 477.

Вам несколько предисловий закатим. – Ну, я смогу написать, Макс <Волошин>, – Бальмонт». И я ответила: «Я больше всех люблю Блока». – Но он сказал: «Блок французских стихов не любит». – И я с того дня еще сильнее захотела, чтобы Вы узнали меня». О своем отце (23 декабря 1914 года) Майя писала Блоку: «Я помню, мне было 8 лет, я только что приехала из Франции, жила в Крыму, в Ялте, с матерью в одной очень богатой и англизированной семье, где меня бранили за сказки и шалости, капризы и фантазию, – и раз, за обедом, мать семейства завела речь о новых поэтах. – Год после этого был убит мой отец на войне, я видела его портрет в газете, – и имя его я не запомнила! – А Ваше имя, которое в тот день, за обедом, сказали, я запомнила, и когда, по выходе из католического пансиона, в 16 лет, вновь услыхала его, – я вспомнила». В связи с этим Е.К. Герцык вспоминает: «У нее были какие-то основания думать, что отец ее мичманом погиб в Цусиме, но мать – с юности гувернантка в разных русских семьях – почему-то не соглашалась назвать ей его имя. В те годы желание раскрыть эту тайну преследовало Майю» (частное собрание).[388] Незаконнорожденная дочь русского офицера Е.Я. Максимова (1849-1904)[389] и гувернантки-француженки Адели Кювилье, Майя носила фамилию своего крестного, а в 1916 году вышла замуж за потомка древнего шведского графского рода Стенбок-Фермор князя Сергея Кудашева, родила сына. Муж сражался на фронте Первой мировой, а потом в Белой армии. Революция все изменила в ее жизни. Она взяла на себя заботу о сыне, княгине-свекрови Е.В. Кудашевой и матери-француженке. Спасаясь от войны и революции, Майя с сыном и свекровью перебралась в Воронежскую губернию в родовое имение мужа Митрофановку. 1919 год молодая княгиня Кудашева со своей семьей провела у Волошина в Коктебеле, ходила пешком по берегу моря в Феодосию давать уроки французского детям местных градоначальников. В 1920 году в Крыму[390] она узнала, что ее муж умер от тифа, и уехала в Москву.

---

[388] Там же.

[389] Подробная информация об отце М. Кювилье содержится в статье Г.В. Обатнина (*Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним)

[390] О пребывании М. Кудашевой в Крыму подробно пишет И. Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» (Эренбург И. Собр.соч.: в 9 т. Т. 8. М.: Советский писатель, 1966. С. 305-306).

И. Эренбург описывает свою встречу с М. Кудашевой в Коктебеле у М. Волошина: «В доме Волошина жила Майя Кудашева с матерью, француженкой. Отец Майи был русским, и родилась она в России, но картавила, как парижанка, а стихи писала по-французски.

В Москве, откуда Майя приехала, она вращалась в литературной среде, знала Вячеслава Иванова, Андрея Белого, дружила с Мариной Цветаевой. Ее мать была подавлена событиями, которые никак не вязались ни с ее понятиями о порядочности, ни с пьесами Ростана. А Майя, несмотря на холод, голод и прочие беды, жила своей жизнью… Дальнейшая ее судьба такова: начав переписываться с Роменом Ролланом, она поехала к нему в Швейцарию и стала его женой». [391]

Вернувшись из Крыма в Москву в 1921 году, Майя, благодаря прекрасному знанию французского, нашла работу в ГАХН, став секретарем ее президента П.С. Когана, профессора западноевропейской литературы Московского университета, влиятельного литературного критика и главного редактора издававшегося в СССР собрания сочинений Ромена Роллана (Ленинград: «Время», Госиздат, 1930-1935).

Позднее Кудашева рассказала историю своего эпистолярного романа в одном из писем Горькому: «С Р<олланом> я начала переписываться с 1923 г., но после семи писем мы поссорились, оба были слишком резкими, – и только с весны 1928 снова вошли в контакт (я прочла его письмо Бальм<онту> и Бунину и о нем ему написала) – и очень быстро оба «загорелись». – Летом 29-ого года я первый раз поехала к нему, – Вы мне помогли получить паспорт, в котором мне сначала отказали» (14 апреля 1932 г.; АГ КГ-инФ 4-489-3[392]).

М.П. Кудашева писала Роллану как секретарь его издателя, делая приписки на письмах П.С. Когана, относящихся к изданию текстов Роллана, но не получала ответа. Однако, в конце концов, ее настойчивость победила: Роллан написал ей несколько писем. Потом переписка прервалась. Восстановлению прерванной переписки с Ролланом положила публикация открытого письма Роллана Бальмонту

[391] Эренбург И. Собр.соч.: в 9 т. Т. 8. М.: Советский писатель, 1966. С. 305-306.
[392] Здесь и далее шифры Архива А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

и Бунину.[393] Но не только. В 1927 г. Майя Кудашева сопровождала в качестве переводчицы французских писателей Ж. Дюамеля и Л. Дюртена, а в 1928 – Ш. Вильдрака во время их поездок в СССР. Дюамель и Дюртен говорили о ней Роллану.

Впервые имя Кудашевой появляется в письме Роллана Горькому от 5 апреля 1928 года: «Знаете ли Вы Марию Кудашеву, которая пишет мне из Москвы и о которой мне говорили Дюамель и Дюртен? В России она была их преданным гидом. Теперь она страстно увлечена большевизмом. – Я читал ее прелестные французские стихи (не те, что она напечатала: по-моему, она напечатала наиболее слабые из них)» (АГ-15, 159). В письме от 28 июля 1929 года, в котором Роллан просит Горького помочь Кудашевой с выездной визой для поездки в Швейцарию, он объясняет Горькому, кем является для него М.П. Кудашева – «она мой друг и я хочу видеть ее лично» (АГ-15, 161). Роллан обратился с просьбой о выездной визе для М.П. Кудашевой «к ВОКС'у и Издательству «Время» в надежде, что они добьются от советского правительства выездной визы» (АГ-15, 162). Однако все перечисленные организации, включая АОМС, куда Кудашева подала заявление на визу, оставили просьбу Роллана «без внимания». Роллан, обвинявший годом раньше писателей-эмигрантов в «распрях» с Советами, в случае с М.П. Кудашевой сам едва не попал в положение жертвы режима. Забрасывая Горького письмами, полными угроз из «друга СССР» превратиться в его врага, Роллан недоуменно повторяет: «Не могу поверить, чтобы советское правительство оказалось менее благосклонным ко мне, чем швейцарское. Могу ли я рассчитывать на Ваше немедленное вмешательство?... Разрешение выехать позднее равнозначно отказу. Но именно так и было сделано… Позор, что советские власти отказывают мне в такой простой и естественной, – но такой важной для меня просьбе… Я никогда не

[393]М.П. Кудашева написала Роллану письмо после прочтения статьи «Ромен Роллан и Советская Россия. Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину», напечатанной в «Вестнике иностранной литературы» (1928. № 3. С. 133-137; пер. Н. Явне). См. также: Роллан Р. Собр. соч.: в 13 Т. Т. 13. М.: Госиздат, 1958. С. 161-168. Эта статья, впервые опубликованная в журнале «Europe» 15 февраля 1928 года, была ответом Роллана на помещенное в парижской эмигрантской прессе («Последние новости». 1927. 10 августа; «Возрождение». 1927. 10 июля) печально знаменитое анонимное письмо «Писателям мира» за подписью «Группа русских писателей. Россия, май 1927 г.».

забуду такого неуважения ко мне» (АГ-15, 162-163). Кудашева писала Горькому (8 августа 1929 года) в связи с отказом ей в визе: «Я уверена, что если бы Вы знали степень огорчения и обиды, которые вызовет в нем (Роллане – М.А.) отказ мне заграничного паспорта, Вы непременно захотели бы помочь мне получить его. …Что касается меня, несмотря на "вредную" фамилию, – я совершенно советский человек, и никакого зла от моей поездки не может быть. Поэтому мне кажется, что отказ мне в паспорте может быть легко отменен, если достаточно будут учтены влияние Роллана на западе и та польза, которую он может принести Советскому Союзу, к которому он все более и более тяготеет» (АГ КГ-инФ 4-489-1). Ответную телеграмму Роллану послал Горький лично: «17 августа 1929. Москва. Разрешение на отъезд Кудашевой получено. С сердечным приветом *Горький*» (АГ-15, 164). Только благодаря «энергичному вмешательству» Горького М.П. Кудашева выезжала в гости к Р. Роллану в Швейцарию в 1929 и 1930 годах, а в 1931 году осталась в Швейцарии, став женой Роллана: в 1934 году они официально оформили брак. М.П. Кудашева сделала ставку на то, что советское руководство признает «полезность» ее присутствия в жизни Роллана. И она, и Роллан будут стремиться в дальнейшем приносить пользу СССР, хотя в их положении ответчиков за сталинскую политику перед общественным мнением Запада это было непросто.

Роллан приступил в тот момент к продолжению своего романного цикла «Очарованная душа» (*L'Ame enchantée),* начатого в 1921 году. Третья часть «Мать и сын» *(Mère et Fils)* была закончена весной 1926 года. В плане последнего тома «Провозвестница» (*L'Annonciatrice),* появляется новая героиня – русская женщина по имени Марина (имя меняется на Дашу, затем Асю). С появлением М.П. Кудашевой в жизни Роллана «русская тема» становится одной из главных в романе. В заметке, датированной 6 декабря 1930 года, Роллан набрасывает новые линии развития сюжета своего романа.[394] Сын Аннетты (главной героини «Очарованной души»), «Марк, пройдя через все формы разрушительного и бесплодного

[394] Здесь и далее замысел Роллана цит. по: Аракелова М.П., Городницкая А.А. «Очарованная душа»: М. П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. М.: Российский институт культурологии, 2001. С. 161 – 175.

индивидуализма, сумел в конце концов подчинить его общему делу, как в СССР. Здесь он встречается с Дашей, которая пришла к тому же, но собственным путем». Затем у Роллана следует красноречивая описка: Роллан употребляет имя Маша: «Каждый из них следует своим путем – Маша возвращается в СССР и принимает твердую власть (которая ей нравится в глубине души)... – Марк же требует от революции соблюдения священных прав личности. Ему не удается обрести равновесие – (как мне) в постоянной защите русской Революции от недостойных нападок со стороны Европы – и в глубине души он чувствует неудовлетворенность, отчаяние и возмущение злоупотреблением власти в СССР».

Ася – соседка по комнате Марка в маленьком отеле Латинского квартала. Их разделяет тонкая перегородка. Сначала он узнает ее голос, когда она разговаривает или кричит от ночных кошмаров, «красивый, серьезный голос». Она приходит ему на помощь, когда он заболевает и бредит ночью. Их соединяет мучительная и бурная страсть.

Отец Аси был профессором Казанского университета, «уважаемым представителем старой интеллигенции». Когда происходит Революция, Асе 16 лет. Во время гражданской войны ее отец встает на сторону контрреволюции. Брат Аси уезжает с другими лицеистами сражаться против красных и вскоре его убивают. Асю несет бурный поток событий. В 18 лет она становится матерью. Ее маленький сын погибает от рук банды Махно. Она присоединяется к отступающей армии Врангеля, стреляет, проходит через все страдания и стыд. С отступающими она оказывается в Турции. Ей 20 лет, когда она приезжает в Париж. Она испытывает отвращение к русским эмигрантам и держится в стороне от них. Два года она перебивается случайными заработками, живет одна, «у нее был козачий желудок».

После чего «ее безудержное критическое чувство и природное здоровье мало-помалу способствовали принятию <…> идей новой России». Она встречает свою подругу по пансиону, которая работает машинисткой в советском посольстве и «вдруг она почувствовала себя на родине и в ее духовном климате». Основная функция Аси – нести благую весть: с нею входит тема революции и новой России.

Письма М.П. Кудашевой (около 40) в Архиве А.М. Горького отражают все перипетии выстраивания ее биографии сначала в качестве корреспондентки Роллана, затем его гостьи в Швейцарии, а впоследствии – Музы и жены. В письме Горькому Роллан так характеризует роль Кудашевой в его жизни: «Мария Павловна очень много сделала для того, чтобы я лучше понял и полюбил новую Россию» (АГ-15, 445). Из писем М.П. Кудашевой и Роллана видно, какое большое значение имело ее присутствие в жизни Роллана в его стремлении понять советскую действительность. Она выполнила роль недостающего звена, соединившего Роллана с Россией, стала необходимым посредником между писателем, находившимся «над схваткой», но в то же время оказавшимся в гуще событий, и советской (да и не только советской) реальностью. Объяснить ее деятельность выполнением государственных заданий было бы упрощением: ей был свойственен русский и советский патриотизм, как и всей ее семье, свекрови, сыну. Оказавшись за границей, М. Кудашева искала возможности мирного сосуществования с советским режимом, строила планы на будущее, рассчитывая на то, что ей будет разрешено постоянно приезжать в СССР, что на это авторитета Роллана хватит, и просила Горького похлопотать о квартире в писательском доме для Роллана и ее семьи. Сохранение лояльности советскому режиму было необходимым условием для избранной Ролланом роли моста между творческой интеллигенцией Франции и СССР.

Необходимо остановиться на главном аспекте писем Кудашевой в личном Архиве А.М. Горького, которого никогда ранее не касались исследователи. Большинство писем М.П. Кудашевой так или иначе связаны с правозащитной деятельностью Роллана. В этом отношении ее желание участвовать в более гуманном разрешении проблем и противоречий, связанных с внутренней политикой советского режима, сопоставимо с деятельностью Е.П. Пешковой, пытавшейся помогать жертвам советского режима через создаваемые и руководимые ею организации (в 1930-е знаменитая «Помполит» – Помощь политическим заключенным). Хотя масштаб работы Пешковой несравним с попытками Кудашевой помогать нуждающимся, но их деятельность отражала

общую трагедию русского народа в условиях сталинского режима. М.П. Кудашевой пришлось столкнуться со многими фактами социальной несправедливости и искалеченными судьбами людей.

Важную роль сыграла поездка Роллана и Кудашевой-Роллан в СССР: им пришлось взять на себя бремя решения проблем друзей, родственников и мало знакомых или совсем незнакомых людей, обращавшимся к ним с просьбами о помощи в преодолении разного рода жизненных трудностей в СССР. Впечатления об этой поездке Р.Роллан изложил в дневнике, который был опубликован лишь спустя полвека: в СССР – в 1989 г., а во Франции – в 1992 г. Вернувшись из Москвы, Кудашева пишет секретарю А.М. Горького П.П. Крючкову (Вильнёв, 30 июля 1935): «Тут – несколько ящиков писем, которые ждут ответов. – Дня два – займемся ими, чтобы расчистить путь текущей жизни. И я сейчас же займусь разборкой писем, привезенных с собой из СССР, – ответы пошлем Вам, как Вы советовали, не отдельно каждому лицу, а группами, – и те, что найдете нужным, дайте напечатать» (АГ КК-рл 8-56-4).

Постоянным лейтмотивом ее писем в Москву (в частности, секретарю Горького Крючкову) становится вопрос о публикации во Франции беседы Роллана со Сталиным, в которой обсуждались проблемы внутренней и внешней политики СССР и на первом месте стоял вопрос о репрессиях: « 9-10 августа 1935 <г.> …Сегодня пишу Вам спешно по след<ующему> вопросу: Роллана уже одолевают с просьбами написать о своих впечатлениях. [И он хотел бы начать с впечатления от Сталина; но говорить об этом, не говоря о разговоре с ним – невозможно. – А мы ведь обещали, что будем держать его в тайне, пока Иос<иф> Висс<арионович> сам не решит печатать его.

Поэтому Роллан *поручает мне написать Вам, что он* (выделенное курсивом зачеркнуто – *прим. М.А. А.-В.*) просит узнать у Иос<ифа> Висс<арионовича>, разрешает ли он – и в какой степени – говорить об этом разговоре – и давать из него отрывки. Его больше всего сейчас интересует часть разговора о войне, о франко-сов<етском> пакте. – Самое лучшее было бы указать нам по страницам (и строкам), что можно давать (или что нельзя), о чем можно говорить, о чем – не надо.

Роллан спрашивает об этом, чтобы знать, может ли он этим оружием уже действовать. – Если есть причины, еще мешающие сему разглашению, – ничего не поделаешь. Но просьба возможно скорее выяснить этот вопрос и написать нам]» (*квадратные скобки поставлены красным карандашом в автографе письма адресатом – прим. М.А.*) (АГ КК-рл 8-56-5). В письме от 29 августа 1935 года Горький обещает Роллану: «Сегодня же напишу Сталину по поводу беседы с Вами и немедленно пришлю Вам его ответ» (АГ-15, 313). Однако Роллан так и не получил разрешение Сталина на публикацию их беседы, и все пять писем Роллана к Сталину остались без ответа.

Второй важной темой писем Кудашевой становится дело Виктора Сержа. Обращения к Горькому по поводу В. Сержа начались еще в 1932 году, когда Серж находился в Ленинграде, а Горький в Сорренто. Когда Горький окончательно вернулся в СССР, то по просьбе Роллана вынужден был заняться делом Сержа, сосланного в Оренбург без средств к существованию. Серж был дальним родственником знаменитого революционера-изобретателя Николая Кибальчича. Родственники Сержа, как и он сам, участвовали в революционном движении и были хорошо знакомы с Горьким до его отъезда за границу.

М.П. Кудашева неутомимо присылает в качестве приложений к своим письмам статьи о деле Виктора Сержа и репрессиях в СССР из французских, бельгийских, швейцарских газет и журналов (в частности, из «Les Humbles»), и их переводы с собственными комментариями. Несмотря на несколько ироническую подачу материала «газеток» и «журнальчиков», объективно она стремится донести до своих советских корреспондентов, что за разрешением дела Сержа пристально наблюдает французская интеллигенция, и левые, и правые, и анархисты, и пацифисты: «У них тоже – дело В. Сержа – на первом плане мировой истории» (АГ КК-рл 8-56-5). Упоминает она и о резонансном «Кремлевском деле»[395], и о роспуске Общества старых большевиков, и о разгроме Сталиным Коминтерна…

[395] «Кремлевское дело» о т.н. антиправительственном террористическом заговоре в Кремле фабриковалось во время поездки Роллана в СССР. О нем Сталин рассказывал Роллану во время их встречи в Кремле 28 июня 1935 г., раскрывая тем самым механизм политических репрессий. Дело, сфабрикованное в Москве в параллель Кировскому, захватило самые разные круги: старых

Кудашева пересылает секретарю Горького пришедшее Роллану из Брюсселя письмо «Международного комитета против антипролетарских преследований в России» за подписью его председателя Модэ с протестом против репрессий, начавшихся после убийства Кирова, по делу Сержа, против преследований антифашистских беженцев, «наивно поверивших в гостеприимство русского государства». Письмо заканчивалось прямым призывом к Роллану вмешаться в ход истории: «Мы надеемся, что, пребывая верным профессиональным чувствам человечности и братства, которые Вас одушевляют, Вы не преминете посетить Виктора Сержа и что, следуя духу Октябрьской революции, Вы найдете в себе мужество энергично выступить перед правительством Вашего друга, И. Сталина, чтобы приостановить все эти преследования» (АГ КК-рл 8-56-5). Это обращение, как и другие документы, приложенные М.П. Кудашевой-Роллан к ее письмам, свидетельствуют о том, что общественное мнение Франции следило за происходящим в России и было достаточно хорошо информировано, оказываясь в курсе не только сложных взаимоотношений власти и интеллигенции, но и политических интриг, на фоне которых развернулись московские процессы середины и конца 1930-х годов. На переводе брюссельского обращения на полях красным карандашом адресат (Крючков) написал: «Снять копию». Эта и другие пометы красным карандашом на письмах Кудашевой говорят о том, что ее письмам давали ход, и они сыграли свою роль.

Кудашева, со ссылкой на Роллана, пишет Крючкову о предложении всех «неудобных» иностранцев, арестованных в СССР (как Серж), не карать, а высылать: «Не лучше ли было бы их вовсе не принимать в СССР, или, если их анархизм не сразу выявляется, при первом же выявлении – просто высылать их за пределы СССР, а не держать их и «карать», – что всегда столь много шума делает! – Ведь если им не нравится в СССР, проще всего сказать им: уезжайте.

большевиков, военных, служащих Кремля, комендатуры и их семей и т.д. См. об этом: Ариас-Вихиль М.А. «Такова уж логика власти»: Некоторые аспекты вопроса о репрессиях в СССР в «Московском дневнике» Ромена Роллана //Новые российские гуманитарные исследования. 2013. №8. – URL: http://nrgumis.ru/articles/353/.

И еще: сегодня же Р<оллан> получил письмо насчет «Закона против малолетних преступников». – Опять надо отвечать! А в какой мере можно освещать этот вопрос по разговору с Иос<ифом> Вис<сарионовичем>? – Еще раз, значит, просьба поскорее узнать, какие места разговора можно огласить, либо интегрально, либо в пересказе Роллана.

И как раз вчера в местной получаемой нами газетке – статья о том же законе. Посылаю Вам и ее. – Не успела перевести, – но пусть Вам переведут. Во всяком случае, там сказано, что 13-тилетние дети были казнены за убийство после издания закона, – что противоречит словам Иос<ифа> Вис<сарионовича> (в разговоре с Ролл<аном>) о том, что не было (как он и надеялся – не будет!) этого. – Р<оллан> хотел бы мочь прямо опровергать такие клеветы, – и если бы Иос<иф> Вис<сарионович> разрешил пользоваться разговором с ним, это было бы очень хорошо»[396] (10 августа I935 г.; АГ КК-рл 8-56-5).

Содержание писем Кудашевой делало ее тоже «неудобной» корреспонденткой, поэтому она часто не получала ответа. Так в письме к Крючкову она сетует: «Хотя Вы нам не отвечаете на письма, надеюсь, что они доходят до Вас! Но должна сказать, что Роллана Ваше молчание расхолаживает, и он начинает сомневаться в том, что есть какой-либо смысл обращаться к Вам... – Все же, я решила еще раз обратиться по следующему делу» (Вильнёв, 19 октября 1935 года). Кудашева просит о въездной визе для швейцарца М. Картье, женатого на русской, прилагая его письмо для того, чтобы разрешить очередное «недоразумение» советской внутренней политики, не позволяющей воссоединение семей: «Мы уже написали о нем д-ру Болоцкому (представитель советского Красного Креста), – но я решила, что через Вас это дело пойдет скорее: мне кажется, что оно достойно того, чтобы Вы о нем сказали Г<енриху> Г<ригорьевичу> (Ягоде – прим. М.А.), от учреждения которого, вероятно, и зависит его рассмотрение. – Все-таки ведь это не только с человеческой точки зрения надо бы поскорее уладить, но и с общественной. – Да самое простое: посылаю Вам копию письма этого человека к Роллану и перевод этого письма» (АГ КК-рл 8-56-7). Случай со швейцарцем Картье

[396] Подчеркивания в письмах принадледат М.П. Кудашевой-Роллан.

благополучно разрешился, благодаря письму Кудашевой, что на деле означало вмешательство Роллана и Горького с привлечением связей П.П. Крючкова и Г.Г. Ягоды: «Вильнёв, 23-го ноября 1935... На днях пришло благодарственное письмо от киевского швейцарца, чью жалобу мы передали Вам. Он благополучно вернулся. Передаем его благодарность Вам, т.к., вероятно, помогли тут Вы» (АГ КК-рл 8-56-8). Так же благополучно разрешился вопрос с переездом во Францию к дочерям А. Идельсон и Р. Гурфункель.[397] В письмах к Е.П. Пешковой от 25 декабря 1935 г. и от 20 января 1936 г. М.П. Кудашева-Роллан пишет: «Два раза, т.е. два лица, писали мне с просьбой, чтобы Роллан помог двум старушкам получить разрешение на выезд к дочерям. Я советовала им обратиться к Вам»; «Мысль о несчастных старухах все грызет меня, – хотя я их не знаю <...> Вот адрес той, чей адрес ее дочь прислала: А.И. Идельсон, Ленинград. Васил<ьевский> Остров, 11-ая линия, д. 46, кв. 10, тел 29-49. Раньше она жила в Киеве, и в первом письме своем ее дочь давала Киевский адрес, который я и посылала Ал<ексею> Макс<имовичу> – и по которому П<етр> П<етрович> не смог найти ее! – Эта старуха уехала бы совсем. <…> Роллан очень поддерживает эти две просьбы; он вообще жалеет, что не говорил с Г<енрихом> Г<ригорьевичем> об этих вопросах: ему кажется, что для СССР было бы только полезно отпустить всех стариков и больных, желающих уехать к детям, ведь от них никакого прока, а только лишняя обуза стране! Вреда они нанести не могут, даже если они недружественны. А факт их «неотпускания» – вредит в общественном мнении Запада. <…> (А если дети этих стариков – виноваты, – то несправедливо за это наказывать стариков! – Ведь большевики не мстят!)» (*весь абзац на полях отчеркнут красным карандашом адресатом; подчеркивания принадлежат М.П. Кудашевой-Роллан – прим. М.А.*) (АГ ФЕП-кр 49-110-1=2). Роллан в письме Горькому от 4 декабря 1935 г. поддерживает просьбу М.П. Кудашевой-Роллан: «Мария Павловна добавляет несколько слов к моему

[397] Роза Гурфинкель, вдова известного детского врача в Одессе, выехала в Париж к дочерям, одна из которых – Нина Лазаревна Гурфинкель – литературный критик, переводчик, театровед и мемуаристка, автор книг «Русский театр крепостных» (1932), «Горький» (1956) и др. О Розе и Нине Гурфинкель Роллан впервые пишет Горькому в письме от 18 ноября 1932 г. с просьбой помочь матери выехать, характеризуя дочь как талантливого историка театра (АГ-15, 241).

письму (по поводу двух несчастных старух)» (АГ-15, 321, 467, 503). Крючков отвечал Кудашевой с извинениями за свое молчание и «неотвечание» на письма: «Все ваши поручения я исполняю с большой охотой, за мной остаются два долга – Анна Идельсон и квартира. То и другое я надеюсь устроить в ближайшее время, хотя квартира остается у нас по-прежнему вопросом большой остроты и трудности» (Москва, 25.1.36; АГ Кр-рл 1-43-1).

Занималась Кудашева и судьбой Н.А. Рубакина и его наследия. Из Вильнева она писала Крючкову (31 января 1936): «По просьбе Роллана пишу Вам о Николае Александровиче Рубакине. (Он (Роллан) просит написать об этом Алексею Максимовичу, – но т<ак> к<ак> Алексей Максимович все равно Вас попросит выяснять это дело, думаю, что проще обратиться прямо к Вам!).

Вы, конечно, знаете, кто Н.А. Рубакин (известный популяризатор и библиограф, 30 лет живет в Швейцарии. – У него мечта (давно); поехать в Москву (на 2-3 мес<яца>). Аросев год или полтора назад обещал ему это устроить при 3-х условиях:

1/ чтобы Рубакин и его секретарша Марья Артуровна Бетман (16 лет живущая и работающая с ним – (она самый близкий его друг, что говорю Вам не для сплетни – а для того, чтобы с этим считались) – взяли советские паспорта (у них нансеновские). (Они согласны)

2/ чтобы Рубакин передал свою огромную и очень ценную библиотеку в СССР. (Он согласен, но после смерти своей. – Он стар и болен сахарной болезнью, так что ему не долго еще жить!) –

3/ – забыла что, – но Рубакин тоже согласен.

Вопрос вот в чем: возможно ли им (Рубакину и Бетман) получить гарантию, что раз впустив их, их выпустят обратно. Рубакин как будто не сомневается: он так известен, что уверен, что не пошли бы на то, чтобы ему чинить препятствия… Не могли ли бы Вы все это выяснить? Сам он «революционер» – но не «марксист» (верно, «народник»). Но, как знаете, очень много сделал своими изданиями для поднятия культуры и социального сознания в прежние времена. Говорят, что тов<арищ> Молотов его очень ценил. – Он – если его «приласкать» – может быть

очень полезным другом… Пожалуйста, узнайте если можно! И как-нибудь – если не сам, на что я не надеюсь! – уведомьте нас» (АГ КК-рл 8-56-10). И на этот раз ходатайство Роллана и Кудашевой было успешным.

Без подобных просьб не обходилось ни одно письмо Кудашевой: ради них она и писала в Москву, находя все новые и новые аргументы для оказания помощи обратившимся к ней. Так много лет Роллан и Кудашева помогали семье Гартохов. 14 апреля 1936 г. Кудашева пишет Крючкову: «Пишу Вам по поручению и от имени Роллана (он болел, грипп, 38 температура). – Вы помните Эльзу Оскаровну Гартох[398], которую Роллан знает уже много лет, и с которой он очень дружен? Она приезжала в Горки, на 2 дня, из Ленинграда. – Она сестра профессора Оскара Гартох, которого Вы тоже видели в Горках. Она жила много лет (еще до революции и, кажется, и до войны уехав туда!) за границей, в Швейцарии. (Ее сестра швейцарская гражданка, врач в Цюрихе). Но года 3 назад жена ее брата, профессора О. Гартоха, умерла, и она уехала к нему в Ленинград, чтобы он не был одиноким. С тех пор она ездила в Швейцарию и возвращалась в Ленинград. (Кажется, Роллан Вас и просил уже ей помочь с визами?) (она – германская гражданка). Теперь она хотела бы летом снова приехать к сестре, недель на 6-8. Но ей хотелось бы иметь "обратный въезд" в СССР гарантированным: брат ее нуждается в ней, и она не может его оставить совсем. – Он, впрочем, кажется, поедет в Лондон на конгресс микробиологов. Она хотела бы с ним и вернуться. Роллан лично очень хотел бы повидать Эльзу Оскаровну, которую он очень любит. Но он понимает, что ей уезжать из Ленинграда, не будучи уверенной, что ее пустят обратно, – нельзя. Поэтому он и просит Вас помочь ей в получении "обратной визы" (как я говорю выше, она не советская гражданка, и ей нужна виза для обратного въезда). Вот его просьба. Мы надеемся, что Вам не будет трудно ее исполнить! Г<енрих> Г<енрихович> знает лично профессора Гартоха (о нем Роллан с ним говорил, если помните) – и хорошего о нем мнения. Поэтому, вероятно, легко будет все это

[398] Эльза Гартох – «няня», как в шутку называл ее Роллан, преподаватель Интернациональной школы в Швейцарии по методу Монтессори. Подробнее о ней см.: Медведева Н.В. Переписка Р. Роллана с Оскаром и Эльзой Гартохами (1923-1937) // Максим Горький: взгляд из XXI века. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2010. С. 348-355.

устроить» (АГ КК-рл 8-56-3). К своему письму Кудашева прикладывает письмо Э. Гартох: «Обращаюсь к Вам лично с просьбой оказать, если это возможно, Ваше содействие в обеспечении мне обратной визы на въезд в СССР. В прошлом году Ромен Роллан также оказал содействие по получению обратной визы, которая мне была выдана Иностранным отделом проспект 25-го окт<ября> № 60 в Ленинграде» (АГ КК-рл 8-56-3).

Помимо людских судеб, Кудашевой по поручению Роллана пришлось заниматься и судьбой Еврейской библиотеки Д. Гюнцбурга[399]: «Вильнёв, 28 апр<еля> 1936. Посылаю Вам от имени Роллана (который третью неделю лежит с бронхитом и гриппом) копию сегодня полученного им письма из Еврейского университета в Иерусалиме. Роллан просит Вас передать ее Алексею Максимовичу. – Может быть, он найдет полезным поддержать просьбу этого Университета. Как выражается г-н Магнес[400] (вероятно, ректор), – это было бы чудесным жестом дружбы и мира по отношению к евреям как к нации» (АГ КК-рл 8-56-11). К своему письму Кудашева прикладывает свой перевод письма И.Л. Магнеса (от 11 апреля 1936 г.), в котором тот сообщает: «Возможно, что я приеду в Россию, чтобы поговорить с выдающимися советскими авторитетами о возвращении еврейской национальной библиотеки барона Давида Гюнцберга

[399] Давид Гюнцбург (1857-1910) – видный востоковед и гебраист, глава российской еврейской общины, библиофил, из семьи баронов Гюнцбергов, в родстве с Ротшильдами. Он получил традиционное еврейское образование. Им была написана одна из основных работ по еврейскому искусству «Еврейский орнамент» (1903). Один из редакторов российский Еврейской энциклопедии, финансировал и редактировал первую российскую энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Гюнцбург проявлял глубокую заинтересованность в деле распространения просвещения среди евреев в России и состоял во многих просветительских организациях. Библиотека Давида Гюнцбурга была одной из крупнейших в Европе и содержала ценнейшие еврейские и арабские рукописи и инкунабулы. Он завещал ее Еврейской публичной библиотеке в Иерусалиме (ныне Еврейская национальная и университетская библиотека). Однако передача коллекции задержалась из-за Первой мировой войны и Февральской революции. После долгих переговоров советские власти запретили ее вывоз и передали собрание в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина в Москве. Коллекция предметов еврейского быта и ритуала была передана в Музей этнографии народов СССР.

[400] Иегуда Лейб Магнес (1877-1948) – еврейский общественный и политический деятель в США и Эрец-Исраэль – основатель и первый руководитель Еврейского университета в Иерусалиме. Выходец из Германии, учился в Берлинском и Гейдельбергском университете, получил степень доктора философии. Приветствовал Октябрьскую революцию. Переписывался с М. Бубером и М. Ганди.

(библиотеки, организованной в 17 г. перед большевистской революцией). Эта библиотека содержит, среди многих вещей, особо важные еврейские манускрипты и записи и др. материалы, весьма пригодные для изучения. Полагаю, однако, что весь этот материал мог бы быть с большей полнотой использован в Иерусалиме, чем в Москве или где-либо. В настоящее время по всем данным эта библиотека находится запакованной в ящики в московском Румянцевском музее. Эта библиотека была продана русской сионистской организации бароном Гюнцбергом за 100 тысяч золотых рублей в марте 1917 г<ода>. После революции совершенно не представлялось возможности перевезти эту библиотеку в Иерусалим. В годы интервенции были сделаны попытки к этому, среди начинателей этого дела был и профессор Ейнштейн (имеется в виду ученый Альберт Эйштейн – М.А.).

Может быть, теперь это дело будет иметь успех. Это было бы великолепно, если бы советское правительство было так дружественно настроено к небольшой части еврейского народа (находящейся в ужасных условиях). Мне говорили, что для этого вполне возможно обратиться к тт. Сталину, Радеку и М. Горькому и дело увенчается успехом» (АГ КК-рл 8-56-11).

Однако смерть Горького сделала невозможным продолжение правозащитной и посреднической деятельности Роллана и Кудашевой-Роллан. В письмах соболезнования, посланных родственникам и домочадцам Горького, отчетливо звучит мысль о том, что без Горького СССР для Роллана становится «пустыней»: «Вильнев, 20 июня 1936… И вот – телеграмма Бухарина, вечером, третьего дня. И потом посыпалось – 2 из Москвы, 6 из Парижа. А Роллан плакал, – не хотел писать статей. Потом слушали Москву, траурную музыку, немецкую передачу – о том же. И чувствовали себя там, со всеми вами. А ночь – не могли спать. Я слышала за стеной, как Роллан ворочается и стонет. Все-таки послали телеграмму «Известиям» и «Правде». И до этого Екат<ерине> Павловне и Надежде Ал<ексеевне>. И Аплетину[401] я послала, чтобы он заказал самый лучший венок от нас… Я посылаю Вам перевод письма Роллана. Да, он любил Алексея Максимовича больше всех

[401] Михаил Яковлевич Аплетин (1885-1981) – литературный функционер, зам. председателя Иностранной комиссии ССП в 1930-е гг.

своих друзей. И он не сумел показать это ему. Я знаю, как это его теперь мучает. И меня мучает. Знал ли Алексей Максимович об этой любви? Последние недели, Р<оллан> все вспоминал его взгляд, эти бесконечно добрые и печальные глаза. Но мы не смели ему писать, – берегли его силы, да Вы и не передали бы (и были бы правы!). – Только доктору Левину телеграфировали. И 17-го я ему написала, – на Ваше имя, – пожалуйста, передайте ему письмо, не забудьте!

Р<оллан> так убит, что говорил: «Теперь там для нас – пустыня!» И: «Я учил русский язык, чтобы говорить с ним». И все жалеет, что недостаточно выразил ему свою нежность: «Все ждешь будущего, а оно вот – исчезло». И: «Мы так мало виделись, так мало говорили! Новая встреча была бы излиянием» (из письма П.П. Крючкову; АГ КК-рл 13 69-1).

Кудашева занималась судьбой писем Горького к Роллану, переданных Ролланом в Архив г. Невера, ей пришлось переписать их от руки, чтобы переслать для публикации в СССР (впрочем, опубликованы они были лишь в 1995 г.). Как мы уже неоднократно упоминали, все письма Роллана в период московских процессов в защиту репрессированных друзей и знакомых остались без ответа.[402] Да и окружение Горького вскоре было ликвидировано.

Что же сохранила горлинка от своей нежной голубиной натуры? Потеряв к концу войны своих родных (сын Сергей погиб под Москвой в 1941, Роллан умер в 1944), она оставалась преданной хранительницей наследия Роллана. В 1970-е годы М.П. Кудашева передала часть архива Роллана, касающуюся его и ее отношений с Горьким и его окружением, в Москву, в Архив А.М. Горького.

«Наклони свою шею, безбожница/ С золотыми глазами козы…» – писал ей Мандельштам за полтора года до своего превращения в лагерную пыль. Ее письма в Архиве А.М. Горького свидетельствуют о том, что не давление спецслужб определяло ее действия, как о том писали ее современники (А. Гильбо, Ж.

[402] Письма Р. Роллана И.В. Сталину // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века (1920-1970) / Сост. Т.В. Балашова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277-289, 282.

Дюамель)[403] и позднее журналисты (Б. Носик и А. Ваксберг)[404], ссылаясь на свидетельства В. Мюнценберга, его жены Бабетты Гросс и личные встречи с Кудашевой. Пришло время восстановить справедливость и отдать должное Майе: она была из тех фиалок, которые не боялись раздразнить купы скаредных роз. Она картавила, как парижанка, и образ майиного Парижа в стихотворении Мандельштама почти заслоняет далекий образ Коктебеля. Но Коктебель не исчезает полностью за поворотами «карусели воздушно-благодарной». За кривдой «карликовых виноградарей» в письмах Майи проступает правда «горлинок». Когда-то Майя спасла Мандельштама от врангелевской тюрьмы[405], М.П. Кудашева-Роллан сохранила этот инстинкт помощи тем, кто в ней нуждался, хотя и не случилось ей окликнуть Мандельштама в его воронежской ссылке. Природа горлинки, которую почувствовал в ней Мандельштам, сказалась в ее письмах, сохранившихся в архивах:

Как будто бьется, в них дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской маленькой фиалки.

[403] М. Кудашева в разговоре с сыном Ж. Дюамеля Бернаром отрицала, что ею манипулировал НКВД. См.: Duhamel G. Le livre de l’amertume. Journal.1925-1956. P.: Mercure de France, 1983. P. 185, 417; Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим: Изд. Иерусалимского университета, 1984. С. 242, прим. 31.

[404] Носик Б. Кто ты, Майя? // Звезда. 2001. № 4; Ваксберг А. Мадам Ромен Роллан//Литературная газета. 2006. 1-7 ноября. С. 15.

[405] Подробнее об этом см.: Ариас-Вихиль М.А. «Французский текст» Осипа Мандельштама (к истории создания стихотворения «Я прошу, как жалости и милости…») // Дни франко-российских исследований. Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 23-32.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обширный и разнообразный фактический историко-литературный материал, представленный в диссертации, открывает новые перспективы в исследовании творчества Роллана и Горького в историко-литераиурном контексте XX века. В ходе работы над диссертацией были обнаружены новые, не исследованные ранее документы, связанные со встречей и беседой Р. Роллана со Сталиным, запись беседы в Кремле, сделанная А.Я. Аросевым, с правкой Роллана, а также письма Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан секретарю Горького П.П. Крючкову в связи с правозащитной деятельностью Роллана и Горького. Вопросы о репрессиях, о внутренней и внешней политике СССР, заданные Ролланом Сталину, оказываются в центре внимания в «Московском дневнике» Роллана.

Главной целью диссертации является введение в научный оборот значительного количества архивных документов. Главное – Архив Горького, его никто не видел и не знает содержания хранящихся там документов. Эти документы дают совершенно иную картину происходивших событий, чем это зафиксировано в настоящий момент в истории литературы и историографии. Не введен в научный оборот этот диалог писателей, а без него картина не то что не полная, а просто другая. Все, что опубликовано о Горьком и Роллане, требует полной корректировки, замены знаков с минуса на плюс. Например, Софии Кере опубликовала документы ВОКСа и все, что касается путешествия Роллана в СССР. Однако все эти сведения – лишь одна сторона медали, официальная. Вторая не была известна. Роллан не был визитером как Дюртен, Дюамель, Жид и другие. Он представлял собой уникальный случай, так как находился на прямой связи с Горьким, а через него имел прямую связь с советским руководством. В частности, то, что Роллан ехал под гарантии Горького. Все, что предлагалось ему Сталиным (гостиницы, дачи, дома), он пропускал через цензуру Горького. Второй момент – также вводится впервые: то, что условием его поездки была встреча со Сталиным. Если бы ему ее не гарантировали, он бы не приехал. Это говорит о важности для него поднятых во время беседы вопросов – а это, прежде всего, вопрос о

репрессиях, с него Роллан и начал. Это упускают из виду все западные исследователи. Майкл Дэвид Фокс прокомментировал переписку с Аросевым и Аплетиным из РГАЛИ, но у него сложилась прямо противоположная картина : он считает, что Дневник Роллана более надежный источник, чем стенограмма. (Дневник – первоисточник, а стенограмма – фальшивка) Я доказываю, что все наоборот: дневник Роллана – его самореабилитация, а стенограмма соответствует разговору в Кремле. Бернар Дюшателе – все, что касается Московского дневника Роллана. Сам дневник не был проанализирован, это впервые сделано мною в диссертации. Но по поводу Кудашевой никаких сведений не было опубликовано. Все сведения о ней сводились к очень ранним свидетельствам о том, что она была сотрудником ОГПУ или работала на спецслужбы. Что только о ней не писали, но ни одного слова доказательств ее работы на спецслужбы. Было неизвестно содержание ее переписки, ее внутренней жизни, чем она жила. Ее переписка с Крючковым – архиважный документ. Мною были сопоставлены документы Архива Горького и Фонда Роллана, помимо РГАЛИ, РГАСПИ и др. Это материал, который интриговал многих исследователей, но никто не мог собрать это вместе. Я потратила на это 30 лет, чтобы собрать все эти материалы.

Мишель Нике, Серж Роле, Софии Кере

Я стремилась дать специфическое осмысление – избегая того или иного политического пафоса: объективное, всестороннее, «стереоскопическое» и т.д.

Подчеркни, что это важно, чтобы теперь другие – «теоретически направленные исследователи» – дали свое осмысление. Но твоя задача была – собрать и дать объективную картину.

Отправной точкой для исследования послужил обмен письмами между Ролланом и Горьким в период Первой мировой войны. Переписка этого периода сыграла важную роль в определении писателями своих позиций по вопросу противостояния России и Европы, Запада и Востока. Оба писателями были сторонниками «героической жизни», однако призыв Горького к поиску активной героической личности, проповедующей ценности западной цивилизации в

противовес пассивному Востоку подвергся переоценке и критике Роллана, увидевшего идеал в «пассивном сопротивлении» Ганди. «Западничество» Горького также не нашло отклика у Роллана, доказывавшего Горькому, что у «юной» России и «старушки» Европы одна судьба, так как Россия всегда была частью Европы.

В первую очередь необходимо отметить наличие обоюдного интереса Роллана и Горького к обмену мнениями по наиболее актуальным вопросам культуры и политики. После Октябрьской революции оказавшийся в эмиграции Горький откровенно пишет Роллану о своих сомнениях в правомерности происходящего в России, подвергшейся «красному» террору, о последствиях уничтожения «мозга» нации – интеллигенции. Оба писателя разочарованы в итогах революции и осуждают большевистскую тиранию, действующую по принципу «цель оправдывает средства». Оба согласны в том, что «рухнула великая иллюзия» (Роллан, АГ-15, 44): Октябрьская революция не оправдала возлагавшихся на нее надежд по созданию «нового мира», построенного на началах гуманистического отношения к человеку.

В поисках третьего пути панацею сложившейся ситуации Роллан видит в индивидуальном протесте: его кумиром становится Махатма Ганди и его подвиг непротивления злу насилием, приведший к ощутимым результатам в смягчении колониальной политики в Индии и обретении ею духовной независимости. Горький в своем стремлении «привнести этику в политику» публикует очерк Роллана о Ганди сначала в основанном им в эмиграции журнале «Беседа», а затем в советском журнале «Красная новь».

Вопреки сложившемуся стереотипу Горький откликается на смерть Ленина очерком, изображающим вождя пролетариата противоречивой фигурой. Однако в переписке Роллана и Горького середины 1920-х годов сквозит мысль о неизбежности погружения России в хаос без сильного руководства. Обсуждение последствий утраты революцией своего вождя является первой попыткой писателей принять происходящее в СССР как единственную возможность избежать социального и политического хаоса, привнести рациональное начало в общественную жизнь и построить новое общество на справедливых основаниях.

Переломным в отношении к СССР для обоих писателей становится 1928 год: Горький совершает поездку в «страну Советов» и приветствует достижения новой власти, в конце 1927 года Роллан поздравляет советский народ с 10-летием Октябрьской революции, откликается на пожелание советского руководства напечатать в СССР полное собрание его сочинений и задумывается о путешествии в СССР. В скандале, разгоревшемся во французской прессе в связи с просоветским выступлением Роллана, оба писателя занимают жесткую позицию по отношению к русской эмигрантской интеллигенции, отказывая ей в своей поддержке.

После 1928 года изменяется тон переписки Роллана и Горького: если раньше Горький видел в личности Роллана воплощение столь желанных для России европейских ценностей, то теперь он чувствует себя наставником Роллана в деле защиты СССР и его внешней и внутренней политики: одергивает Роллана, «похлопывает по плечу» и дает ему уроки «пролетарского гуманизма» и «пролетарской ненависти», чем крайне возмущает Роллана, готового оборвать переписку с Горьким.

Наиболее ярко изменившееся отношение Горького к Роллану запечатлелось в его предисловии 1930 года к собранию сочинений Роллана, которое начало издавать ленинградское издательство «Время». В своем предисловии он относит творчество Роллана и проповедуемые им ценности к уходящей эпохе, не смущаясь противоречием с авторами двух других предисловий: Цвейгом и Луначарским, видящим в Роллане гуманиста, время которого еще не настало.

Сближению Роллана с СССР способствовали знакомство, а затем и женитьба в 1934 году на советской гражданке Марии Кювилье-Кудашевой, первый муж которой принадлежал к старинному графскому роду Стенбок-Фермор и погиб в добровольческой армии. Мария Кудашева-Роллан видела свою миссию в гуманизации советской действительности, в которой заложниками оставались ее сын, свекровь-графиня и мать-француженка.

Парадоксальным образом появление в жизни Роллана Марии Кудашевой заставило его на себе испытать реалии советской жизни, что привело к систематической критике советской системы и поискам выхода из тупиков

советской внутренней политики. В письмах этого периода (начала 1930-х годов) Роллан пишет Горькому, что скоро из «друга СССР» он превратится в его врага: Кудашевой отказывают в выездной визе, ее матери отказывают в пенсии, свекрови грозит высылка из Ленинграда, сын Кудашевой Сергей не может учиться в университете как классовый враг. На помощь приходит Горький: он неизменно и незамедлительно пользуется своим влиянием и связями с высшим руководством СССР, чтобы, оставаясь в Сорренто, решать все назревшие проблемы через своего секретаря П.П. Крючкова.

Покровительством Горького Роллан пытается воспользоваться не только в личных целях: его письма наполняются многочисленными просьбами о помощи в решении проблем, связанных с его знакомыми, а затем и незнакомыми людьми, подвергшимся преследованиям в СССР по разным причинам. Горький считает своим долгом выполнять просьбы Роллана, чем объективно оба писателя пытаются гуманизировать советский режим, смягчить его жестокость. Еще одним посредником «доброй воли» становится Мария Кудашева-Роллан, как это следует из приведенной в диссертации ее переписки с секретарем Горького П.П. Крючковым.

Возвращение Горького в СССР в 1933 году увеличивает его возможности участия в правозащитной деятельности Роллана, который вызволяет из ссылки ученого-биолога О. Гартоха, своего издателя Г. Блока, писателя В. Сержа, способствует выезду за границу и воссоединению семей эмигрантов, получает гарантии от советского руководства на беспрепятственное посещение и выезд из СССР знаменитого библиографа-толстовца Н. Рубакина, швейцарского педагога школы Монтессори Э. Гартох, сестры О. Гартоха и многих других.

Под влиянием Горького в 1935 году Роллан решается, наконец, на путешествие в СССР. Его целью, помимо личной встречи с Горьким, становится встреча со Сталиным: в СССР развернулись массовые репрессии в связи с убийством С. Кирова, Роллан хочет получить от Сталина объяснение творящихся беззаконий (массовые репрессии, уголовная ответственность детей с 12 лет и т.д.). Сталин дает разъяснения Роллану по поводу внешней политики СССР, фоном

которой становится соглашение с буржуазным правительством Франции: 2 мая 1935 года В. Потемкин и П. Лаваль подписали советско-французский пакт о взаимопомощи. По сути встает вопрос о неприемлемости пацифизма Роллана в условиях набирающего силу в Европе фашизма. Роллан вынужден принять объяснения вождя о массовых репрессиях, расходящиеся с представлениями Роллана о правопорядке в Европе, где невозможно за преступление одного человека расстрелять сто человек и еще сотни отправить в ссылку. В «Московском дневнике» свою беседу с вождем Роллан передает в измененном виде, «обеляя» Сталина и приписывая ему слова, которых тот не говорил («мы ошиблись», «мы поддались власти чувств» и т.д.).

В результате поездки в СССР Роллан еще раз пересматривает свои взгляды на происходящее в «стране фараонов», занятой «строительством пирамид». Его неприятно поражает культ Сталина, постоянная слежка, невозможность откровенного разговора с советскими собеседниками, он опасается провокаций. Советские люди запуганы, их поведение определяет страх. Те, кто не умеет молчать, исчезают. Создавая портреты советских вождей, Роллан отмечает пренебрежительное отношение Сталина к Горькому. Не менее важным свидетельством об отношениях Сталина и Горького является стенограмма беседы литературного эмиссара Сталина И.М. Гронского, организатора кампании по возвращению писателя в СССР в соответствии с распоряжением вождя о необходимости «привязать Горького канатами к партии».

Горький в «Московском дневнике» Роллана вырастает в огромную трагическую фигуру. Он все видит, все понимает, но уже ничего не может сделать. Это «конец героя». Он не хозяин в своем доме, не может никого принять по своему усмотрению, его переписка фильтруется секретарем Крючковым, к нему нет доступа даже его знакомым. Глядя на Горького, Роллан испытывает желание «обнять его и долго молча рыдать».

Смерть Горького закрыла Роллану путь в СССР: без «защиты его голубых глаз» (Р. Роллан) путешествие в СССР стало невозможно, как невозможна стала и правозащитная деятельность Роллана без участия Горького. Роллан уже никому не

смог помочь: в разгар московских процессов Роллан написал пять писем Сталину, все они остались без ответа.

История дружбы двух писателей в эго-документах запечатлела эволюцию их общественно-политических взглядов: особенности исторического пути России они видели в особенностях русского национального характера (смешение Запада и Востока), от осуждения советской власти они пришли к ее принятию, «защиту СССР» им пришлось совмещать с защитой прав человека в СССР. Их культурный и политический диалог имел огромную историческую и художественную ценность, позволил Роллану в сложных исторических условиях вмешиваться в политику, определять судьбы мира (лозунгами пацифизма, «над схваткой», «Европа, расширься или умри!»), оправдывая свою репутацию «мировой совести» и пытаясь гуманизировать советский строй. При этом за кадром осталась публицистическая деятельность М. Горького 1930-х годов, которая еще ждет своего исследователя.

Исследование позволило ввести в научный оборот неизвестные материалы: письма Р.Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан секретарю Горького П.П. Крючкову. Наряду с письмами Горькому, они стали тем самым недостающим звеном, без которого невозможно должное осмысление правозащитной деятельности Роллана, осуществляемой им через Горького, в период репрессий в СССР в эпоху тоталитаризма. Переписка М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым стала предметом специального исследования в диссертации, так как она фокусирует основную проблематику до сих пор остававшегося вне поля зрения литературоведов и историков последнего этапа творческого диалога писателей. Перед окончательным падением «железного занавеса» Роллан стал одним из последних западноевропейских писателей, попытавшихся встретиться со Сталиным и получить ответы на волновавшие современников вопросы о внешней и внутренней политике СССР, в частности, о начале массовых репрессий после убийства Кирова в декабре 1934 года. «Неудобный» собеседник, Роллан не получил ответа ни на одно из пяти своих писем Сталину, однако поездка в СССР и встреча с советским вождем нашли отражение в его «Московском дневнике», разрешение на публикацию которого Роллан давал только через пятьдесят лет. Исследование

показало, в чем оказался прав и в чем ошибался французский писатель, выстраивая свою стратегию «защиты СССР» в глазах мировой общественности, ожидающей от писателя, воплощавшего на протяжении полувека «совесть мира», ответы на самые острые социальные и политические вопросы. Автор диссертации делает вывод о неправомерности подхода к личности Роллана как к «некритичному апологету сталинизма», как его представляют многие западные исследователи (М. Дэвид-Фокс).

В исследовании показана амбивалентная роль Горького в борьбе западноевропейских интеллектуалов за гуманистические идеалы европейской культуры в период двух мировых войн, изменивших не только карту мира, но и само представление о человеке. В проанализированных в диссертации документах Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН и Фонда Роллана Национальной библиотеки Франции содержатся важнейшие свидетельства взаимоотношений Роллана с СССР, а также отношений двух великих писателей XX века, их сложного литературного, философского, политического эпистолярного диалога на протяжении двадцати лет (1916-1936). В результате исследования сделан вывод о том, что диалог писателей стал осмыслением крупнейших событий литературной и общественно-политической истории и имел огромное влияние на общественное сознание современников.

Неопубликованная переписка Роллана с русскими писателями-эмигрантами во Франции (К. Бальмонтом, И. Буниным, И. Шмелевым и др.) также помогает воссоздать подлинную историю литературы XX века и свидетельствует об изменении вектора европейской левой интеллигенции, заинтересованной в советском эксперименте построения нового социального строя. Без знания этих уникальных свидетельств литературной и общественно-политической жизни, вводимых, благодаря данному исследованию, в научный оборот, невозможно осмысление литературного и общественно-политического процесса XX века, роли отдельных писателей в его развитии во Франции и в СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П.1. Переписка Р. Роллана с П.П. Крючковым (1931–1936)

Крючков Петр Петрович (1889–1938, репрессирован) – многолетний постоянный секретарь и друг Горького. Учился на юридическом факультете, во время Первой мировой войны служил в Красном кресте. Познакомился с Горьким в 1918 г., работая под началом М.Ф. Андреевой, которая сразу после Октябрьской революции была назначена комиссаром театров и зрелищ Петрограда и пяти прилегающих губерний, занимая, таким образом, руководящие посты в театрально-художественной сфере. Крючков сопровождал Роллана на обратном пути из Москвы до Варшавы и за ужином рассказал историю, которую Роллан приводит в «Московском дневнике». Во время похода на Петроград армии Юденича к Крючкову пришли хранители Эрмитажа и других музеев с предложением составить новое руководство музеем в свете перспективы захвата Юденичем Петрограда. Роллан недоумевает, почему они пришли к только что сдавшему экзамены в университете юноше, который выпроваживает их с угрозами. «Он был очень тесно связан с Коммунистической партией, но я так и не понял, как это произошло», – пишет Роллан в своем дневнике (МД, 5, 163). Поясняет эту ситуацию В.Ф. Ходасевич в статье «О смерти Горького», в которой он говорит, что Крючков своей карьерой и близостью к партии большевиков обязан М.Ф. Андреевой, партийные связи которой всегда были сильнее горьковских.

После отъезда Горького в Германию М.Ф. Андреева и П.П. Крючков также уехали работать в Берлин, где Крючков при содействии Андреевой получил пост уполномоченного советского книготоргового и издательского предприятия «Книга» (с 1927 г. – «Международная книга»). Таким образом, Крючков стал фактическим издателем произведений Горького за рубежом и посредником во взаимоотношениях писателя с российскими журналами и издательствами. Не без пристрастия Ходасевич замечает по этому поводу: «Крючков сделался не секретарем Горького и даже не “министром финансов”, а больше того: главным источником и надзирателем его денежных средств, – что и требовалось»

(Ходасевич В.Ф. О смерти Горького // Возрождение. 1938. 11 марта). Занимаясь организацией издания произведений Горького в СССР и за рубежом, Крючков налаживал связи с различными организациями и людьми.

Горький высоко ценил деловые качества Крючкова, умение энергично, быстро и четко организовать работу. Крючков сопровождал Горького в его многочисленных поездках. Вел переписку, в том числе и с Р. Ролланом и М.П. Кудашевой, помогал последней с получением выездных виз в Швейцарию и оформлению документов для брака, по просьбе Горького занимался судьбой родственников Кудашевой в Москве (в связи с «паспортизацией» 1933 г. и угрозой их высылки как «нежелательного элемента», а также в связи с угрозой лишения пенсии и хлебных карточек). Роллан посвятил ему немало страниц в своем «Московском дневнике». В частности, Роллан дает ему такую характеристику: «На вид он человек твердый и замкнутый, но, впрочем, очень добрый, как говорят близко знающие его. Невероятно энергичен, точен и предан» (МД, 5, 163).

По словам Крючкова, как передает Роллан, он знает Горького с 1918 года: «Горький был тогда болен, всеми заброшен и беспомощен. Крючков посвятил себя ему. Можно сказать, он пожертвовал своей жизнью для него» (МД, 5, 163). В то же время Роллан не может смириться с превышением Крючковым его секретарских полномочий: «Именно через его руки проходит вся корреспонденция, адресованная Горькому. Хотелось бы думать, что Крючков читает и сортирует ее, испытывая большие угрызения совести, но даже если это так, то все-таки опасно полностью доверять Крючкову производить отбор писем и изымать те, что покажутся бесполезными или навязчивыми. Так же он отбирает посетителей. Тем самым навлекает на себя много подозрений и ненависти. И он это знает» (МД, 5, 163).

Однако, когда в 1938 г. во время последнего «московского процесса» о «правотроцкистском блоке» Крючков был обвинен в смерти Горького (вместе с Г.Г. Ягодой и докторами Горького Л.Г. Левиным и Д.Д. Плетневым), Роллан не поверил в эти обвинения, так как считал, что Крючков искренне любил Горького («его одного он и любил»). Роллан считал, что смерть Горького могла наступить от естественных причин. Однако, вполне возможно, ее «ускорили» – Роллан пишет об

этом в «Дополнениях (октябрь-декабрь 1938 года)» к своему «Московскому дневнику»: «Я должен отметить, что за Горьким до странности мало следили за столом его врач и медсестры. Нас удивило, что он, тяжелый легочный больной, постоянно находился на сквозняках, за столом сидел спиной к открытому окну, хотя стояли прохладные и дождливые дни. Маша волновалась за меня и часто вставала, чтобы закрыть двери и окна. – Теперь, когда я прочитал отданные Ягодой приказы врачам подвергнуть Горького переохлаждению, я не могу отделаться от подозрений» (NC, 285).

В марте 1938 года на процессе «правотроцкистского блока» П.П. Крючков, профессор Д.Д. Плетнев и доктора Л.Г. Левин и И.Н. Казаков взяли на себя вину за «убийство» писателя. Их приговорили к расстрелу за «сознательное ускорение смерти В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, Максима Горького и его сына». За отсутствием состава преступления Крючков был реабилитирован в 1988 году. Роллан, вероятно, разделял точку зрения В.Ф. Ходасевича, изложенную им в момент последнего московского процесса 11 марта 1938 г. в газете «Возрождение» в статье «О смерти Горького». В этой статье Ходасевич утверждает, что сын Горького Максим был устранен Ягодой и Крючковым, что окончательно подорвало слабое здоровье писателя, для которого стала смертельно опасна любая простуда.

О тяжелом внутреннем состоянии П.П. Крючкова во время их пребывания в СССР Роллан пишет в «Дополнениях» (1938) к своему «Московскому дневнику» (1935): «Другое наблюдение: первое впечатление, произведенное Крючковым. Маша видела его в 1931 году, он был веселым жизнелюбом. Сейчас он выглядел угрюмым, мрачным, сосредоточенным, редко прерывал свое молчание, был все время в напряжении, которое не оставляло его ни на минуту, пока мы были в СССР. На судебном процессе впоследствии раскрылась страшная тайна, которую он держал в себе – соучастие в убийстве сына Горького за год до этого. Он надел на себя маску непроницаемости и жил под ней. Он страшно пил – даже для русского. Многие при мне высказывали удивление, что по нему не видно, сколько бы он ни выпил. Его дозы любого свалили бы с ног. А он оставался сдержанным, с ясной головой» (NC, 280).

Сам Горький, по многим свидетельствам, не тяготился опекой Крючкова. Это подтверждают и его письма. В частности, Я.С. Ганецкому он писал: «П.П. Крючков прекрасный работник, хороший товарищ и ни Вами, ни кем-либо другим мое доверие и уважение к нему не может быть поколеблено. Прибавлю, что Ваши выпадки против него уничтожили мое товарищеское отношение к Вам».[406]

Крючков при его переводе из Берлина на работу в Госиздат в Москву получил от Горького такое пожелание: «Желаю найти в России работу по душе и встретить там людей, которые оценили бы Вашу энергию так высоко, как я ее ценю и как она того заслуживает. И чтоб Вы нашли товарищей, которые полюбили бы Вас, как я люблю» (23 декабря 1926 г.) (АГ-14, 460). К 1924 году относится еще одно важное свидетельство, характеризующее отношение Горького к Крючкову, в котором писатель видел не «приставленного» и «заагентуренного» соглядатая, а творческую личность: «Не хочу говорить Вам комплиментов, – уже говорил и очень искренне говорил, а все-таки скажу: настоящую, человечью жизнь строят только художники, люди, влюбленные в свое дело, люди эти – редки, но встречаются всюду, среди кузнецов и ученых, среди «купцов» и столяров. Вот Вы один из таких художников и влюбленных» (АГ-14, 460).

После смерти Горького Крючков вместе с И.П. Ладыжниковым, И.К. Лупполом и другими вошел в состав Комиссии для приема литературного наследства и переписки Горького.[407] Постановлением Президиума ЦИК СССР от 14 февраля 1937 г., п. 5 Крючков утвержден директором Музея А.М. Горького в Москве. В конце 1937 г. арестован и в 1938 г. расстрелян. В Архиве А.М. Горького в Москве хранится обширная переписка Горького и Крючкова, часть которой опубликована в томе XIV серии «Архив А.М. Горького»: М. Горький М. Неизданная переписка (в тексте диссертации АГ-14 с указанием страницы). Полностью переписка готовится к изданию в томе XVII серии «Архив А.М. Горького». Переписка Роллана с Крючковым подготовлена к изданию автором диссертации в ее переводе и впервые напечатана в разделе «Писатели и

[406]Цит. по кн.: Современники А.М. Горького. Фотодокументы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 466.
[407] Правда. 1936. 19 июня. № 167.

литературный процесс, художественная рефлексия и издательская политика» (Глава «Роллан и Горький: вокруг путешествия Роллана в СССР» и Приложение: Письма Ромена Роллана (1928-1936)) в кн.: Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 119-151. Письмо Роллана на смерть Горького приводится в диссертации впервые.

1

П.П. Крючков – Р. Роллану

Телеграмма

<середина января 1931 >

Gorki envoyé votre article pour Revue Mondiale de Paris. Soyez bon permettre insérer immédiatement

Moscou Savoy-Hôtel 103

Kriutchkoff

Горький прислал вашу статью[1] для парижского Ревю Мондьяль[2]. Разрешите срочно напечатать

Москва, гостиница «Савой», 103

Крючков

Печатается по рукописи на французском языке. Датируется по письму Роллана Горькому от 8 января 1931 г., в котором Роллан пишет: «Посылаю Вам заказной бандеролью копию статьи, которую я отправил <…> в «Нувель Ревю Мондьаль» Люсьена Кине. Это возражение на статью Гастона Риу, появившуюся в первом № журнала (полагаю, что Вы его получили); автор отстаивает в ней свою концепцию *Пан-Европы*…» (АГ-15, 174).

[1] А.М. Горький переслал П.П. Крючкову машинописную копию статьи Роллана для «Нувель Ревю мондьяль» «Европа, расширься или умри! Открытое

письмо Гастону Риу». Статья вызвана кампанией во французской прессе, которую вел писатель и политик Гастон Риу (*Gaston Riou,* 1883–1958). Участник Первой мировой войны, Риу около года провел в немецком плену и стал убежденным пацифистом. Свои военные впечатления он передал в книге «Дневник простого солдата» (*Journal d'un simple soldat*, 1916; с предисловием Э. Эррио). В 1928 г. Риу опубликовал эссе «Моя родина – Европа» (*Europe – ma patrie*), выдвинув лозунг «Европа, объединись или умри!». Риу – создатель Европейского экономического и таможенного союза, Лиги «Франция-Европа» (1930), трансформированной затем в Международную лигу Соединенных штатов Европы, которую он возглавил в 1935 г. Его инициатива была поддержана лидером партии радикалов и радикал-социалистов Эдуаром Эррио, трижды занимавшим пост премьер-министра в правительстве Франции между двумя войнами.

Лозунг Риу соответствовал духу времени (реинтерграции Германии в экономический и политический европейский союз с целью противостояния США и СССР) и совпадал с проектом Панъевропейского союза («европейского федерального союза»), который продвигал во Франции политический и государственный деятель Аристид Бриан, получивший в 1926 г. Нобелевскую премию мира. В момент написания статьи Роллана Франция демонстрировала образцовую стабильность и выглядела весьма успешно в ситуации экономического мирового кризиса (журнал «Тайм» назвал в 1931 г. премьер-министра Пьера Лаваля «человеком года»). Проект европейского федерального и экономического союза был реализован в конце XX в. в создании Объединенной Европы, или Евросоюза (*Union européenne*).

[2] Статья Риу «Соединенные штаты Европы или Соединенные штаты мира» была опубликована в январском номере журнала «Нувель Ревю мондьяль» (*Nouvelle Revue mondiale,* главный редактор Люсьен Кине). Ответ Роллана – в февральском номере. Роллан выступал против Панъевропейского союза, увидев в нем политическую и экономическую угрозу для безопасности СССР.

2

Р. Роллан – П. П. Крючкову

Телеграмма

<середина января 1931>

Kriutchhoff Savoy hôtel 103 Moscou

Villeneuve Vaud

Article déjà traduit Moscou va paraître par soins Lounatcharsky téléphoner Maria Koudacheva 367-17

Rolland

Крючков

Гостиница «Савой», 103, Москва

Статья уже переведена[1] в Москве печатается заботами Луначарского[2] позвоните Марии Кудашевой[3] 367-17[4]

Роллан

Вильнев (Во), Нортерн

АГ ПТЛ-ин 1-203-4 Печатается по оригиналу (телеграфный бланк, машинопись, на французском языке). Датируется по письму Роллана от 8 января 1931 г. и телеграмме П.П. Крючкова.

[1] На русском языке статья Роллана «Европа, расширься или умри! (Открытое письмо Гастону Риу)» была опубликована 29 января 1931 г. в газете «Известия» (№ 29) и затем включена в сборник статей Роллана «На защиту нового мира» (Л.: Время, 1932. С. 87–95) в переводе М.Л. Лозинского. Статья продолжает тему «разбоя под флагом мира», на которую Роллан уже высказывался в статье «Разбойничий мир» (*Piraterie de la Paix*), опубликованной в журнале «Эроп» 15 ноября 1929 г. [напечатана в «Известиях ЦИК» 1 декабря 1929 г. (№ 281) в переводе С.Я. Парнок; также вошла в сборник «На защиту нового мира» (С. 57–62)].

[2] А.В. Луначарский очень интересовался темой Пан-европейского союза, находящей в центре внимания европейской политики. Он внимательно следил за

разгоревшейся полемикой, о чем свидетельствует оперативность публикаций статей Роллана о проекте Пан-Европы. Перевод предыдущей статьи Роллана «Разбойничий мир» был сделан с корректурных гранок, также пересланных в редакцию А.В. Луначарским (см.: Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время» 1928–1934 / предисловие, публикация и комментарий П.Р. Заборова // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м гг. СПб.: ИРЛИ РАН, 2011. С. 525).

Луначарский был давним другом Роллана, еще со времен швейцарской эмиграции, и внимательно следил за творчеством Роллана, откликался на его публицистику и художественные произведения, став фактически главным идеологическим критиком Роллана в СССР («Ромен Роллан», 1912; «Ромен Роллан», 1926; «Новая пьеса Ромена Роллана», 1926; «Ответ Ромену Роллану», 1928; «Ромен Роллан как общественный деятель», 1930; «Корифеи интеллигенции», 1931; «У Ромена Роллана», 1932).

[3] М.П. Кудашева, секретарь профессора П.С. Когана, издававшего собрание сочинений Роллана в издательстве «Время», стала по желанию Роллана его представителем в издательстве. В письме Горькому от 28 июля 1929 г. Роллан пишет: «Ленинградское издательство “Время” собирается выпустить, как Вам известно, полное собрание моих сочинений… И я прошу, чтобы таким представителем была назначена госпожа *Мария Кудашева*, которая активно занимается этим делом; она – мой друг, и я хочу видеть ее лично. Мария Кудашева – литературный секретарь профессора *П.С. Когана* (президент Академии художественных наук) и племянница профессора *Льва Тарасевича*» (АГ-15, 162). О М.П. Кудашевой см.: Аракелова М.П., Городницкая А.А. «Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. М.: Российский ин-т культурологии, 2001. С. 161–175; Обатнин Г.В. Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: сб. ст. в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402; Ариас-Вихиль М.А. «Французский текст» Осипа Мандельштама (к истории создания стихотворения «Я прошу, как

жалости и милости…») // Дни франко-российских исследований. Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. С. 23–32.

[4] Номер телефона, сообщаемый Ролланом, принадлежал П.С. Когану, секретарем которого работала М.П. Кудашева (в том же письме от 28 июля 1929 г. Роллан сообщал Горькому: «Адрес Марии Кудашевой: Академия (ГАХН), ее телефон тот же, что и проф<ессора> П.С. Когана, – 3-67-17» (АГ-15, 162).

2

Р. Роллан – П.П. Крючкову

Villeneuve (Vaud), villa Olga

19 février 1934

Cher camarade Krutchkov,

J'ai appris l'aide que vous nous avez donnée pour obtenir et pour hâter l'expédition des pièces officielles dont j'ai besoin pour mon mariage avec Marie Koudacheff. Je vous en suis très reconnaissant. Ce n'est d'ailleurs pas la première fois que vous nous aidez; et je ne l'oublie pas.

– Il y a bien longtemps – plus d'une demi-année – que je n'ai plus reçu de nouvelles de Maxim Gorki. Nous espérons que sa santé n'en est pas cause. Je lui ai écrit, à la fin de décembre, à Sorrento d'abord, une lettre qui m'a été retournée et que je lui ai réexpediée à Moscou. L'a-t-il bien reçue? – Marie K. vient de me lire un article de lui dans le dernier numéro qui nous est parvenu de la Gazette littéraire ; et je me propose de lui écrire à ce sujet. Je puis dire que cet article répond à beaucoup de mes propres préoccupations.

Vous savez que nous vivons en ce moment à Paris des heures critiques. Je crains fort que l'Occident n'en soit encore qu'à son 1905.

Je vous serre la main, cher camarade, en vous assurant de mon amitié.

Romain Rolland

P.S. Gorki est-il fixé à Moscou? En dépit de mon déplorable état de santé – une forte bronchite m'a encore tenu à lit presque tout le mois de janvier – j'ai toujours l'espoir d'aller le voir à Moscou.

Вильнев (Во), Вилла «Ольга»
19 февраля 1934

Дорогой товарищ Крючков,

Я слышал о том содействии, которое Вы оказывали для получения и ускорения отправки документов, которые мне нужны для заключения брака[1] с Марией Кудашевой. Очень Вам за это благодарен. Впрочем, это уже не в первый раз, как Вы помогаете нам, я об этом не забываю[2].

Уже давно (более полугода) я не получаю известий о Максиме Горьком.[3] Мы надеемся, что причиной этому – не болезнь. Я писал ему в конце декабря, сперва в Сорренто, но это письмо было мне возвращено, и я перенаправил его в Москву. Получил ли он его? Мария К<удашева> только что прочитала мне его статью в последнем полученном нами номере «Литературной газеты»[4]; я предполагаю написать ему по этому поводу[5]. Должен сказать, что эта статья во многом отвечает моим собственным тревогам. Вы знаете, что мы в Париже переживаем сейчас критические моменты[6], очень опасаюсь, что Запад еще стоит на пороге своего 1905 года.

Жму Вашу руку, дорогой товарищ, и прошу верить моим дружеским чувствам.

Ромен Роллан

P.S. Живет ли Горький в Москве? Несмотря на плачевное состояние моего здоровья (сильный бронхит снова уложил меня в постель почти на весь январь) – я все же надеюсь поехать повидаться к нему в Москву[7].

АГ ПТЛ-ин 1-203-1 Печатается по автографу на франц. яз. Приложение: конверт. Надпись на конверте: Recommandée. Monsieur P. Krutchkov, Moscou (URSS).

Москва, Малая Никитская, 6. Петру Петровичу Крючкову. Exp<éditeur>: Romain Rolland, Villa Olga, Villeneuve (Vaud), Suisse. П.П. Крючков получил письмо 24 февраля 1934 г. (датируется по почтовому штемпелю).

[1] Вероятно, Крючков помог переслать свидетельство о браке и выписку из церковной книги, за которыми М.П. Кудашева обращалась к своей свекрови Е. В. Кудашевой: «Имеется ли у Вас свидетельство о нашем браке? – Вероятно, нет. А если да, то Сережа (муж М.П. Кудашевой. – М.А.) говорил мне, что в нем не было поставлено, что я “незаконная дочь мещанки гор. Подольска Серафимы Михайловой”, как у меня в метрике». По метрике М.П. Кудашева была Михайлова, а паспорт в 16 лет ей выдали на имя Павловой (по имени крестного отца): «…нужно было удостоверить, что это одно и то же лицо» (см.: Обатнин Г.В. Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним… С. 348–349).

[2] Речь идет о получении разрешений на выезд в Швейцарию М.П. Кудашевой в течение 1929–1931 гг. (см. ее письма П.П. Крючкову от 12 августа 1929 г., от 18 июня 1931 г. и от июня 1931 г.). Помимо этого, Крючков занимался проблемами сына и свекрови М.П. Кудашевой в связи с «паспортизацией»: как «нежелательным элементам» (с «вредной» фамилией, как писала Кудашева-Роллан) им грозила высылка. 2 февраля 1933 г. Роллан обратился к Горькому с просьбой помочь сыну князя Кудашева («Это беда в наше время», – пишет Роллан) и его бабушке Е.В. Кудашевой (ур. Стенбок-Фермор: «Она тоже принадлежит к “бывшим людям”», – поясняет Роллан; АГ-15, 255) остаться в Москве в связи с угрозой их высылки как «антисоциальных элементов», возникшей из-за принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». «*Настоятельно прошу Вас действовать скорее*», – писал Роллан Горькому. 6 февраля 1933 г. Горький передал просьбу Роллана в Москву через П.П. Крючкова. Крючков ответил Горькому 19 февраля 1933 г.: «Кудашевой все устрою», а в конце февраля сообщил: «У Кудашевой все спокойно, и ее до настоящего дня не собирались выселять, если что-либо случится, устроим. Вообще обыватель вокруг паспортной системы создал

удивительную панику и до смерти напугал себя» (АГ-15, 475). Уже 22 февраля Роллан получил обнадеживающий ответ Горького из Сорренто: «По делу о Кудашевых я своевременно написал в Москву». В письме от 3 марта Роллан благодарит Горького: «Сердечно благодарю Вас за то, что Вы сделали для Кудашевых. Мы еще не получили известий о завершении этого дела. Но не сомневаюсь, что оно уладилось, благодаря Вашему вмешательству» (АГ-15, 255–257). Похлопотать о хлебных карточках для матери М.П. Кудашевой А.Ф. Кювилье, которой тоже угрожала высылка, Роллан также просил Горького (АГ-15, 256).

[3] Последнее письмо Горького за 1933 год было получено Ролланом в августе. Роллан ответил Горькому 30 декабря 1933 г. на соррентийский адрес писателя. Однако Горький не получил его, так как с мая 1933 г. перестал бывать в Италии, для отдыха и лечения ему был предоставлен дом в Крыму (Тессели). 7 января 1934 г. Роллан отправил возвращенное ему из Сорренто письмо на московский адрес писателя с небольшой припиской.

Горький ответил Роллану 20 апреля 1934 г. после письма Роллана от 2 апреля. В этом письме Роллан, в частности, сообщает Горькому: «Не знаю, получили ли вообще письмо, которое я послал Вам зимой в Сорренто, а затем в Москву. Я писал также Вашему секретарю Крючкову и госпоже Пешковой. Ни тот, ни другая мне не ответили. Не могу этого понять. Если между нами произошло недоразумение, надо его разъяснить» (АГ-15, 277). В ответном письме Горький рассеял недоразумение. Он писал: «Дорогой друг мой, да, это – правда, я очень редко пишу Вам и весьма смущен тем, что Вы товарищески указали мне на это. Однако Вы ошибаетесь, если подумаете, что этим знаменуется понижение моего желания писать Вам, делиться мыслями с Вами» (АГ-15, 279). Долгое молчание писателя вызвано его окончательным переездом в СССР и расширившимся в связи с этим кругом дел и обязанностей. За 1933 год Ролланом написано 11 писем, а Горьким – 6.

[4] В начале 1934 г. Горький выступил с критикой отдельных советских писателей, засоряющих литературный язык необязательными диалектизмами,

неологизмами и т.д.: «По поводу одной дискуссии» (Литературная газета. 28 января. 1934. № 9), «Открытое письмо А.С. Серафимовичу» (Литературная газета. 14 февраля. 1934. №17), «О бойкости» (Известия. 28 февраля. 1934. № 51), «О языке» (Известия. 18 марта. 1934. № 66; Правда. 18 марта. 1934. №76; Литературная газета. 18 марта. 1934. № 33). Вошли в собр. соч. (Г-30. Т. 27). Судя по дате, Роллан имеет в виду статью о Серафимовиче.

[5] Роллан написал по этому поводу Горькому в письме от 2 апреля 1934 г.: «Те резкие слова, с которыми Вы недавно обратились к пролетарским писателям, надменно презирающим литературный труд, доказывают, что Вы “во всеоружии”, как говорят во Франции, то есть, на своем месте. Я порадовался этому (хотя и не решаюсь судить о тех частных случаях, которые Вы приводите) и по существу спора полностью согласен с Вами» (АГ-15, 277).

[6] С декабря 1932 по январь 1934 г. во Франции сменилось 5 правительств левого блока, каждое из которых находилось у власти меньше 3 месяцев. Правые антиреспубликанские силы 6 февраля 1934 г. устроили мощную антиправительственную демонстрацию, вылившуюся в попытку фашистского путча. Однако фашистское движение во Франции было несравненно слабее, нежели в Германии и Италии. Ответом на фашистский путч стало образование Народного фронта – блока левых сил, просуществовавшего 4 года и сыгравшего историческую роль в предотвращении установления фашистской диктатуры во Франции.

[7] В письме от 20 июля 1933 г. Роллан пишет Горькому: «До свиданья!» (ибо не могу поверить, что я никогда Вас не видел) – или «до скорой встречи» (ибо я не теряю надежды встретиться с Вами)» (АГ-15, 271). Желание Роллана увидеть Горького, высказываемое в их переписке на протяжении многих лет, исполнилось летом 1935 г.

3

Р. Роллан – П.П. Крючкову

Villeneuve (Vaud)

343

17 juin 1934

Cher camarade Krutchkov,

J'ai, une fois de plus, à vous remercier pour l'intérêt que vous avez bien voulu témoigner à mon jeune beau-fils Serge Koudacheff, et pour l'autorisation de venir en Suisse qui lui a été accordée.

J'aurais été heureux de l'accompagner en URSS, quand il retournera à Moscou, vers la fin de juillet. Mais ma santé ne le permet pas encore, cette année. J'espère fermement que ce sera pour l'an prochain ; et je compte alors faire votre connaissance personnelle.

Veuillez transmettre à Maxim Gorki mon salut affectueux: je lui écrirai, ces jours-ci.

Et croyez-moi, cher camarade Krutchkoff, votre cordialement dévoué

Romain Rolland

Вильнев (Во), Вилла «Ольга»

17 июня 1934

Дорогой товарищ Крючков,

Еще раз благодарю Вас за внимание, проявленное Вами по отношению к моему молодому пасынку – Сергею Кудашеву[1], а также в связи с получением им разрешения на выезд в Швейцарию[2].

Я был бы рад сопровождать его, когда он будет возвращаться в Москву в конце июля. Но в этом году здоровье пока не позволяет мне этого. Я твердо надеюсь, что это произойдет в будущем году, и тогда я смогу лично познакомиться с Вами[3].

Прошу Вас передать Максиму Горькому мой сердечный привет, я буду ему писать на днях.

Примите, дорогой товарищ Крючков, мои уверения в сердечной преданности

Ромен Роллан

АГ ПТЛ-ин 1-203-2 Печатается по автографу на франц. яз. Приложение: конверт. Надпись на конверте: Recommandée. Monsieur P. Krutchkov, Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская, 6. Петру Петровичу Крючкову. Exp<éditeur>: Romain Rolland, Villa Olga, Villeneuve (Vaud), Suisse. П.П. Крючков получил письмо 23 июня 1934 г. (датировка по почтовому штемпелю).

[1] Сергей Сергеевич Кудашев (1917–1941) – сын М.П. Кудашевой от брака с князем Кудашевым. Роллан поддерживал дружеские отношения с сыном М.П. Кудашевой и состоял с ним в переписке (в Национальной библиотеке Франции в Фонде Р. Роллана хранятся 42 письма, написанные Сергеем в период с 1929 по 1940 гг., в Архиве А.М. Горького и Российской государственной библиотеке – письма Роллана к Сергею). См.: Письма Ромена Роллана к С.С. Кудашеву // Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. М., 1965. Вып. 27. С. 282. Роллан в письме к Горькому так характеризовал своего пасынка: «Он способен к наукам, серьезен, трудолюбив и мечтает лишь о том, чтобы стать полезным гражданином СССР» (АГ-15, 255). М.П. Кудашева неоднократно говорила, что оформила свой брак с Ролланом, чтобы ее сын мог учиться в университете, куда «бывшим» путь был закрыт.

[2] Летом 1934 г. Сергей гостил у матери и Роллана в Швейцарии. В 1937 и 1939 гг. летом Сергей ездил к ним во Францию (см.: Письма Ромена Роллана к С.С. Кудашеву…).

[3] Личное знакомство с Крючковым состоялось в Москве в 1935 г. и вызвало в Роллане двоякое чувство, скорее негативное, как он свидетельствует об этом в своем «Московском дневнике».

4

Р. Роллан – П.П. Крючкову

Villeneuve (Vaud), villa Olga

2 août 1935

Cher ami,

Maintenant que, parvenus au terme du voyage, nous revoyons derrière nous la suite des heureux jours passés à Moscou, nous reconnaissons davantage encore quelle place y a tenu votre silencieuse et toujours agissante amitié. Vous n'aimez pas à être remercié – (pas plus que Staline, dans l'entretien que nous avons eu, au Kremlin). – Mais nous serions les derniers des ingrats, si nous n'avions pas conscience de tout ce que vous avez fait, de tout ce que vous avez été pour nous. Vous avez été à la fois le lieu qui, de Gorky, nous mettait en communication avec le dehors, et la barrière protectrice qui défendait notre repos. Une telle position a dû vous rapporter bien des ennuis. Je sais vous y opposez un impossible sourire. Mais je m'excuse d'avoir en être la cause, et je vous suis affectueusement reconnaissant.

J'ai regret que cette absurde muraille de langues m'ait empêché de communiquer directement, librement, avec vous. Mais j'ai le sentiment que nous avons, au travers, l'un et l'autre, perçu la profonde sympathie et la comprehension mutuelle, qui, même sans parler, nous unissaient.

Je ne vous parle pas de notre voyage de retour, – dont vous avez bien voulu partager la première et la plus fatiguante moitié. Vous en avez déjà des nouvelles. Nous sommes rentrés à Villeneuve, en aussi bon état qu'on pouvait le souhaiter. – Malgré le grand nombre de lettres et de tâches qui m'attendaient, je ne suis pas encore tout à fait rentré dans le courant de ma vie habituelle. Nous vivons encore dans le souvenir des semaines qui viennent de s'écouler – et dans l'espoir, plustard, de les renouveler.

Nous vous serrons la main, de tout coeur, et je vous prie de transmettre à votre charmante femme nos affectueuses amitiés.

Votre ami dévoué

Romain Rolland

Перевод письма Р<оллана>

(*автограф М.П. Кудашевой-Роллан. – прим. М. А.-В.*)

Вильнев (Во), Вилла «Ольга»

2 августа 1935

Дорогой друг,

Теперь, достигнув конца путешествия, мы оглядываемся на ряд счастливых дней, проведенных в Москве, и мы еще больше признаем, какое место занимала в них Ваша молчаливая и всегда действенная дружба[1]. Вы не любите, чтобы Вас благодарили (как не любит Сталин, судя по кремлевскому разговору). Но мы были бы последними из неблагодарных, если бы не сознавали все, что Вы сделали, все, чем Вы были для нас. Вы были в одно и то же время и звеном, которое из Горок связывало нас с наружным миром, и защитным забором, который оберегал наш покой. Такое положение, вероятно, причинило Вам много неприятностей[2]. Я знаю, что Вы противопоставляете им равнодушную улыбку. Но я прошу извинить меня, что я мог быть их причиной, и я Вам дружественно благодарен.

Я сожалею, что нелепая стена языков помешала мне свободно, непосредственно сноситься с Вами. Но у меня есть чувство, что сквозь эту стену мы оба все же уловили глубокую симпатию и взаимное понимание, которые, даже без слов, нас объединяли.

Я не рассказываю Вам о нашем обратном пути, первую и самую утомительную половину которого Вы согласились поделить с нами[3]. Вы уже имели о нем известия. Мы вернулись в Вильнев в самом хорошем настроении, какое только можно было пожелать. Несмотря на большое количество писем и дел, которые меня тут ждали, я еще не совсем вошел в колею моей обычной жизни. Мы еще живем воспоминанием только что протекших недель и надеждой, что позже мы их возобновим[4].

Мы от всего сердца пожимаем Вам руку, и я прошу Вас передать Вашей очаровательной жене наши дружеские чувства.

Ваш преданный друг

Ромен Роллан

Забыла – не заметила! – 4-ю страницу письма Роллана! Перевожу ее на отдельном листке (*приписка в переводе письма Роллана М.П. Кудашевой-Роллан. – прим. М. А.-В.*)

Конец перевода письма Роллана (4-я страница)

Пост-скриптум. Дело Виктора Сержа продолжает раздражать здесь часть общественного мнения. Когда Вы еще увидите того, кто дал мне ознакомиться с рукописью его автобиографического романа (имеется в виду Г.Г. Ягода – М.А.)[5], смогли бы Вы сказать ему, насколько мне казалось бы желательным, чтобы копия этого романа смогла, через мое посредство, дойти до французских издателей. Я воистину ничего не прочел в нем такого, что могло бы в какой бы то ни было степени послужить враждебному большевистской Революции делу: и даже книга заканчивается признанием вины, которое не лишено трагичности, этих отчаявшихся людей.

Имеете ли известия о Георгии Петровиче Блоке[6]?

Теперь снова я (*приписка в переводе письма Роллана М.П. Кудашевой-Роллан. – прим. М. А.-В.*):

Оказывается, итальянские фашистские газеты тоже переполнены делом В. Сержа! Прямо какая-то отрава – это дело. А в «левых» газетках Франции (исключая, конечно, «Юманите»[7]) – почти в каждом номере об этом же или хотя бы на чем-нибудь основанном на этом… Как, например, в органе Жоржа Валуа[8] – большая статья Магделены Паз[9] (чемпионки этого дела) о конгрессе писателей[10], где она противопоставляет «омертвелой» революции – живую, свою (смысл сокровенный: омертвелая – та, что преследует В. Сержа, а живая – та, что его защищает!). Они сделали из него героя, и это очень печально.

Жан-Ришар[11] собирается к нам. Хочется его расспросить о Конгрессе. И друзья Роллана предполагают праздновать его 70-летний юбилей в Париже. Надо и это обсудить с ним: некоторые – Цвейг[12] и сестра[13]! – хотели бы, чтобы это было профессорско-сентиментальной манифестацией… Мы же (я и сам Р<оллан> и, конечно, более «левые» друзья – хотим сделать из этого новое оружие и

использовать это для борьбы против – скажем: «дьявола». (Очень сейчас во Франции мутно от господина де ла Рок[14]!)

Милый Петр Петрович!

Пользуюсь остающимся местом, чтобы тоже написать Вам неск<олько> слов.

Начинаю с того, чтобы попросить Вас, если возможно, достать и прислать нам словарь русско-французский и франко-русский: живем без него, и это очень затрудняет мне переводы! Часто не сразу вспомнишь нужное слово, да и вспомнив, не всегда обойдешься без словаря! Я собиралась в Москве достать, но вот в суете – забыла и не успела, как многое не успела или забыла!

Потом: узнала, что Сережа с Таней уже на Волге[15]; спасибо Вам за помощь!

Насчет же квартирной истории[16], хотела бы еще попросить Вас считаться и с районом или хоть с сообщением (университет![17]), поскольку это возможно.

Думаю, что лучше подождать лишнее время, но иметь подходящий район.

И еще: на имя Роллана и мое – все-таки мы, приехав еще, там и остановимся, выставив на это время ее жителей в пустые летом квартиры их родственников! Поэтому еще просьба, чтобы было не две, а три комнаты (из которых хоть одна большая) и ванная. Но еще раз: обязательное условие – взносы, как взяли бы с советских граждан! (а чек Вы не забыли реализовать? Если забыли, напишите, чтобы Р<оллан> сейчас же выслал Вам новый!).

С дядей Колей (брат Е.В. Кудашевой – М.А.) оказывается задержка: нет еще франц<узской> визы, они (Екат<ерина> Вас<ильевна> и он) сказали мне, что есть, а ее и не было! Но, надеюсь, это устроится вскоре. Очень уж хочется освободить Сережу от него!

Получили ли Вы мое письмо, дня три назад? А Алексей Максимович? Привет всему дому, и Вам крепко жму руку.

Ваша *М.Р.*

АГ ПТЛ-ин 1-203-3 Печатается по автографу (1 л.). Приложение: перевод письма М.П. Кудашевой-Роллан и ее письмо-приписка П.П. Крючкову (2 л.); конверт. Надпись на конверте: Recommandée. U.R.S.S. Petr Petrovitch Krioutchkov, Moscou,

Malaya Nikitskaya, 6. Москва, Малая Никитская, 6. Петру Петровичу Крючкову. Exp<éditeur>: Romain Rolland, Villeneuve (Vaud).

[1] Роллан пишет в «Дополнениях 1938 года» к «Московскому дневнику» о том, что Крючков относился к нему с «ледяной холодностью» (NC, 289). Но объективно оценивая роль Крючкова как организатора и секретаря, Роллан признает, что здесь Крючков проявлял незаурядные способности: «Все поручения, которые ему давались ежедневно (так как он каждый день ездил с дачи в Москву, чтобы дать распоряжения и забрать письма), исполнялись в точности. Достаточно было сказать ему один раз. Он ни о чем не забывал. – Но что происходило за этим упрямым лбом? Маша попыталась узнать. Она дразнила его вопросами. – "Что Вы любите?" – "Театр?" – "Я никогда в него не хожу". – "Книги?" – "Я ничего не читаю" – и т.д. и т.п. Его жена тихо шепнула Маше: "Он любит только одно: Алексея Максимовича"» (NC, 284).

[2] Роллан считал, что Крючков, принимая решения за Роллана и Горького по вопросам доступа к ним писателей, общественных деятелей и деятелей искусства, нажил себе немало врагов: «Мы ему доверяли. Он прекрасно выполнял свою службу порученца и хранителя спокойствия Горького и его гостей. Мы оставили ему право судить о том, кого пригласить, а кого не надо, с кем встретиться, а с кем нет. И лишь потом мы заметили, что он не дал нам посетить самых верных столпов режима таких, как Елена Стасова (после я так сожалел об этом!), как вдова Ленина Крупская, – и многих других. – Не говоря уже о пренебрежительном обращении с писателями, которых привозили партиями и сразу же выпроваживали с оскорбительной поспешностью, даже не поднеся им стакан воды (в доме, отличающемся щедростью и расточительностью!). Зачем ему было так изобретательно вызывать их недовольство и мешать мне дружески поговорить с ними?» (NC, 284).

[3] П.П. Крючков сопровождал Роллана и М.П. Кудашеву-Роллан до Варшавы, где их встретил поверенный в делах СССР в Польше Б.Г. Подольский (в «Московском дневнике» Роллан ошибочно называет его Подвольским).

Присутствие Крючкова обеспечило Роллану и его супруге де факто дипломатический иммунитет, что сыграло свою роль при прохождении границы. Роллан вспоминал: «На польской границе мы были поражены, когда увидели, что Крючков говорит что-то на ухо заведующему польской таможней и тот отдает приказание, чтобы весь наш багаж пропустили без досмотра: это невероятно при пересечении границы между СССР и Польшей. Какой же пароль произнес Крючков, чтобы он имел такую силу?» (NC, 291). По дороге в СССР миссию сопровождающего от Варшавы до Москвы выполнял председатель ВОКСа А.Я. Аросев.

[4] Роллан собирался приезжать в СССР еще не раз, о чем свидетельствуют хлопоты М.П. Кудашевой о получении для них квартиры в Москве. Горький приглашал его совершить совместное путешествие на пароходе по Волге. Вернувшись в Швейцарию, Роллан начал изучать русский язык под руководством М.П. Роллан, о чем свидетельствует ее письмо Крючкову от 30 сентября – 9 октября 1935 г.: «Уроки у нас все же идут, и Роллан к Новому году напишет Алексею Максимовичу свое первое письмо по-русски». Она просила прислать учебные пособия и словари (подробнее об см. переписку Кудашевой с Крючковым).

[5] В письме от 29 августа 1935 г. Горький пишет Роллану: «По поводу В. Серж напишу сегодня Генриху Ягоде, – он в отпуске, на Кавказе. Он предлагал Вам выслать Сержа из Союза и вручить Вам его рукопись, – очевидно, это нужно сделать?» (АГ-15, 313). Горький писал Ягоде в начале марта 1936 г.: «Снова приходится говорить о Викторе Серж! В свое время Вы сказали мне, что Серж свободен, но не едет за границу потому, что Франция не дает ему визу. Я сообщил об этом Роллану. На днях получено письмо его жены: виза Сержу дана Бельгией, но из Союза его не выпускают, и “левые” – анархисты, троцкисты и т.д. – снова подняли шум, особенно неуместный и вредный в эти дни. Вопрос о Серже, наверное, поднимет и Мальро, который скоро явится к нам, и с которым мне придется разговоры разговаривать на тему о необходимости возбуждения симпатии французских интеллигентов к Союзу. Очень прошу Вас, “сообразите эти обстоятельства”» (Неизвестный Горький… С. 191–192).

О судьбе рукописи Сержа Роллан пишет в «Московском дневнике» (МД, 5, 155). Несмотря на обещания Г.Г. Ягоды вернуть Сержу его рукописный архив, он его так и не получил. В. Серж вспоминает об обстоятельствах своего отъезда из СССР в апреле 1936 г., подготовкой которого занималась Е.П. Пешкова: «Мне сказали, что мы должны тем же вечером отправиться в Варшаву. Я попросил Екатерину Павловну ходатайствовать в ГПУ о суточной отсрочке, чтобы получить визу на рукописи в цензуре (которую мне любезно обещали назавтра) и визу на багаж в центральной таможне. Пешкова вернулась со словами: “Езжайте нынче же вечером, ни на чем не настаивайте. Завтра вы вполне можете не уехать вовсе. Начальник особого отдела только что сказал мне, что вы еще не уехали, и он передает Ягоде новую докладную о вас...” Я не стал упираться. И больше не видел своих рукописей, хотя Главлит разрешил их вывоз. Из багажа мы взяли лишь мелкие вещи в ручных чемоданах. Все остальное было в итоге изъято, то есть похищено, ГПУ» (Серж, 391–392).

Суждение Роллана об «автобиографической рукописи» Сержа (где речь шла об истории анархизма и, в частности, «деле Бонно») в постскриптуме письма почти дословно повторяет его высказывание по этому поводу в «Московском дневнике».

[6] Георгий Петрович Блок (1888–1962) – писатель, литературовед и переводчик, двоюродный брат поэта А.А. Блока. Принимал активное участие в издании полного собрания сочинений Р. Роллана, которое выходило в ленинградском издательстве «Время». Роллан называет его в «Московском дневнике» «мой издатель». Во время приезда Роллана в СССР Г.П. Блок находился в «административной ссылке» в Узбекистане (как сын офицера) в результате массовых ссылок после убийства Кирова, и Роллан ходатайствовал о нем перед Ягодой. Ягода обещал помочь (МД, 4, 224–226). В результате Блок был переведен из узбекского села в город на юге России.

[7] «Юманите» (*L'Humanité*, «Человечество») – ежедневная газета, основанная в 1904 г. Ж. Жоресом. Центральный орган Французской коммунистической партии (ФКП) с 1920 г. Издается в Париже.

[8] Жорж Валуа (*Georges Valois*; наст. имя Альфред Жорж Грессан, 1878–1945) – французский лево- и праворадикальный журналист, искал синтез между национал-социализмом и социалистической партией.

[9] Магделен Паз (*Magdeleine* Paz, 1889–1973) – писательница и журналистка, входила в первый комитет группы Барбюса «Кларте» (вместе с В. Сержем), вступила в компартию, из которой была исключена за троцкистские убеждения, в 1929 г. отошла от троцкизма и солидаризировалась с социалистической партией. Она приложила много усилий для освобождения В. Сержа, в частности, подняла вопрос на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры (1935) о деле Виктора Сержа и репрессиях в СССР.

[10] Имеется в виду Всемирный конгресс писателей в защиту культуры, который проходил в Париже с 21 по 25 июня 1935 г. в то время, когда Роллан и его жена находились в Москве.

[11] Жан-Ришар Блок (*Jean-Richard Bloch*, 1884–1947) – французский писатель, драматург, общественный и театральный деятель, антифашист, основатель журнала «Эроп» (вместе с Р. Ролланом). Принял активное участие в деле Виктора Сержа, став одним из инициаторов движения французской левой интеллигенции за его освобождение.

[12] Стефан Цвейг (*Stefan Zweig*, 1881–1942) – австрийский писатель, критик, автор множества новелл и беллетризованных биографий. Многолетний друг Р. Роллана.

[13] Сестра Роллана Мадлен Роллан была сторонница идей Ганди, «буддисткой», как ее называла М.П. Кудашева, отрицательно оценивая ее влияние на Роллана. Роллан считал, что она пожертвовала своей жизнью ради него, не вступив в брак. Ее письмо Горькому и его ответ опубликованы в кн.: Неизвестный Горький… С. 95–96.

[14] Полковник де ла Рок – один из вождей военизированной фашистской организации «Огненные кресты» (*Les Croix de Feu*), действовавшей во Франции в период между двумя мировыми войнами. Организация активно участвовала в

попытке фашистского путча в феврале 1934 г. Была распущена декретом правительства Народного фронта от 18 июня 1936 г.

[15] Летом 1935 г. Сергей Кудашев и его жена Татьяна Николаевна Кудашева при содействии Горького совершили поездку на пароходе по маршруту Горький-Астрахань-Горький (горьковский маршрут, которым хотел проехать и Роллан; с 7 октября 1932 г. до 22 октября 1990 г. Нижний Новгород носил имя Горького).

[16] Квартира, о которой хлопотала М.П. Кудашева-Роллан (более подробно об этом см. переписку М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым), была получена в феврале 1938 г. Это была двухкомнатная, а не трехкомнатная квартира в пятиэтажном кирпичном доме с лифтом. Находилась она в историческом центре Москвы, на Красной Пресне, по адресу: Конюшковская улица, д. 30, кв. 27.

[17] Сын М.П. Кудашевой Сергей был математиком, учился на механико-математическом факультете Московского университета, после его окончания поступил в аспирантуру. Погиб на фронте.

5

Р. Роллан – П.П. Крючкову

Villeneuve (Vaud), villa Olga

14 mai 1936

Cher Petr Petrovich,

Voulez-vous être assez bon pour faciliter et accélérer à mon amie Elsa Hartoch, de Léningrad, que vous connaissez, les formalités du visa d'aller et retour pour un voyage en Suisse, auprès de sa soeur. Nous désirons beaucoup la voir; et si son voyage était retardé, elle risquerait de ne plus nous rencontrer à Villeneuve, car nous devons cet été, faire un petit voyage en France.

Je vous serai très reconnaissant de ce que vous ferez pour l'aider.

J'écris, ces jours-ci, à Alexei Maximovitch. Transmettez-lui mes affectueuses amitiés, et croyez-moi votre cordialement devoué

Romain Rolland

A P.P. Kroutchkov

Вильнев (Во), вилла «Ольга»

14 мая 1936 г.

Дорогой Петр Петрович,

Не будете ли Вы так добры помочь ускорению формальностей по выдаче выездной и въездной визы для поездки в Швейцарию, к сестре, моей знакомой Эльзе Гартох[1] из Ленинграда, которую Вы знаете[2]. Мы очень хотели бы ее повидать, и, если ее путешествие отсрочится, она рискует не застать нас в Вильневе, так как этим летом мы собираемся предпринять небольшую поездку во Францию[3].

Буду Вам очень благодарен за все, что Вы сделаете, чтобы ей помочь.[4]

На днях буду писать Алексею Максимовичу.

Передайте ему мой дружеский привет и примите уверения в моей сердечной преданности

Ромен Роллан

АГ КК-рл 13-68-1 Печатается по автографу на франц. яз. Приложение: конверт. Надпись на конверте: Recommandée. U.R.S.S. Petr Petrovitch Krioutchkov, Moscou, Malaya Nikitskaya, 6. Москва, Малая Никитская, 6. Петру Петровичу Крючкову. Exp<éditeur>: Romain Rolland, Villeneuve (Vaud).

[1] Эльза Гартох – женевская знакомая Роллана, педагог Интернациональной школы. Она и ее сестра имели германское подданство. После смерти жены брата Оскара, ученого-микробиолога, проживавшего в Ленинграде, она приезжала в СССР, чтобы помочь ему. Роллан пишет о ней: «Она настоящий педагогический гений, благодаря своему великодушному сердцу, верному инстинкту и большой практике. Она прекрасно владеет методом Монтессори» (Rolland R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935)… P. 160). В Интернациональной школе учились дети дипломатов, иностранных служащих международных компаний. Эльза Гартох хорошо знала несколько языков, в том числе и русский. С Ролланом ее связывала

дружба, они обращались друг к другу на «ты». В письмах она нежно называет его «Романчик», он зовет ее «няня». Ее брат Оскар Гартох, советский гражданин, работал в ВИЭМе (Институте экспериментальной медицины, созданном по инициативе Горького). В 1930 г. Институт был переведен из Ленинграда в Москву, но Гартох остался работать в Ленинграде. В 1930 г. он был арестован (во время процесса над бактериологами), Роллан хлопотал о его освобождении через Горького. В 1937 г. О. Гартох будет вновь арестован, и вновь Роллан будет хлопотать о его освобождении. Однако после смерти Горького все просьбы Роллана оставались без ответа. Подробнее о Гартохах см.: Медведева Н.В. Переписка Р. Роллана с Оскаром и Эльзой Гартохами (1923–1937) // Максим Горький: взгляд из XXI века. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2010. С. 348–355.

[2] Эльза Гартох и ее брат Оскар Гартох приезжали из Ленинграда на несколько дней повидаться с Ролланом, когда тот был в Москве, о чем Роллан упоминает в своем «Московском дневнике» (запись от 7 июля 1935 г.): «Добрая “няня” вся лучится радостью. Ее брат, доктор Оскар Гартох, которого я вижу в первый раз, выглядит куда здоровее меня – вопреки беспокойству, которое внушало его здоровье сестрам последние два года… Но несколько месяцев прошли в страшном нервном напряжении. Арестов не было. Но с часу на час ждали приказа о немедленном выселении в отдаленные места без средств к существованию и паспортов. Это и вызывало страдание и возмущение “няни”, когда мы ее видели в прошлом году в Вильневе. Она была похожа на загнанное животное» (МД, 4, 224).

[3] Р. Роллан и М.П. Кудашева собирались переехать из Швейцарии во Францию и искали дом. Они купили дом в живописном бургундском городке Везле, куда переселились в 1937 г. В Везле Роллан прожил до своей смерти в 1944 г.

[4] Роллан поддержал просьбу М.П. Кудашевой, которая уже обращалась к П.П. Крючкову по поводу виз для Э. Гартох, приложив к своему письму письмо Э. Гартох (см. письмо М.П. Кудашевой от 14 апреля 1936 г., АГ КК-рл 8-56-3): «Вы помните Эльзу Оскаровну Гартох… Она жила много лет (еще до революции и, кажется, и до войны уехав туда!) за границей, в Швейцарии. (Ее сестра

швейцарская гражданка, врач в Цюрихе). Но года 3 назад жена ее брата, профессора О. Гартоха, умерла, и она уехала к нему в Ленинград, чтобы он не был одиноким. С тех пор она ездила в Швейцарию и возвращалась в Ленинград… Теперь она хотела бы летом снова приехать к сестре, недель на 6-8. Но ей хотелось бы иметь “обратный въезд” в СССР гарантированным: брат ее нуждается в ней, и она не может его оставить совсем. – <…> Роллан лично очень хотел бы повидать Эльзу Оскаровну, которую он очень любит. Но он понимает, что ей уезжать из Ленинграда, не будучи уверенной, что ее пустят обратно, – нельзя. Поэтому он и просит Вас помочь ей в получении “обратной визы”… Вот его просьба. Мы надеемся, что Вам не будет трудно ее исполнить! Г<енрих> Г<ригорьевич> знает лично профессора Гартоха (о нем Роллан с ним говорил, если помните) – и хорошего о нем мнения. Поэтому, вероятно, легко будет все это устроить».

6

Р. Роллан – П. П. Крючкову

Villeneuve (Vaud), villa Olga

20 juin 1936

Cher ami Kroutchkov,

Dans la douleur qui nous étreint, je pense aussi à la votre, à celle des amis proches et des parents qui entouraient notre cher Alexis Maximovitch, qui ont assisté, impuissants, à ses dernières semaines de souffrances et de lutte contre la mort. Comme je vous plains! Comme je nous plains! Rien ne pourra jamais combler notre deuil.

Il m’était l’ami le plus cher, au monde. Et je me reproche de ne le lui avoir pas assez montré. Mon incapacité de m’exprimer directement en la langue russe, me paralysait. Depuis mon retour de l’URSS, j’apprenais le russe pour pouvoir lui parler. J’aspirais aux jours promis de l’an prochain, où je le reverrais. C’était notre rêve le plus ardant, rien ne semblait le menacer… Et voilà! Tout s’est écroulé.

Qui l’a connu, comme on se sent seul, après qu’un tel ami est parti!

Que son souvenir, du moins, unisse ceux qui l’ont aimé, comme vous et nous! Je vous serre la main, cher Kroutchkov. Ne nous oubliez pas! Nous n’oublions pas les jours heureux de juillet 1935: leur souvenir reste un de nos biens les plus précieux. Transmettez

nos tristes saluts et notre fidèle amitié à tous les siens – Catherine Pavlovna, Nadejda Alexievna, – Olympiade Dim<itrievna> – Pavel Ivanovitch – au bon docteur Lévine – à tous les autres de votre maison.

Et pour vous et pour votre femme, qui êtes aussi de la famille, notre chaude affection!

Romain Rolland

Il y a un an, jour pour jour, le 18 juin 1935, nous quittions la Suisse, pour venir voir notre cher Gorki!

Вильнев (Во), вилла ««Ольга»»

20 июня 1936 г.

Дорогой друг Крючков,

С огромной печалью, которой мы охвачены, я думаю также о Вашей боли, о боли всех близких друзей и родных, которые окружали нашего дорогого Алексея Максимовича, присутствовали, бессильные, при последних неделях его жизни, наполненных мучениями и борьбой со смертью. Как я жалею вас! Как я нас жалею! Ничто никогда не сможет изгладить печаль в нашем сердце.

Он был мне самым любимым другом в мире. И я упрекаю себя в том, что недостаточно доказал ему это.[1] Моя неспособность выражаться непосредственно на русском языке парализовала меня. Со времени моего возвращения из СССР я изучал русский язык, чтобы иметь возможность говорить с ним.[2] Я жаждал обещанных дней будущего года, когда снова его увижу.[3] Это было самой горячей нашей мечтой, ничто как будто не угрожало ей… И вот! Все рухнуло.

Кто может изобразить чувство одиночества, которое испытываешь, когда уходит такой друг!

Пусть воспоминание о нем, по крайней мере, объединит тех, кто его любил, как вы и мы! Я жму Вашу руку, дорогой Крючков. Не забывайте нас. Мы не забываем счастливых дней июля 1935 года: память о нем останется одним из самых драгоценных наших сокровищ. Передайте наш скорбный привет и выражение нашей верной дружбы всем его близким – Екатерине Павловне, Надежде

Алексеевне, Олимпиаде Дмитр<иевне>, Павлу Ивановичу, доброму доктору Левину – всем остальным вашим домашним.[4]

А Вам и Вашей жене, которые тоже являетесь членами этой семьи, – нашу горячую привязанность!

Ромен Роллан

Год тому назад, день в день, 18-го июня 1935 года, мы выезжали из Швейцарии, чтобы увидеть нашего дорогого Горького!

АГ КК-рл 13-68-2 Печатается по автографу на франц. яз. Приложение: перевод письма М.П. Кудашевой-Роллан; конверт. Надпись на конверте: Avion. Recommandée. U.R.S.S. Petr Petrovitch Krioutchkov, Moscou, Malaya Nikitskaya, 6. Москва, Малая Никитская, 6. Петру Петровичу Крючкову. Exp<éditeur>: Romain Rolland, Villeneuve (Vaud), Suisse.

[1]В «Московском дневнике» Роллан пишет: «Он позволил запереть себя в собственном доме из преданности своему маленькому кружку и поддаваясь чрезмерно деятельному усердию своего секретаря Крючкова… Я очень люблю его и мне жаль его. Он очень одинок, хотя почти никогда не бывает один! Мне кажется, что если бы мы с ним остались наедине (и рухнул бы языковой барьер), он обнял бы меня и долго молча рыдал» (МД, 5, 183). Таким образом, Роллан, не имея возможности разговаривать с Горьким без посредников, наметил глубинный сюжет их с Горьким многолетних отношений: сожаления о несбывшихся надеждах.

[2]Роллан начал изучать русский язык под руководством М.П. Роллан, о чем свидетельствует ее письмо Крючкову от 30 сентября-9 октября 1935 года (публикуется в наст. изд.): «Уроки у нас все же идут, и Роллан к Новому году напишет Алексею Максимовичу свое первое письмо по-русски». Этого, впрочем, не случилось.

[3] Роллан собирался вернуться в Москву через год, чтобы осуществить свою мечту – увидеть великую русскую реку Волгу и проплыть с Горьким по ней на его родину.

[4] Роллан перечисляет лиц из домочадцев – ближайшего окружения Горького, которое составляли: вдова Горького Е.П. Пешкова (1876-1965), вдова сына Максима Н.А. Пешкова (1901-1971), О.Д. Черткова (1878-1951), исполнявшая обязанности медсестры, И.П. Ладыжников (1874-1938) (Роллан ошибочно называет его «Павел Иванович»), давний друг и секретарь Горького, доктор Л.Г. Левин (1870-1938), постоянный «кремлевский» врач Горького – с ними Роллан познакомился в Москве в доме Горького (о них и о преданности Горького «своему маленькому кружку» Роллан пишет в своем «Московском дневнике»).

П.2. Переписка М.П. Кудашевой с П.П. Крючковым

Впервые имя Марии Павловны Кудашевой (Cuviller, Кювилье, 1896-1985) появляется в письме Роллана Горькому от 5 апреля 1928 года. В письме от 28 июля 1929 г. Роллан просит Горького помочь Кудашевой с выездной визой, он объясняет Горькому, который находился в тот момент в Москве, кем является для него М.П. Кудашева: «Ленинградское издательство «Время» собирается выпустить, как Вам известно, полное собрание моих сочинений… Мне необходимо встретиться как можно скорее с представителем «Времени» для разрешения некоторых вопросов, связанных с этим изданием. И я прошу, чтобы таким представителем была назначена госпожа *Мария Кудашева*, которая активно занимается этим делом; она – мой друг, и я хочу видеть ее лично. <…> Я обратился с такой же просьбой к ВОКС'у и Издательству «Время» в надежде, что они добьются от советского правительства выездной визы» (АГ-15, 161-162). П.П. Крючков, горьковский ходатай, сделал все препятствия на путях Роллана и Кудашевой в СССР преодолимыми.

Из переписки М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым видно, какое большое значение имело ее присутствие в жизни Роллана, в его стремлении поближе узнать советскую действительность. Ей был свойственен русский и советский патриотизм, как и всей ее семье, свекрови, сыну (в противоположность добродетельному мещанству матери-француженки, с которой Мария не ладила и которой всегда была идейно чужда). Неизвестная и неизданная переписка Кудашевой-Роллан с Крючковым из Архива А.М. Горького впервые подготовлена и прокомментирована автором диссертации.

1

М. П. КУДАШЕВА – П. П. КРЮЧКОВУ

Москва, 12 августа 1929 <г.>

Многоуважаемый товарищ Крючков,

Сегодня утром звонила Вам, но опять не могла застать; то Вас еще не было, – то Вы уже ушли. Поэтому, боясь, что я Вас так не смогу поймать и завтра, – прошу Вас позвонить мне – по тел<ефону> П.С. Когана[1] – 3.67.17 – завтра. Я буду у него на квартире с 9-ти часов утра до 2-х-3-х. – Надеюсь, что Вы уже сможете мне сказать решение по поводу моей поездки к Роллану[2], который ждет от меня телеграммы[3].

Благодарю А<лексея> М<аксимовича> и Вас за все хлопоты.

М.Кудашева.

АГ КК-рл 8-56-1

Печатается по автографу.

1. М.П. Кудашева работаласекретарем Петра Семеновича Когана (1872-1932), профессора западноевропейской литературы Московского университета, влиятельного литературного критика и главного редактора издававшегося в СССР собрания сочинений Ромена Роллана (Ленинград, "Время", 1930-1935). Первый том вышел в 1930 году. Издание было завершено Госиздатом в 1935-1936 годах. С 1921 года Коган возглавлял созданную им Государственную Академию художественных наук.

2. Роллан письменно обратился к Горькому с просьбой помочь М. П. Кудашевой получить выездную визу в Швейцарию (письма от 28 июля 1929 г., от 6 августа 1929 г. и от 15 августа 1929 г.). 5 августа М. П. Кудашева получила отказ в визе. Роллан срочно обратился за помощью к Горькому, надеясь, что виза будет получена к 15 августа, как было запланировано Ролланом в соответствии с датами швейцарской визы. В августе 1929 года Мария Кудашева провела у Роллана около месяца, она приезжала к нему в 1930 году, а в 1931 осталась у него, в 1934 году они оформили официально брак.

3. Телеграмму Роллану послал Горький лично: "17 августа 1929. Москва. Разрешение на отъезд Кудашевой получено. С сердечным приветом *Горький*" (АГ-15, 164).

2

М. П. КУДАШЕВА – П. П. КРЮЧКОВУ

7 октября <1929-1930 г.>

Многоуважаемый товарищ Крючков,

Вчера получила для Вас эту книгу[1] и спешу ее Вам отослать.

Со своей стороны также благодарю Вас за Вашу помощь[2] – и прошу еще раз передать Алексею Максимовичу все лучшие чувства Роллана и мои.

С уважением

М. Кудашева

АГ КК-рл 8-56-15

Печатается по автографу. Датируется по содержанию.

1 Речь идет о книге Роллана о Ганди.

2 Имеется в виду помощь в получении визы, в которой вначале Кудашевой было отказано.

3

М.П. КУДАШЕВА – П.П. КРЮЧКОВУ

<Москва, июнь 1931 г.>

Многоуважаемый Петр Петрович,

Посылаю Вам статью Роллана[1]. – Буду очень благодарна, если сообщите, где и когда она будет напечатана[2]. Статья переведена Грифцовым[3], адрес и телефон которого находятся при рукописи перевода.

Свое заявление со всеми бумажками[4] доставлю Вам через два дня, м<ожет> б<ыть>, Вы будете добры уведомить меня, нужно ли тоже приложить мое удостоверение личности, как это делается при подаче в АОМС.

Искренне уважающая Вас

М. Кудашева.

Вместе со статьей посылаю для Алексея Максимовича письмо и гранки[5], которые Роллан просит ему передать.

АГ КК-рл 8-56-16

Печатается по автографу. Датируется по сопоставлению с письмом Р. Роллана А.М. Горькому (АГ-15, 193).

1. 2 июня 1931 года Р. Роллан пишет М. Горькому: «...Я прошу моего друга, Марию Павловну Кудашеву, передать Вам гранки моей новой статьи, которая должна появиться в журнале "Эроп" от 15 июня под заглавием "Прощание с прошлым"». В русском переводе статья «Прощание с прошлым» была опубликована в журнале «Красная новь» (1931. № 7. С. 151-168). Роллан включил эту статью в сборник «На защиту нового мира» (Л.: Время, 1932), который издательство «Время» выпустило в свет одновременно с изданием его собрания сочинений. Роллан обратился в издательство с просьбой сохранить перевод Б.А. Грифцова, сделанный для «Красной нови»: «Когда в прошлом году я послал свою статью в Москву с просьбой перевести ее за три дня, г. Коган сначала обратился к М. А. Петровскому, но тот в это время был занят другой срочной работой; по разным причинам отказались переводить мою статью и два других переводчика. В итоге г. Коган обратился к Б. А. Грифцову, который работал день и ночь, чтобы перевести статью вовремя; кроме рукописи у него были посланные мною специальные указания. – Его перевод появился в «Красной Нови», и я передал ему, что обещаю порекомендовать этот перевод и для издания моих сочинений. Своего обещания я, следовательно, не могу не сдержать и прошу вас использовать его перевод, предложив ему, конечно, исправить неточности, которые обнаружит ваш редактор» (подробнее об этом сборнике см.: Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время» 1928–1934. Предисловие, публикация и комментарий П. Р. Заборова // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. СПб.: ИРЛИ РАН, 2011. С. 528).

2. Отрывки из статьи были опубликованы в журнале "Красная нива" (1931. №21); полностью статья появилась в журнале "Красная новь" (1931. №7) и в сборнике "На защиту нового мира" (Ленинград, 1932) (АГ-15, 445).

3. Борис Александрович Грифцов (1887-1950) – историк литературы и переводчик, специалист по французской литературе, работал в Госиздате с А. К. Виноградовым.

4. В передаваемом письме Роллан просил Горького похлопотать о визе для М. П. Кудашевой, не дожидаясь отказа: «Прошу Вас оказать хороший прием той, которая передаст Вам эти страницы. Мария Павловна много сделала для того, чтобы я лучше понял и полюбил новую Россию. Ей я обязан тем, что за последние месяцы познакомился с Вашими статьями, напечатанными в русских газетах: ведь она – Ваша страстная поклонница – и переводила их для меня.

Помогите ей, пожалуйста, добиться, как и в прошлом году, разрешения приехать ко мне в Швейцарию. Я нуждаюсь в ее энергичной и ласковой помощи <...> Вам будет нетрудно добиться этого разрешения, но Ваше личное вмешательство окажется, пожалуй, необходимым» (АГ-15, 194).

5. На гранках Роллан сделал надпись: «Максиму Горькому, братски 1 июня 1931 года Ромен Роллан, представляя ему своего друга Марию Павловну Кудашеву» (АГ-15, 445).

4

М. П. КУДАШЕВА – П. П. КРЮЧКОВУ

Вильнев, 18 июня 1931 г.

Многоуважаемый Петр Петрович,

Посылаю Вам анкету[1] с приложенным к ней:

1) удостоверением личности

2) 2 фотографиями

3) справка от домоуправления

4) справка со службы (от проф<ессора> Когана, у кот<орого> я работаю)

5) бумажка о валюте (покупать я ее не буду, но прошу разрешить мне из суммы, которую мне пришлет на дорогу Роллан 25 дол<ларов> выдать мне из банка ин<остранной> валютой и дать разрешение на вывоз этих 25 долл<аров>) (такое разрешение мне давалось валютным упр<авлением> – в обе мои последние поездки).

Благодарю Вас за Ваше содействие и извиняюсь за хлопоты, которые я Вам причиняю.

Уважающая Вас

М. Кудашева

АГ КК-рл 8-56-2

Печатается по автографу.

[1]Имеются в виду анкета и документы, необходимые для оформления визы в Швейцарию, куда собиралась поехать М. П. Кудашева по приглашению Роллана. Крючков занимался визой для этой поездки, как и для двух предыдущих. Сложности с визой, испытываемые М. П. Кудашевой (имелся также отказ в визе), в определенной мере опровергают выводы журналистских расследований о преднамеренности ее поездки к Р. Роллану в государственных целях (см.: Носик Б. Кто ты, Майя? // Звезда. № 4. 2001).

5

М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П. П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 30-го июля 1935 <г.>

Дорогой Петр Петрович,

Первое письмо отсюда – Алексею Максимовичу. Второе – Вам.

Спасибо Вам за все, что Вы сделали для нас[1]. Роллан очень и очень оценил Вас, – радуется за Алексея Максимовича, что Вы с ним, – и завидует ему (конечно, без желания лишить его Вас – он его так нежно полюбил, что хотел бы защитить его от всех трудностей и невзгод, и рад, что есть около него такой человек, как Вы). – Но рядом с этой стороной «оценки» Вас, – есть и другая, – безотносительно к Вашему положению помощника и защитника Алексея Максимовича, – но Вас лично, – отдельно от этой Вашей работы.

То, что он узнал о Вас и уловил в Вас – ему очень понравилось[2].

Не рассказываю Вам о нашем путешествии, – прошло оно без осложнений, в Вене на вокзале при отъезде был полпред с товарищами, – (а при приезде – представитель Интуриста, который прекрасно все устроил нам). – Швейцарская таможня взяла с меня 2 ф<ранков> 15 сант<имов> за право ввоза фотографий и вазы с букетом...(!!!) – (Между прочим: как имя, отчество и фамилия фотографа Б<олшевской> Коммуны[3]? – Роллан обещал ему надписать один снимок, но забыл, – и мы хотим ему отсюда его послать ему).

Тут – несколько ящиков писем, которые ждут ответов. – Дня два – займемся ими, чтобы расчистить путь текущей жизни. И я сейчас же займусь разборкой писем, привезенных с собой из СССР, – ответы пошлем Вам, как Вы советовали, не отдельно каждому лицу, а группами, – и те, что найдете нужным, дайте напечатать.

Тут некоторые друзья Роллана готовят ему 70-летний юбилей, и в наше отсутствие написали его сестре. (Те, что писали приблизительно на полдороги от него, как она сама[4]…) Я, конечно, хочу, чтобы это было не совсем в их освещении, – и Роллан сочувствует моему взгляду; он думает, что «само собой» возьмет верх сторона самая живая и новая. Но я думаю, мало «на бога надеяться», надо и самому не плошать! – И по сей причине собираюсь со своей стороны написать некоторым более «живым и новым» друзьям Роллана, дабы «юбилей» был не профессорской и сентиментальной демонстрацией, а более полезным делом, – вроде недавнего конгресса[5]. – Как Ваше мнение об этом? – План, вчерне, Цвейга[6]: устроить в Париже «Неделю Ромэн Роллан» в конце января 1936 г., – разделив дни

на рубрики, вроде: «Ромэн Роллан – писатель», «Ромэн Роллан – музыковед», «Ромэн Роллан – драматург и театровед», «Ромэн Роллан и независимость мысли», «Ромэн Роллан и революция» и т.д. (Конечно, тем, что на полдороге, хочется и людей с полдороги, и на «независимость мысли» налечь и т.д.). – И уже была у меня легкая стычка на этой почве. С кем бы из советских писателей посоветоваться на этот счет? (Бухарин, Динамов, Третьяков?)[7].

Крепко жму Вашу руку. Роллан пишет Вам отдельно.

Ваша *М. Р.*

АГ КК-рл 8-56-4

Печатается по автографу.

[1] Письмо отправлено после поездки Р. Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан в СССР в июне-июле 1935 г.

[2] Роллан оценил деловые качества Крючкова, но вместе с тем в своем дневнике высказывает недовольство назойливостью и вездесущностью П.П. Крючкова, старающегося под разными предлогами не оставлять писателей наедине и решающего все вопросы за Горького, порой даже не ставя того в известность. В определенном смысле Крючков остался загадкой для Роллана. Уже покидая СССР, он пишет в последних абзацах своего дневника: «И кто он на самом деле – этот замкнутый человек? Что он собой представляет? Он пользуется слишком большим влиянием, чтобы можно было предположить, что он обязан им только самому себе» (МД, 5, 181).

3. Болшевская трудовая коммуна НКВД № 1 по перевоспитанию малолетних нарушителей (1924-1939). Горький принимал участие в судьбе коммунаров, подарил коммуне библиотеку (3000 томов). В коммуну приезжали А. Жид, Б. Шоу, Н. Бор, А. Барбюс и др. О приезде коммунаров в Горки пишет Роллан в своем «Московском дневнике» (запись от 12 июля). Позднее в «Дополнениях» к дневнику он добавляет подробности этой встречи (о краже кулона с цепочкой, крестика и брошки у М.П. Кудашевой-Роллан (NC, 287). Этим делом занимался Г.Г. Ягода,

вещи М. П. Кудашевой вернули, сказав, что они были найдены в Торгсине, а не у колонистов Болшева. Роллан пишет, что их с М.П. Кудашевой мучила совесть, когда они думали о примененных к ворам санкциях.

4. Сестра Роллана Мадлен Роллан была «гандисткой» и, по мнению М. П. Кудашевой, оказывала на Роллана влияние в сторону «буддизма». О деятельности Мадлен Роллан и ее переписке с Горьким см.: Неизвестный Горький. Серия «Горький и его эпоха. Материалы и исследования. Вып. 3». М.: Наследие, 1994. С. 95-96.

5. Имеется в виду Парижский конгресс писателей в защиту культуры, проходивший в конце июня 1935 года, в то самое время, когда Роллан приехал в Москву.

6. В январе 1936 года С. Цвейг писал Горькому: «Хочу Вам только напомнить, что 26 января 1936 г. Роллану исполняется семьдесят лет. Я сделал все, что возможно, чтобы побудить друзей в Париже организовать манифестацию в большом масштабе, подобную конгрессу в прошлом году. Но все они очень медлительны и пассивны. А время не терпит. Надеюсь, что Ваше слово явится более веским. Телеграмма, посланная Вами, несомненно, воспламенила бы их и заставила бы исполнить этот дружеский долг» (АГ-8, 42). Чествование Роллана в Париже состоялось в зале «Мютюалите» 31 января (об этом см.: Литературная газета. 1936. 5 февраля). В СССР юбилей Роллана широко отмечался на страницах центральной прессы и рядом официальных мероприятий. В своем поздравлении Горький написал Роллану: «Вы – человек, любимый всеми честными людьми нашей земли, любимый не только в Европе, но и в Индии, в Марокко, в Америке, любимый, как поэт, учитель, как пример мужества и непоколебимости» (АГ-15, 323). Роллан ответил: «Как Вы легко можете себе представить, больше всего слов «любви» я получил из СССР – (я смело употребляю это слово: они дышали таким теплом, что растопили бы снега!..) Сколько было писем от простых людей, которых я никогда не видел, никогда не увижу, и вместе с тем они нам ближе родных!» (АГ-15, 323-324).

7. С Бухариным, Динамовым и Третьяковым Роллан познакомился в Москве, как об этом свидетельствует «Московский дневник» Роллана.

По поводу Н.И. Бухарина Роллан вручил послу СССР во Франции Потемкину письмо к Сталину от 18 марта 1937 года, где он писал: «Я снова обращаюсь к Вам, пользуясь доверием, которое Вы мне оказали, когда я говорил с Вами два года тому назад <...> У нашего общего друга Максима Горького я часто встречался с Бухариным, их связывала самая тесная дружба. Если эти воспоминания могли бы спасти Бухарина, то во имя Горького я Вас прошу о милосердии, даже если он и мог бы быть в чем-то виновным, он должен быть выделен из всех, так как он может считаться гордостью советской науки» (Цит. по: Вопросы литературы. 1989. № 5. С.191-192).

Динамов Сергей Сергеевич (1901-1939, репрессирован) – литературовед, редактор журнала "Интернациональная литература", занимался англоязычными литературами XX века. С 1932 года был директором Института Красной профессуры. Написал несколько статей о Роллане. Переписывался с ним по линии журнала «Интернациональная литература».

Третьяков Сергей (1892-1939, репрессирован) – драматург, автор революционных пьес, в том числе известной пьесы, поставленной Вс. Мейерхольдом, «Рычи, Китай!». Был обвинен в шпионаже в пользу иностранных разведок из-за своих связей с зарубежными писателями.

6

М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П. П. КРЮЧКОВУ

9-10 августа 1935 <г.>

Дорогой Петр Петрович,

Еще никаких известий, ни ответов на наши письма, – из Вашего дома! – Надеемся, что Ал<ексей> Макс<имович> здоров. (Да, сегодня же читала, что у него 29-ого июля собирались писатели).

Сегодня пишу Вам спешно по след<ующему> вопросу: Роллана уже одолевают с просьбами написать о своих впечатлениях. [И он хотел бы начать с

впечатления от Сталина; но говорить об этом, не говоря о разговоре с ним – невозможно. – А мы ведь обещали, что будем держать его в тайне, пока Иос<иф> Висс<арионович> сам не решит печатать его.[1]

Поэтому Роллан *поручает мне написать Вам, что он* (выделенное курсивом зачеркнуто – *прим. М.А. А.-В.*) просит узнать у Иос<ифа> Висс<арионовича>, разрешает ли он – и в какой степени – говорить об этом разговоре – и давать из него отрывки. Его больше всего сейчас интересует часть разговора о войне, о франко-сов<етском> пакте[2]. – Самое лучшее было бы указать нам по страницам (и строкам), что можно давать (или что нельзя), о чем можно говорить, о чем – не надо.

Роллан спрашивает об этом, чтобы знать, может ли он этим оружием уже действовать. – Если есть причины, еще мешающие сему разглашению, – ничего не поделаешь. Но просьба возможно скорее выяснить этот вопрос и написать нам] (*квадратные скобки поставлены красным карандашом в автографе письма адресатом – прим. М.А.*).

Сердечный привет от нас обоих всему дому оптом и каждому члену его отдельно.

Ваша *М.Р.*

Посылаю Вам – для Ал<ексея> Макс<имовича> – образец клеветы против него, – и вообще СССР, – из лагеря бывших "друзей" Роллана (людей близкими ему не бывших, но считавших себя близкими, оттого что временно, – и часто благодаря недоразумениям – ратовали за одно и то же!). Франц<узский> текст и перевод его на русский.

Между прочим, нельзя ли иметь какую-нибудь книжонку о Махно[3]? (*слово Махно подчеркнуто и после поставлен вопросительный знак красным карандашом, видимо, адресатом – М.А.*) (он ведь у них вроде святого, смотри стр<аницу> 3-ю моего приложения).

Лига «Objecteurs de Conscience» – («Conscientous Objectors» – ее место рождения – Англия) – «противников <войны> по причинам совести» – общество пацифистов, члены которого отказываются от военной службы (вроде толстовцев). – По своему названию, оно должно было бы объединять людей чисто идейных, – по моральным или религиозным убеждениям; противящихся войне и убийству – и в Англии общество, кажется, и носит такой религиозно-моральный характер. – Но во Франции, – если судить по газете "Сеятель" (их главный орган) – это скорее анархисты, и не очень "идейные", а скорее шкурные. – И они, по-видимому, очень сочувствуют всякой партизанщине против компартии. (Во время Лейпцигского процесса, они прославляли Ван-дер-Люббе[4] и ругали коммунистов, предавших этого героя...) – в своей газете они тоже с некот<орых> пор задевают Роллана; хотя еще пробуют – письмами членов Лиги, просьбами защищать их от полицейских преследований, – иметь с ними сношения дружеского характера. Еще раз, сердечный привет!

И, конечно, дело В. Сержа[5] у них – дело их чести!

Приложено:

1) французский текст из журнала «Смиренные» (*Les Humbles*)
2) перевод его
3) копия бельгийского письма с переводом его
4) статья из швейцарской газеты.

АГ КК-рл 8-56-5

Печатается по автографу. Приложение: конверт с адресом: Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov. Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул., 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель: R. Rolland, Villeneuve (Vaud), Suisse.

1. В письме от 29 августа 1935 г. Горький обещает Роллану: «Сегодня же напишу Сталину по поводу беседы с Вами и немедленно пришлю Вам его ответ» (АГ-15, 313). Однако Роллан так и не получил разрешение Сталина на публикацию их

беседы, и все пять писем Роллана к Сталину остались без ответа. Во французском издании «Московского дневника» (1992) текст официальной беседы публикуется как приложение (Rolland R. Voyage à Moscou… P. 237-248). Впервые беседа Роллана со Сталиным была опубликована в журнале «Вестник Архива Президента Российской Федерации» (№ 1 за 1996 год). Но в № 3 «Вопросов литературы» за 1989 год она увидела свет в версии Роллана в корпусе текста его «Московского дневника» ("Вопросы литературы". 1989. №3).

2. Французские политические деятели, стоящие у власти в 1930-е годы, вели активную политику по отношению к СССР. Франко-советский пакт о ненападении был подписан 29 ноября 1932 года, в июле 1933 года был подписан торговый договор, а 2 сентября 1935 года в Париже Пьер Лаваль и посол СССР Потемкин подписали двустороннее соглашение, имеющее целью консолидацию стран перед лицом наступающего фашизма и укрепление национальной обороны двух стран. В мае 1935 года Лаваль побывал в Москве по приглашению советского правительства в лице Сталина, Молотова и Ворошилова для ратификации двустороннего соглашения. Этот договор вызвал отрицательную реакцию левых сил Франции, выступавших против сближения СССР с правительством Франции, политику которого они подвергали критике.

3. П.П. Крючков выполняет просьбу М.П. Кудашевой и высылает материалы об умершем в Париже Н.И. Махно (1884-1934), в противовес публиковавшимся во французской и эмигрантской прессе хвалебным характеристикам "батьки". В письме от 12 сентября 1935 года Горький пишет Роллану: «Петр Крючков посылает Вам интересные материалы о Махно» (АГ-15, 314).

4. Лейпцигский процесс 1933 года – инсценированный нацистами судебный процесс против коммунистов, обвиненных в поджоге Рейхстага (27 февраля 1933 года), проходил в Лейпциге с 21 сентября по 23 декабря (обвинение было предъявлено Маринусу ван дер Любе, Эрнсту Торглеру, Василу Танееву, Благою Попову, Георгию Димитрову). Голландец Ван-дер-Люббе, член Коммунистической партии Нидерландов, был приговорен к смертной казни. Поджог послужил предлогом для введения чрезвычайных мер и отмены

демократических свобод. Начались аресты и репрессии. Закон о чрезвычайных мерах должен был действовать четыре года, но продлевался и действовал до конца правления Гитлера. М. ван дер Люббе пытался пожечь несколько зданий в Берлине, был схвачен во время пожара Рейхстага на месте преступления. На суде взял всю вину на себя, мотивировав свои действия борьбой против нацистского влияния. В 2008 году был амнистирован.

4. См. прим. к письму Р. Роллана П. П. Крючкову от 2 августа 1935 года в данном исследовании.

Приложение

Перевод (*сделан М. П. Кудашевой-Роллан – прим. М.А.*) прилагаемого франц<узского> текста:

Тетрадь 7-ая (июль 1935 г.) журнала «Смиренные»[1], стр.3.

«...Должен ли был прибыть Горький? (на Конгресс Писателей). – «Юманите» ежедневно возвещала об этом. Но...

Уже с 15 июня Барбэ (сей предатель!)[x] возвещал в «Эмансипации», органе Дорио[2] (сего белогвардейца!)[xx], что Горький горячо сочувствует заговору против Сталина, в котором участвовали Войович, Лозовский (один из вождей русских профсоюзов), Зося Уншлихт (сестра вождя советской авиации, ныне смещенного), Невский, Ионов[3] и т.д., – заговору, который должен был привести к роспуску Общества старых большевиков, к исключению Енукидзе[4] и к высылке в Сибирь, без суда, главарей движения (тех, по крайней мере, кто не захотел публично признать свою ошибку).

И 29-го июня, в новой статье, Барбэ мог сделать заключение:

"Кстати, мы на прошлой неделе спрашивали, не существует ли связь между между фактом отсутствия Горького на Междун<ародном> конгрессе писателей в Париже, тогда как его участие в Конгрессе предвиделось и с грохотом возвещалось, – и его оппозиционной политической позицией?

Нам очень кажется, что существует связь между обоими фактами. Перед нами лежит номер «Правды», официального органа Ком<мунистической> партии СССР. Это номер прошлонедельный. И что же, – мы читаем на 4-ой странице

следующую информацию: "Делегация советских писателей, участвующих в Парижском конгрессе, имеет председателем Максима Горького". – А в Париже известили, что Горький – по болезни – не может участвовать в Конгрессе. Всякий признает, что все это очень странно!"

Ничего странного в этом для «Юманите», конечно! Она просто-напросто известила, что Горький не приезжает в Париж «по болезни». Как сие удобно!

А на следующий день опубликованы фотографии Горького, вовсе не больного, и принимающего Р. Роллана в Москве! – У читателя хороший характер!"

Примечания мои (*М.П. Кудашевой – М.А.*) [x]/ и [xx]/ (замечания в скобках, относящиеся к Барбэ и к Дорио – сделаны журналом "Смиренные" как ироническим намек на то, как «Юманите» и компартия "третируют" сих «честных людей» (ибо для «Смиренных» – враги «Юманите» и компартии обязательно честные…)

Барбэ – что-то вроде секретаря (а может быть, теперь он отошел от них) Лиги «Objecteurs de Conscience»[5] и много полемизировал с Ролланом. Он пишет в газете (кажется ее редактор!) «Сеятель». – Если не ошибаюсь, эта же газетка года 2 назад (или полтора, а м<ожет> б<ыть>, год, – когда умер Махно[6]!) была полна несусветными прославлениями всех добродетелей – любви, миролюбия, ума, человечности, справедливости – бедного Махно, которого лгуны и предатели покрыли всякой клеветой, напр<имер>, обвинением в антисемитизме! – Не можем понять, откуда Барбэ и ему подобные черпают свой познания!

Журнальчик "Смиренные" издается двумя лицами: Морис Вюлленс и Морис Парижанин[7]. Когда-то этот журнальчик был очень мужественным и передовым, кажется, шел в ногу с Революцией. Теперь же (уже неск<олько> лет) он, видимо, очень симпатизирует троцкизму, хотя прямо не говорит этого. Но все сплетни, все гадости, которые можно подобрать против компартии и всех ей сочувствующих – там можно найти, – И Вюлленс и Парижанин когда-то были в очень хороших отношениях с Р<олланом>, – и теперь, вероятно, в бешенстве против него, хотя еще робеют вред нападением на него. Нет, оказывается, они уже начинают нападать!

Журнал их очень распространен, главн<ым> обр<азом> среди учителей. Но у них уже большие долги по изданию, и если их не поддержит какой-нибудь меценат, они, верно, не долго еще просуществуют!

У них тоже – дело В. Сержа – на первом плане мировой истории[8].

АГ КК-рл 8-56-5

Приложение печатается по авторизованной машинописи.

[1] «Смиренные» («Эмбль», *Les Humbles*) – литературно-политический пацифистский журнал анархистского толка, основанный перед Первой мировой войной (1911-1914, 1916-1940). В 1930-е годы директором журнала был Морис Вюлленс, в прошлом школьный учитель. Одно время Вюлленс был близок к Коммунистической партии Франции, затем отошел от нее и на выборах в законодательное собрание 1936 года подавал свою кандидатуру от Партии пролетарского единства. Был ярым пацифистом, в годы Второй мировой войны работал в коллаборационистской прессе. В журнале между двумя войнами сотрудничали известные поэты, писатели и публицисты: Ромен Роллан, Стефан Цвейг, Эмиль Верхарн, Марсель Мартине, Анри Гильбо и др.

[2] Жак Дорио (*Jacques Doriot,* 1898-1945) – французский коммунистический и фашистский политический деятель. В 1924-1934 – член Политбюро ЦК Компартии Франции; в 1936-1945 – лидер ультраправой Французской народной партии. В дальнейшем ярый антикоммунист, фашист и коллаборационист.

[3] В этом пассаже речь идет о т.н. антиправительственном террористическом заговоре в Кремле, так называемом Кремлевском деле, о котором Сталин рассказывал Роллану во время их встречи в Кремле 28 июня 1935 года. Дело, сфабрикованное в Москве в параллель Кировскому, захватило самые разные круги: старых большевиков, военных, служащих Кремля, комендатуры и т.д. (см. об этом раздел «В беседе с Ролланом Сталин раскрывает механизм политических репрессий», глава 3.4).

Воислав Вуйович – сотрудник Коминтерна, поддерживавший Троцкого в Исполкоме Коминтерна; вопрос о фракционной деятельности Троцкого и Вуйовича

решался на Международной комиссии ИККИ при участии Бухарина, Сталина, Молотова, Мориса Тореза, Куусинена (председатель) и др. В результате оба были исключены из членов ИККИ.

С.А. Лозовский – сотрудник Коминтерна.

Софья (Зося)Уншлихт (1882-1937, репрессирована) исключена из партии за фракционную деятельность, сестра Иосифа Уншлихта (1879-1938, репрессирован), в 1933-35 – начальника Главного управления гражданского воздушного флота при СНК СССР.

Невский Владимир Иванович, Ионов Алексей Максимович – члены Общества старых большевиков. Всесоюзное общество старых большевиков, созданное в 1922 году, было распущено в 1935 году, в разгар «Кремлевского дела».

Авель Енукидзе – один из главных фигурантов Кремлевского дела – дела о заговоре в Кремле, развернувшегося в 1935 году.

[5] *Objecteurs de conscience* (фр., те, кто отказывается от военной службы по религиозным, моральным, этическим убеждениям). М. П. Кудашева совершенно справедливо сравнивает их с толстовцами.

[6] Нестор Иванович Махно (1888-1934) – украинский политический и военный деятель, анархист. Личность Махно и его идеи были весьма популярны в среде крестьянства. В последние годы жизни болел и бедствовал в Париже, получал помощь от анархистских организаций.

[7] Морис Парижанин (*Maurice Parijanine*, наст. имя Морис Донзель, 1885-1937) – французский писатель и общественный деятель, редактор и критик журнала «Эмбль» и газеты «Юманите». Был увлечен Россией, русской литературой и русской революцией, жил в России в конце 1910-х годов (отсюда и псевдоним). Переводил работы Ленина и Троцкого на французский язык. Оказал содействие в получении разрешения на принятие Троцкого во Франции в 1933 году (обращался к Э. Эррио). Переводил произведения русских писателей, в частности, Л. Толстого, И. Бунина, И. Бабеля, А. Серафимовича, А. Фадеева, Саши Черного. Автор книги «Сказки белой страны. Рассказы о России» (1938).

[8] О деле Виктора Сержа см. выше. В. Серж в своих воспоминаниях пишет об участии журнала в кампании по его защите: «Однако во Франции, в рабочей и интеллектуальной среде «дело Виктора Сержа» становилось все более «неудобным». Единая федерация работников образования на своих ежегодных конгрессах требовала моего освобождения или объяснения моей высылки. На конгрессе 1934 года советская делегация заверила, что меня будут судить. В 1935 году на конгрессе в Реймсе русская делегация, встреченная скандированием зала: «Виктор Серж! Виктор Серж!» – была освистана в ответ на заявление о моей причастности к убийству Кирова! Лига Прав Человека публиковала подробные отчеты Магдалены Паз. В кампании участвовали «Революсьон пролетарьенн», «Эколь эмансипе», «Комба марксист», «Эмбль» (Морис Вюлленс). Делом так или иначе интересовались Жорж Дюамель, Леон Верт, Шарль Вильдрак, Марсель Мартине, Жак Мениль, Морис Парижанин и колеблющаяся редакция «Эроп». Протесты поддержали в Голландии – Генриетта Роланд-Хольст, в Швейцарии – Фриц Брупбахер, в Бельгии – Шарль Плинье. Елена Стасова, секретарь московского МОПР, без обиняков сказала Брупбахеру: «Серж не выйдет никогда!» (Серж, 387).

Перевод бельгийского письма:

Перевод (*на полях красным карандашом адресат написал: «Снять копию» – прим. М.А.*).

Международный комитет против антипролетарских преследований в России.

Дом художников – Гранд Плас, Брюссель.

Гражданин Ромэн Роллан,

Мы узнаём о Вашем пребывании в Москве.

Мы пользуемся этим, чтобы напомнить Вам, что волна антипролетарских преследований, начавшихся после убийства Кирова, больше чем когда-либо продолжает делать жертвы.

Не только писатель Виктор Серж, человек, которого Вы всегда защищали, остается пригвожденным к месту своей высылки, и сына его заставляют отказаться от отца под угрозой быть выставленным из школы, но только что были вынесены многочисленные приговоры против антифашистских беженцев, которые наивно поверили в гостеприимство русского государства: Гагги Отелло, Гуернашелли (или Гуернаскелли), Галлигарис.

Мы надеемся, что, пребывая верным профессиональным чувствам человечности и братства, которые Вас одушевляют, Вы не преминете посетить Виктора Сержа и что, следуя духу Октябрьской революции, Вы найдете в себе мужество энергично выступить перед правительством Вашего друга, И. Сталина, чтобы приостановить все эти преследования.

Между тем, приветствуем Вас, гражданин Р<омэн> Р<оллан>.

Международный комитет против антипролетарских репрессий в России

Подпись: Модэ[1]

КК-рл 8-56-5

Приложение печатается по авторизованной машинописи.

[1] Андре Модэ (André Maudet, 1903-1996) – французский политик, адвокат, президент Лиги борьбы за права человека, член Социалистической партии Франции, мэр города Сэнта. Участник Сопротивления. Это обращение, как и другие документы, приложенные М.П. Кудашевой-Роллан к письму, свидетельствуют о том, что общественное мнение Франции следило за происходящим в России и было достаточно хорошо информировано, оказываясь в курсе не только сложных взаимоотношений власти и интеллигенции, но и

политических интриг, на фоне которых развернулись московские процессы середины и конца 1930-х годов.

7

М.П. КУДАШЕВА – П.П. КРЮЧКОВУ

10-го августа I935 <г.>

Милый Петр Петрович,

Только что получила от Вас конверт с 2-мя письмами (жаль, что от Вас ни слова с ними!) и журнал ЦК Комсомола «Техника»[1]. Спасибо.

Прибавляю к вчерашнему моему письму, еще не посланному – копию одного из пересланных Вами писем[2] – из Бельгии. Как видите – и там за В <иктора> С<ержа>! – Всюду возникают такие зловредные организации; и Роллан продолжает считать, что следовало бы иметь возможность отвечать им, чтобы заткнуть им глотки! – (В разговоре с Иос<ифом> Вис<сарионовичем> он сам признает, что следовало бы лучше «вооружать» друзей...) – О названных «антифашистах» думаем, что это, верно, какие-нибудь анархисты (Р<оллан> терпеть не может их; но думает, не лучше ли было бы их вовсе не принимать в СССР, или, если их анархизм не сразу выявляется, при первом же выявлении – просто высылать их за пределы СССР, а не держать их и «карать», – что всегда столь много шума делает! – Ведь если им не нравится в СССР, проще всего сказать им: уезжайте.

И еще: сегодня же Р<оллан> получил письмо насчет «Закона против малолетних преступников»[3]. – Опять надо отвечать! А в какой мере можно освещать этот вопрос по разговору с Иос<ифом> Вис<сарионовичем>? – Еще раз, значит, просьба поскорее узнать, какие места разговора можно огласить, либо интегрально, либо в пересказе Роллана.

И как раз вчера в местной получаемой нами газетке – статья о том же законе. Посылаю Вам и ее.[4] – Не успела перевести, – но пусть Вам переведут. Во всяком случае, там сказано, что 13-тилетние дети были казнены за убийство после издания

закона, – что противоречит словам Иос<ифа> Вис<сарионовича> (в разговоре с Ролл<аном>) о том, что не было (как он и надеялся – не будет!) этого. – Р<оллан> хотел бы мочь прямо опровергать такие клеветы, – и если бы Иос<иф> Вис<сарионович> разрешил пользоваться разговором с ним, это было бы очень хорошо.

Значит – ждем возможно скорее указания на этот счет!

Привет

М. Р.

АГ КК-рл 8-56-5

Письмо печатается по автографу.

1. Имеется в виду журнал «Техника – молодежи», начал выходить в 1933 году. Научно-популярное издание в духе горьковских проектов рабочей энциклопедии, популяризации науки и просвещения масс. Существует до сих пор.

2.На имя Роллана после его отъезда продолжали поступать письма на адрес Горького. П.П. Крючков пересылал их ему. В письме речь идет о «деле» Виктора Сержа (см. выше).

3. Об этом законе шла речь во время беседы Роллана со Сталиным 28 июня 1935 года. Сталин заверил Роллана, что закон принят для устрашения и фактически не применяется.

4. В статье речь идет о «Кремлевском деле» (см. выше).

8

М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

30-го сентября 1935 – 9 октября

Милый Петр Петрович,

Роллан недавно получил новое письмо от Ал<ексея> Макс<имовича>, а я – от Над<ежды> Ал<ексеевны>[1] – так что мы теперь утешились (молчанье всего вашего семейства очень огорчало нас; я-то – зная советскую перенагруженную

жизнь и русский характер, – все же понимала, Роллан же уже начал было уверять меня, что «что-то случилось», – и что такое молчание не может не означать «изменения чувств»!).

Мы очень огорчены тем, что здоровье Ал<ексея> Макс<имовича > неважно, и очень беспокоимся о нем. Олимп<иада> Дмит<риевна>[2], конечно, уехала с ним?

Я давно должна была поблагодарить Вас и Зин<аиду> Зах<аровну>[3] за присланные словари. Мы уже много пользовались ими. А Третьяков прислал нам учебники. Но они очень плохие – Вокс телеграфировал, что тоже выслал что-то, но до сих пор мы не получили этой посылки, вероятно, швейцарская таможня изучает ее содержание! – уроки у нас все же идут, и Роллан к Новому году напишет Алексею Максимовичу свое первое письмо по-русски.

Дней 15-20 назад (если не ошибаюсь) Роллан телеграфировал Алексею Максимовичу – насчет все того же несчастного "разговора". Ведь Алексей Максимович писал в позапрошлом письме, что "на днях" напишет еще по этому поводу. (А в последнем письме – ни слова!). – Роллан ждал, ждал; к нему пристают редакторы «Коммуны»[4] (вероятно, известного Вам французского журнала) – они хотели дать хоть отрывки «разговора» в октябрьском номере. Вот Роллан и телеграфировал. Почему все нет ответа? Как будто телеграмма и не дошла! Может быть, все-таки хоть что-нибудь ответите?

1. Можно ли дать Разговор, 2. Если нельзя целиком – можно ли дать отрывки (какие можно или какие нельзя), 3. Если нельзя вообще – то так и сказать! – а то Роллан нервничает, что ему просто не говорят ни да, ни нет. Это – первое дело, о котором хотела Вам сказать. Второе: – Художник Кибрик[5] подарил Роллану рисунки (к Кола Бреньону[6]), которые будут изданы ГИЗом. Их штук 6, а, м.б., 3 или 10, или 12! – И мы их не то забыли у вас в Горках[7], – не то их забрал Сережа[8] с оставленными у него некоторыми книгами. – Я ему пишу просмотреть – у него ли эти рисунки. Но не думаю, чтобы они были у него; мы за день или за два до отъезда показывали их Алексеи Максимовичу в верхней зале (зеленой) – и боюсь, что я их там и оставила. Они, кажется, были в большой папке. И была и головка женщины с вишней во рту (тоже к Кола Бреньону). – Не могли ли бы Вы узнать – остались ли эти рисунки

(формат раза в 4, если не больше, больше странички этого письма!) у вас, – и если да – передать их нам! Роллан очень огорчен тем, что они у нас не оказались при приезде, а Кибрик огорчится, верно, еще больше, если мы их не найдем!

– Хотела еще попросить Вас – хотя мы стыдно обременяем Вас – не забыть квартирного вопроса для нашей московской семьи: им очень туго втроем в одной комнате, тем более при вечных и сложных (кишечного характера) болезнях моей свекрови[9]. Дом, кроме того, очень старый, весь в трещинах, а зимой в их комнате такой холод (голландское отопление, все выдувает, и с дровами бывает очень трудно), что приходится целыми днями жечь керосиновые лампы, чтобы не мерзнуть! – Но повторяю, о чем просила уже: просим без нажима, – если надо ждать – они подождут; живут же другие еще хуже! Мы хотели бы, чтобы Вы в этом деле были, как был бы Алексей Максимович: считая нас друзьями, все понимающими, и желающими в первую очередь не действовать против советской этики; если лучше записаться раньше в кооператив, мы предпочитаем это сделать. – И еще: если спешка ухудшила бы качество, лучше не спешить! – Вообще, просим Вас действовать, как Вы найдете лучше, ставя на первое место "этику", на второе все остальное, – но это остальное (качество, местоположение и т.д.) тоже (по мере возможности) не презирая. – Если, как мы предполагаем, приедем через 2 года, остановимся на время московского пребывания, в этой квартире; свекровь на это время переедет, а нам с Ролланом достаточно 2-х комнат, – в третьей останутся Сережка с Таней[10]. – Сама мысль о том, что у нас будет своя квартирка в Москве, больше связывает Роллана с ней. – Но главное, мы будем спокойнее за детей, – которым очень плохо в одной комнате с больной старухой. (И каждому из них нужен свой угол: Таня ведь – танцовщица, ей надо делать упражнения, репетировать номера, – а Сережа – математик, ему необходима тишина и сосредоточенность!).

– Роллан сегодня написал Алексею Максимовичу. Его письмо уйдет вместе с этим, моим к Вам. – Я сделала перевод, чтобы Вам не задерживать пересылки письма в Крым.

Вчера нам звонил Алексей Яковлевич[11], м<ожет> б<ыть>, он заедет к нам сегодня, – но скорее всего не успеет.

Большая просьба, Петр Петрович: все-таки ответьте насчет "Разговора с Иосифом Виссарионовичем"! – а то Роллан не может понять, раз 5-6 он запрашивал на этот счет, – Алексей Максимович писал: "На днях напишу", – и ничего!

Крепко жму Вашу руку, горячий привет всем, Зинаиде Захаровне, Надежде Алексеевне (спасибо ей за письмо!). Роллан присоединяется ко мне.

Ваша *М.Р.*

Теперь Роллан получает «ругательные» письма... Одно из Финляндии, где Алексей Максимович обвиняется в самых черных злодеяниях; одно из ... Ленинграда, совсем дурацкое (о боге, о конце мира, и с подписью, "группа бывших комсомольцев").

АГ КК-рл 8-56-6

Печатается по автографу.

1. Надежда Алексеевна Пешкова (1901-1971) – вдова сына Горького Максима (1897-1934).

2. В письме от 12 сентября 1935 года Горький упоминает о своей болезни и похоронах А. Барбюса: «Горячо простились с Барбюсом и торжественно проводили его на родину. Я не был на похоронах: скверная погода и чувствую себя плохо: болят ноги, кровохарканье…» (АГ-15, 314). Олимпиада Дмитриевна Черткова была экономкой в семье М.Ф. Андреевой, друг Андреевой и Горького. В семье Горького выполняла обязанности медсестры, ухаживала за Горьким во время болезни. Оставила воспоминания о последних днях жизни Горького.

3. Зинаида <Елизавета> Захаровна Крючкова – жена П.П. Крючкова, репрессирована.

4. "Коммюн" (*Commune*) – литературный журнал левого толка, официальный орган Ассоциации революционных писателей и художников, близкий к Компартии Франции. Ставил целью поддержку пролетарского искусства, знакомство с

советской литературой и критикой, с методом социалистического реализма. Выходил в Париже в 1933-1939 годах. О публикации впечатлений Роллана от поездки в СССР см. прим. к след. письму.

5. Повесть "Кола Брюньон" с иллюстрациями Е.А. Кибрика (1906-1978) была опубликована в СССР в 1935 году.

6. "Кола Брюньон" (*Colas Breugnon,* 1913) – знаменитая повесть Роллана о «мастере из Кламси», которому чувство юмора и философское отношение к жизни помогают переживать все невзгоды и трудности. Герой повести – воплощение «галльского духа». В 1938 году по мотивам повести была написана опера Д.Б. Кабалевского «Мастер из Кламси».

7. В Горках находилась дача Горького, где жили супруги Роллан во время своего пребывания в СССР.

8. С.С. Кудашев – сын М.П. Кудашевой. См. прим. к письмам Роллана (3.5.1. Переписка Роллана с П.П. Крючковым).

9. Свекровь – княгиня Екатерина Васильевна Кудашева, мать первого мужа М.П. Кудашевой-Роллан.

10. Таня – Кудашева Татьяна Николаевна (1912-1995) – жена пасынка Роллана Сергея Кудашева, танцовщица.

11. По-видимому, имеется в виду Александр Яковлевич Аросев, неоднократно посещавший Роллана на его вилле "Ольга" в Вильневе (Швейцария). Аросев А.Я. (1890-1938, репрессирован) – дипломат, писатель, советский государственный и партийный деятель, с 1934 г. – председатель ВОКСа. Он готовил поездку Роллана в СССР по линии ВОКСа.

9

М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛЛАН – П. П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 19-го окт<ября>1935.

Милый Петр Петрович,

Хотя Вы нам не отвечаете на письма, надеюсь, что они доходят до Вас! Но должна сказать, что Роллана Ваше молчание расхолаживает, и он начинает сомневаться в том, что есть какой-либо смысл обращаться к Вам...

– Все же, я решила еще раз обратиться по следующему делу[1]:

Здесь (в Швейцарии) находится некий Мариус Картье, больше 20-ти лет проживший в Киеве, где он ныне профессор французского языка в университете и в других учреждениях. Он женат на киевлянке. Этим летом он получил известие о том, что его отец, старый часовщик-швейцарец, при смерти. Он получил от киевских властей разрешение ехать к отцу, – но т.к. он собирался вернуться, попросил и обещание обратной визы. Ему его дали устно и письменно. Он уехал с женой и ребенком. Через 6 недель – он поехал обратно: явился в советское Консульство в Берлин. Ему там объявили, что бумага, выданная киевскими властями, не действительна, ибо только Москва может дать разрешение на обратный въезд. Несчастный Картье телеграфировал, ждал в Берлине, прожил все деньги. Через 5 дней пришел из Москвы отказ. Сам консул, как будто, нашел, что это недоразуменье; – Картье пришлось ехать обратно в Швейцарию, откуда он написал в Киев. Оттуда ему ответили, что произошло «недоразумение» – что хлопочут, и он ждет уже давно безрезультатно. – И этот человек, советский работник, вероятно, нужный, – по-видимому, горячо преданный и своему делу, и советскому строительству, – находится в труднейшем положении, без денег, с женой, впавшей в острую неврастению от этих неудач и "недоразумений". Отношение к нему здесь плохое, т.к. он, приехав, расхваливал СССР; и кроме того, это его положение теперь очень вредно в смысле пропаганды против СССР: "вот, мол, как с вами там обращается! Назад не пускают!" и т.д. – Мы уже написали о нем д-ру Болоцкому (представитель советского Красного Креста), – но я решила, что через Вас это дело пойдет скорее: мне кажется, что оно достойно того, чтобы Вы о нем сказали Г<енриху> Г<ригорьевичу>[2], от учреждения которого, вероятно, и зависит его рассмотрение. – Все-таки ведь это не только с человеческой точки зрения надо бы поскорее уладить, но и с общественной. – Да самое простое: посылаю Вам копию письма этого человека к Роллану и перевод этого письма.

Второе дело: посылаю Вам текст, данный Ролланом в журнал «Коммюн»[3], – думаю, что он мог бы быть напечатан в советском газете, – но т<ак> к<ак> не могу сообщить в какую (Известия или Правда) его дать, – прошу Вас решить это. – Но советую дать перевести хорошему переводчику: плохие иногда делают ерунду. (Сегодня, напр<имер>, в «Комсомольской правде» – перевод письма Роллана комсомольцу Эпельфельду[4], – совсем нелепый!). (Очень хорошо переводит: Борис Александрович Грифцов (см. прим. к 3.5.1. Переписка Роллана с П.П. Крючковым), ул. Станкевича, д. 11, кв. 27). – В этом тексте, между просим, несколько "неясных" слов о Г<енрихе> Г<ригорьевиче> и его коммуне (Болшевской – М.А.). – М<ожет> б<ыть>, и в их журнал (кажется, «На трассе»[5]?) дать? Они ведь тогда просили что-нибудь.

Третье дело: едет в Москву один из молодых вождей индусских левых социалистов (отколовшихся от национального Конгресса) – Себхаз С. Боз[6]. – Он бывший городской голова Калькутты; – сидел очень долго в тюрьме и там заболел туберкулезом. Начал, кажется, с анархизма, потом был гандистом. Теперь борется против гандизма и все «левеет». – Он был у нас прошлой весной, и Роллан дал ему интервью, которое было напечатано теперь во всех левых индийских газетах (но с пропусками, т<ак> к<ак> сейчас там строгие законы по отношению к печати). Мы думаем, что он стоит того, чтобы постараться его завоевать, и что он смог бы придти к верному пути. Конечно, надо иметь в виду, что главное для него – желание освободить свою родину; из этого желания и вырастает остальное. Но он как будто уже понимает, что интернационализм единственный путь к освобождению всех национальностей, что фашизм – злейший их враг; мы думаем, что ему не хватает очень малого, чтобы вообще все понять. – Он пишет нам, что едет в СССР, куда его приглашал Вокс уже 2 года назад, – и просит посоветовать, кого и что увидеть. Мы направляем его к Пахитонову[7] и к Третьякову (который знает английский язык, был в Китае и сумеет, конечно, хорошо повлиять на него). – Но, м<ожет> б<ыть>, и Вы могли бы помочь этому «завоеванию»? – Мы думаем, что следовало бы показать ему и заботу советского правительства о национальностях и высокое техническое

развитие их. Чтобы он видел, что это единственная страна, где все народы имеют одинаковые права!

Боюсь, что мое письмо окажется слишком тяжелым, – поэтому текст Роллана для газет вкладываю в письмо к Надежде Алексеевне с просьбой передать Вам. Если она забудет, – напомните ей, пожалуйста, дать Вам его!

Всего хорошего, жму Вашу руку. Сердечный привет Вашей маленькой жене.

M.P.

АГ КК-рл 8-56-7

Печатается по автографу.

Приложение: письмо М. Картье Р. Роллану. Машинопись на французском языке и перевод.

1. Заступничество за невинно пострадавших людей становится одним из главных направлений деятельности Роллана в отношении СССР. В 1930-е годы, по мере ужесточения сталинского режима и усиления массовых репрессий, Роллан постоянно в переписке с Горьким обращается с просьбами о защите представителей интеллигенции, ученых, стариков, разделенных семей и т.д. М.П. Кудашева помогала ему вести эту переписку.

2. Имеется в виду Г.Г. Ягода и подведомственное ему ГПУ.

3. Тщетно ожидая получения от Сталина разрешения на публикацию их беседы, хотя бы частично, Роллан, обещавший предоставить этот материал в журнал «Коммюн», в итоге отдал туда несколько страниц из последней части своего «Московского дневника» (МД, 5, 165-169) (с небольшими купюрами опубл. в «Коммюн» в октябре 1935 года). Подробнее об этом см.: Rolland R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935). P.: Albin Michel, 1992. P. 211-215. Статья Роллана для «Коммюн» «Ромен Роллан о своем пребывании в Москве» была напечатана неполностью в газете «Правда» (1935. 19 сентября. № 289).

4. Статьи Роллана и его письма к рабочим в сентябре-октябре активно публиковала центральная пресса (напр., "Письмо рабочим завода "Электросталь"// Правда. 1935. 30 августа; "Ромен Роллан о своем пребывании в Москве"// Правда. 1935. 19

сентября и др.). Одновременно в левой французской прессе ("Коммюн", "Юманите") публиковались письма рабочих, колхозников, советской молодежи Р. Роллану.

4. Имеется в виду литературно-художественный журнал “На штурм трассы”, главным редактором которого был С.Г. Фирин (1898-1937, репрессирован), начальник Дмитлага – крупнейшего лагобъединения ОГПУ-НКВД СССР (1932-1938), созданного для использования труда заключенных на строительстве канала Москва-Волга. В 1930-1932 годах С.Г. Фирин возглавлял строительство Беломорско-Балтийского канала (1930-1932). Вместе с лагерным начальством на канал Москва-Волга прибыли досрочно освобожденные «ударников-каналармейцев» с Белбалтлага, для которых в 1933 году в Дмитрове провели заключительный слет ударников, на котором присутствовал Горький. С.Г. Фирин был ярым сторонником идеи «перековки» заключенных. В Дмитлаге работали школы ликбеза, профессиональные курсы, где преподавали заключенные – специалисты и профессора высших учебных заведений, – работали художественная мастерская, драматический театр, духовой и струнный оркестры из заключенных, выходило более 50-ти газет и журналов (самыми массовыми были газеты «Перековка» и «Москва-Волга»), издавались стихи, рассказы, печатались графические работы «каналармейцев». Дмитлаг посещали иностранные делегации, деятели искусства, журналисты, общественные деятели, передовики производства, чтобы воочию убедиться «в безграничных возможностях большевистской власти в деле перевоспитания человека».

5.Связи Роллана с Индией объясняются его увлечением философией и личностью Махатмы Ганди, деятельность которого (революция в сознании) он считал альтернативой русской революции.

6. Себхаз С. Боз (Субхас Чандра Бос, др. имя Нетаджи, 1897-1945) – бенгалец, один из лидеров Индийского движения за независимость, почитаемы наравне с Дж. Неру и М. Ганди. Считал политику ненасилия М. Ганди недостаточной для достижения независимости Индии, был сторонником вооруженного выступления против британского господства. В дальнейшем пошел на сотрудничество с нацистами и

японцами, воюя против англичан в составе Индийского легиона в Европе и Бирме, который он возглавлял. Противоречивая фигура в исторической перспективе, но в Индии почитается как революционер-борец за независимость страны.

7. Похитонов – один из руководителей ВОКСа.

Перевод письма Марьюса Картье Ромэну Роллану:

Ле Бренэ (Кантон Невшатель). Швейцария. 10-го окт. 1933.

Уважаемый Сударь,

Обращаюсь к Вам с таким же волнением, как и надеждой. Тяжелое положение, в котором я и моя семья находимся, является моим извинением. Рассудите лучше сами:

Я родился в семье рабочего-часовщика. Как многие другие швейцарцы, которые не нашли в своей стране заработка, я уехал в Россию в 1914 году 19-т лет, – за два месяца до объявления войны. Я устроился в Киеве. Имея аттестат на учителя, я легко нашел уроки, а позже, сдав нужные экзамены, я получил место учителя французского языка в гимназии.

Когда началась революция, увлеченный великолепными перспективами, открывавшимися перед трудящимися, я остался в СССР, в противоположность стольким моим соотечественникам и коллегам, которые предпочли более спокойную жизнь и вернулись в Швейцарию.

Работая с энергией и уважаемый за качество моего преподавания, я добился того, что занял первые места по преподаванию французского языка в Киеве. 1-го июля сего года я был титулярным профессором французского языка при Киевском государственном университете и на курсах иностранных языков и, кроме того, вел курсы в некоторых других научных учреждениях. В связи с моей педагогической деятельностью, я, конечно, принимал участие и в общественной, и в профессиональной работе.

Между тем, большое несчастье огорчило моих старых родителей: мой отец, 77-летний безработный, заболел. После двух операций и 14-ти месяцев в больнице, он был осужден врачами.

Желая повидать своих детей перед смертью, он вызвал меня. Отвечая на этот призыв, я предпринял в Киеве необходимые хлопоты, чтобы получить визы для меня, моего ребенка и жены, и получил их.

Будучи швейцарским гражданином и в виду трудностей, связанных с такими поездками, я хлопотал, в Киеве же, о визах для возвращения в СССР.

Эта гарантия, что я их получу, была мне дана устно и письменно соответствующими властями. У меня имеется на руках документ, установленный, как следует, дающий мне право, также как моей жене и моему сыну, получить возвратные визы в СССР, которые я должен получить в Берлине.

Имея все документы в порядке, я поехал сюда с женой и сыном, и после 6-ти месячного пребывания у родителей, мы отправились обратно в СССР.

4-го сентября я явился в Консульский отдел советского представительства в Берлине для получения виз. Консул, осмотрев мои документы, объявил, что письменная гарантия, выданная Киевом, не имеет цены в его глазах, так как он может выдавать визы лишь по приказу из Москвы, но что он в курсе нашего дела, так как он получил из Киева указание выдать нам визы, но что только Москва может дать ему подобное приказание.

Под ударом подобного разочарования, я попробовал сейчас же хлопотать в Москве телеграфно. Через 4-5 дней, Москва, не справившись в Киеве, отказала нам в визах.

Без средств, совершенно деморализованные, мы вернулись в Швейцарию, к моим старым родителям.

Отсюда я и телеграфно и письменно обращался в Киев, прося соответствующие власти выяснить мое дело и предпринять в Москве необходимые шаги, чтобы получить разрешение на въезд обратно.

Мне ответили, что произошла ошибка и что предпринимаются шаги, чтобы исправить ее. Несколько писем и телеграмм из Киева подтверждают мне это, но

предупреждают, что это может долго продлиться, хотя и обнадеживают меня положительным результатом.

К несчастью, сегодня 10-го октября, мы еще не имеем ничего из Москвы, куда мы дважды обращались с просьбой пересмотреть наше дело.

Мы здесь на иждивении больных стариков-родителей, в горной глуши. Моя жена, киевская уроженка, заболела острой неврастенией.

Наше положение еще более трагично тем, что на все вопросы, которые нам ставились о Советской России, когда мы приехали, мы отвечали восторженно. Мы говорили о блестящих перспективах, открывающихся перед СССР, о социалистическом строительстве, о растущем благополучии трудящихся и т.д.

А теперь, когда нас оттолкнули из-за административной ошибки и когда мы морально подавлены и материально разорены, одни относятся к нам с оскорбительной иронией, другие с презрительной жалостью, и все отворачиваются от нас.

И почему это (случилось)? Потому что мы швейцарцы, м.б., т.е. граждане страны, буржуазия которой не хочет признать Советского Союза! – Но ведь это было бы противоположно самим принципам Советского Союза и всякой человеческой справедливости!

Я работник – интеллигент, сын рабочего. Я работал 21 год в СССР, у меня имеются на руках законные документы о том, что я смогу вернуться в СССР с своей семьей; в Киеве мы оставили, конечно, все наше состояние: деньги, документы, книги, мебель, одежду и т.д. – все, что я заработал 21-летним трудом. – А теперь перед самой зимой, без средств, с больном женой и семилетним ребенком, – в чужой и даже враждебной среде, – я жду своей судьбы в самом глубоком недоуменье.

Мое положение дает мне силу обратиться к Ваш, другу Советов и защитнику человеческой справедливости и т.д.

Мариус Картье

Адрес: Мариус Картье
Рю дю Тампль, 94
Ле Врене (Невшатель)

Швейцария

АГ КК-рл 8-56-7

Печатается по машинописи.

10

М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П. П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 23-го ноября 1935.

Милый Петр Петрович!

На днях пришло благодарственное письмо от киевского швейцарца, чью жалобу мы передали Вам. Он благополучно вернулся. Передаем его благодарность Вам, т.к., вероятно, помогли тут Вы.

Но относительно «разговора» (*со Сталиным – М.А.*), – до сих пор нет никаких разъяснений. Ваше молчанье, которое Роллан не может понять, очень его "разоружает" (а все сыплются к нему письма, на которые ему следовало бы отвечать, – снова о законе против детской преступности, и о всяких других вопросах). В наших антифашистских кругах все время возникают группы «непонимающих», которых надо бы просвещать, – из любви к самому делу, которое сильно страдает от этих групп. – А Ваше молчанье на все наши письма, естественно, вызывает впечатление ненужности, равнодушия к этому делу и деятельности Роллана. Кроме того, он вообразил, что у Вас есть «зуб» против нас. Я долго старалась уверить его и увериться сама, что просто у Вас молчаливая натура, что это неотвечанье – российское свойство, и т.д. – Но начинаю сама сомневаться и решила прямо спросить Вас: не обидели ли мы Вас чем-нибудь. Во всяком случае, мы этого не хотели, а если это произошло, то тут какое-то недоразумение, которое лучше выяснить.

Мы хотели бы выяснить еще относительно квартирного вопроса. Нам все больше кажется, что здесь есть затруднения, – м<ожет> б<ыть>, просто психологического характера, – но это тем более неприятно. По правде сказать, уже

во время нашего разговора об этом, мне показалось, что возникло напряжение, что Вам разговор был очень неприятен. Крайне жалею, что тогда же или после, без Роллана, – я не попросила Вас просто и дружески сказать Ваше откровенное мнение. – Я лично давно мечтала о записи на какой-нибудь кооперативный дом. – Роллан же, увидав воочию скученность нашей семьи и тяжелую напряженность, возникающую от нее, очень был озабочен этим из-за Сережки, у которого страшная нервная раздражительность и неврастения из-за вечной суеты, невозможности сосредоточиться и всех связанных со скученностью явлений, усугубленных в данном случае кишечной болезнью его бабушки, с вечными ее недомоганиями и лечениями. Кроме того, комната ледяная. (Очень старый дом). Отапливают они ее керосинками, тут же готовят пищу и т.д. – Естественно, что Роллан очень сам возжелал облегчить это положение. Но мы продолжаем видеть это так: подача Ролланом заявления в кооперативную стройку, – запись на тех же основаниях и с теми же обязательствами, что советские писатели и учение. (Ведь он свой, хоть и иностранец, и дело не в паспорте!). – То, что он сам не жил бы в этой квартире, во всяком случае, не всегда (но он ведь собирается приезжать, и чувство, что есть у него там своя квартирка, очень усиливало бы его желание часто бывать там!) – не должно было бы быть препятствием: во-первых, он приезжал бы, во-вторых, мой сын – его пасынок, а, вероятно, и советские писатели, и не только писатели! – к своим пасынкам относятся, как Роллан к своему, и если бы мальчик жил нервно, без отдыха, они страдали бы и старались бы облегчить его положение. (Вот у А. Толстого есть пасынок[2]; он, верно, заботится о нем, как о своих сыновьях! И на пасынка этого, конечно, смотрят не как на сына такого-то присяжного поверенного, который не очень в фаворе, а как на сына А.Толстого! Роллан и думал, что к Сереже отношение как к его сыну). – И есть случаи, когда человек, получив квартиру в Москве, сам живет и работает в другом городе, а в квартире живет его семья. – Вот мы и хотели, на тех же основаниях, что советские художники, писатели, ученые, включившись в кооперативную стройку и сделав нужные взносы, иметь в будущем квартирку. – Я думаю, что такой путь был естественней, чем тот, по которому мы пошли, – и что он не вызвал бы затруднений. Мы согласились на "внеочередность"

лишь потому, что нас уверили (до разговора с Вами), что это будет сделано легко и естественно. – Но меня эта «внеочередность» шокировала уже тогда. – Поэтому у нас теперь к Вам просьба: объясните нам положение вещей (если не можете писать сам, хотя это непонятно, почему не можете! – объясните моему другу Лидии Павловне[3], а она нам напишет). Повторяю: мы не только не настаиваем на нынешнем устройстве, а просим Вас, если эта спешность и вызвала затруднения, – бросить хлопоты, и просто посоветовать нам, как действовать, чтобы не было напряжения и недовольств. Мы очень просим Вас дать нам дружеский совет (хоть через Лидию Павловну, как говорю выше). – Год – два – три, если надо, наши еще помучаются; мы очень хорошо понимаем, что всякая «внеочередность» обижает тех, кто в "очереди", и вызывает возмущение и недружелюбие. – Значит, если устройство сейчас, этой зимой, встречает затруднения такого рода, – просим нам сказать это, – и мы немедленно выясним (если можете, и Вы помогите в этом, а Лидию Павловну попросим), в какую кооперативную стройку писать заявленье, и Роллан его напишет. – Значит, милый Петр Петрович, не сердитесь на мой прямой вопрос и ответьте нам, если не сам, то через Лидию Павловну, совсем просто и откровенно. –

Привет от Роллана. Всего лучшего Вам и З<инаиде> З<ахаровне>.

Ваша *M.P.*

АГ КК-рл 8-56-8

Печатается по автографу. Приложение: конверт с адресом. Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov. Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул., 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель: Romain Rolland, Villeneuve (Vaud). Suisse.

[1] Хлопоты М. П. Кудашевой о вступлении в писательский кооператив связаны с возникшей в 1932 году идеей строительства т.н. «писательского городка», против которого возражал Горький, считавший, что писатель должен жить среди народа и его заботами. Но Сталин поручил своему литературному эмиссару И.М. Гронскому реализовать эту идею и лично контролировал ее осуществление (см. стенограмму

беседы Гронского с работниками Архива А.М. Горького в кн.: Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. Вып. 1. / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 67-114). В результате были построены несколько «писательских» домов и дачных поселков (самые известные – дом в Лаврушинском переулке и писательский поселок Переделкино).

[2]Имеется в виду Федор Волькенштейн, будущий известный физик, член-корреспондент Российской академии наук, сын Н.В. Крандиевской-Толстой от первого брака. В том же 1935 году А.Н. Толстой расстался с Н.В. Крандиевской-Толстой.

[3] См. запись о ней в «Московском дневнике» Р. Роллана от 23 июня: «Познакомился с подругой Маши Лидией Павловной, женой директора Малого театра Амаглобели, она с удовольствием соглашается быть моим секретарем, пока я нахожусь в Москве» (МД, 3, 211). С.И. Амаглобели (1899-1946) – театральный деятель, театровед и драматург. В 1933-1936 годах был директором и художественным руководителем Малого театра.

12

П.П. КРЮЧКОВ – М.П. КУДАШЕВОЙ-РОЛЛАН

26 января 1936

Милая Мария Павловна,

привычка читать ежедневно сотни писем и четыре телефона отучили меня писать письма даже своим личным друзьям.

Молчание мое – моя вина и «несть мне прощения».

Алексей Максимович работает в Крыму, куда регулярно почти каждые две недели езжу. Алексей Максимович чувствует себя хорошо, и к тому же погода стоит отличная.

Все ваши поручения я исполняю с большой охотой, за мной остаются два долга – Анна Идельсон[1] и квартира. То и другое я надеюсь устроить в ближайшее

время, хотя квартира остается у нас по-прежнему вопросом большой остроты и трудности.

Посылаю вам копию телеграммы[2] Алексея Максимовича Ромен Роллану. Еще раз прошу простить за долгое молчание. Очень жалею, что этим самый я дал Вам повод думать «о перемене чувств». Мое чувство любви и глубокого уважения к Вам и Роллану – остается прежним, и я очень хотел бы, чтобы Вы – никогда, ни при каких обстоятельствах – в этом не сомневались.

Прошу передать Р. Роллану горячий привет и поздравления с наступающим семидесятилетием. Желаю ему многих и многих лет такой же радостной жизни. Вас поздравляю с дорогим юбиляром.

Крепко жму Вам обоим руки и желаю всего доброго. Не ругайте меня.

Ваш *П. Крючков*

P.S. Посылаю Вам заказной бандеролью 1-ый том «Истории гражданской войны в СССР»[4].

Москва, 25.1.36.

АГ Кр-рл 1-43-1

Печатается по автографу.

Приложение: конверт с адресом: Швейцария, Ромен Роллану, Mme M. Rolland, Suisse, Villeneuve (Vaud). Отправитель: Москва, М. Никитская, 6. П. Крючков.

Приписка рукой Р. Роллана на обороте конверта:

«N.B. Gorki est mort, quelques mois après. Kroutchkoff, en écrivant cette lettre, se savait certainement sous la main de Iagoda, qui l’obligeait à participer à ses crimes; mais je suis convaincu qu’il n’a pu, comme l’en a accusé, participer au meurtre de Gorki. Il aimait Gorki presque uniquement au monde. Et je conserve même des doutes sur l’assassinat de Gorki. G. était très malade; il n’y avait qu’à laisser faire la maladie».

«NB Горький умер несколько месяцев спустя после этого письма. Когда Крючков писал это письмо, он, несомненно, знал, что он в руках Ягоды, который вынуждал его участвовать в своих преступлениях; но я убежден, что он не мог, как его обвиняют, участвовать в убийстве Горького. Он любил Горького, одного только его и любил. Я сомневаюсь также, что имело место убийство Горького. Горький был очень болен, нужно было только дать болезни сделать свое дело»[5].

1. В письмах к Е.П. Пешковой от 25 декабря 1935 года и от 20 января 1936 года М.П. Кудашева-Роллан пишет: «Два раза, т.е. два лица, писали мне с просьбой, чтобы Роллан помог двум старушкам получить разрешение на выезд к дочерям. Я советовала им обратиться к Вам»; «Мысль о несчастных старухах все грызет меня, – хотя я их не знаю <...> Вот адрес той, чей адрес ее дочь прислала: А.И. Идельсон, Ленинград. Васил<ьевский> Остров, 11-ая линия, д. 46, кв. 10, тел 29-49. Раньше она жила в Киеве, и в первом письме своем ее дочь давала Киевский адрес, который я и посылала Ал<ексею> Макс<имовичу> – и по которому П<етр> П<етрович> не смог найти ее! – Эта старуха уехала бы совсем. <…> Роллан очень поддерживает эти две просьбы; он вообще жалеет, что не говорил с Г<енрихом> Г<ерриховичем> (*Ягодой – М.А.*) об этих вопросах: ему кажется, что для СССР было бы только полезно отпустить всех стариков и больных, желающих уехать к детям, ведь от них никакого прока, а только лишняя обуза стране! Вреда они нанести не могут, даже если они недружественны. А факт их «неотпускания» – вредит в общественном мнении Запада. <…> (А если дети этих стариков – виноваты, – то несправедливо за это наказывать стариков! – Ведь большевики не мстят!)» (*весь абзац на полях отчеркнут красным карандашом адресатом – М.А.*) (АГ ФЕП-кр 49-110-1=2).

Роллан в письме Горькому от 4 декабря 1935 года поддерживает просьбу М.П. Кудашевой-Роллан: "Мария Павловна добавляет несколько слов к моему письму (по поводу двух несчастных старух)" (речь идет о Р. Гурфинкель и А. Идельсон, см.: АГ-15, 321, 467, 503).

2. Поздравительная телеграмма опубликована в томе переписки А.М. Горького и Р. Роллана (см. по этому поводу прим. к переписке Р. Роллана с П.П. Крючковым).

3. «История гражданской войны в СССР» – издательский проект А.М. Горького, поддержанный Сталиным. В редколлегию серии входили М. Горький, В. Молотов, К. Ворошилов, С. Киров, А. Жданов, А. Бубнов, Ч. Гамарник, И. Сталин (см. примечания к стенограмме в кн.: Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. Вып. 1. / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 67-114.). Первый том вышел в издательстве «Географгиз, Государственное издательство «История гражданской войны» в 1935 году и содержал 342 страницы. Всего вышло 5 томов (1935-1958): 1 том – от начала войны до начала октября 1917; 2 том – октябрь–ноябрь 1917; 3 том – ноябрь1917-март 1919; 4 том – март 1919-февраль1920; 5 том – февраль1920-октябрь 1922.

4. Подробнее об отношении Роллана к смерти Горького см. прим. к переписке Р. Роллана с П.П. Крючковым.

5. Перевод автора диссертации.

13

М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П. П. КРЮЧКОВУ

Вильнев, 31-го янв<аря> 1936 <г>.

Милый Петр Петрович,

Спасибо за Ваше письмо. Мы оба очень обрадовались ему, ибо не могли не думать, что у Вас «зуб» против нас. Я-то все надеялась, что вот – напишете; но Роллан – западный человек – не мог больше надеяться (ибо от «западного» человека молчанье, подобное Вашему, могло бы означать только «зуб»!) Сейчас пишу только, чтобы поблагодарить Вас – и Алексея Максимовича, которому Роллан напишет через несколько дней (сейчас он завален письмами и телеграммами; еле успеваем читать их; и, кроме того, его статья о «Неделимом мире» вызвала бурю споров, нападков, и надо действовать, чтобы все это образумить и разъяснить свою мысль (все «левые» враги СССР в ярости на

Роллана). – А он как раз ужасно устал, и должен через 3 недели уехать в клинику, на отдых, недели на 3. (Оттуда он и напишет Алексею Максимовичу),

Вторая цель моего письма: о квартирном вопросе. – Вот Вы сам говорите: «это остается у нас по-прежнему вопросом большой остроты и трудности». – Но ведь я все время и писала Вам и Лидию П<авловну> просила говорить Вам, – что если это остро и трудно, – то мы предпочитаем отказаться от «внеочередности» и что Роллан тогда просто, как рядовой советский писатель включится в какую-нибудь из будущих кооперативных строек; ведь такие все время создаются для групп деятелей искусства. – При таком порядке включения, не могло бы быть «остроты» и трудности? – А при «внеочередном», как тот, через который Вы сейчас действуете, – вполне естественно, что встречаются всякие загвоздки и внешнего и психологического порядка!

– Поэтому, милый Петр Петрович, не лучше ли было бы нам оставить начатое через Вас? – И чтобы Роллан написал заявление куда-нибудь (это уж Лидия Павловна могла бы выяснить, – ведь ее муж тоже хлопочет о включении в стройку (они живут с ребенком втроем (и с нянькой!) в крохотном углу – одна комната с кухонькой!). – Лучше ждать еще год-полтора, и чтобы не было «остроты», чем через несколько месяцев – «с остротой». – Мы это с самого начала считали; но нас уверяли друзья, что это очень просто и легко устроится! – (Сережа, который в этом деле самое заинтересованное лицо, уже в Горках, когда я сказала ему, что мне кажется, что это не так «просто и легко» – сразу заявил, что: «ничего не надо»! – Но мы считаем, что все же – «надо», но только – нормальным порядком, как другие писатели, в «кооператив»,

– Вот наше мнение. – Нам во всех смыслах неприятно, чтобы была малейшая «острота». – Очень Вас просим поэтому, милый Петр Петрович, – давайте не спешить; пусть Лидия Павловна (или Вы, если Вы так добры!) – выяснит, в какой «кооперативный будущий дом» можно нам включиться без «остроты».

А от «внеочередности» – откажемся! – Но просьба в этом случае дать нам знать (сам не пишите, если Вам трудно! – хотя Вы должны были бы взять себе

секретарей!! и они могли бы писать!) – через Лидию Павловну – что нам делать (писать ли Роллану заявленье, и куда и т.д.).

– Получили 1-ый том о Гражданской войне, с письмом Минца[1]. Роллан поблагодарит его через несколько дней, – когда будет в клинике. – (Он через 2 дня все же едет на 2-3-х недельный отдых, ибо очень устал).

– Еще раз спасибо за все, что делаете для нас или по нашей просьбе.

Привет от нас обоих всему Вашему дому, Зинаиде Захаровне и друзьям.

Жму Вашу руку, Роллан сердечно кланяется.

Ваша *М.Р.*

АГ КК-рл 8-56-9

Печатается по автографу. Приложение: конверт с адресом. Приложение: конверт с адресом: Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov, Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул. 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель: M. Rolland, Villeneuve (Vaud), Suisse.

1. В первом томе речь шла о подготовке Октябрьской революции в период от начала Первой мировой войны до начала октября 1917 года. Заканчивался том разделом «Расстановка боевых сил контрреволюции накануне великой Пролетарской революции.

Исаак Израилевич Минц (1896-1991) – советский историк, академик АН СССР (1946). Член КПСС с 1917 года. В годы гражданской войны – политработник Красной Армии. В 1926 году окончил Институт Красной профессуры, заведовал кафедрами истории СССР в МИФЛИ, МГУ (1932-1949), Высшей партийной школе при ЦК КПСС (1937-1949), профессор Академии общественных наук (1947-1950). За работу над «Историей гражданской войны в СССР» получил Государственную премию (1943, 1949).

14

М.П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 29-го март 1936.

Милый Петр Петрович,

По просьбе Роллана пишу Вам о Николае Александровиче Рубакине[1]. (Он (Роллан) просит написать об этом Алексею Максимовичу, – но т<ак> к<ак> Алексей Максимович все равно Вас попросит выяснять это дело, думаю, что проще обратиться прямо к Вам!).

Вы, конечно, знаете, кто Н.А. Рубакин (известный популяризатор и библиограф, 30 лет живет в Швейцарии. – У него мечта (давно); поехать в Москву (на 2-3 мес<яца>). Аросев год или полтора назад обещал ему это устроить при 3-х условиях:

1/ чтобы Рубакин и его секретарша Марья Артуровна Бетман (16 лет живущая и работающая с ним – (она самый близкий его друг, что говорю Вам не для сплетни – а для того, чтобы с этим считались) – взяли советские паспорта (у них нансеновские). (Они согласны)

2/ чтобы Рубакин передал свою огромную и очень ценную библиотеку в СССР. (Он согласен, но после смерти своей. – Он стар и болен сахарной болезнью, так что ему не долго еще жить!) –

3/ – забыла что, – но Рубакин тоже согласен.

Вопрос вот в чем: возможно ли им (Рубакину и Бетман) получить гарантию, что раз впустив их, их выпустят обратно. Рубакин как будто не сомневается: он так известен, что уверен, что не пошли бы на то, чтобы ему чинить препятствия… Но он волнуется за свою Марью Артуровну: представить ее своей женой – что она и есть на самом деле – он не может (он женат законно, имеет детей и т.д.) – но жить без нее – не может, ни работать. И если бы ее обратно не выпустили с ним, он бы погиб. – А их пугают, что, мол «впустить-впустят, а назад – нет!» –

Не могли ли бы Вы все это выяснить? – Рубакин имеет сына – коммуниста, который живет в Париже (врач и публицист). Сам он «революционер» – но не «марксист» (верно, «народник»). Но, как знаете, очень много сделал своими изданиями для поднятия культуры и социального сознания в прежние времена.

Говорят, что тов<арищ> Молотов его очень ценил[2]. – Он – если его «приласкать» – может быть очень полезным другом. – О Марье Артуровне же не знаю ничего, но думаю, что она тех же взглядов, что сам Рубакин. – У нее сестра в Москве, – и не то брат, не то муж сестры ответственный работник (или «засекреченный»). – Они собираются (Рубакин и Марья Артуровна) – побыть 2-3 месяца. Визы им, кажется, обещаны, – но вот – нельзя ли иметь гарантию (обещание), что выпустят их обратно в Лозанну?

Пожалуйста, узнайте если можно! И как-нибудь – если не сам, на что я не надеюсь! – уведомьте нас.

Как с делом квартиры? Мы сейчас озабочены этим больше, чем раньше: 1/ мой сын очень нездоров (нервно; – он стал заикаться, и у него всякие невропатологические явления, – его должен смотреть невропатолог!) – а жизнь втроем в одной комнате, конечно, увеличивает это состояние – и 2/ дом, где они живут, собираются ломать – и бог знает куда их переселят и в какие условия! – Очень беспокоимся об этом.

Сердечный привет от Роллана Вам и Зинаиде Захаровне – и от меня тоже.

Жму Вашу руку

Привет Вашим домашним

М. Р.

АГ КК-рл 8-56-10

Печатается по автографу.

[1] Ходатайство Роллана и Кудашевой-Роллан было успешным. Речь идет об известном писателе–популяризаторе и библиографе Н.А. Рубакине (1862–1946), поддерживавшего близкое знакомство с Луначарским во время его пребывания в Швейцарии, а также с Ролланом (см. выше). Часть архива Рубакина была продана Ленинской библиотеке М.А. Бетман, оставшаяся часть не разыскана. Сын Рубакина Александр после войны работал в Москве, в Первом медицинском институте. Он оставил воспоминания об отце – «Рубакин. Лоцман книжного мира». Он «отрицал какую бы то ни было диктатуру человека над человеком» и находился под влиянием толстовского учения. О М.А. Бетман А.Н. Бубакин пишет: « В 1919 году

к отцу приехала из России некая Мария Артуровна Бетман, тогда еще молодая женщина, из русских немцев. Она поступила к отцу на работу и секретарем, и машинисткой, и помощницей по собиранию материала, а впоследствии сделалась фактически полной хозяйкой в доме, жила в квартире отца, ухаживала за ним… преданно и добросовестно служила отцу». Впоследствии Н.А. Рубакин выхлопотал ей пенсию от советского государства, на которую она жила после его смерти.

2 В 1930 году Совет народных комиссаров дал персональную пенсию Н.А. Рубакину.

15

М.П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 14-го апр<еля> 1936

Милый Петр Петрович,

Пишу Вам по поручению и от имени Роллана (он болел, грипп, 38 температура). – Вы помните Эльзу Оскаровну Гартох[1], которую Роллан знает уже много лет, и с которой он очень дружен? Она приезжала в Горки, на 2 дня, из Ленинграда. – Она сестра профессора Оскара Гартох, которого Вы тоже видели в Горках. Она жила много лет (еще до революции и, кажется, и до войны уехав туда!) за границей, в Швейцарии. (Ее сестра швейцарская гражданка, врач в Цюрихе). Но года 3 назад жена ее брата, профессора О. Гартоха, умерла, и она уехала к нему в Ленинград, чтобы он не был одиноким. С тех пор она ездила в Швейцарию и возвращалась в Ленинград. (Кажется, Роллан Вас и просил уже ей помочь с визами?) (она – германская гражданка).

Теперь она хотела бы летом снова приехать к сестре, недель на 6-8. Но ей хотелось бы иметь "обратный въезд" в СССР гарантированным: брат ее нуждается в ней, и она не может его оставить совсем. – Он, впрочем, кажется поедет в Лондон на конгресс микробиологов. Она хотела бы с ним и вернуться.

Роллан лично очень хотел бы повидать Эльзу Оскаровну, которую он очень любит. Но он понимает, что ей уезжать из Ленинграда, не будучи уверенной, что ее пустят обратно, – нельзя. Поэтому он и просит Вас помочь ей в получении "обратной визы" (как я говорю выше, она не советская гражданка, и ей нужна виза для обратного въезда).

Вот его просьба. Мы надеемся, что Вам не будет трудно ее исполнить! Г<енрих> Г<ригорьевич> знает лично профессора Гартоха (о нем Роллан с ним говорил, если помните) – и хорошего о нем мнения. Поэтому, вероятно, легко будет все это устроить.

Всего хорошего, Роллан шлет Вам и Вашей жене привет. Я жму вам обоим руки.

Ваша *М. Р.*

АГ КК-рл 8-56-3

Печатается по автографу.

Приложение

Васильевский остр<ов>
Съездовская 7 кв.6
Ленинград 53
20.4.36

Многоуважаемый Петр Петрович.

Посылаю Вам письмо, которое я только что получила из Вильнева от Марии Павловны Роллан и одновременно обращаюсь к Вам лично с просьбой оказать, если это возможно, Ваше содействие в обеспечении мне обратной визы на въезд в СССР. В прошлом году Ромен Роллан также оказал содействие по получению обратной визы, которая мне была выдана Иностранным отделом проспект 25го окт<ября> № 60 в Ленинграде.

Без такой уверенности в возможности быстрого возвращения (а оттуда хлопотать о выездной визе дело затяжное) мне трудно будет решиться оставить своего брата одного. Я хотела бы выехать отсюда в начале мая.

Позвольте заранее поблагодарить Вас за Ваши хлопоты и не откажите мне сообщить ответ.

Примите сердечный привет от

Э.О. Гартох

АГ КК-рл 8-56-3 (приложение)

Печатается по автографу.

1 Эльза Гартох – «няня», подробнее о ней см. прим. к переписке Р.Роллана с П.П. Крючковым, а также: Медведева Н.В. Переписка Р. Роллана с Оскаром и Эльзой Гартохами (1923-1937) // Максим Горький: взгляд из XXI века. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2010. С. 348-355.

16

М.П. КУДАШЕВА – П.П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 28 апр<еля> 1936.

Милый Петр Петрович,

Посылаю Вам от имени Роллана (который третью неделю лежит с бронхитом и гриппом) копию сегодня полученного им письма из Еврейского университета в Иерусалиме.

Роллан просит Вас передать ее Алексею Максимовичу. – Может быть, он найдет полезным поддержать просьбу этого Университета. Как выражается г-н Магнес (вероятно, ректор), – это было бы чудесным жестом дружбы и мира по отношению к евреям как к нации. Мы знаем, что в Иерусалиме среди сионистов сильный интерес и часто тяга к СССР.

– И еще хотела поговорить с Вами о несчастном квартирном вопросе. Моя свекровь пишет, что была у Вас, что Вы ей обещаете что-то к 25-му мая. – Пишет, чтобы я Вам больше не писала об этом. – Но я боюсь, что ее просьбы не совпадает с нашими! Поэтому повторяю Вам наши пожелания:

1. Мы хотели бы квартирку минимум в 3 комнаты, максимум в 4, – т.к. в случае нашего приезда вдвоем, или меня одной, что тоже может случиться, – мы могли бы (или я одна) останавливаться там. (Если 3 комнаты – мы на это время выселим С<ергея> и Т<атьяну> или Е<катерину> Вас<ильевну>, т<ак> к<ак> нам нужны 2 комнаты. Если 4 комнаты – нам никого выселять не надо будет. – А для меня одной – тоже).

2. Мы просим, чтобы эта квартирка была на наше имя (Роллана или мое, – с правом передачи после нашей смерти Сереже и его жене и детям). Между нами говоря, это во избежание вселения от жалости или любви всяких родственников и друзей, – что могло бы случиться, если квартира считалась бы Сережиной, ибо ею распоряжалась бы Екатерина Васильевна. – А мы хотим, чтобы там жили только Сережа, его жена (и дети, если будут) и Екатерина Васильевна. – Для Сережиного здоровья это необходимо. Он истрепался нервно и, конечно, квартирная суета у них – одна из причин.

3. Екатерина Васильевна пишет об оплате, так что будто только «маленькую» они смогут оплачивать (а "побольше" – совсем недоступно). Т<ак> к<ак> я подозреваю, что она специально хочет "маленькую" (что значит маленькая – 2 комнаты? – чтобы владеть квартирой, т<о> е<сть>. чтобы мы согласились ее записать только на Сережу, а не на нас – я хотела бы знать, какая оплата (приблизительно и за "маленькую, – и за "побольше". – Если «побольше» означает 4 комнаты – и оплата не очень страшная, мы добавим Сереже нужную сумму ежемесячно, – но мы просим "побольше" (т<о> е<сть> 4 комнаты, 3 – минимум). – Впрочем, я прошу Лид<ию> Пав<ловну> повидать Вас, все это у Вас выяснять и написать мне.

– Мы даем Сереже 750 рублей в месяц. Екатерина Васильевна, кажется, имеет 50 руб<лей> пенсии. – У них значит 800 р<ублей> на жизнь. Я никак не соображу, довольно ли это. Екатерина Васильевна жалуется, что мало. Но мне неудобно

просить у Роллана больше, – и по финансовым, и по психологическим причинам (одна из них: он тогда решит, что в СССР большинство бедствует, т<ак> к<ак> знает сколько получают служащие, учителя и некоторые рабочие...). – Но если на квартирную оплату надо будет прибавить, – это я просить у него могу, и он найдет это естественным.

Очень прошу Вас, доведите это дело до конца. Спасибо. Жму Вашу руку. Привет от Роллана.

Ваша *М.Р.*

Сердечный привет З<инаиде> З<ахаровне>.

АГ КК-рл 8-56-11

Печатается по автографу. Приложение:

1. Конверт с адресом. На конверте надпись: Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov. Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул., 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель: R. Rolland. Villeneuve (Vaud). Suisse.
2. Магнес И.Л. Письмо Р. Роллану от 11 апреля 1936 г. Машкопия с переводом.

Еврейский Университет
Иерусалим, апрель 11, 1936

М. Ромэн Роллан
Вилла Ольга

Дорогой сэр,

Возможно, что я приеду в Россию, чтобы поговорить с выдающимися советскими авторитетами о возвращении еврейской национальной библиотеки барона Давида Гюнцберга[1] (библиотеки, организованной в 17 г. перед большевистской революцией).

Эта библиотека содержит, среди многих вещей, особо важные еврейские манускрипты и записи и др. материалы, весьма пригодные для изучения. Полагаю,

однако, что весь этот материал мог бы быть с большей полнотой использован в Иерусалиме, чем в Москве или где-либо.

В настоящее время по всем данным эта библиотека находится запакованной в ящики в московском Румянцевском музее. Эта библиотека была продана русской сионистской организации бароном Гюнцбергом за 100 тысяч золотых рублей в марте 1917 г<ода>. После революции совершенно не представлялось возможности перевезти эту библиотеку в Иерусалим. В годы интервенции были сделаны попытки к этому, среди начинателей этого дела был и профессор Ейнштейн.

Может быть, теперь это дело будет иметь успех. Это было бы великолепно, если бы советское правительство было так дружественно настроено к небольшой части еврейского народа (находящейся в ужасных условиях). Мне говорили, что для этого вполне возможно обратиться к тт. Сталину, Радеку и М. Горькому и дело увенчается успехом.[3] Может быть, я смог бы обратиться к Вам с такой просьбой?

АГ КК-рл 8-56-11
Печатается по переводу с машинописи.

1.Иегуда Лейб Магнес (1877-1948) – еврейский общественный и политический деятель в США и Эрец-Исраэль, основатель и первый руководитель Еврейского университета в Иерусалиме (см. выше).
2.Давид Гюнцбург (1857-1910) –видный востоковед и гебраист, глава российской еврейской общины, библиофил, из семьи баронов Гюнцбергов, в родстве с Ротшильдами. О нем см. выше.
3. О судьбе Библиотеки Давида Гюнцбурга см. выше.

17

М.П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

Вильнев, 20 июня 1936

Петр Петрович,

Какое горе! Мы хотели надеяться. Но каждый день боялись этого известия.[1] Каждый раз как слушали по радио последние известия, говорили: «Слава богу, ничего нет!».

И вот – телеграмма Бухарина, вечером, третьего дня. И потом посыпалось – 2 из Москвы, 6 из Парижа. А Роллан плакал, – не хотел писать статей. Потом слушали Москву, траурную музыку, немецкую передачу – о том же. И чувствовали себя там, со всеми вами. А ночь – не могли спать. Я слышала за стеной, как Роллан ворочается и стонет. Все-таки послали телеграмму «Известиям» и «Правде»[2]. И до этого Екат<ерине> Павловне и Надежде Ал<ексеевне>. И Аплетину[3] я послала, чтобы он заказал самый лучший венок от нас.

И вот прошел еще день, и ночь, сегодня – третий. Вчера вечером опять взяли Москву по радио (нам подарили 2 недели тому назад новый аппарат с короткими волнами). И слышали какую-то симфонию, кажется, под управлением Бруно Вальтера[4], и дуэт, – и бросили: неужели Москва может на другой же день давать другое, чем о нем же, уже не быть в трауре! Нам это было очень больно.

Я посылаю Вам перевод письма Роллана.[5] Да, он любил Алексея Максимовича больше всех своих друзей. И он не сумел показать это ему. Я знаю, как это его теперь мучает. И меня мучает. Знал ли Алексей Максимович об этой любви? Последние недели, Р<оллан> все вспоминал его взгляд, эти бесконечно добрые и печальные глаза. Но мы не смели ему писать, – берегли его силы, да Вы и не передали бы (и были бы правы!). – Только доктору Левину телеграфировали. И 17-го я ему написала, – на Ваше имя, – пожалуйста, передайте ему письмо, не забудьте!

Р<оллан> так убит, что говорил: «Теперь там для нас – пустыня!» И: «Я учил русский язык, чтобы говорить с ним». И все жалеет, что недостаточно выразил ему свою нежность: «Все ждешь будущего, а оно вот – исчезло». И: «Мы так мало виделись, так мало говорили! Новая встреча была бы излиянием». И: «Я радовался, что скажу ему по-русски разные вещи. Я готовил маленькую речь». И правда: мы в Горках все стеснялись – отымать у него время. И когда настал последний день,

вдруг опомнились: как мало были с ним! Р<оллан> часто зимою жалел об этом, мучился этим. И сейчас – это его терзает.

Мне трудно его утешать, моя боль – такая же. Как будто ушел самый близкий. И правда, все стало пустыней. (Это, конечно, первое чувство осиротелости. Умом – знаешь, что нужно побороть его).

Конечно, приедем все-таки, ведь там – все друзья его, память о нем и его могила. – И мы все, его близкие. Мы хотим всех вас увидеть, снова почувствовать его среди нас.

Дорогой Петр Петрович, Вам ужасно тяжело, и нам больно за Вас, и за всех, кто его так любит. Мы думаем и о Вас, думая о нем. – Не забывайте нас. Не считайте нас «прохожими» в Вашем жизни: эта смерть, больше чем жизнь до нее – роднит нас.

Крепко жму В<ашу> руку, если позволяете, обнимаю Вас.

И милой Е<лизавете> З<ахаровне> наш самый сердечный привет, и всем остальным его близким. Передайте им. Липочке я напишу.

Ваша *М.Р.*

АГ КК-рл 13 69-1

Печатается по автографу.

1 В период последней болезни Горького в прессе печатался бюллетень о состоянии его здоровья.

2 Телеграмма Р. Роллана опубликована в «Правде» 19 июня 1936 года и в «Литературной газете» 20 июня 1936 года: «Невыразима скорбь по поводу смерти нашего дорогого друга. Разделяем горе всех советских народов».

3 Михаил Яковлевич Аплетин (1885-1981) – критик, литературный функционер, зам. председателя Иностранной комиссии СП в 1930-е годы.

4 Бруно Вальтер (1876-1962) – немецкий дирижер. В 1913-22 был музыкальным руководителем Государственной оперы в Мюнхене. В 1936-38 являляс главным

дирижером Венской оперы и симфонического оркестра. В 1938 году эмигрировал во Францию, а в 1940 – переехал в США.

18

М.П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

Вильнёв, 2-го июля 1936.

Дорогой Петр Петрович,

Надеюсь, что Олимпиада Дмитриевна осталась с вами; но т.к. не уверена в этом, посылаю письмо ей на Ваше имя и очень прошу передать (или переслать) ей.

Читала объявление Вашей Комиссии[1] – просьбу переслать письма и т.д.

Мы вышлем Вам копии их. Оригиналы Роллан хочет сохранить. Но в своем завещании он отметит, что их надо будет передать Москве – Музею Алексея Максимовича.

Но: (по тем отрывкам, которые я прочитала в дневниках Роллана) – эти письма часто полны чувств и мыслей, из которых Алексей Максимович позже вышел. Их сейчас и, верно, еще много лет – трудно издавать! – Ведь Алексей Максимович прошел через всякую душевную смуту я муку, и борьбу, которую мало кто понял бы сейчас... – Вы, конечно, все это знаете.

Письма до 1926 года – были отданы в Музей провинции, откуда родом Роллан. Мы приложим все усилия, чтобы их выкупить оттуда. Предложим им драгоценные автографы из французской истории. И во всяком случае – снимем точные и полные копии (в дневниках Роллана только отрывки). – Письма с 1926 года у нас имеются тут.

Если можете – когда сможете – пришлите нам хорошие фотографии Алексея Максимовича. И помните – Вы обещали несколько его книг? У нас их очень мало.

Крепко жму Вашу руку.

Привет всем.

Ваша *М.Р.*

АГ КК-рл 8-56-12

Печатается по автографу. Приложение: конверт с адресом. Приложение: конверт с адресом. На конверте надпись: Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov. Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул., 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель: R. Rolland. Villeneuve (Vaud). Suisse.

19

М.П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

Вильнев, 12 июля 1936

Дорогой Петр Петрович,

Несколько дней тому назад, Роллан получил письмо от «Литературного Наследства» (Леб<едев>-Полянский[1]), который просит его дать письма А.М. к нему и его письма к А.М., чтобы ЧЕРЕЗ ДВА МЕСЯЦА опубликовать их в этом журнале.

Даже если бы Роллан был бы в принципе согласен, он ФАКТИЧЕСКИ не мог бы исполнить эту просьбу в такой краткий срок. Но прежде всего нам нужно посоветоваться о столь важном вопросе с друзьями и защитниками, подобными Вам, – литературного наследства Горького.

Поэтому мы Вас настоятельно просим, несмотря на количество Ваших дел, написать нам как представитель «Комиссии по Литературному Наследству Горького»[2] и как его друг и секретарь, – чтобы мы могли более или менее ясно отвечать на просьбы, подобные той, о которой пишу Вам.

Роллан имеет много писем от А<лексея> М<аксимовича>. Часть их – до 1928 года была отдана (к несчастью) в один французский (государственный) Архив[3], откуда мы постараемся взять их обратно (во всяком случае, мы снимем с них копии, так как в дневниках Р<оллана> они переписаны только частично), что касается следующих лет – письма А<лексея> М<аксимовича> были сохранены Ролланом в Швейцарии. Я думаю, что их всего около сотни. Я прочитала те, которые

переписаны в дневниках Роллана. Они чрезвычайно интересны. Но письма 1922, 1923 и 1924 г<одов> часто крайне мрачны, полны сомнений, муки, – иногда резко отходят от того пути, по которому А<лексей> М<аксимович> пошел позднее – и которым шел раньше. От них веет сильной внутренней смутой. Было бы невозможно опубликовать их теперь, не выбросив из них очень многого, что Роллан считает нечестным. Кроме того, Роллану было бы неприятно сейчас же после смерти раскрыть перед всем миром его интимные письма.

Со своей стороны, французские журналы («Коммюн», «Эроп») также настоятельно просят дать письма, хотя бы одно или два. Роллан отказывается публиковать «воспоминания». – Люди не понимают, что тяжело, на следующий же день после смерти друга, – проявлять свои чувства к нему и мысли о нем. Мы, вероятно, выберем из дневников Роллана самое маленькое и «не интимное» письмо А<лексея> М<аксимовича> (оно также чрезвычайно интересно) и дадим его для «Коммюн»[4]. – Но что Вы советуете делать с Леб<едевым>-Полянским? Роллан ответил ему письмом, перевод которого посылаю ВАМ. Я даже колебалась, не через Вас ли послать письмо самому Леб<едеву>-Полянскому. Но, во-первых, Вы так скупы на письма (почти немы), что пошли Вам это письмо, пожалуй, и не узнаешь, дошло ли оно. Во-вторых, м<ожет> б<ыть>, Леб<едев>-Полянский обиделся бы.

Во всяком случае: если у Вас или у Вашей Комиссии есть определенный план работы и если Вы и она интересуетесь судьбой переписки А<лексея> М<аксимовича> с Ролланом, уведомьте нас об этом.

Роллан пишет мне (он сейчас в горах и вернется только через несколько дней) относительно письма Леб<едев>-Полянского, которое я ему переслала:

«Я вовсе не того мнения, во всяком случае СЕЙЧАС или очень скоро опубликовать письма Горького. Во-первых, это невозможно – не сделав больших пропусков в самых важных письмах 1922-1924 годов[5], – или не исказив их. А искажение писем, которые публикуешь, становится позднее бесчестием. Кроме того, я нахожу немного грубым эксплоатировать интимные писания умершего друга, когда его пепел еще не успел остыть. Я хочу ограничиться, как для моих дневников,

отрывками или избранными письмами, по своему усмотрению. Поэтому я не хочу давать определенного обещания изданию «Литературного Наследства». Я хочу остаться хозяином своих бумаг, до моей смерти (и в их числе я считаю интимные бумаги, доверенные мне моими друзьями)[6]. Ты, во всяком случае, правильно делаешь, что справляешься о мнении Крючкова. Для будущего, во всяком случае, полезно иметь его советы....»

Как видите, Роллан хочет знать Ваше мнение. Соберитесь же с силами, милый Петр Петрович, и напишите нам, что Вы обо всем этом думаете.

(И скажите: если они не сохранились в архивах А<лексея> М<аксимовича>, хотели бы Вы иметь копии его писем к Роллану. В будущем, конечно, нужно будет для истории опубликовать ВСЕ. М<ожет> б<ыть>, через два десятка лет... Мы пересмотрим все эти письма, снимем с них копии (это займет несколько месяцев, так как Роллан загружен работой, и я одна ему помогаю).

Роллан, со своей стороны, просит Вас прислать ему копии ЕГО писем к А<лексея> М<аксимовича>. Во всяком случае, МЫ ЖДЕМ от Вас ответа и возможно скорее, так как, конечно, будут еще просьбы относительно этой переписки. И вообще следовало бы Вам сговориться с Ролланом об этом важном вопросе переписки.

Сердечный привет от нас обоих Вам и всему дому

М. Роллан

АГ КК-рл 8-56-13

Печатается по авторизованной машинописи с подписью. Приложение:

1. Р. Роллан. Копия письма Леб<едеву>-Полянскому (*перевод М.П. Кудашевой-Роллан – М.А.).*

2. Конверт с адресом.

На конверте надпись: Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov. Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул., 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель: R. Rolland. Villeneuve (Vaud). Suisse.

Перевод письма Р. Роллана тов<арищу> Лебедеву-Полянскому:

Дорогой тов<арищ> Лебедев-Полянский,

Я не помню о разговоре насчет моей переписки с Максимом Горьким. Во всяком случае, мне было бы невозможно дать Вам ВСЕ письма Горького: во-первых, потому что многие из них нельзя было бы в настоящее время использовать в СССР – впрочем, я не мог бы дать их и заграницей: они написаны в период, м<ожет> б<ыть>, самой большой внутренней смуты в жизни А<лексея> М<аксимовича> – Конечно, не будет возможно опубликовать эти письма раньше, чем через много лет, когда фигура нашего дорогого друга окончательно войдет в историю и его терзания и сомнения не смогут внести смуту в умы его читателей.

У меня имеются и другие письма, более позднего периода. (Те, о которых я пишу выше, относятся к 1922-24 гг. и даже, м<ожет> б<ыть>, к 1925-26). Но мне нужно было бы произвести большую работу, чтобы их пересмотреть, дать жене снять с них копии и т.д. Кроме того, они не у меня. Первая часть была отдана мною, около десяти лет тому назад, в один французский архив; я постараюсь получить их обратно, предложив этому архиву другие документы, взамен этих. Другая часть писем А<лексея> М<аксимовича> находится в сейфе, – в банке: ибо я больше не рискую, в нынешние времена, – хранить у себя ценные документы.

Я как раз собираюсь в маленькую поездку во Францию (и воспользуюсь ею, чтобы взять обратно письма А<лексея> М<аксимовича>, или, во всяком случае, – чтобы снять с них копии). Я, вероятно, не вернусь раньше сентября. Эти каникулы мне *абсолютно необходимы*. Поэтому, даже если бы я нашел возможным дать Вам копии некоторых из писем Горького, это матерьяльно невозможно сделать раньше конца сентября.

Кроме того, мне нужно было бы сговориться, прежде всего, с Комиссией по Литературному Наследству Горького. Входите ли Вы в эту Комиссию? Работаете ли Вы в связи с нею?

Я думаю, что в принципе мне было бы возможно дать Вам НЕСКОЛЬКО писем (у меня их имеется, вероятно, около сотни). Но не рассчитывайте на них раньше, чем через несколько месяцев. Я завален работами всякого рода и все спешными.

Что касается моих собственных писем, – я очень редко сохраняю копии с них и то только в отрывках. Но я думаю, что Горький их сохранил. Поэтому, чтобы их получить, Вам нужно обратиться к лицам, у которых хранятся его архивы. – НО Я ХОЧУ ИХ ПЕРЕЧИТАТЬ, ДО ВСЯКОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ ИХ, – как Горький хотел перечитать свои.

Примите уверение в моем совершенном почтении

подпись

АГ КК-рл 8-56-13

Печатается по машинописи.

1. П.И. Лебедев-Полянский в 1934 году стал главным редактором «Литературного наследства» и обратился к Роллану с просьбой предоставить письма Горького к нему.
2. Сразу после смерти Горького была создана «Комиссия по литературному наследию М. Горького», в которую вошел П.П. Крючков. Крючков стал первым директором Музея А.М. Горького и хранителем его Архива.
3. Имеется в виду Архив г. Невера, родины Роллана, куда он передал на хранение письма Горького.
4. Письма, которые Роллан не хочет публиковать, относятся к периоду отъезда Горького из России, с 1921 вплоть до 1924 года. В предисловии к тому «М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1936)» (Москва: Наследие, 1996) ошибочно указано, что мотивы его решения связаны с личными впечатлениями от встреч с Горьким в 1935 году (С. 6-7). Публикуемое письмо М. П. Кудашевой-Роллан и выдержка из письма Р. Роллана позволяют исправить эту неточность.
5. Еще при жизни Горького специалист по французской литературе А.К. Виноградов подготовил к публикации сборник писем Роллана Горькому

«Ромен Роллан – корреспондент М. Горького». Издание не было осуществлено (см. письмо А.К. Виноградова А.М. Горькому от 2 декабря 1931 года в публикации: А.М. Горький и А.К. Виноградов (публикация Архива А.М. Горького)// Знамя. 1968. № 3. С.202-203 (АГ-15, 6). Впоследствии в 1953 году директор Института мировой литературы И.И. Анисимов (1899-1966), автор многочисленных статей о Роллане, получил через ВОКС от М. П. Кудашевой фотокопии 91 письма Горького. В собрании сочинений Горького в 30-ти томах (1949-1956) было опубликовано 22 письма (в 29 томе), в восьмом томе «Архива А.М. Горького» «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами» в 1960 году – 23 письма (7 писем Горького и 16 писем Роллана). В 1966 году Архивом А.М. Горького ИМЛИ РАН был подготовлен том переписки, куда должны были войти и некоторые письма Р. Роллана и М.П. Кудашевой к П. П. Крючкову, полностью публикуемые в настоящем издании. Однако в то время книга не вышла. В 1970-е годы работа над томом переписки продолжалась. От М.П. Кудашевой через ее невестку Т.Н. Кудашеву в 1974 и в 1978 годах дополнительно были получены документы и письма Роллана, а также его «Московский дневник». Том переписки (216 писем Горького и Роллана) вышел в издательстве Института мировой литературы Российской академии наук в 1996 году, во Франции параллельное издание было осуществлено Жаном Перюсом в издательстве «Альбен Мишель»: Romain Rolland – Maxime Gorki. Correspondance (1916-1936). Paris: Albin Michel, 1995 (об этом см.: АГ-15, 6-12).

6. Подробнее об этом письме Роллана см.: Перхин В.В. Неизвестное письмо Р. Роллана о М. Горьком// Русская литература. 1988. № 4.

20

П.П. КРЮЧКОВ – М.П. КУДАШЕВОЙ-РОЛЛАН

Москва, 11 августа 1936 года.

Дорогая Мария Павловна!

«Немота» моя на этот раз имеет свое оправдание, о котором, я думаю, Вам не стоит писать. Во всяком случае, прошу простить меня за опоздание с ответом.

Письмо Р. Роллана Лебедеву-Полянскому я передал Комиссии.[1] Она считает его абсолютно правильным. Тов<арищ> Роллан верно ответил, что придача огласке писем Горького, когда еще не остыл его прах, было неуважением к его памяти. Само собой разумеется, что вопрос о публикации писем Горького к Роллану принадлежит решению самого Р. Роллана.

Однако мне кажется не лишним предупредить Комиссию о тех письмах, которые Роллан найдет нужным опубликовать в печати.

Что касается писем Р. Роллана к М. Горькому, то я постараюсь в течение ближайшего месяца снять с них фотокопии. Может быть, для сокращения работы сообщить Вам даты писем: не сохранились ли копии у Вас, тогда я скопирую не все письма.

Всего доброго.

Большой привет Р. Роллану и Вам от всех нас.

Привет.

Р.5. Пользуюсь случаем добавить, что я не забыл вопрос о квартире. Но до сих пор я не в состоянии ничего был сделать. Постараюсь вновь поднять вопрос.

АГ Кр-рл 1-43-3

Печатается по неавторизованной машинописи.

[1]Имеется в виду «Комиссия для приема литературного наследства и переписки Горького», учрежденная после смерти А.М. Горького, куда входили П. П. Крючков, И. П. Ладыжников, И. К. Луппол и др. (об учреждении «Комиссии…» см.: «Правда». 1936. 19 июня. № 167).

21

М.П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН – П.П. КРЮЧКОВУ

14 марта 1937

Дорогой Петр Петрович,

Спасибо за 6 томов Алексея Максимовича. Роллан знает только то, что переведено на французский язык (да и то не знаю, все ли имеем, – книг 6-7 есть у нас). Прочитаем вместе все, что Вы прислали.

Случайно получила (говорю "случайно", – ибо вообще-то советские газеты с конца декабря до нас не доходят, хотя и посылаются заказным!) номер "Известий" с Вашей маленькой заметкой о Музее Горького[1]. Это напомнило мне о письмах его. Этим летом мы поедем во Францию (а в СССР – приедем будущим) – искать там места, куда бы переехать отсюда[2], ибо здесь вот даже газет не может читать иностранный писатель, которому они нужны для работы! – Снова будем в Невере, где хранятся письма Алексея Максимовича, и на этот раз я перепишу все (что не успела переписать в прошлый раз!) – Тогда, если нужно, можно будет переслать Вам для Музея копии эти. (А Вас попросим дать нам копии писем Роллана. – Если Вам нужна французская машинистка, очень хорошо владеющая языком и имеющая собственную машинку (и очень исправная и честная работница) – могу рекомендовать старую тетку – Софию Сергеевну Кудашеву (одна из сестер моего бывшего свекра) (адрес ее может дать Вам Екатерина Васильевна).

Не знаю – напоминать ли Вам о вопросе, который, вероятно, осточертел Вам: о кв<артирном> вопросе нашей семьи. Продолжаем надеяться, что что-нибудь и выйдет. Как Вы думаете?

И вот другая просьба – не знаю, так же ли, как прежде, можете нам помочь: мой Сережка в этом году летом (как в прошлом) едет в военный лагерь на два месяца – и его подготовка будет закончена. Август и сентябрь же у него будут свободными от всяких занятий. Очень бы мы хотели взять его к нам на эти 2 месяца (к октябрю он должен вернуться, а выехать мог бы в начале августа). Заранее пишу Вам об этом, т.к. и мы связаны разными делами – и чтобы приурочить свободное время наше к Сережиному, надо уже теперь распланировать летние месяцы[3].

Роллан продолжает изучать русский язык. Скоро будет два года (в августе), как он учится (но в общем месяца 4 пропущено), надеюсь, что к нашему приезду в

1938 г<оду> – он сможет объясняться без моей помощи. – Но как грустно, что нет дорогого Алексея Максимовича – его-то Роллан и мечтал снова увидеть, и с ним поехать на Волгу, – и наконец по-настоящему поговорить... – Вот и откладывай, – потом – поздно.

Надеемся, что жизнь всех вас, – его друзей и близких, – не слишком расшатана. От Екатерины Павловны (*Пешковой – М.А*) (в этом году) было Роллану 2 письма, – одно от доктора Левина[4]. – Передайте всем от нас сердечнейший привет. И Вам – еще раз спасибо за присланные книги. – Не могли ли бы Вы прислать нам и хороший портрет Алексея Максимовича?

Роллан безумно много работает – кончает сейчас очень сложную музыковедческую книгу[5], – и уже начинает подготовлять материалы для драмы о Робеспьере[6]. Но надеюсь, что летом ему удастся отдохнуть. – Только вот соц<иальные> и полит<ические> потрясения очень и его потрясают, – и каждый день разные тяжелые «переживания» – и много напряжения. Но как бы ни было плохо, – существует скала, – крепость, – которую ничто не разобьет, о которую все разобьется. Поэтому все можно перенести.

Жму Вашу руку. Желаем Вам и всем всего хорошего.

Ваша *М.Р.*

АГ КК-рл 8-56-14

Печатается по автографу.

Приложение:

1. конверт с адресом: Recommandée. Monsieur Pierre Krutchkov, Moscou (URSS). Москва, Малая Никитская ул., 6. Петру Петровичу Крючкову. Отправитель:

2. М.П. Роллан. Записка с адресом Е.В. Кудашевой с пометами (*П.П. Крючкова – М.А*).

Сивцев Вражек д.41 кв. 2 (Тарасевич-Степун) Екат<ерина> Вас<ильевна> Кудашева

1) телеграмма Кибрику
2) 2 телеграммы (газеты?)

3) Привезти Романа Вас. Орлов – (Арбат) Г.137.36
4) Фотографии Роллана
5) 3 письма (Academia <неразб…>Парнах) взять письма

1. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 14 февраля 1937 года, п. 5. Крючков утвержден директором Музея А.М. Горького в Москве. Первый музей был открыт в 1928 году: экспозиция была создана к первому приезду Горького в СССР после семилетнего перерыва и в связи с празднованием его 60-летия (она находилась в залах Румянцевской библиотеки).
2. В 1937 году Р. Роллан переехал во Францию в бургундский городок Везле, расположенный в живописной местности близ Дижона и Кламси на границе Бургундии и Ниверне.
3. Сергей Кудашев приезжал во Францию к матери и Р. Роллану летом 1937 и 1939 годов.
4. Доктор Левин (1870-1938, репрессирован) – кремлевский врач, наблюдавший Роллана во время его пребывания в СССР (как и Д.Д. Плетнев). О «директоре Кремлевской больницы» Л.Г. Левине Роллан пишет в «Московском дневнике» (МД, 3, 210 и др.).
5. Имеется в виду книга о Бетховене, над которой Роллан работал много лет. В письме Горькому он пишет о заключительных частях своей книги, посвященной «наиболее мощным творениям последних десяти лет» жизни композитора: «Девятая симфония», «Последние квартеты», «Finita Comoedia» (АГ-15, 320, 502).
6. В письме Горькому 4 декабря 1935 года Роллан писал: «Мне хотелось бы также вернуться к моим драмам Революции, чтобы не умереть раньше, чем я напишу хотя бы центральную пьесу всего цикла – “Робеспьер”». Пьеса «Робеспьер» относится к циклу «Драмы революции», над которым Роллан работал всю жизнь. Первая драма «Волки» написана в 1898 году, последняя – «Робеспьер» – в 1939 году. В том же году переведена на русский язык (АГ-15, 321, 502).

К концу жизни (а умер Роллан в 1944 году в местечке Везлэ, в Бургундии) Роллан отбросил последние иллюзии, не отказываясь, впрочем, от надежды. Русская литература, Россия Толстого, Ленина, Горького, новые поколения, страдающие, мыслящие, творящие (упомянем, в связи с этим, его переписку с Пастернаком), катастрофы и воскрешения, разрушительная и жизненная сила были главным источником с самой ранней юности и до самой старости, его творчества, его деятельности, его мысли.

Размышляя над тем, где берет силы Горький, где берет силы русский народ, вынужденные проходить через испытания революциями и войнами, Роллан видит образ России, поистине матери-земли, встающий со страниц произведений Горького: «Вы наделены дьявольской сопротивляемостью. Мало кто выжил бы, пройдя через подобные испытания. Зато я лучше понимаю теперь Ваши неотвязные мысли о душе русского народа. <…> Самым замечательным у Вас, как художника, кажется мне то прозрение человеческой души – или природы, – которое на протяжении рассказа вдруг как молния озаряет огромную, погруженную во мрак равнину. Какой образ Волги! Он так необычен и, однако, правдив; он неожиданен, но до такой степени пленителен, что испытываешь чувство, будто все это порождено твоим собственным воображением! Короленко ошибался: в Вас живет крупный поэт, более крупный, быть может, чем наблюдатель-реалист. Поэзия эта подобна огненному следу, который оставляет на черном своде жизни Ваша пылкая душа» (30 октября 1923; АГ-15, 77).

В уже упоминавшемся поздравительном послании Роллана в связи с шестидесятилетием Горького, французский писатель создает незабываемый образ своего русского собрата по перу, создает мифологическую матрицу для понимания его творчества: «Все объять! Я знаю, что этот гениальный бродяга, паломник мира, в любой момент готов снова взять в руки посох и идти по земным дорогам с проповедью своих идей и чувств, привлекая на свою сторону все большее число сторонников, избавляя их от бремени радостей и страданий. Ему совершенно незнакомо безразличие, туманящее, лучшие умы Запада, утомленные и пресыщенные. Каждое утро Горький рождается вновь – как природа… Горький –

часть вечно новой природы, он черпает из ее бурного источника, живет в ее вечном ритме смены сумерков зарей. И сегодня он моложе, чем сорок лет назад, ведь он юн юностью своего освобожденного народа и его мощным порывом к обновлению. Я отмечаю сегодня не его шестидесятилетие, а его духовное слияние с молодой Россией. Пусть их прекрасные дети радуют и обновляют мир!» (АГ-15, 420).

В завершении важно отметить, что усилия Роллана по гуманизации советского режима, как и участие в этих усилиях Горького еще недостаточно оценены исследователями. Однако уже сейчас можно сказать, что оба они были той самой аркой между двумя мирами – не только между Европой и Россией, но и между действительностью и миром вечных ценностей, которые они, каждый по-своему, защищали. К ним обоим относятся слова, сказанные Роланом еще в марте 1918 года по случаю дня рождения Горького: «Вы родились в конце зимы и на пороге весны, в пору весеннего равноденствия. И это совпадение довольно символично, ибо Ваша жизнь связана с концом старого мира и с возникновением среди бурь мира нового.

Вы были как бы гигантской аркой между этими двумя мирами. Между прошлым и будущим, да и поныне служите аркой между Россией и Западом. Я склоняюсь перед аркой. Она возвышается над дорогой. И те, кто придет после нас, еще долго будут видеть ее, даже когда она останется далеко позади.

Что до меня, человека, который имел счастье жить в одно время с Вами и делить издалека Ваши сомнения и надежды, я желаю, чтобы ясный вечер спустился на Ваши нивы, великий труженик, принявшийся за работу еще до зари!» (АГ-15, 20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. А.М. Горький и В.Г. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания. – Москва: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. – 286 с.
2. А.М. Горький и его современники: фотодокументы: описание. – Москва: Наследие, 1997. – 535 с.
3. Адамович, Г. К 70-летию со дня рождения Горького // Последние новости. – 7 апреля. – № 6221. – С. 3.
4. Адамович, Г. О французской «inquiétude» и о русской тревоге // Адамович, Г. Литературные заметки. Книга первая («Последние новости»: 1928-1931) / Предисл., подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2002. – 786 с.URL: http: // bookree.org/reader?file=61073 (дата обращения 15 сентября 2015 г.).
5. Адамович, Г. Писатели о М. Горьком: К. Федин, П. Павленко, В. Тройнов. Пантелеймон Романов // Последние новости. – 15 апреля. – № 6229. – С. 2.
6. Алфавитный указатель посетителей кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. – 1998. – № 4. – С. 16-203.
7. Андреев, Л. О «Двух душах» М. Горького // Современный мир. – 1916. – № 1. – Отд. 2. – С.109 – 110.
8. Андреев, Д.Л. Роза мира. Собр. соч.: В 3 т. – Т.2. – Москва: Московский рабочий; Присцельс, 1995. – 608 с.
9. Арон, Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. – Москва: Ладомир, 2002. – 871 с.
10. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г.И. Семенова. – Москва: Текст, 1993. — 303 с.
11. Архив А.М. Горького. Т. I – XIV [Текст] / Под общ. ред. акад. И. К. Луппола; Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Художественная литература, 1939-1976.

12. Архив А.М. Горького. Т. VIII. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. – Москва: Изд. АН СССР, 1960. – 446 с.
13. Архив А.М. Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916 – 1936). – Москва: Наследие, 1996. – 543 с.
14. Архив А.М. Горького. Т. XVI. А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920-1936). – Москва: ИМЛИ РАН, 2001. – 544 с.
15. Барбюс, А. Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир / Ред. и пер. А.И. Стецкого. – Москва: ГИХЛ, 1936. – 369 с.
16. Беньямин, В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. – Москва: Ad Marginem, [1997]. – 264 с.
17. Берберова, Н.Н. Железная женщина. – Москва: Книжная палата, 1991. – 512 с.
18. Берберова, Н.Н. Курсив мой. – Москва: АСТ, 2010. – 784 с.
19. Бережков, В.М. Как я стал переводчиком Сталина. – Москва: ДЭМ, 1993. – 400 с.
20. Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов 1917-1956. – Москва: МФД: Материк, 2005. – 750 с.
21. Борьба за метод. Сб. дискуссионных статей о творчестве Д.М. Фурманова, А. Безыменского (и др.). – Москва- Ленинград: ГИХЛ, 1931. – 340 с.
22. В. Ульянов (Ленин) и А. Горький. Письма. Воспоминания. Документы. – Москва: Наука, 1969. – 632 с.
23. Валентинов, Н.В. Встречи с Максимом Горьким // Общественные науки в СССР. – Серия 7. – Литературоведение. – 1991. – № 2. – С. 40-53.
24. Вебб, С., Вебб, Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2 т. / Пер. с англ. / с предисл. авт. к русскому изд.: [в 2 т.]. – Москва: Соцэкгиз, 1937. – Т. 1. VIII. – 448 с.; Т. 2. – 590 с.
25. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917 – 1935 / Ред. А. Артузов, О. Наумов. – Москва: Демократия, 1999. – 868 с.

26. Воронский, А. Искусство видеть мир. [Вступ. ст. Г. Белой, с. 5-32]. – Москва: Советский писатель, 1987. – 700 с.
27. Гладков, А.К. Дневник // Новый мир. – 2014. – № 10. – С. 140-159.
28. Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». – Вып. 7 / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: ИМЛИ РАН, 2006. – 678 с.
29. Горький и его современники. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1968. – 302 с.
30. Горький и его эпоха. Исследования и материалы. – Вып. 1. – Москва: Наука, 1989. – 280 с.
31. Горький, М. Две души // Летопись. – 1915. – № 1 (декабрь). – С. 123- 134.
32. Горький, М. О литературе / Сост., авт. предисл. и примеч. П.С. Строков. – Москва: Сов. Россия, 1980. – 479 с.
33. Горький, М. О Ромэне Роллане // Роллан Р. Собр. соч. – Т. 1. – Ленинград: Время, 1930. – С. 2-6.
34. Горький, М. Полн. собр. соч. Письма: В 25 т. – Москва: Наука, 1997 – 2019.
35. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произв.: В 25 т. – Москва: Наука, 1968 – 1976.
36. Горький, М. Публицистические статьи. – Москва: Госиздат, 1931. – 415 с.
37. Горький, М. Собр. соч.: В 30 т. – Москва: Гос. изд. худож. лит., 1949 – 1955.
38. Горький, М. Материалы и исследования. – Т. IV. – Ленинград: Наука, 1951. – 400 с.
39. Горький, М. О литературе. – Москва: Советский писатель, 1980. – 868 с.
40. Горький, М. Переписка М. Горького : в 2 т. Серия: Переписка русских писателей. – Москва: Художесвенная литература, 1986. – 479 с.
41. Горький, М. Предисловие к книге А Барбюса «В огне» // Барбюс А. В огне. – Москва: Academia, 1935. – 543 с. – URL: http: // gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-34.htm (дата обращения 12 января 2017 г.).
42. Горький, М. Ранняя революционная публицистика. – Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. – 148 с.

43. Горький. Неизвестные страницы истории: материалы и исследования. Серия «М. Горький. Материаля и исследования». – Вып. 12. – Москва: ИМЛИ РАН, 2014. – 727 с.
44. Гревс, И.М. Личность и дело Ромена Роллана: опыт истолкования души / [изд. О. Б. Вахромеева]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет: К. В. Герш, 2017. – 187 с.
45. Гронская, Л.А. Наброски по памяти: Воспоминания / сост. С.И. Гронская. – Москва: Флинта, 2004. – 173 с.
46. Гронский, И.М. Из прошлого. – Москва: Известия, 1991. – 379 с.
47. Груздев, И. Горький и его время. – Москва: Гослитиздат, 1962. – 700 с.
48. Груздев, И. Современный Запад о Горьком. Материалы к вопросу об оценке Горького в иностранных литературах. – Ленинград: Прибой, 1930. –222 с.
49. Груздев, И.А. Горький. – Москва: Молодая гвардия, 1958. – 365 с.
50. Десницкий, В.А. М. Горький: очерки жизни и творчества. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 479 с.
51. Драйзер, Т. Жизнь, искусство и Америка: Статьи, интервью, письма; Драйзер смотрит на Россию. / Теодор Драйзер ; составление [и предисл.] Ю. Палиевской; [коммент. В. Толмачева]. – Москва: Радуга, 1988. – 412 с.
52. Е.П. Пешкова и Самара: материалы к истории музея М. Горького (1936-1967). Письма и документы / Самар. музей Горького. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2008. – 260 с.
53. Екатерина Павловна Пешкова. Биография. Документы. Письма. Дневники. Воспоминания / авт.-сост. Л. Должанская. – Москва: Вост. книга, 2012. – 760 с.
54. Жид, А. Возвращение из СССР // Жид А. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 7. – Москва: Терра, 2002. – 479 с.
55. Жид, А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. – Москва: Московский рабочий, 1990. – 637 с.
56. Зелинский, К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. – 1991. – № 5. – С. 144 – 170.

57. Зелинский, К. На рубеже двух эпох. – Москва: Прогресс, 1970. – 308 с.
58. Золотарев, А.А. Campo santo моей памяти. Избранное. Художественная проза. Стихотворения, философская и религиозная проза / Отв. ред. Д.С. Московская. – СПб.: Росток, 2016. – 976 с.
59. Летопись жизни и творчества А. М. Горького. – Вып. 1 – 4. – Москва: Изд. Академии наук СССР, 1958 – 1960.
60. Лиров, М. (М. И. Литваков). Литературная пляска // Киевская мысль. –1916. – 18 января.
61. Литературное наследство. – Т. 70: Горький и советские писатели. – Москва: Наука, 1963. – 736 с.
62. Литературное наследство. – Т. 72: Горький и Леонид Андреев. – Москва: Наука, 1965. – 630 с.
63. Литературное наследство. – Т. 82: А.В. Луначарский: Неизданные материалы / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Ред. Н.А. Трифонов. В ред. и коммент. работе участвовал Л.Р. Ланский, в ред. переводов – Н.Д. Эфрос (раздел «Письма к Ромену Роллану», предисл. В. Балахонова; пер. с фр. М.И. Беляевой; публ. И.А. Луначарской при участии Л.К. Кувановой). – Москва: Наука, 1970. – С. 459-492.
64. Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. – Москва: Наука, 1988. – 1080 с.
65. Луначарский, А.В. «Игра любви и смерти» (Новая пьеса Ромена Роллана) // Новый мир. – 1926. – Май. – С. 116 – 133.
66. Луначарский, А.В. Культура на Западе и у нас. – Москва; Ленинград: Госиздат, 1928. – 38 с.
67. Луначарский, А.В. На Западе. – Москва: ГИЗ, 1927. – 109 с.
68. Луначарский, А.В. Ромэн Роллан как общественный деятель // Роллан Р. Собр. соч. Т.1. – Ленинград: Время, 1930. – С.7-12.
69. Луначарский, А.В. Собр. соч.: В 8т. – Москва: Худ. лит., 1964.
70. М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1951. – 286 с.

71. М. Горький и его адресаты / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: ИМЛИ РАН, 2016. – 485 с.
72. М. Горький: Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко / Отв. ред. С.В. Заика. – Москва: Наследие, 1998. – 342 с.
73. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925 – 1945 гг. – Москва: Наука, 1971. – 716 с.
74. Майский, И.М. Дневник дипломата: Лондон, 1934 – 1943: В 2 т. – Москва: Наука, 2006.
75. Максим Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. – Т. 2. – Москва: Художественная литература, 1981. – 444 с.
76. Максим Горький и художественная культура символизма. К 100-летию «Сказок об Италии»: коллективная монография. – Москва: Издательский центр "Азбуковник", 2017. – 291 с.
77. Максим Горький: pro et contra: личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890-1910 гг. Антология. – Санкт-Петербург: РХГИ, 1997. – 895 с.
78. Максим Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. – Москва: Художественная литература, 1981. – Т. 1. –466 с. – Т. 2. – 448 с.
79. Мандельштам, О. Собр. соч.: В 4-х тт. – Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1997.
80. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935. Доклады и выступления. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1936. – 494 с.
81. Моррас, Ш. Будущее интеллигенции. – Москва: Праксис, 2003. – 156 с.
82. Публицистика М. Горького в контексте истории. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 8 / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: ИМЛИ РАН, 2007. –632 с.
83. Роллан, Р. В стороне от схватки / Пер. А. Даманской. – Пг.: Изд.Петроград. Совета Рабочих и Красн.Депут., 1919. - 160 с.
84. Роллан, Р. Собр. соч. Т. I-XVIII. –Ленинград: Время, Госиздат, 1930-1935.

85. Роллан, Р. Народный театр // Роллан Р. Собр. соч. – Т. XII. – Ленинград: Время, 1932. – С. 7-138.
86. Роллан, Р. Драмы о революции // Роллан Р. Собр. соч. – Т. XII. –Ленинград: Время, 1932. – С. 139-405.
87. Роллан, Р. Наше путешествие с женой в СССР (июнь-июль 1935 г.) / пер. с франц. М.А. Ариас // Вопросы литературы. — 1989. — № 3. — С.190-246; № 4. — С. 119-154; № 5. — С. 151-189.
88. Роллан, Р. Воспоминания / Р. Ролан. – Москва: Худ. лит., 1966. – 590 с.
89. Роллан, Р. Избр. произведения / Р. Роллан ; послесл. З. Кирнозе. – Москва: Панорама, 1988. – (Серия «Лауреаты Нобелевской премии»). – 430 с.
90. Роллан, Р. Собр. соч.: В 14 т. / Р. Роллан ; под ред. И.И. Анисимова. – Москва: Гослитиздат, 1954 – 1958.
91. Роллан, Р. Статьи, письма. – Москва: Радуга, 1985. – 408 с.
92. Ромен Роллан, 1866-1966, по материалам юбилейной сессии / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва : Наука, 1968. – 350 с.
93. Роллан, Р. Спутники. – Москва: ГИХЛ, 1938. – 304 с.
94. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты. – Москва: Наука, 1969. – 704 с.
95. Сен-Симон. Мемуары. Кн. 2. – Москва: Прогресс, 1991. – 520 с.
96. Серж, В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. Предисловие В.А. Бабинцева. – Москва: Праксис ; Оренбург : Оренбург. книга, 2001. – 688 с.
97. Современники А.М. Горького: фотодокументы описание / Российская академия наук, Институт мировой литературы им А. М. Горького, Музей А. М. Горького. – Москва: ИМЛИ РАН, 2002. – 692 с.
98. Солоневич, Т. Записки советской переводчицы. – София: Голос России, 1937. – 219 с.
99. Тайна смерти Горького: документы, факты, версии. – Москва: АСТ, 2017. – 462 с.

100. Творческие пути пролетарской литературы. Т. 1-2 / Ред. Л. Авербах. – Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1928-1929. – Т. 1. – 141 с. – Т. 2. – 303 с.
101. Федин, К. Горький среди нас. – Москва: Советский писатель, 1968. – 383 с.
102. Фейхтвангер, Л. Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1937 [Москва: Захаров, 2001]. – 95 с.
103. Франс, А. К лучшим временам. – Москва: Современные проблемы, 1925. – 314 с.
104. Ходасевич, В.Ф. Некрополь. – Москва: Вагриус, 2006. 442 с.
105. Ходасевич, В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. — Москва: Согласие, 1996.
106. Цвейг, С. Ромен Роллан. Его жизнь и творчество. — Москва-Петроград: Госиздат, 1923. — 420 с.
107. Цвейг, С. Ромен Роллан. Жизнь и творчество // Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. — Москва: Правда, 1963. — 495 с.
108. Цвейг, С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. — Москва: Радуга, 1987. — 478 с.
109. Цвейг, С. Три певца своей жизни. — Ленинград: Время, 1929. — 333 с.
110. Чуковский, К.И. Две души Горького / Корней Чуковский. Вступ. ст. и коммент. Е.В. Ивановой. Подготовка текста Е.Ц. Чуковской. – Москва: Русский путь, 2010. — 101 с.
111. Чулков. Г. Нейтральный писатель // День. — 1916. — №3. — 4 января.
112. Шешуков, С. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. — Москва: Прометей, 2013. — 350 с.
113. Шишков, В.Я. Пейпус-озеро. — Москва: Современник, 1985. — 525 с.
114. Шкапа, И. Семь лет с Горьким. — Москва: Советский писатель, 1990. — 506 с.
115. Шоу, Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. — Москва: Радуга, 1989. — 493 с.
116. Шпенглер, О. Закат Европы. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 637 с.
117. Эренбург, И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 1 – 3. — Москва: Текст, 2005.

118. Эренбург, И.Г. Письма, 1908 – 1967: В 2 т. / Ред. Б.Я. Фрезинский. — Москва: Аграф, 2004.
119. Эренбург, И.Г. Собр. соч.: В 8 т. — Москва: Художественная литература, 1991.
120. Arcos, R. Romain Rolland / René Arcos. – Paris : Mercure de France, 1950. — 218 p.
121. Barbusse, H. Staline: Un monde nouveau vu a travers un homme. — Paris: Flammarion, 1935. — 322 p.
122. Benda, J. Discours à la nation européenne. – P. : NRF, 1933. — 237 p.
123. Benda. J. Du styles d'idées. – P. : Gallimard, 1948. — 261 p.
124. Benda, J. La fin de l'éternel. – P. : Gallimard, 1928. — 275 p.
125. Benda, J. La jeunesse d'un clerc. – P. : Gallimard, 1938. — 240 p.
126. Benda, J. Les Cahiers d'un clerc, 1936 – 1949. – P. : Gallimard, 1949. — 217 p.
127. Benda, J. La Trahison des Clercs. — Paris: Éditions Grasset, 1927. — 236 p.
128. Bloch, J.-R. Commentaires: d'U.R.S.S. // Europe. — 1934.— 15 décembre.
129. Bloch, J.-R. Le peuple a droit à des colonnes // Europe. — 1937. — 15 juin.
130. Bloch, J.-R. Mort et résurrection de Moscou // Europe. — 1935. — 15 mars.
131. Bloch, J.-R. Paroles à un congrès soviétique // Europe. — 1934. — 15 septembre.
132. Breton, A. Position politique du surrealisme. — P. : Éditions du Sagittaire, 1935. — 124 p.
133. Cassou, J. Une vie pour la liberté. — Paris : Robert Laffont, 1981. — 328 p.
134. Céline, L.-F. Bagatelles pour un massacre. — Paris : Denoël, 1937. — 233 p.
135. Céline, L.-F. Mea culpa suivi de La Vie et l'œuvre de Semmelweis. — Paris : Denoël et Steele, 1936; rééd. Cahiers Céline 7. — Paris : Gallimard, 1986 et L'Infini. — 1993. — Automne.
136. Claudel P., Rolland R. Une amitié perdue et retrouvée. Correspondance. 1940-1944 / Paul Claudel, Romain Rolland ; édition établie, annotée et présentée par Gérard Antoine et Bernard Duchatelet. – Paris: Gallimard, 2005. — 479 p.
137. Crémieux, B. «Retouches à mon retour de l'U.R.S.S.» par André Gide // NRF. — 1937. — Août. — P. 339-341.

138. Crémieux, B. «Retour de l'U.R.S.S.» par André Gide' // NRF. — 1936. — Décembre. — P. 1071-1077.
139. Drieu la Rochelle, P. «Russie 1927 – par A. Fabre-Luce» // NRF. — 1928. — Février. — P. 252-255.
140. Durtain, L. «Arrivée en Russie» // NRF — 1927. — Octobre.— P. 445-462.
141. Ernest Bloch, Romain Rolland. Lettres: 1911-1933 / Ernest Bloch, Romain Rolland; présentation et notes de José-Flore Tappy. – Lausanne : Payot, 1984. — 222 p.
142. Fernandez, R. «L'autre Europe, Moscou et sa foi – par Luc Durtain» // NRF 1928. — Avril. — P. 549-552.
143. Fisher, D. Romain Rolland and the Politics of the Intellectual Engagement. — New Brunswick: Transaction Publishers, 1988. — 378 p.
144. Friedmann, G. André Gide et l'U.R.S.S. // Europe. — 1937. — 15 janvier.
145. Friedmann, G. De la Sainte Russie à l'U.R.S.S. // Europe. — 1938. — 15 février.
146. Friedmann, G. Jacques Aron. I : Votre Tour viendra. — Paris: Éditions de La N.R.F., 1930, et II : L'Adieu. — Paris: Éditions de La N.R.F., 1932.
147. Friedmann, G. La Crise du progrès. — Paris: Gallimard, 1936. — 129 p.
148. Friedmann, G. La Puissance et la sagesse. — Paris : Gallimard, 1970. — 249 p.
149. Friedmann, G. Machinisme et humanisme // Europe. — 1935.— 15 juin.
150. Friedmann, G. Problèmes du machinisme en U.R.S.S. et dans les pays capitalistes. — Paris : ESI, 1934. — 141 p.
151. Friedmann, G. Travail et communion en U.R.S.S. // Europe. — 1935. — 15 septembre.
152. Gide, A. Journal II 1926-1950 / éd. Martine Sagaert. «Bibliothèque de la Pléiade» — Paris : Gallimard, 1997. — 1649 p.
153. Gide, A. Retouches à mon retour de l'U.R.S.S. — P. : Gallimard, 1937. — 125 p.
154. Gide, A. Retour de l'U.R.S.S. — P. : Gallimard, 1936. — 124 p.
155. Gor′kij, M. En gagnant mon pain: mémoires autobiographiques / Maxime Gorki; trad. d'après le manuscrit par Serge Persky ; nouv. préf. de Franck L'Huillier. – Paris : l'Harmattan, 2002. — 360 p.

156. Gor′kij, M. Mon compagnon / Maxime Gorki ; traduit du russe et annoté par Jean Pérus ; préface de Guy Verret. – Paris: Gallimard, 2008. — 127 p.
157. Gor′kij, M. Veilleur de nuit et autres récits autobiographiques / Maxime Gorki ; traduit du russe, présenté et annoté par Michel Niqueux. – Paris: Mercure de France, 2009. — 217 p.
158. Gorki. – Paris : Europe, 1960. — 317 p. Numéro de : Europe (Paris. 1923).
159. Gorki en France. Bibliographie des oeuvres de Gorki traduites en français, des études et articles sur Gorki publiés en France, en français (1899-1939), établie sous la direction de Jean Pérus. — P. : Presses Universitaires de France, 1968. — 315 p.
160. Guéhenno, J. Dernières lumières, derniers plaisirs. — Paris : Grasset, 1977. — 221 p.
161. Guéhenno, J. Journal d'une " révolution ". I : 1937-1938 (Cahiers de vacances). — Paris : Grasset, 1939. 268 p.
162. Guilbeaux, H. La fin des Soviets. — P.: Société Française d' Éditions littéraires et techniques, 1937. — 187 p.
163. Hertz, H. Henri Barbusse. Son oeuvre. Etude critique. — P.: Édition du Carnet-critique, 1919. — 62 p.
164. Hesse, H., Rolland, R. D'une rive à l'autre. Hermann Hesse et Romain Rolland. Correspondance, fragments du «Journal» [de R. Rolland] et textes divers. Introduction de Pierre Grappin. – Paris : A. Michel, 1972. — 187 p.
165. Istrati, P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'URSS: Confession pour vaincus: édition complétée par de nombreux documents annexes. — P.: Gallimard, 1987. — 317 p.
166. Nizan, P. Chiens des gardes. – P. : Maspero, 1932. — 159 p.
167. Pascal, P. Journal de Russie 1928 – 1929 / éd. et annoté par J. Catteau, S. Coeuré, J. Bouvard. — P.: Éditions Noir sur Blanc, 2014. — 767 p.
168. Pascal, P. Mon journal de Russie. T.4 : Russie 1927. — Lausanne : L'Age d'Homme, 1982. — 294 p.
169. Paulhan, J. Choix de lettres II, 1937-1945. — Paris : Gallimard, 1992. — 265 p.

170. Rivière, J. Une conscience européenne, 1916-1924, textes présentés et annotés par Yves Rey-Herme avec la collaboration d'Alain Rivière & Bernard Melet ; préface de Jean Grosjean. Les Cahiers de La N.R.F. — Paris: Gallimard, 1992. — 376 p.
171. Roland Holst-van der Schalk, H. Romain Rolland [Texte imprimé] / Henriette Roland Holst. – Amsterdam: Van Ditmar, [1946]. — 181 p.
172. Rolland, R. Au seuil de la dernière porte: correspondances avec les P. Louis Beirnaert, Michel de Paillerets, Raymond Pichard et l'abbé Jean Sainsaulieu, extraits du "Journal", entretiens sur les Évangiles / Romain Rolland ; introd. et annotation par Bernard Duchatelet. – Paris : Éd. du Cerf, 1989. — 282 p.
173. Rolland, R. Correspondance, fragments de journal. Avant-propos de Gustave Samazeuilh. [Texte imprimé] / Richard Strauss et Romain Rolland. – Paris : A. Michel, 1950. — 247 p.
174. Rolland, R. Journal de Vézelay: 1938-1944 / Romain Rolland ; édition établie, présentée et annotée par Jean Lacoste ; avec la contribution de Marie-Laure Prévost. 3e éd. revue. – Paris : Bartillat, 2013. — 1182 p.
175. Rolland, R. Journal des années de guerre, 1914-1919 [Texte imprimé]: notes et documents pour servir à l'histoire morale de l'Europe de ce temps / Romain Roland; texte établi par Marie Romain Rolland; préface de Louis Martin-Chauffier. – Paris : A. Michel, 1952. — 1898 p.
176. Rolland, R. Le cloître de la rue d'Ulm: journal de Romain Rolland à l'école normale: 1886-1899 ; suivi de Quelques lettres à sa mère et de Credo quia verum / Romain Rolland; avant-prop. de André George; texte établi par Marie Romain Rolland. – Paris : A. Michel, 1952. — XVI-392 p.
177. Rolland, R. Le Voyage intérieur. / Romain Rolland. – Paris: A. Michel, 1942. — 247 p.
178. Rolland, R. Mémoires et fragments du Journal [Texte imprimé] / Romain Rolland. – Paris : A. Michel, 1956. — 333 p.
179. Rolland, R. Voyage à Moscou (juin-juillet 1935) [Texte imprimé] : suivi de notes complémentaires (octobre-décembre 1938) / Romain Rolland ; introd., notes et appendices par Bernard Duchatelet. – Paris : A. Michel, 1992. — 355 p.

180. Romain Rolland [Texte imprimé] / Pierre Abraham, André Maurois [et al.]. – Paris : Europe, 1965. — 392 p.
181. Romain Rolland / [sous la direction de] Bernard Duchatelet. – Paris : Europe, 2007. — 378 p.
182. Romain Rolland / par Pierre Abraham, J.-B. Barrère, Janine Buenzod et al. Suivi de la correspondance inédite de Romain Rolland avec Adolphe Ferrière et Heinz Haeberlin. – Neuchâtel: À la Baconnière, 1969. — 220 p.
183. Romain Rolland de Liluli à Péguy: [exposition, Bibliothèque municipale [de Nevers], Centre culturel Jean Jaurès], 11 mars-15 avril 2006 / Bibliothèque municipale, Centre culturel Jean Jaurès ; [Guy Thuillier] – Nevers : Société académique du Nivernais, 2006. — VI-178 p.
184. Romain Rolland et l'Inde: un échange fructueux : célébration du centenaire du prix Nobel de littérature de Romain Rolland / sous la direction de Roland Roudil. Issu du colloque éponyme organisé le 17 et 18 juin 2015 à la Sorbonne et à l'ambassade de l'Inde à Paris. – Dijon : Éditions universitaires de Dijon, 2016. — 188 p.
185. Romain Rolland et la "N.R.F.": correspondances avec Jacques Copeau, Gaston Gallimard, André Gide, André Malraux, Roger Martin du Gard, Jean Paulhan, Paul Schlumberger et fragments du "Journal" / présentation et annotation par Bernard Duchatelet. – Paris: A. Michel, 1988. — 359 p.
186. Romain Rolland musicologue: célébration du cent cinquantième anniversaire de la naissance de Romain Rolland / sous la direction de Hervé Audéon. Textes issus de 2 colloques organisés à la Bibliothèque nationale de France, à la Sorbonne et à la Cité de la voix à Vézelay (Yonne), du 17 au 19 novembre 2016. – Dijon : Éditions universitaires de Dijon, 2017. — 202 p.
187. Romain Rolland, écrivain de l'intime: célébration du cent cinquantième anniversaire de la naissance de Romain Rolland / sous la direction de Roland Roudil. Textes issus de 2 colloques organisés à la Bibliothèque nationale de France, à la Sorbonne et à la Cité de la voix à Vézelay (Yonne), du 17 au 19 novembre 2016. – Dijon : Éditions universitaires de Dijon, 2017. — 284 p.

188. Romain Rolland, les pacifistes, leurs détracteurs: amour et haine pendant la Grande guerre : catalogue de l'exposition présentée à Vézelay les 4 et 5 octobre 2008 à l'occasion des Journées internationales Romain Rolland puis à Clamecy du 3 au 20 décembre 2008 / [organisée par la] Société scientifique et artistique de Clamecy [et la] Médiathèque François-Mitterrand de Clamecy. – Brèves : Cahiers de Brèves, 2010. — 70 p.
189. Romain Rolland: a dream for humanity / Festival of France in India (1990; New Delhi), 1989-1990; [catalogue entries have been written by C. Massip, M.L. Prévost]. – Paris: Bibliothèque nationale, 1990. — 26 p.
190. Romain Rolland: de Jean-Christophe à Colas Breugnon: [exposition, Bibliothèque municipale, Centre culturel Jean Jaurès], 7 mai – 20 juin 2005 / Bibliothèque municipale, Centre culturel Jean Jaurès ; [Guy Thuillier]. – Nevers : Société académique du nivernais, 2005. — VI-158 p.
191. Romain Rolland: sa vie, son oeuvre, 1866-1944 : [exposition, Paris, Hôtel de Rohan, 1966] / Archives de France. – Paris : Archives de France, 1966. XVII-127 p. Notice de Louis Martin Chauffier. – Préface de André Chamson. – Photos de Romain Rolland et Rabindranath Tagore. – Fac-sim. de l'écriture et de la sign. de R. Rolland.
192. Rousseau, J.-J. Du Contrat social. P.: Garnier-Flammarion, 1966. 237 p.
193. Saint-Simon. Mémoires. — P.: Gallimard, 1997. — 651 p.
194. Samios-Kazantzaki, E. La véritable tragédie de Panaît Istrati / texte présenté par A. Jappe suivi des correspondances de P. Istrati avec V. Serge et N. Kazantzaki. — P. : Lignes, 2013. — 244 p.
195. Serge, V. De Lenine a Staline // Crapouillot, numéro special. — 1937. — Janvier.
196. Souvarine, B. Souvenirs sur Isaac Babel, Panaït Istrati, Pierre Pascal – suivi de Lettre à Alexandre Soljenitsyne. — P. : Lebovici, 1985. — 150 p.
197. The Diary of Beatrice Webb / Ed. N. and J. MacKenzie. 4 vols. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982 – 1985.
198. Thérive, A. « Le voyage de Moscou » – par G. Duhamel // NRF. — 1927. Décembre. — P. 825-827.

199. Voltaire. Oeuvres historiques. — Paris: Gallimard, 1962. — 816 p.
200. Webb, S., Webb, B. Soviet Communism: A New Civilization? Vol. 1 – 2. — London: Longmans, Green and Co., 1935.
201. Wells, H.G. La Russie dans l'ombre / H.G. Wells; trad. de Bernard Loing ; introd. et commentaires de Michel Niqueux. – Paris: A. M. Métailié, 1985. — 199 p.
202. Zweig, S. Romain Rolland / Stefan Zweig ; trad. de l'allemand par Odette Richez; éd. révisée et préf. par Serge Niémetz. – Paris : Librairie générale française, 2003. — 381 p.
203. Zweig, S. Romain Rolland: [biographie] / Stefan Zweig ; trad. de l'allemand par Odette Richez ; éd. révisée et préf. par Serge Niémetz. – Paris : Belfond, 2000. — 371 p.
204. Zweig, S. Romain Rolland: sa vie, son oeuvre : avec 10 illustrations hors texte / Stefan Zweig ; texte français de O. Richez. – Paris: Editions pittoresques, 1929. — 287 p.

Научно-критическая и справочная литература, интернет-ресурсы

205. Агурский, М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 54-74.
206. Анатшева, И.А. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР, 1925-1939 гг.: автореф. дис. к.и.н. – Москва, 1994. — 28 с.
207. Аннинский, Л. Откровение и сокровение. Горький и Платонов // Литературное обозрение. — 1989. — № 9. — С. 3-21.
208. Аракелова, М.П., Городницкая, А.А. «Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. — Москва: Российский ин-т культурологии, 2001. — С. 161 – 175.
209. Айелло, М. Очарованные странники // За рубежом. — 1994. — № 4. — С. 22 – 23.

210. Ариас-Вихиль, М.А. Буревестник versus Альбатрос: Французский контекст творчества Максима Горького. — Москва: ООО «А Темп», 2018. — 492 с.
211. Ариас-Вихиль, М.А. “Дело Виктора Сержа” в письмах М.П. Кудашевой-Роллан (по материалам Архива А.М. Горького) // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2017. — Т. 76. — № 6. — С. 48 – 51.
212. Ариас-Вихиль, М.А. «Логика последовательного и крайнего гуманизма»: о новой книге Павла Басинского «Горький: страсти по Максиму» (Москва: АСТ, редакция Е. Шубиной, 2018) // Филологический класс. — 2018. — № 2(52). — С. 180-183.
213. Ариас-Вихиль, М.А. «Недостижимая добродетель альтруизма»: Максим Горький в итальянской критике. К 150-летию М. Горького. — Москва: Азбуковник, 2018. — 445 с.
214. Ариас-Вихиль, М.А. «Похищение Европы»: Парижский конгресс писателей в защиту культуры (1935) // Литература и война. Сборник статей к 90-летию Л.Г. Андреева. — Москва: МАКСПресс, 2013. — С. 108-121.
215. Ариас-Вихиль, М.А. «Русская революция готовилась на Капри…». Михаил Первухин о русской колонии на Капри (по материалам Архива А.М. Горького) // Studia Litterarum. — 2017. — Т. 2. — № 1. — С. 306-321.
216. Ариас-Вихиль, М.А. «С золотыми глазами козы…»: Муза Р. Роллана М.П. Кудашева и ее письма в Архиве А.М. Горького // Литература и идеология. Век двадцатый. Научная серия «Литература. Век двадцатый». — Москва: Макс-пресс, 2016. — С. 93-110.
217. Ариас-Вихиль, М.А. «Смеющиеся львы» европейской истории (по материалам переписки М. Горького и Р. Роллана) // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). — Москва: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 252-270.
218. Ариас-Вихиль, М.А. «Такова уж логика власти»: вопрос о репрессиях в СССР в беседе Роллана со Сталиным // Новейшие российские гуманитарные исследования. — 2013. — №7. — URL: nrgumis.ru›articles/article_full.php.

219. Ариас-Вихиль, М.А. «Французский текст» Осипа Мандельштама (к истории создания стихотворения «Я прошу, как жалости и милости…») // Дни франко-российских исследований. Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы. — Москва: Издательство Московского университета, 2013. — С. 23-32.

220. Ариас-Вихиль, М.А. А.М. Горький и издательская политика СССР (об одном из аспектов участия Горького в работе издательств (1928-1936) // Горький и Россия. Горьковские чтения 2012. — Нижний Новгород-ИМЛИ РАН: РИ «Бегемот», 2014. — С. 4-13.

221. Ариас-Вихиль, М.А. Альбатрос и Буревестник: метаморфозы символизма // Вестник славянских культур. — 2016. — № 4. — С. 115-125.

222. Ариас-Вихиль, М.А. Выбор источника текста при публикации «Московского дневника» Р.Роллана // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. – Москва: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 408 – 421.

223. Ариас-Вихиль, М.А. Глава «”Инженеры человеческих душ” и “социалистический реализм”: о встречах Сталина с писателями на квартире А.М. Горького в 1932 году (по материалам Архива А.М. Горького)» // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. — Москва: ИМЛИ РАН, 2015. — С. 644-668.

224. Ариас-Вихиль, М.А. Глава «Роллан и Горький: вокруг путешествия Роллана в СССР (1935)». Письма Р. Роллана советским корреспондентам (1928-1936) // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. — Москва: ИМЛИ РАН, 2015. — С. 59-151.

225. Ариас-Вихиль, М.А. Глава «Французская литература второй половины XX века» // Зарубежная литература XX века (под ред. В.М. Толмачева). Учебное пособие для ВУЗов. — Москва: Издательский центр «Академия», 2003. — С. 391-432.

226. Ариас-Вихиль, М.А. Глава «Французская литература второй половины XX века – начала XXI века» // Зарубежная литература XX века. В 2-х т. Том 2. Вторая половина XX века-начало XXI века (под ред. В.М. Толмачева). Учебное пособие для ВУЗов. — Москва: Издательство Юрайт, 2014. — С. 81-134.

227. Ариас-Вихиль, М.А. Горький и Италия: К 100-летию окончания каприйской одиссеи писателя (по материалам Архива А.М. Горького) // Максим Горький и художественная культура символизма. — Москва: Азбуковник, 2017. — С. 120-140.

228. Ариас-Вихиль, М.А. Горький и Парижский конгресс писателей в защиту культуры (1935) // М. Горький и мировая культура. Горьковские чтения-2010. — Нижний Новгород-ИМЛИ РАН: РИ «Бегемот», 2012. — С. 25-39.

229. Ариас-Вихиль, М.А. Горький и французские писатели // Русская словесность. — 2018. — №. 5. Электронное приложение.

230. Ариас-Вихиль, М.А. Горький, Роллан, Барбюс: дискуссия вокруг антироллановских выступлений журнала «Кларте» // Новейшие российские гуманитарные исследования. — 2012. — №7. — URL: nrgumis.ru›articles/343/.

231. Ариас-Вихиль, М.А. Из истории русско-итальянских литературных связей начала XX века: Максим Горький в зеркале итальянской критики // Новейшие российские гуманитарные исследования. — 2012. №7. — URL: nrgumis.ru›articles/343/.

232. Ариас-Вихиль, М.А. Командиры Гражданской войны: воспоминания Л. Арагона о В. Примакове и М. Тухачевском // Историография гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / Отв. ред. Д.С. Московская). — Москва: ИМЛИ РАН, 2018. — С. 544-558.

233. Ариас-Вихиль, М.А. Культура эпохи декаданса: «язык птиц» (Горький и Метерлинк)» // Европейские судьбы концепта культуры (Россия, Германия, Франция, англоязычный мир). — Москва: ИМЛИ РАН, 2011. — С. 242-265.

234. Ариас-Вихиль, М.А. М. Горький – претендент на Нобелевскую премию (по материалам Архива А.М. Горького)» // От Бунина до Пастернака: Русская

литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям. — Москва: Русский путь, 2011. — С. 62-89.

235. Ариас-Вихиль, М.А. Максим Горький и Ромен Роллан: историософия Востока и Запада (по материалам переписки) // Максим Горький и его творчество. К 150-летию со дня рождения. — Сеул: Пушкинский дом, 2018 . — С. 338-377.
236. Ариас-Вихиль, М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм» и подготовке Первого съезда советских писателей (стенограмма беседы с И.М. Гронским из Архива А.М. Горького) // Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации / Отв. ред. Д.С. Московская.— Вып. 1. — Москва: ИМЛИ РАН, 2019. — С. 67-114.
237. Ариас-Вихиль, М.А. Одиссея Максима Горького на «острове сирен»: русские на Капри как социокультурный феномен (по материалам статьи М. Первухина) // Toronto Slavic Quarterly. — 2007. — №6. — URL: http: // sites.utoronto.ca/tsq/17/arias17.shtml.
238. Ариас-Вихиль, М.А. Письма И.С. Шмелева Р. Роллану (по материалам Фонда Роллана Национальной библиотеки Франции) // И.С. Шмелев и писатели русского зарубежья. — Симферополь: Антиква, 2018. — С. 217-228.
239. Ариас-Вихиль, М.А. Планетарная утопия философии коллективизма: каприйский эксперимент // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. — Москва: Индрек, 2016. — С. 538-551.
240. Ариас-Вихиль, М.А. Почему русским детям вредно читать о Жанне д'Арк (издательская политика А.М. Горького в серии «Жизнь замечательных людей») // Новейшие российские гуманитарные исследования— 2011. — №6. — URL: nrgumis.ru›articles/article_full.php….
241. Arias-Vikhil, M. Le discours de bienvenue de Romain Rolland adressé au Congrès des écrivains de Sibérie (1928) // Tranferts culturels en Sibérie de l'Altai à la Iakoutie. — Paris : Demopolis, 2018. — P. 473-487 (на фр. яз.).

242. Ариас-Вихиль, М.А. Приезд Горького в СССР в 1928 году (по материалам советских газет и прессе русского зарубежья) // Казань в жизни и творчестве А.М. Горького и Ф.И. Шаляпина. — Казань: Школа, 2009. — С. 22-28.
243. Ариас-Вихиль, М.А. Пьеса М. Горького «На дне» в Италии: постановка труппы Татьяны Павловой 1926 г. (по материалам Архива А.М. Горького) // Studia litterarum. — 2018. — Т. 3. — № 1. — С. 266-281.
244. Ариас-Вихиль, М.А. Роль французских, немецких и советских интеллектуалов в подготовке Парижского конгресса писателей в защиту культуры 1935 г. (в свете новых архивных материалов) // Россия-Германия: литературные встречи (1880-1945) / Отв. ред. Т.В. Кудрявцева. – Москва: ИМЛИ РАН, 2017. — С. 400-422.
245. Ариас-Вихиль, М.А. Ромен Роллан о русской революции 1917 года (по материалам переписки с Максимом Горьким) // Литература и революция. Век двадцатый. – Вып. 4. – Москва: Литфакт, 2018. – С. 231-244.
246. Ариас-Вихиль, М.А. Ромен Роллан о русском национальном характере // Обретенное время: Сборник трудов памяти А.Д. Михайлова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2014. – С. 334-353.
247. Ариас-Вихиль, М.А. Советский индекс: критерии выбора иностранных писателей для публикации в СССР в 1920-30 гг. // Новейшие российские гуманитарные исследования. 2014. – №8.– URL: nrgumis.ru›articles/article_full.php.
248. Ариас-Вихиль, М.А. Эволюция образа М.Горького в «Московском дневнике» Р. Роллана // М. Горький – художник и революция. Горьковские чтения-1990. – Вып. 2. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992. – С. 157-164.
249. Ариас-Вихиль, М.А., Марченко, Т.В., Московская, Д.С. «Правда, которую так жаждал читатель»: Александр Солженицын в культуре XX века (к 100-летию со дня рождения писателя) // Вестник РАН. – 2018. –Т. 88. –№12. – С. 1131-1141.

250. Ариас-Вихиль, М.А., Чони, П. Воспоминания А.А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 3 (15). – С. 1-10.
251. Ариас-Вихиль, М.А., Чони, П. Воспоминания о Каприйской рабочей школы // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2019. – № 1 (19). – URL https: // www.novsu.ru/file/1520352
252. Ариас-Вихиль, М.А., Чони, П. К 110-летию создания Каприйской рабочей школы (1909 – 2019): Горький и история школы в воспоминаниях учеников (К.А.Алферов. Встречи с А.М.Горьким) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2019. – № 4 (22). – URL: https: // www.novsu.ru/file/1545843
253. Аросева, О., Максимова, В. Без грима. – Москва: Центрполиграф, 2003. – 381 с.
254. Аросева, О.А. Прожившая дважды: Возвращение из небытия. – Москва: АСТ, 2012. – 380 с.
255. Бабаян, Э. Ранний Горький. – Москва: Художественная литература, 1973. – 231 с.
256. Бабинцев, В.А. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник-2009. Левые во Франции. – Москва, 2009. – С. 208 – 220.
257. Багдасарян, В.Э., Орлов, И.Б., Шнайдген, Й.Й. и др. Советское Зазеркалье: Иностранный туризм в СССР в 1930 – 1980-е гг. – Москва: Форум, 2007. – 255 с.
258. Балахонов, В. Е. Ромен Роллан и его время. «Жан-Кристоф». – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1968. – 262 с.
259. Балахонов, В. Е. Ромен Роллан и его время. Ранние годы / В. Е. Балахонов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1972. – 197 с.
260. Балахонов, В.Е. Ромен Роллан в 1914-1924 годы. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1958. – 229 с.

261. Балашова, Т.В. Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920 – 1970. – Москва: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 5 – 26.
262. Балухатый, С. Критика о М. Горьком: Библиография статей и книг, 1893 – 1932. – Ленинград: ГИХЛ, 1934. – 593 с.
263. Балухатый, С. Литературная работа М. Горького. – Москва ; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. - 196 с.
264. Баранов, В.И. Горький без грима. Тайна смерти. Роман-исследование / В.И. Баранов. – Москва: Аграф, 1996. – 397 с.
265. Барахов, В.С. Драма Максима Горького: истоки, коллизии, метаморфозы / В.С. Барахов. – Москва: ИМЛИ РАН, 2004. – 380 с.
266. Барахов, В.С. Наедине с Горьким (все о недосказанном). – Москва: Полиграфсервис, 2010. – 351 с.
267. Басинский, П.В. Горький / Павел Басинский. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – 450 с.
268. Басинский, П.В. Миф и биография. [2 – е изд., доп.]. – СПб. : Вита Нова, 2008. – 560 с.
269. Басинский, П.В. Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти / Павел Басинский. – Москва: АСТ, Астрель, 2011. – 416 с.
270. Белая, Г.А. Дон-Кихоты 1920-х годов: «Перевал» и судьба его идей. – Москва: Советский писатель, 1989. – 399 с.
271. Бранденбергер, Д.Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931 – 1956 / Пер. Н. Алешиной, Л. Высоцкого. – Москва: Академический проект, 2009. – 415 с.
272. Бродский, Ю.А. Соловки: Двадцать лет Особого Назначения. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 528 с.
273. Быков, Д.Л. Был ли Горький? / Дмитрий Быков. – Москва: АСТ : Астрель, 2008. – 348 с.
274. Бялик, Б.А. Горький-драматург. – Москва: Советский писатель, 1977. – 639 с.

275. Бялик, Б.А. Судьба Максима Горького / Б. Бялик. – Москва: Художественная литература, 1973. – 364 с.
276. В Белом море красный СЛОН: Воспоминания узников Соловецкого лагеря особого назначения и литература о нем / Ред. М.А. Бабичева. – Москва: Пашков Дом, 2006. – 438 с.
277. Вайнберг, И. За горьковской строкой. – Москва: Советский писатель, 1976. – 480 с.
278. Ваксберг, А. Гибель Буревестника. М. Горький: последние 20 лет / Аркадий Ваксберг. – Москва; Санкт-Петербург: Терра-Спорт, 1999. – 356 с.
279. Вихавайнен, Т. Внутренний враг: Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. – СПб.: Коло, 2004. – 413 с.
280. Время Горького и проблемы истории: материалы и исследования. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 14. – Москва: ИМЛИ РАН, 2018. – 431 с.
281. Гангнус, А. На руинах позитивной эстетики // Новый мир. – 1988. – № 9. – С. 147-163.
282. Геллер, М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. – Москва: МиК, 1994. – 335 с.
283. Геллер, М. Я. Андрей Платонов в поисках счастья: [Посвящ. 100-летию со дня рождения] – Москва: МИК, 1999. – 428 с.
284. Геллер, М. Я. Концентрационный мир и советская литература. – Москва: МИК, 1996. – 319 с.
285. Геллер, М. Я. Разговоры о книгах. На «Свободе» о свободе. – Москва: МИК, 2003. – 224 с.
286. Геллер, М.Я. Российские заметки, 1969-1979. – Москва: МИК, 1999. – 567 с.
287. Геллер, М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – Москва: МИК, 2000. – 856 с.
288. Гернек, Ф. Альберт Эйнштейн. – Москва: Прогресс, 1966. – 244 с.
289. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). – Москва: ИРИ РАН, 2001. – 225 с.
290. Гладыш, С.Д. Дети большой беды. – Москва: Звонница, 2004. – 428 с.

291. Голдман, В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий / Пер. Л.Е. Сидиковой. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 334 с.
292. Голиченко, Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2. – С. 42 – 63.
293. Голубев, А.В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. – Москва: ИРИ РАН, 2004. – 276 с.
294. Голубев, А.В. «Добро пожаловать или посторонним вход запрещен»: к вопросу о закрытости межвоеного советского общества // Отечественная история. – 2004. – №4. – С. 32-42.
295. Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920-30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. – Москва: РАН, 2000. – С. 339-354.
296. Голубев, А.В., Невежин, В.А. ВОКС в 30-40-х годах // Минувшее. исторический альманах. – Москва; СПб.: Atheneum-Феникс, 1993. – С. 313-364.
297. Голубева, О.Д. Горький-издатель. – Москва: Книга, 1968. – 128 с.
298. Голубева, О.Д. Книгоиздательство «Парус» // Книга. Исследования и материалы. – Москва: Книга, 1966. – Сб. 12. – С.182-195.
299. Горлицкий, К., Хлевнюк, О. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / Пер. А.А. Пешкова. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 229 с.
300. Горький, Шмелев, Тэффи и другие [Texte imprimé]: юбилейный сборник к восьмидесятилетию Лидии Алексеевны Спиридоновой / Отв. ред. О.В. Шуган. – Москва: ИМЛИ РАН, 2015. – 270 с.
301. Гриднев, Ю.А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: 1925-1929 гг.: автореф. дис. к.и.н. – Москва, 2006. – 183 с.
302. Гриднев, Ю.А. Создание ВОКС. Задачи и цели // Историки размышляют: сборник статей под ред. Семенникова Л.И. – Москва: Звездопад, 2000. – С. 285-299.
303. Громов, Е. Сталин: Власть и искусство. – Москва: Республика, 1998. – 494 с.

304. Гуткина, И.Г. Общество друзей русского народа и присоединенных народов во Франции в годы первой русской революции // Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. ст. в память акад. Е.В. Тарле. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 615-632.

305. Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920-1970. / отв. ред. Т.В. Балашова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2002. – 954 с.

306. Добренко, Е. Функции и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм / Е. Добренко // Соцреалистический канон / [Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко]. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 390 – 433.

307. Добренко, Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: Академический проект, 1997. – 320 с.

308. Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте: материалы и исследования. – Москва: ИМЛИ РАН, 2017. – 374 с.

309. Дубинская, Т. Так начиналась горьковская «Летопись» // Вопросы литературы. – 1973. – № 6. – С. 57-75.

310. Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы. – Москва: НЛО, 2015. – 561 с.

311. Дэвид-Фокс, М. Тройная двусмысленность. Теодор Драйзер в советской России (1927 – 1928): Паломничество, похожее на обвинительную речь // Культуральные исследования / Ред. А. Эткинд, П. Лысаков. – СПб.; Москва: Европейский ун-т, Летний сад, 2006. – С. 290 – 319.

312. Дюшен, И.Б. «Жан Кристоф» Ромена Роллана / И. Б. Дюшен. – Москва: Худож. лит., 1966. – 142 с.

313. Евдокимов, А.В. Теория «Заката Европы» О. Шпенглера в восприятии М. Горького // Творчество М. Горького в социокультурном контексте эпохи.

Горьковские чтения, 2004. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2006. – С. 238-245.

314. Епанчин, Ю.Л. М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны . URL: http: // ruslitwwi.ru/files/attachment/335.pdf. (дата обращения 17 апреля 2017 г.)
315. Журавлев, С.В., Тяжельникова В.С. Иностранная колония в Советской России в 1920 – 1930-е годы (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 179 – 189.
316. За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / Ред. М. Гейер, Ш. Фицпатрик. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 677 с.
317. Заборов, П.Р. Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время» 1928 – 1934 Предисловие, публикация и комментарий П.Р. Заборова http: // pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2018/03/Zaborov_Instituty-2011.pdf // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011) http: // www.pushkinskijdom.ru. (дата обращения 24 мая 2015 г.)
318. Захарова, В.Т. Проза М. Горького Серебряного века: моногр. – Нижегород. пед. ун-т Н.Новгород: НГПУ, 2008. – 82 с.
319. Зенкин, С. Жития великих еретиков (фигуры иного в литературной биографии) // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – С. 123 – 139.
320. Иванов, В.В. Почему Сталин убил Горького? // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 91-134.
321. Ильина, И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. – Москва: ИРИ РАН, 2000. – 215 с.
322. Илюкович, А.И. Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. – Москва: Книжная палата, 1992. – 560 с.
323. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах / Отв. ред. Н.И. Владимиров, Н.В. Петров. – Москва: РОССПЭН, 2004 – 2005.
324. Кирпотин, В.Я. Ровесник железного века. – Москва: Захаров, 2006. – 842 с.

325. Киселева, Н.В. Из истории борьбы советской общественности за прорыв культурной блокады СССР (ВОКС: середина 20-х – начало 30-х годов). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – 157 с.
326. Кожинов, В.В. Правда сталинских репрессий. Драма «самоуничтожения». – Москва: ЭКСМО, Алгоритм, 2005. – 448 с.
327. Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 9 / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: ИМЛИ РАН, 2009. – 447 с.
328. Коренева, Е.И. Организация иностранного туризма в СССР в1920-1930-х годах // Российская история. – 2010. – №3. – С. 143-141.
329. Краева, Т.В. Путешествия в «воображаемую страну»: французские левые интеллектуалы о СССР (20-е – середина 30-х гг. XX в.) / Т. В. Краева // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. – № 5. – Сер. Интеллектуальная история. – Вып. 3. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 127-140.
330. Краева, Т.В. Французские левые интеллектуалы и Советский союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 96-106.
331. Краева, Т.В. Образ революции в системе представлений французских левых интеллектуалов. 1917-сер. 30-х гг. XX в. : диссертация... кандидата исторических наук. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.
332. Крайнева, Н.И. Шуточные стихи М.А. Кузмина с комментарием современницы // Новое литературное обозрение. – 1999. – №2. Инернет-ресурс: https: // magazines.gorky.media/nlo/1999/2/shutochnye-stihi-m-a-kuzmina-s-kommentariem-sovremenniczy.html (дата обращения 3 октября 2017 г.).
333. Кресова, М.Д. "Интурист" в 1929-1939 гг.: структура, кадры, направления деятельности.: автореф. дис. к.и.н. – Москва, 2004. – 28 с.

334. Крутикова, Н.Е. В начале века: Горький и символисты / Н.Е. Крутикова. – Kiev: Naukova dumka, 1978. – 305 с.
335. Кузьмин, Н.П. Противостояние (последний полет Буревестника): роман-хроника. – Москва: Профессионал, 2010. – 352 с.
336. Куликова, Г.Б. Из истории формирования культа личности Сталина (А. Барбюс и создание биографии «отца народов» в начале 1930-х гг.) // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 98 – 106.
337. Куликова, Г.Б. Под контролем государства: Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920 – 1930-х гг. // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 43 – 59.
338. Куликова, Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов. – Москва: ИРИ РАН, 2013. – 370 с.
339. Куликова, Г.Б. СССР 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. – № 1. – С. 4-24.
340. Левые в Европе в XX веке. Люди и идеи. – Москва: ИВИ РАН, 2002. – 463 с.
341. Легенькова, Е.А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элени Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2015. – №3. – С. 110-120.
342. Леонов, Л. Слово о Горьком. – Москва: Сов. Россия, 1971. – 39 с.
343. Литература о Горьком : материалы к библиографии. 1996-2000 / сост. Е.Б. Валуйская, отв. ред. Г.В. Бахарева. – СПб.: Наука, 2011. – 178 с.
344. Литература о Горьком : материалы к библиографии. 2001-2005 / сост. Е.Б. Валуйская, отв. ред. Г.В. Бахарева. – СПб.: Наука, 2014. – 190 с.
345. Литература о М. Горьком. 1976-1990. Библиографический указатель. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 526 с.
346. Лосев, А.Ф., Тахо-Годи, М.А. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана / А. Ф. Лосев, М. А. Тахо-Годи. – Москва: Наука, 2006. – 418 с.
347. Луков, В.А. Жан-Кристоф (роман Р. Роллана и его герой) // Современная французская литература. http: // 20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/lukov-

sovremennaya-francuzskaya-literatura/zhan-kristof-roman-rollana-i-ego-geroj.htm. (дата обращения 23 сентября 2015 г.)

348. М. Горький в эпоху революции 1905-1907 годов: материалы, воспоминания, исследования / Академия наук СССР, Институт мировой литерауры им. А.М. Горького. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 407 с.
349. Максименков, Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932 – 1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и др. // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 212-258.
350. Максименков, Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы: Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. – 2004. – № 3. – С. 274 – 342.
351. Максименков, Л.В. Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция 1936 – 1938 гг. – Москва: Юридическая книга, 1997. – 317 с.
352. Маркович, А.В. С кем спорил Клим Самгин? / Благовещ. пед. ун-т. – Благовещенск: БГПУ, 2013. – 208 с.
353. Медведева, Н.В. Переписка Р. Роллана с Оскаром и Эльзой Гартохами (1923 – 1937) // Максим Горький: взгляд из XXI века. – Москва: Наука, ИМЛИ РАН, 2010. – С. 348 – 355.
354. Михайловский, Б.В. Творчество М. Горького и мировая литература: 1892-1916 / Б.В. Михайловский. Академия наук СССР, Институт мировой литерауры им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1965. – 646 с.
355. Московская, Д.С., Ариас-Вихиль, М.А. Перспективы горьковедения в XXI в. По материалам Горьковского Юбилейного раздела журнала «Вестник Костромского государственного университета» // Вестник славянских культур. — 2018. — Т. 49. — С. 379-390.
356. Мотылева, Т.Л. Ромен Роллан /Т. Л. Мотылева. – Москва: Молодая гвардия 1969. – 378 с. (Серия ЖЗЛ).
357. Наваждения. К истории «русской идеи» во французской литературе XX века. Материалы российско-французского коллоквиума / Отв. ред. С.Л. Фокин. – Москва: Наука, 2005. – 233 с.

358. Неизвестный Горький: к 125-летию со дня рождения. Серия «М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования». Вып. 3 / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наследие, 1994. – 326 с.
359. Никитин, Е.Н. "Исповедь" М. Горького: новое прочтение / Е.Н. Никитин. – Москва: Наследие, 2000. – 163 с.
360. Нинов, А. М. Горький и "Летопись" // Нева. – 1966. – № 1. – С. 176-181.
361. Нинов, А. А.М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества / А. Нинов. – Ленинград: Советский писатель, 1984. – 557 с.
362. Новиков, В.В. Творческая лаборатория Горького-драматурга / В.В. Новиков. – Москва: Советский писатель, 1965. – 526 с.
363. Новый взгляд на Горького: Материалы научной конференции «Наследие М. Горького в контексте времени». Серия «М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования». Вып. 4 / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наследие, 1995. – 260 с.
364. О художественном мастерстве М. Горького: сб. ст. / Отв. ред. Б.М. Михайловский, Е.Б. Тагер]. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 417 с.
365. Обатнин, Г.В. Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: сб. ст. в честь 70-летия К.М. Азадовского. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 345 – 402.
366. Оболонкова, М.А. Дискурс войны и человек мира // История РФ. Федеральный портал. Интернет-ресурс: https: // docviewer.yandex.ru/view/853133607/ (дата обращения 11 февраля 2017 г.).
367. Овчаренко, А. М. Горький и литературные искания XX столетия. – Москва: Советский писатель, 1982. – 286 с.
368. Орлова, Р.Д. Воспоминания о непрошедшем времени. – Москва: Ex libris, 1993. – 398 с.

369. Осокина, Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928 – 1935 гг. – Москва: Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.
370. Очерки истории русской советской журналистики. 1917-1932. – Т. 1. – Москва: Наука, 1966. – 518 с.
371. Панков, Ю. Ромен Роллан против Первой мировой и Великой Октябрьской. Долгая дорога из архивов. Дневник военных лет // Совершенно секретно. – 2016. – №3/380. – 4 марта.
372. Парамонов, Б. Горький, белое пятно // Октябрь. – 1992. – № 5. – С. 146-167.
373. Пахсарьян, Н.Т. «Второй пол» Симоны де Бовуар и судьбы феминизма в современной французской литературе // Гендерная проблематика в современной литературе. – Москва: ИНИОН РАН, 2010. – С. 75-95.
374. Пахсарьян, Н.Т. Литературное высказывание о реальности и проблема художественного реализма // Филология в системе современного университетского образования. Материалы научной конференции 21 – 22 июня 2005. – Вып. 8. [В надзаг.: Университет Российской Академии образования. Филологический факультет. Кафедра истории мировой литературы. Кафедра общего языкознания и русского языка.] Редакционная коллегия: Н.А. Литвиненко, О.В. Карпова. – Москва: Издательство УРАО, 2006. – С. 3 – 11.
375. Пахсарьян, Н.Т. Сартр и Камю в зеркале друг друга: «Тошнота» и «Посторонний» // Лики времени. – Москва: МГУ, 2009.
376. Пахсарьян, Н.Т. Творчество В.П. Аксенова во Франции: переводы и рецензии // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Восьмые Андреевские чтения. – Москва: Экон-информ, 2010. – С. 350 – 356.
377. Пахсарьян, Н.Т. Французский экзистенциализм: Ж.-П. Сартр, А. Камю // Зарубежная литература XX века. Под ред. В.М. Толмачева. – Москва: Academia, 2003. – С. 4-24.

378. Петелин, В.В. Жизнь Максима Горького: "Я – каторжник, который всю жизнь работал на других..." / Виктор Петелин. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 715 с.
379. Петрова, Т.Г. Конгресс писателей в защиту культуры (Париж, 1935) в оценке советской и эмигрантской критики // Русское зарубежье. 2011. – С. 213-220.
380. Погорельская Е.И. Ромен Роллан и Анатолий Луначарский: из истории переписки (по материалам Государственного литературного музея) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке: Сборник. – Москва: ИВИ РАН, 2013. – С. 127 – 152.
381. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919 – 1943. Документы. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 958 с.
382. Полонский, В.В., Московская, Д.С., Ариас-Вихиль, М.А. «Он был биографией своего века…» А.М. Горький в контексте мировой культуры XX века // Вестник РАН. – Том 88. – № 6. – 2018. – С. 551 – 561.
383. Полонский, В.В., Московская, Д.С., Ариас-Вихиль, М.А. Гуманизм Максима Горького – писателя и общественного деятеля. К празднованию 150-летнего юбилея // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 4 (93). – С. 176-180.
384. Полонский, Вяч. О литературе. – М.: Сов. писатель, 1988. – 491 с.
385. Постижение Запада / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2015. – 871 с.
386. Примочкина, Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья / Н.Н. Примочкина. – Москва: ИМЛИ РАН, 2003. – 361 с.
387. Примочкина, Н.Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов / Н. Примочкина; РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: РОССПЭН, 1995. – 254 с.
388. Путешествие в Италию – путешествие в Россию: сборник статей по материалам Итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27-28 марта 2013 и 26-27 сентября 2013). – Москва: Тип. ВП-принт, 2014. – 272 с.

389. Россия и внешний мир: Диалог культур. Сб ст. / Отв. ред. Ю.С. Борисов. – Москва: ИРИ РАН, 1997. – 286 с.
390. Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / Ред. А.В. Голубев. – Москва: ИРИ РАН, 1998. – 334 с.
391. Рубинштейн, Дж. Жизнь и время Ильи Эренбурга: Верность сердцу и верность себе. – Москва: Академический проект, 2002. – 526 с.
392. Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая. – Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. – 117 с.
393. Слуцкая, Л.В. Анри Гильбо: «культурная пропаганда» французского интеллектуала (1919 – 1924 гг.) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. – Москва: ИВИ РАН, 2013. – С. 262-275.
394. Смирнова, А.Д. «Великий учитель земли русской» (последняя библиотека А.М. Горького). – Москва: ИМЛИ РАН, 2008. – 128 с.
395. Советское руководство: Переписка. 1928 – 1941 / Ред. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая и др. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 519 с.
396. Социалистический канон / ред. Х. Гюнтера и Е.Добренко. – СПб.: Академ. проект, 2000 – 1040 с.
397. Спиридонова, Л.А. Горький и Сталин: уступка за уступку // Литературная газета. – 2009. – 26 августа-1 сентября.
398. Спиридонова, Л.А. М. Горький: Диалог с историей. – Москва: Наследие, 1994. – 318 с.
399. Спиридонова, Л.А. М. Горький: новый взгляд. – Москва: ИМЛИ РАН, 2004. – 262 с.
400. Спиридонова, Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность / Л. А. Спиридонова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2013. – 439 с.
401. Сталин и Каганович: Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева и др. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 797 с.

402. Суматохина, Л.В. Горький и писатели Сибири. – Москва: ИНФРА – М, 2013. – 237 с.
403. Сухих, С. Заблуждение и прозрение Максима Горького. – Нижний Новгород: б.и., 1992. – 216 с.
404. Тайманова, Т.С. Борис Суварин в Москве: посвящение в советологию // Новейшая история России. – 2017. – № 18, 1. – С. 51-61.
405. Тайманова, Т.С. О смерти и славе лейтенанта Пеги // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 100-109.
406. Тайманова, Т.С. Французский рабочий о стране Советов: исторический опыт и литература // Новейшая история России. – 2015. – №3. – С. 121-130.
407. Тайманова, Т.С. Péguy, prophète de la Révolution russe de 1917 // L'Amitié Charles Péguy. – 2017. – № 158. – С. 111-122.
408. Тайманова, Т.С., Балабан, А.И. Литературные журналы русского Парижа: Недолгое плавание «Нового корабля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – № 7-1(160). – С. 95-99.
409. Тайманова, Т.С., Легенькова, Е.А. Виоллис о России, или «светотень» с востока // Литература и революция. Век двадцатый / Отв. ред. О. Панова. – Вып. 4. – Москва: Литфакт, 2018. – С. 216-230.
410. Тайманова, Т. С., Легенькова, Е. А. De Jean Coste, Misère biblique et socialiste // Le Porche: bulletin de l`Association des Amis du Centre Jeanne d`Arc-Charles Péguy (Russie, Pologne, Finlande). – 2017. – № 46-47. – С. 235-249.
411. Тайманова, Т. С., Легенькова, Е.А. Документальные свидетельства Бориса Суварина о трагедии советских писателей // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – № 64(1). – С. 277-292.
412. Тайманова, Т.С. Сибирь Доминика Фернандеза: травелог и место памяти // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – №1, 4. – С. 82-88.
413. Тайманова, Т.С. La Lyre et les Armes. Poètes en guerre: Péguy, Stadler, Owen, etc.(ouvrage collectif). – Paris: Classique Garnier, 2019. – P. 309-327.

414. Тайманова, Т.С., Легенькова, Е.А. Victor Serge, traducteur. Travaux de Litterature. – 2019.–XXXI. – P. 271-282.
415. Торчинов, В.А., Леонтюк А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 606 с.
416. Урицкая, Б.С. Ромен Роллан музыкант / Б. Урицкая. – Ленинград ; Москва : Советский композитор, 1971. – 271 р.
417. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 1930-е годы / Пер. Л.Ю. Пантиной. Изд. 2-е. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 332 с.
418. Фокин, С.Л. Русская идея" во французской литературе XX века / С. Л. Фокин. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2003. – 209 с.
419. Фрадкин, В.А. Дело Кольцова. – Москва: Вагриус, 2002. – 351 с.
420. Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. – Москва: ИВИ РАН, 2013. – 353 с.
421. Фрезинский, Б.Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919-1960 гг. – Москва: Эллис Лак, 2008. – 668 с.
422. Фюре, Ф. Прошлое одной иллюзии. – Москва: Ad Marginem, [1998]. – 639 с.
423. Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – Москва: РОССПЭН, 1996. – 294 с.
424. Хлевнюк, О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 478 с.
425. Хлевнюк, О.В., С. В. Мироненко. Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов и фотографий. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 448 с.
426. Холландер, П. Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928-1978. – СПб.: Лань, 2001. – 590 с.
427. Цирулев, А.Ф. Автобиографические трилогии Л.Н. Толстого и М. Горького (проблема «диалектики души»). – Н.Новгород : КиТиздат, 2012. – 288 с.

428. Шишкин, В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925 – 1931 гг.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 282 с.
429. Шлёгель, К. Террор и мечта. Москва 1937 / Пер. В.А. Брун-Цехового. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 741 с.
430. Эткинд, А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – 438 с.
431. Alaie Ahdieh, N. Romain Rolland, guerre et religion: rencontre avec la foi baha'ie / Nazy Alaie Ahdieh ; préface de Leïla Saberan-Mesbah. – Paris : l'Harmattan, 2015. – 274 p.
432. Arias-Vikhil, M. Autour du voyage de Romain Rolland en URSS (1935): le “Journal de Moscou” et l’entretien avec Staline // L’étranger dans la littérature et les arts soviètiques. – Septentrion, 2014 (Lille, Presses universitaires, France) – P. 273-282.
433. Arias-Vikhil’, M.A., Marchenko, T.V. and Moskovskaya, D.S. “The Truth That the Reader So Longed for” On the 100th Anniversary of the Birth of Academician A.I. Solzhenitsyn // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – № 6. – P. 251-230 (на англ. яз.).
434. Aron, P. Romain Rolland, Henri Barbusse et leurs amis belges: l’efficacité d’un réseau politico-littéraire // Les relations littéraires franco-belges de 1914 à 1940 / dir. par R. Frickx. – Bruxelles : Ed. de l'Univ. de Bruxelles, 1990. – P. 29-54.
435. Aron, R. Opium des intellectuels. – P.: Hachette, 2002. – 254 p.
436. Astier, P. Ecrivains français engagés: la génération littéraire de 1930. – P. : Nouvelles éditions Debresse édition, 1978. – 191 p.
437. Bacot, J.-F. Panait Istrati ou la conscience écorchée d’un vaincu // Moebius: écritures / littérature. – 1988. – № 35. – P. 95 – 114. – URL: http: // www.erudit.org/culture/moebius1006620/moebius1008587/15212ac.pdf (дата обращения: 10.07.2015).
438. Ballé, C. La sociologie des organisations. – P. : PUF, 2001. – 128 p.

439. Barratt, A. The early fiction of Maksim Gorky: six essays in interpretation / Andrew Barratt. – Nottingham: Astra press, 1993. – XI-155 p.

440. Barrère, J.-B. Roger Martin du Gard et Romain Rolland [Texte imprimé]: une amitié à distance / [Signé Jean-Bertrand Barrère] // Revue des sciences humaines. Janvier-mars 1962. – Lille : Faculté des lettres et sciences humaines. 1962. – P. 83-107.

441. Barrère, J.-B. Romain Rolland [Texte imprimé] : l'âme et l'art / Jean-Bertrand Barrère. – Paris : A. Michel, 1966. – 251 p.

442. Bedson, T., Schulz, M. Sowjetische Übersetzungskultur in den 1920er und 1930er Jahren: die Verlage Vsemirnaja literatura und Academia / Tatiana Bedson, Maxim Schulz. – Berlin : Frank & Timme, 2015. – 178 p.

443. Benoist, J.-P. Les Fonctions de l'ordre des mots en russe moderne: romans et nouvelles de Gorki / par Jean-Pierre Benoist. – Paris : Institut d'études slaves, 1979. – 373 p.

444. Blum, A. Charles Baudouin, Romain Rolland: une amitié à toute épreuve : conférence prononcée à la Médiathèque François Mitterrand à Clamecy, le 22 juin 2002 / Antoinette Blum. – Brèves: Cahiers de Brèves, 2004. – 31 p.

445. Boltanski, L. L’amour et la justice comme compétences: trois essais de sociologie de l’action. – Paris : Editions Métailié, 1990. – 381 p.

446. Boltanski, L., Thevenot L. De la justification: les économies de la grandeur. – Paris : Gallimard, 1991. – 485 p.

447. Bondeville, E. Institut de France. Académie des beaux-arts. Séance publique annuelle du 9 novembre 1966. Romain Rolland à la recherche de l'homme dans la création artistique, par M. Emmanuel Bondeville. – Paris: Firmin-Didot et Cie, 1966. – 30 p.

448. Bonnerot, O.H. L'esthétique de Romain Rolland: conférence prononcée à Paris le 31 janvier 2002 / Olivier Henri Bonnerot. – Brèves: Cahiers de Brèves, 2004. – 19 p.

449. Brancy, J.-Y. Romain Rolland, un nouvel humanisme pour le XXe siècle / Jean-Yves Brancy ; préface de Rémy Pech. – [Fabas] : J.-Y. Brancy, 2011. – 642 p.

450. Cauchy, P. Les chemins du Komintern // Communisme. – 1996. – № 47 – 48. – P. 3 – 12.
451. Caute, D. Le communisme et les intellectuels français 1914-1966. – Paris : Gallimard, 1967. – 474 p.
452. Caute, D. The Fellow-Travellers 1917-1968. – London: Quartet books, 1974. – 433 p.
453. Caute, D. The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism. Rev. ed. – New Haven: Yale University Press, 1988. – 352 p.
454. Champagne, P. Faire l'opinion, le nouveau jeu politique. – Paris : Minuit, 1990. – 333 p.
455. Charle, C. La république des universitaires. – Paris : Seuil, 1994. – 505 p.
456. Charle, C. Les intellectuels et la politique en France. – Paris : Seuil, 2001. – 452 p.
457. Charle, C. Naissance des "intellectuels" 1880 – 1900. – Paris : Minuit, 1990. – 271 p.
458. Cheval, R. Le coq et l'aigle / René Cheval. – Berne ; Frankfurt am Main ; Paris : P. Lang, 1990. – 270 p.
459. Cheval, R. Romain Rolland, l'Allemagne et la guerre [Texte imprimé] / René Cheval. – Paris: Presses universitaires de France, 1963. – XII-769 p.
460. Clark, K. Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931 – 1941. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011. – 344 p.
461. Clowes, E.W. Maksim Gorky: a reference guide / Edith W. Clowes. – Boston: G.K. Hall, 1987. – XXXVII-226 p.
462. Coeuré, S. La grande lueur a I'Est: Les français et I'Union sovietique (1917-1939). – Paris: Editions du Seuil, 1999. – 359 p.
463. Coeuré, S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. – Paris: éditions Noir sur Blanc, 2014. – 415 p.
464. Cohen, Y. Circulatory Localities : The Example of Stalinism in the 1930s » // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. – 2010. – 11-1. P. 11-45.

465. Colton, T. Moscow: Governing the Socialist Metropolis. – Cambridge: Harvard University Press, 1995. – 939 p.
466. Conquest, R. Reflections on a Ravaged Century. – New York: Norton, 2001. – 317 p.
467. Corbellari, A. Les mots sous les notes: musicologie littéraire et poétique musicale dans l'oeuvre de Romain Rolland / Alain Corbellari. – Genève : Librairie Droz, 2010. – 383 p.
468. Courtois, S. et al. Le livre noir du communisme. Crimes, terreur, repression. – Paris : Robert Laffont, 1997. – 846 p.
469. Cousu de fil rouge: Voyages des intellectuels français en Union soviétique. ‘Cousu de fil rouge’. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des archives russes, dir. et préface par S. Coeuré, avec R. Mazuy, E. Eniskina, G. Kuznetsova, V. Gousseff. – Paris : CNRS Editions, 2012. – 379 p.
470. Dosse, F. La marche des idées. Histoire des intellectuels – histoire intellectuelle. – Paris : PUF, 2003. – 493 p.
471. Dadoun, R. Contre la haine: l'amitié Hermann Hesse-Romain Rolland / Roger Dadoun. – Marseille: Via Valeriano; Paris : L. Scheer, 2002. – 90 p.
472. David-Fox, M. From Illusory «Society» to Intellectual «Public»: VOKS, International Travel, and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period // Contemporary European History. – 2002. – Vol. 11. – №. 1. – P. 7-32.
473. David-Fox, M. Science, Political Enlightenment and Agitprop: On the Typology of Social Knowledge in the Early Soviet Period // Minerva. – 1996. – Vol. 34. – № 4. – P. 347-366.
474. David-Fox, M. Stalinist Westernizer? Aleksandr Arosev's Literary and Political Depictions of Europe // Slavic Review. – 2003. – Vol. 62. – № 4. – P. 733-759.
475. David-Fox, M. The «Heroic Life» of a Friend of Stalinism: Romain Rolland and Soviet Culture // Slavonica. – 2005. – Vol. 11. – № 1. – P. 3-29.
476. Debray, R. I.F. Suite et fin. – Paris : Gallimard, 2000. – 187 p.
477. Debray, R. Le Pouvoir intellectuel en France. – Paris :Ramsay, 1979. 251 p.

478. Di Scanno, T. Romain Rolland [Texte imprimé] : l'uomo e l'opera / Teresa Di Scanno. – Parma : Guanda, 1957. – 306 p.
479. Dichamp, M. "Vers la belle Eurasie" / Marcel Dichamp // Philologica Pragensia, X, 1967 – Prague: Nakladatelstvi Československé akademie věd, 1967. – P. 182-184.
480. Duchatelet, B. Histoire et Mystique dans "L'annonciatrice" [Texte imprimé] / Bernard Duchatelet. – Brest: Université de Bretagne occidentale, 1985. – P. 59-72.
481. Duchatelet, B. Répertoire chronologique des lettres publiées de Romain Rolland [Texte imprimé] / Bernard Duchatelet ; [publié par l'] Université de Bretagne occidentale. – Brest : Université de Bretagne occidentale, 1981. – XVI p.
482. Duchatelet, B. Romain Rolland et Beethoven, l'ultime sonate: conférence prononcée à Vézelay le 8 septembre 2007 / Bernard Duchatelet. – Brèves : Cahiers de Brèves, impr. 2008. – 29 p.
483. Duchatelet, B. Romain Rolland et le rêve d'une "cité d'art nouvelle": "la cathédrale de l'esprit européen": conférence d'ouverture prononcée le 6 octobre 1995 au 3e colloque international "Ruggero Leoncavallo nel suo tempo". Bibliothèque cantonale de Locarno / Bernard Duchatelet. – [S.l.] : [B. Duchatelet], 1995. – 15 p.
484. Duchatelet, B. Romain Rolland tel qu'en lui-même / Bernard Duchatelet. – Paris: A. Michel, 2002. – 447 p.
485. Duchatelet, B. Romain Rolland: la pensée et l'action : mélanges offerts à Mr le professeur Bernard Duchatelet. – Brest: Université de Bretagne occidentale : CNRS : Centre d'étude des correspondances des XIXe et XXe siècles, 1997. – 358 p.
486. Duchatelet, B. Un nouveau regard sur Romain Rolland: conférence prononcée à Paris en Sorbonne le 12 décembre 2002 / Bernard Duchatelet. – Brèves: Cahiers de Brèves, 2004. – 23 p.
487. Dullin, S. Des Hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930-1939. – Paris : Payot, 2001. – 383 p.
488. Durkheim, E. L'Individualisme et les intellectuels // Revue bleu. – 1998. – S.4. – T.X. – P. 7 – 13 (http: //

www.uqac.uquebec.ca/zone30/Classiques_des_sciences_sociales/classiques/Durkheim_emile/sc_soc_et_action/texte_3_10/individualisme.pdf).

489. Duval, J., Gaubert, C., Lebaron, F., Marchetti, D., Pavis, F. Le “décembre” des intellectuels français. – Paris : Liber — Raisons d’agir, 1998. – 121 p.
490. Elder, M. Deux essais: Octave Mirbeau, Romain Rolland / Marc Elder. – Paris: G. Crès, 1914. – 124 p.
491. Fayet, J.-F. Karl Radek: Biographie politique. – Bern: Peter Lang, , 2004. – 813 p.
492. Fayet, J.-F. La Société pour les échanges culturels entre l'URSS et l'étranger (VOKS) // Relations Internationales. – 2003. – №115. – P. 411-423.
493. Fayet, J.-F. VOKS: The Third Dimension of Soviet Foreign Policy // Jessica C. E. Gienow-Hecht & Mark C. Donfried (eds.) Searching for a Cultural Diplomacy. – Oxford – New York: Berghahn Books, 2010. – P. 33-49.
494. Fayet, J.-F. VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique dans l'entredeuxguerres. – Genève: Georg Editeur, 2014. – 598 p.
495. Finkel, S. An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s // Kritika. 2004. – Vol. 5. – № 2. – P. 299-320.
496. Fisher, D.J. Romain Rolland and the politics of intellectual engagement / David James Fisher. – Berkeley: University of California press, 1988. – XIII-378 p.
497. Fitzpatrick, S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 288 p.
498. Fitzpatrick, S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. – Ithaca, 1992. – 264 p.
499. Florence et Élie Halévy. Six jours en URSS (septembre 1932). Récit de voyage inédit, préface et notes par Sophie Cœuré, postface par Henriette Guy-Loë. – Presses de l'École normale supérieure, 1998. – 137 p.
500. Flores, M. L'immagine dell'URSS. L'Occidente e la Russia di Stalin (1927-1956). – Milano: Il saggiatore, 1990. – 434 p.

501. Fraisse, L. Marcel Proust et le "Jean-Christophe" de Romain Rolland: conférence prononcée à Paris en Sorbonne le 17 novembre 2005 / Luc Fraisse. – Brèves : Cahiers de Brèves, 2006. – 23 p.
502. Getty, J.A., Naumov, O. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. – New Haven: Yale University Press, 1999. – 635 p.
503. Goetchel, P., Loyer, E. Histoire intellectuelle et culturelle de la France au XXme sicle. – Paris : Ellipses, 1994. – 167 p.
504. Goldman, W.Z. Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 274 p.
505. Gorlizki,Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946-1953 // Journal of Modern History. – 2002. – Vol. 74. – P. 699-736.
506. Götzfried, H.L. Romain Rolland: das Weltbild im Spiegel seiner Werke / von Hans Leo Götzfried. – Stuttgart : J. Engelhorns Nachf., 1931. – 176 p.
507. Gourfinkel, N. Gorki / Nina Gourfinkel. – Paris: Seuil, 1977. – 190 p.
508. Graham, L.R. The Ghost of the Executed Engineer: Technology and the Fall of the Soviet Union. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. – 128 p.
509. Graziosi, A. "Visitors from other times": foreign workers in the prewar piatiletki // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1988. – №2. – P. 161-180.
510. Gugenheim, S. Romain Rolland e l'Italia / Susanna Gugenheim. – Milano : Istituto editoriale cisalpino, 1955. – 143 p.
511. Hagenloh, P. Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926-1941. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. – 460 p.
512. Halfin, I. Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. – 485 p.
513. Hamon, H., Rotman, P. Les Intellocrates. – Paris : Ramsay, 1981. – 331 p.
514. Harris, F.J. Andre Gide and Romain Rolland: Two Men Divided. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1973. – 282 p.

515. Hellbeck, J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalinism. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. – 436 p.
516. Hollander, P. Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society. 4th ed. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1998. – 526 p.
517. Hourmant, F. Au pays de l'avenir radieux: Voyages des intellectuels français en URSS, a Cuba et en Chine populaire. – Paris: Aubier, 2000. – 281 p.
518. Il mito dell'Urss. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica a cura di Flores M. e Gori F. – Milano: Angeli, 1990. – 446 p.
519. Imagining the West in Eastern Europe and the Soviet Union / Ed. G. Peteri. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2010. – 330 p.
520. Jacquet-Pfau, C. Corpus d'enquête: 1900-1930. 1, Maurice Barrès, Paul Claudel, Romain Rolland / enquêtes réunies et présentées par Christine Jacquet-Pfau ; préf. de Sergio Zoppi et Michel Decaudin. – Fasano: Schena; Paris: Nizet, 1995. – 233 p.
521. Journées internationales Romain Rolland (2008; Vézelay, Yonne). Romain Rolland, une oeuvre de paix: actes du colloque de Vézelay, 4 et 5 octobre 2008 / [Journées internationales Romain Rolland] ; [organisées par l'Association Romain Rolland] ; textes rassemblés et présentés par Bernard Duchatelet. – Paris : Publications de la Sorbonne, 2010. – 222 p.
522. Journées internationales Romain Rolland (2012; Vézelay, Yonne). Romain Rolland et la musique / [Journées internationales Romain Rolland, Vézelay, 6-7 octobre 2012] ; [organisées par l'Association Romain Rolland] ; sous la direction de Bernard Duchatelet. Rolland R. Suivi de Mélusine : scénario inédit de Romain Rolland / [texte établi et annoté par Roland Roudil] – Dijon : Éd. universitaires de Dijon, 2013. – 279 p.
523. Julliard, J., Winock, M. Dictionnaire des intellectuels franais. Les personnes, les lieux, les moments. – P. : Seuil, 2009. – 1530 p.
524. Jumsai-Uwanno, P. Lecture sémiologique du Théâtre de la révolution de Romain Rolland [Texte imprimé] / Parichart Jumsai. – Thèse 3ème cycle: Théâtre: Paris 3: 1980. – 316 p.

525. Kastinger Riley, H. Romain Rolland / Helene M. Kastinger Riley. – Berlin: Colloquium, 1979. – 94 p.
526. Katzer, N. Maksim Gorkijs Weg in die russische Sozialdemokratie / Nikolaus Katzer. – Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1990. – 259 p.
527. Kempf, M. Romain Rolland et l'Allemagne [Texte imprimé] / Marcelle Kempf. – Paris : Nouvelles éditions Debresse, 1962. – 298 p.
528. Klepsch, M. Romain Rolland im Ersten Weltkrieg: ein Intellektueller auf verlorenem Posten / Michael Klepsch. – Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer, 2000. – 312 p.
529. Kristeva, J. Une désinformation // Le Nouvel Observateur. – 1997. – № 1716. – 25 septembre – 1 octobre. – P. 122.
530. Kupferman, F. Au pays des soviets. Le voyage français en Union Soviétique, 1917-1939. – Paris : Gallimard, 1979. – 188 p.
531. Kusturica, N. Dramski triptihon Maksima Gorkog o inteligenciji: epoha prve ruske revolucije / Nazif Kusturica. – Sarajevo : Veselin Masleša, 1981. – 221 p.
532. L'attachement au terroir: Romain Rolland et sa petite patrie : catalogue de l'exposition présentée à Vézelay les 2 et 3 octobre 2004 à l'occasion des Journées internationales Romain Rolland / Société scientifique et artistique de Clamecy, Médiathèque François Mitterrand de Clamecy. – Brèves : Cahiers de Brèves, 2005. – 51 p.
533. Lahusen, T. How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. – Ithaca: Cornell University Press, 1997. – 247 p.
534. Le Centenaire de la naissance de Romain Rolland en R. D. A. Rencontres spirituelles avec Romain Rolland [Texte imprimé]. – [Berlin] : Deutsch-französische Gesellschaft in der Deutschen Demokratischen Republik, [1966]. 49 p. – Articles de (Alfred) Kurella, (Manfred) Naumann, (Ludwig) Renn, (Maximilian) Scheer, (Gerhard) Schewe.
535. Le Intellectuels des années trente: entre le rêve et l'action. – Paris : CNRS, 1989. – 280 p.

536. Le Rider, J. Romain Rolland et Malwida von Meysenbug: conférence prononcée à la Sorbonne, Amphithéâtre Louis Liard, le 30 octobre 2003 / Jacques Le Rider. – Brèves: Cahiers de Brèves, 2004. – 31 p.
537. Leclerc G. Sociologie des intellectuels. – Paris : PUF, 2003. – 128 p.
538. Legenkova, E., Taimanova, T. Entre traduction et écriture. Traduire pour assurer son existence d'écrivain // Travaux de Litterature. – 2018. – № 31. – P. 271-282.
539. Leymarie, M. Les intellectuels et la politique en France. – Paris : PUF, 2001. – 128 p.
540. Lo Gatto, E. In Russia. – Editrice Dante Alighieri, 1938. – 126 p.
541. Lo Gatto, E. Mosca. – Milano: Giacomo Agnelli, 1934. – 262 p.
542. Malaparte, C. Il ballo al Kremlino. – Milano: Adelphi, 2012. – 417 p.
543. Malaparte, C. Intelligenza di Lenin. – Milano: Treves, 1930. – 176 p.
544. Malaparte, C. Tecnica del colpo di Stato. – Milano: Adelphi, 2011. – 170 p.
545. March, H. Romain Rolland / by Harold March. – New York: Twayne, 1971. – 168 p.
546. Margulies, S.R. The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937. – Madison: University of Wisconsin Press, 1968. – 290 p.
547. Marsh, C. File on Gorky / compiled by Cynthia Marsh. – London : Methuen, 1993. – 104 p.
548. Marsh, C. Maxim Gorky: Russian dramatist / Cynthia Marsh. – Bern : P. Lang, cop. 2006. – 382 p.
549. Massis, H. Jugements. [2], André Gide – Romain Rolland – Georges Duhamel – Julien Benda – Les chapelles littéraires / Henri Massis. – Paris : Librairie Plon, Plon-Nourrit et Cie, 1924. – 292 p.
550. Massis, H. Romain Rolland contre la France / Henri Massis. – Paris : H. Floury, 1915. – 40 p.
551. Mastfi, M.A. L' objet dans le para-texte du théâtre de la révolution de Romain Rolland / par Mastfi Mohammed. – Rabat, 1988. – 291 p.
552. Mayer, A.J. The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 716 p.

553. Mazuy, R. Croire plutot que voir? Voyages en Russie sovietique (1919 – 1939). – Paris: Odile Jacob, 2002. – 369 p.
554. Meyer-Plantureux, C. Les metteurs en scène de Romain Rolland: un itinéraire politique : conférence prononcée au Grand auditorium de Dijon, le 13 juin 2003 / Chantal Meyer-Plantureux. – Brèves: Cahiers de Brèves, 2004. – 40 p.
555. Meyer-Plantureux, C. Romain Rolland, Jean-Richard Bloch: l'échange théâtral : correspondance, 1910-1944 / Chantal Meyer-Plantureux. – Brèves : Cahiers de Brèves, 2006. – 38 p.
556. Meyer-Plantureux, C. Romain Rolland: théâtre et engagement / Chantal Meyer-Plantureux. – Caen : Centre de recherche d'histoire quantative, Université de Caen Basse-Normandie, 2012. – 204 p.
557. Motyleva, T.L. Romain Rolland au tournant décisif / Tamara Motyljowa. – [S. l.]: [s. n.], [1972] // La Pensée. – №163. – Juin 1972. – P. 99-114.
558. Neumann, I.B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. – London; New York: Routledge, 1996. – 253 p.
559. Nicolai, G.M. Sovietlandia. Viaggiatori italiani nell'Unione Sovietica. – Roma: Bulzoni Editore, 2009. – 458 p.
560. Nora, P . (éd.). Essais d'Ego-histoire. – Paris: Gallimard, 1987. 385 p.
561. Okamoto, N. La critique musicale par trois écrivains: Romain Rolland, André Suarès, Jacques Rivière / Naoko Okamoto. – Lille : A.N.R.T., 2010. – 302 p.
562. Ory, P. La belle illusion: Culture et politique sous le signe du Front populaire 1935-1938. – Paris: Plon, 1994. – 1033 p.
563. Ory, P. La Revue Europe à l'époque de Jean Guéhenno (1929-1936) // Hommage à Jean Guéhenno. Actes du colloque organisé sous l'égide de l'Unesco, 1990.
564. Parienté, R. André Suarès, Romain Rolland: les amis désunis : conférence prononcée à Vézelay, le 18 septembre 1999 / Robert Parienté. – Brèves : Cahiers de Brèves, 2005. – 23 p.
565. Permanence et pluralité de Romain Rolland [Texte imprimé]: actes du colloque tenu à Clamecy, 22-24 septembre 1994 / [organisé par le] Conseil général de la Nièvre; [avec la collab. de la Bibliothèque nationale de France et de la Chancellerie

des universités de Paris]; [publ. par Anne-Marie Chagny-Sève]. – Nevers : Conseil général de la Nièvre, 1995. – 341 p.

566. Pérus, J. Correspondance Romain Rolland – Maxime Gorki / Préface et notes de J. Pérus. – Paris: Albin Michel, 1991. – 542 p.
567. Pérus, J. Romain Rolland et Maxime Gorki / Jean Pérus. – Paris: Éditeurs français réunis, 1968. – 367 p.
568. Picart Le Doux, J. Romain Rolland, homme de paix / Jean Picart Le Doux. – Paris: [J. Picart Le Doux], 1978. – 14 p.
569. Pieper-Rertimann, U. Die Rolle der Schweiz in Romain Rollands politischen Schriften zum Ersten Weltkrieg / von Ursula Pieper-Reutimann. – Zürich: Zentralstelle der Studentenschaft, 1983. – 260 p.
570. Poznanski, R. Intelligentsia et Révolution [Texte imprimé] : Blok, Gorki et Maïakovski face à 1917 / Renée Poznanski. – Paris : Éditions Anthropos, 1981. – 246 p.
571. Prévost-Boudard, O. Une jeune fille chez les Rolland: souvenirs de quatre années passées au service de Marie et Romain Rolland (1941-1944) / Odette Prévost-Boudard ; préface de Geneviève Pascaud. – Brèves: Association Romain Rolland Mémoire et rencontres autour d'un grand Européen, 2004. – 51 p.
572. Prochasson, C. Au nom de la Patrie. Les intellectuels et la Première guerre mondiale 1910-1919. – Paris: Decouverte, 1996. – 302 p.
573. Prochasson, C. Les intellectuels, le socialisme et la guerre, 1900-1938. – Paris: Seuil, 1993. – 354 p.
574. Quéhec, D. Journal d'une mise en scène: "Les Enfants du soleil" / Dominique Quéhec. – Rennes: Centre dramatique national de Bretagne, 1985. – 91 p.
575. Racine, N. Antifascistes et pacifistes: Le Comité de Vigilance des intellectuels antifascistes // Des années trente, textes réunis par Roche (Anne) et Tarting (Christian). – Paris: CNRS, 1985. – 365 p.
576. Racine, N., Trebitsch, M. Intellectuelles. Du genre en histoire des intellectuels. – Bruxelles : Complexe, 2004. – 346 p.
577. Revel, J.F. La tentation totalitaire. – Paris: Laffont, 1976. – 369 p.

578. Robel, L. Histoire de la neige. La Russie dans la littérature française. – Paris: Hatier, 1994. – 299 p.
579. Robichez, J. Romain Rolland [Texte imprimé] / Jacques Robichez. – Paris: Hatier, 1961. – 239 p.
580. Roos, J. Études de littérature générale et comparée / Jacques Roos ; [publié par l'] Association des publications près les universités de Strasbourg. – Paris : Éditions Ophrys, 1979. – XII-140 p.
581. Saint-Cheron, M. Romain Rolland, André Malraux: la passion de l'Inde : texte de la conférence prononcée à la Sorbonne, le 17 février 2005 / Michaël de Saint-Cheron; photos de Gisèle Freund. – Brèves: Cahiers de Brèves, 2005. – 23 p.
582. Scarfoglio, C. Nella Russia di Stalin. Russian tour. – Firenze: Vallecchi Editore, 1941. – 513 p.
583. Scherr, B. Maxim Gorki / by Barry P. Scherr. – Boston: Twayne, 1988. – 140 p.
584. Sénéchal, C. Romain Rolland / Christian Sénéchal. – Paris: Éditions de "la Caravelle", 1933. – 132 p.
585. Sesterhenn, R. Das Bogostroitel'stvo bei Gor'kij und Lunačarskij bis 1909: zur ideologischen und literarischen Vorgeschichte der Parteischule von Capri / Raimud Sesterhenn. – München : O. Sagner, 1982. – 366 p.
586. Sheridan, A. Andre Gide: A Life in the Present. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. – 752 p.
587. Sipriot, P. Guerre et paix autour de Romain Rolland [Texte imprimé] : le désastre de l'Europe, 1914-1918 / Pierre Sipriot. – Étrépilly: Bartillat, 1997. – 430 p.
588. Sipriot, P. Romain Rolland / Pierre Sipriot. – [Paris]: Desclée, De Brouwer, 1968. – 141 p.
589. Sirinelli, J. F. Le hasard ou la nécessité? Une histoire en chantier: l'histoire des intellectuels // Vingtime sicle. Revue d'histoire. – 1986. – № 9 (janvier – mars). – P. 97-108.
590. Sirinelli, J.F. Génération intellectuelle: khâgneux et normaliens de l'entre-deux-guerres. – Paris: Fayard, 1988. – 721 p.

591. Sirinelli, J.F. Intellectuels et passions françaises: manifestes et pétitions au XXe siècle. – Paris: Fayard, 1990. – 365 p.
592. Souvarine, B. A contre-courant. – Paris: Denoel, 1986. – 366 p.
593. Stalin: A New History / Eds. S. Davies, J. Harris. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 295 p.
594. Starr, W.T. Romain Rolland and a world at war [Texte imprimé] / by William Thomas Starr. – Evanston: Northwestern university press, 1956. – XII-223 p.
595. Stern, L. Moscow 1937: The Interpreter's Story // Australian Slavonic and East European Studies. – 2007. – Vol. 21. – № 1-2.
596. Stern, L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920 – 1940: From Red Square to the Left Bank. – London: Routledge, 2007. – 269 p.
597. Suarès, A. Cette âme ardente...: choix de lettres d'André Suarès à Romain Rolland (1887-1891) / préf. de Maurice Pottecher ; avant-propos et notes de Pierre Sipriot. – Paris: Albin Michel, 1954. – 401 p.
598. Taimanova, T. S. The French worker about the Soviet union: Historical experience and literature // Modern History of Russia. – 2015. – № 3. – P. 121-130.
599. Taricone, F. Romain Rolland: pacifista libertario e pensatore globale / Fiorenza Taricone. – Napoli : Guida editori, 2017. – 331 p.
600. Terry, G.M. Maxim Gorky in English: a bibliography / compiled by Garth M. Terry. 2nd rev. and enlarged ed. – Cotgrave: Astra press, 1992. – 44 p.
601. The God That Failed. A confession by Louis Fischer, André Gide, Arthur Koestler, Ignazio Silone, Stephen Spender, Richard Wright / Richard Crossman ed. – New York: Harper & Brothers, 1949. – 272 p.
602. The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space / Eds. K. Clark, E. Dobrenko. – Seattle: University of Washington Press, 2003. – 315 p.
603. The Universality of man: the message of Romain Rolland / addresses and papers of international seminar organised jointly by the Sahitya Akademi and Festival of France in India, 15-17 January 1990; edited by Sibnarayan Ray. – New Delhi : Sahitya Akademi, 1992. – 184 p.

604. Trebitsch, M., Granjon, M.C. Pour une histoire comparée des intellectuels. – Bruxelles : Complexe, 1998. – 176 p.
605. Trebitsch, M., Racine, N. Intellectuels engagés d'une guerre à l'autre // Cahiers de l'Institut d'Histoire du Temps présent. – 1994. – Mars.
606. Troyat, H. Gorki [Texte imprimé] / Henri Troyat. – [Paris] : [le Grand livre du mois], 1986. – 260 p.
607. Troyat, H. Trois géants / Henri Troyat. – Paris : Omnibus, impr. 2011. 307 p.
608. Vaksberg, A. Le mystère Gorki / Arcadi Vaksberg ; trad. du russe par Dimitri Sesemann. – Paris : A. Michel, 1997. – 453 p.
609. Valabrègue, J.-P. Romain Rolland et la métaphore: la solitude de l'homme de vigie / Jean-Pierre Valabrègue. – Paris : l'Harmattan, 2011. – 198 p.
610. Verdes Leroux, J. Refus et violences, Politique et littérature à l'extrême droite des années trente aux retombées de la Libération. – Paris: Gallimard, 1996. – 514 p.
611. Winock, M. Le siècle des intellectuels. – Paris: Seuil, 1999. – 885 p.
612. Yidlin, T. Maxim Gorky: A Political Biography. – Westport: Praeger, 1999. – 260 p.